

PA 295890

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ
— забота общая

•
ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ
•

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР СЕМЬИ

РОМАНОВЫХ

Милому
Александрю
Александровичу -
на горную пасть,
с зубом секретно
и сердцем угаждану.
Валентин Нелай.
Раченское - б. 10.09.84г.

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ ***– забота общая***

***ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ***

Москва
1983

83.3/2 = P4C16
8P2
H81-59

*Ответственный редактор и автор предисловия
секретарь правления Союза писателей РСФСР
Валерий Дементьев*

Составитель Е. Языкова

Н $\frac{4603010102-301}{M106 (03)-83}$ 286-83

- ББК83.3P7
8P2

Мир человека и земля

Предисловие

В настоящее время крылатыми стали слова: «Нечерноземье — забота общая». И это действительно так. В материалах XXVI съезда КПСС было сказано, что программа мероприятий по развитию коренных российских областей, намеченная партией и правительством, ныне успешно выполняется. Следует также подчеркнуть, что ЦК КПСС были одобрены обязательства ряда союзных республик, которые активно включились в это всенародное дело — дело обновления Нечерноземья, — и вместе с тем было отмечено, что решить эту неотложную задачу можно лишь совместными усилиями всех братских республик и по возможности в короткие сроки.

Еще большую актуальность проблемы развития этой зоны приобрели в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и принятой им Продовольственной программы на все текущее десятилетие.

На обширных пространствах Российской Федерации, в которую, как известно, входят двадцать девять областей и автономных республик и в которой проживает более шестидесяти миллионов человек, предусматривается ускоренный рост производства продуктов земледелия и животноводства, коренное улучшение социально-культурных условий жизни сельского населения.

Очевидно, что осуществление этой большой политики, которая была разработана на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС и которая направлена на стирание социальных различий между городом и деревней, кровно взволновало, воодушевило деятелей культурного фронта — партийных работников, писателей, публицистов, журналистов. Ибо в ходе культурного строительства на селе действительно выявляется сложный комплекс вопросов, в которых доминирующее значение имеет и хозяйственно-экономическая и социально-нравственная проблематика, отношение людей к производству, к земле, к судьбе урожая, труду, друг другу и т. д. И во всех формах и видах повседневной творческой деятельности человека — об этом говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов на ноябрьском (1982 г.) Пленуме Центрального Комитета партии, — должна развиваться и должна иметь место инициатива.

Таким образом, в свете Продовольственной программы проблемы развития Нечерноземной зоны еще больше укрупнились, стали намного значительнее.

Поскольку литература как важнейшая часть духовного потенциала общества неразрывно связана с разнообразными сферами культурного и морально-этического самочувствия современника, то писатели и публицисты, критики и очеркисты не стоят в стороне от глубинных процессов, которые происходят в наши дни. Творческая интеллигенция приняла близко к сердцу недавнее постановление Пленума Центрального Комитета КПСС «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». В этом постановлении, содержащем всесторонний анализ литературной жизни последних лет, намечены разнообразные направления активизации художественного творчества, плодотворных творческих поисков, укрепления связей с коллективами промышленных предприятий, строек, колхозов и совхозов. Стремление творческих работников быть в гуще жизни, углублять содружество с производственными коллективами, несомненно, послужит созданию новых произведений о делах и людях наших дней.

Многонациональный отряд российских литераторов в последние годы особенно горячо участвует в многообразных процессах преобразования Нечерноземья. За последнее время состоялось немало встреч с сельскими тружениками этой зоны, в числе которых особенно памятен писательский форум в Костроме, где было проведено, говоря официальным языком, расширенное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. Некоторые материалы этого обсуждения получили отражение в сборнике издательства «Современник».

К слову сказать, писателям, вероятно, можно было бы предъявить счет в горячности или даже запальчивости, но только не в равнодушии, не в дежурном, казенно-отписочном отношении к теме, которая всех объединяет, волнует и требует незамедленного отклика с писательской трибуны или со страниц журналов и газет.

Итак, в настоящее время, когда приняты постановления партии и правительства о комплексном развитии Нечерноземья, особенно отчетливо выяснилось, что людям, поднимающим эту зону, как никогда, нужно обобщение положительного опыта, и особенно опыта той стройки, на титульном листе которой значится: ЧЕЛОВЕК! Так удачно сформулировал эту мысль Сергей Викулов на костромском секретариате правления Союза писателей РСФСР. Действительно, мир человека, живущего на земле, необходимо не только изучать, выражать в слове, обогащать новыми духовными и нравственными ценностями, понимать его новые воззрения на природу и общество, на труд и на положение земледельца в обществе, на его деревенский двор и на его роль в деле общего развития Нечерноземья. Этот человеческий мир необходимо созидать, необходимо строить. Вот почему, может быть, ни в какой другой художественно-тематической области так очевидно не проявляется действенная, активная роль публициста, как в области литературы, которую мы по традиции называем «деревенской».

Писатели — прозаики и поэты, — не дожидаясь, когда профессиональная критика обратит свой занятый взор на бесконечный ряд произведений, выходящих и в столице и по всему Нечерноземью, решили

сами разобраться в этом многосложном, многоотраслевом литературном хозяйстве. И, надо сказать, разобрались они совсем неплохо и привели немало имен писателей-областников и их произведений, которые прежде никак не попадали в испытанные обоймы или в проверенные списки перечисляемых по любому поводу книг. Однако это лишь грань в деятельности художников слова, которые могли бы сказать о себе афористической строкой Александра Твардовского: «Мы все — почти что поголовно — оттуда люди, от земли...» Так вот «писатели от земли», обращаясь к русской прозе или документалистике, больше всего думают о реальных прототипах этой прозы, о реальных конфликтах, свойственных современной сельской жизни. И наоборот, говоря о том, что разделение труда в сельском хозяйстве рождает новые отношения между людьми, они ищут подтверждение этой мысли в экономических и статистических трудах, равно как и в художественной литературе. Потому-то органическая взаимосвязь типично сельских, типично жизненных проблем с проблемами литературно-художественной и культурной жизни — характерная особенность сборника, предлагаемого вниманию читателей.

При всем том вполне понятно и даже закономерно, что большинство авторов выступают здесь в публицистических жанрах, которые раскрывают суть происходящих в Нечерноземье перемен, показывают духовный мир человека, который обречен с землей-кормилицей, выявляют новый склад чувствования и миропонимания земледельца, говорят о важнейших явлениях в области культуры. О таком крайне важном для читателей, простом и живом описании необходимых переустройств говорил еще В. И. Ленин.

В современной публицистике и документальной литературе истина утверждается по-иному, иными средствами, чем, предположим, в поэзии или прозе, не только гармонией и пластикой фразы, яркостью красок и выразительностью характеристик. Все это нужно и документалистике, но сверх того — еще стройность логических умозаключений, новизна проблематики, определенность выводов и т. д. Однако все без исключения литературные жанры род-

нит одна особенность литературы — это красота истины.

Красота истины по своей природе тяготеет к обществу человеку, она сближает людей, сближает человека с человеком, человека с природой, то есть является мощным фактором в деле воспитания и эстетического образования людей. Если посмотреть на очерковую и документально-художественную литературу, посвященную Нечерноземью с этой точки зрения, то для нас откроется нечто неожиданное и важное. Правда, необходимо сделать оговорку, что я не буду касаться той массы так называемых газетных, «проблемных» очерков, в которых чаще всего идет «пахота по вспаханному полю» (А. Твардовский).

Нет, я не буду говорить и о той массе очерков, в которых на смену торфоперегнойным горшочкам воспевалась «королева полей», а увлечение «елочкой» сменялось бурными восторгами по поводу нового кабинетного изобретения, которое непременно мыслилось как панацея от всех зол в сельском хозяйстве. Эти времена, как говорится, прошли. Однако в нашей очеркистике и документалистике все еще сохранилась склонность к словесной трескотне, серый, «казенный» стиль материалов, о чем справедливо сказано в важнейших постановлениях и решениях нашей партии по идеологическим вопросам. Нельзя обходить острые проблемы, нельзя замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни, надо бороться с ними и преодолевать их.

Слово «земля» в наше время, когда понятия «интеграция», «концентрация», «специализация», «индустриализация» деревни у всех на устах, осталось вроде бы в тени. А ведь еще Ленин говорил: «Берегите, храните, как зеницу ока, землю...» Выполняем ли мы этот ленинский завет? Или, поверив словам поэта, что природа действительно стала для нас «одной лабораторией огромной», мы забыли, что земля — это прежде всего наш дом родной, что это наша главная кормилица, что это сама жизнь?

Вероятно, нигде не ощущается такого сложнейшего переплетения упущений и успехов, ошибок и достижений, как в отношении человека к земле,

к пашне, к полю. И надо сказать, что именно в этой теме российские писатели помогали народу осознать истинное положение дел в деревне, заострить внимание на тех или иных «болевых точках». Так, например, нарушение правильного соотношения личных и общественных интересов привело деревню к серьезным трудностям. Но ведь об этом же и писали в пятидесятых годах В. Овечкин, Г. Троепольский, Е. Дорош, а особенно А. Яшин и Ф. Абрамов.

Во многих публицистических материалах, очерках и статьях, представленных в этом сборнике, необычайно важен личностный момент, открытое авторское «я», которое не может не вызывать доверия у читателей, ибо все, что сказано автором,— все пережито и продумано им. Ну, а как же момент истины? Судите сами! Я сам испытал волнующее «чувство узнавания», когда читал очерки В. Белова или И. Васильева, Ю. Черниченко или И. Синицына. Лирическая форма очерка — не дань пресловутому лиризму, который обволакивает все острые углы, настраивает читателя на некий элегический, умильный лад: вот, мол, мы и побывали в родных местах... Авторы, о которых идет речь, большое внимание уделяют новой психологии жителя деревни, его культурному облику, его новым взаимоотношениям не только с окружающими людьми, но и с окружающей природой. Ныне рядовой житель деревни овладел могучей техникой, и эта техническая мощь поставила человека над землей, над матерью-природой. Однако это самое «над» имеет двоякий смысл — положительный и отрицательный. Очевидно, что как только под ногами жителя деревни оказался пол тракторной кабины, так мистическая «власть земли», о которой писал Глеб Успенский, стала утрачивать свою силу, терять свою власть над душой человека. Это — одно из очевиднейших последствий научно-технического прогресса в российской нечерноземной деревне.

Очевидно также, что в связи с НТР и созданием агропромышленных комплексов, их сложной материально-технической и социальной структурой, выявилось следующее, а именно, что социальные различия между, предположим, рядовым колхозником и рабочим совхоза постепенно стираются. Стало

быть, на наших глазах происходит гигантский процесс стирания основных классовых отличий, процесс, который мы обязаны и видеть, и понимать, и осмыслять. Однако отмеченная ранее раскрепощенность от «власти земли» имеет также и отрицательный смысл. Ибо житель деревни, уверовавший в могучесть техники, стал более чем равнодушен к окружающей среде, к живой природе. И здесь-то новая психология становится экономической категорией, о чем справедливо пишет И. Васильев, здесь-то следствие превращается в причину, поскольку механизатор, равнодушный к природе, к земле, меньше других заинтересован в результатах своего труда, конкретно — в урожае, меньше заинтересован он и в подсобном личном хозяйстве, поскольку живет в «многоэтажке» и не хочет обременять себя лишней заботой. Короче говоря, писатели сельской темы настойчиво добиваются правды-истины, которая заключена в диалектически сложном развитии и самой деревенской жизни, и психологии главных фигур села — механизатора и полевода.

«Красота — дело вкуса. Для меня она вся в правде» — так выразил творческое кредо И. Е. Репин. Современная литература подходит с этим же критерием истинности, правдивости, глубочайшего проникновения в существо повседневных проблем Черноземья.

Число российских писателей, беззаветно преданных нечерноземной «малой родине», не так уж велико, но все они — «действующие штыки», как любили говорить в тридцатые годы. Ю. Черниченко, Л. Иванов, С. Викулов, В. Ситников, Ю. Грибов, И. Васильев, М. Ганина, Д. Кузовлев, И. Стрелкова, Вяч. Пальман... Я хотел бы назвать и имена наших прозаиков, охотно обращающихся к документальному жанру, — Г. Марков, Ф. Абрамов, С. Залыгин, В. Астафьев, А. Ананьев, В. Белов, Е. Носов, В. Слоухин, В. Росляков, С. Шуртаков, В. Корнилов, Ю. Сбитнев, Ал. Романов... Различна целевая и собственно-творческая установка в публицистических и документальных произведениях этих писателей — социологическая, экологическая, социально-культурная, нравственно-психологическая,

бытовая, но для всех них характерна традиционная для русских писателей совестливость, иначе сказать, ответственность перед народом. И если где-то, в какой-то среде вошло в обиход уничижительное слово «Нечерноземка» (по аналогии: «текучка», «низовка» и т. д.), то для этих писателей Нечерноземье — символ и синоним самой многонациональной России.

В планах социально-экономического и культурного развития Нечерноземной зоны, определенных партией и правительством, предусматривается создание целостного архитектурного облика современного села, строительство культурно-бытовых комплексов, сети асфальтированных дорог, индивидуальных домов, школ, библиотек, музеев, короче говоря, предусматривается удовлетворение все возрастающих духовных и социальных запросов жителей сельской местности. Поддерживается их стремление приобщиться ко всем благам культуры и искусства. В свете этих требований и этих запросов необходимо более тесное соединение усилий государственных и партийных органов, творческих союзов и других общественных организаций, заинтересованных в общем деле.

На заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся в октябре 1983 года, отмечалось: «Осуществляемый партией курс по преобразованию Нечерноземья и те мероприятия, которые уже проведены, начинают оказывать положительное влияние на состояние дел в сельском хозяйстве». Но вместе с тем было замечено, что «в ряде случаев не обеспечен необходимый поворот в социальном переустройстве села».

Вот почему в сборнике, предлагаемом вниманию читателей, самое серьезное значение придается вопросам ускоренного культурного строительства на селе, повышению роли и значения памятников искусства и литературы, книгоиздания и книготорговли.

Так ставится теперь этот вопрос. И в этом всенародном деле ответственность всей сферы культуры, всей нашей российской прозы и поэзии, критики и публицистики многократно возрастает.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

*Наше
писательское
слово*

Юрий БОНДАРЕВ

УЧИТЬСЯ ЛЮБВИ К ЗЕМЛЕ

«Мельницы нет, а ветер все дует, и вода до сих пор плещется у плотины. Не помните, кто это сказал?»

«Не помню, но что мне хотите сказать вы?»

«А то, что нет старой деревни, и жаль, очень жаль».

«Право, в деревне хорошо только тем, кто живет в городе».

«Ах, нет, деревня — это основа всего. Вы же не будете есть гайки вместо хлеба».

Я слышу эти фразы, несколько даже изысканные, чересчур домашние для выражения грубоватой реальности, и невольно представляю городскую квартиру, лирическую полузатемненность, пахнущую нагретым магнитофоном и сладковатой синтетикой, вижу освещенную торшером чью-то закинутую ногу за погу, соломинки в бокалах с коктейлем...

И при всей кислоте иронии к этим милым, бездейственным, почти салонным разговорам людей, родившихся в деревне, или недавно вышедших из деревни, или когда-то ездивших каждое лето на отдых в деревню вместо санатория (так было заведено в тридцатых годах и еще не изжито после войны), начинаешь думать о том, почему же в последние годы мы все чаще с непреходящей болью говорим о деревне, о земле своих отцов, о первоначалах, об истоках реки жизни, всей современной цивилизации, великого искусства, нравственности.

Веру в это, конечно, не поколебать никакой хулой, позой оскорбленной идеи, вульгарно-социологическими наскоками,

обвинением в патриархальности и любви к пасторали, не поколебать и «сверхреволюционной» ретивостью защищать прогресс и умную машину от скрипучей телеги и первобытного коня, дурно пахнущего к тому же после работы.

Но дело в том, что об истоках нравственности заговорили не потому, что всех потянуло к запаху смоченных осенним дождичком лаптей, к золотому куполку церковки на бугре, к черной толчее несчетных мух на вечерних стеклах избы, к неповоротливой сохе, а потому, что при всем видимом спокойствии мы живем в век борьбы и потрясений, совершаемых мировой техникой, когда материальные производительные силы сосредоточиваются, накапливаются и концентрируются в городах и неблагоприятное положение в деревне — объективная реальность.

Обращаясь к световому языку живсписцев, я позволил бы себе сказать, что в нечерноземной деревне наблюдается преобладание серого цвета, но с тем оттенком, который невероятно трудно схватить, ибо при всем том (как это ни парадоксально) живут люди сытно, зажиточно. Однако многие деревни пустеют, сиротеют поля, в городе же на каждом углу висят объявления о наборе рабочей силы, и кричит, режет по глазам, приглашает и умоляет одно слово: «Требуются...»

И болью пронзает тебя, когда в «Ведомостях Верховного Совета РСФСР» читаешь, к примеру, о том, что исполнительный комитет такого-то областного Совета народных депутатов решением от такого-то числа и года исключил из учетных данных такой-то поселок такого-то района в связи с выездом из поселка всего населения.

Мой голос — это не скорбный голос, пытающийся выразить отчаяние и беду нечерноземной деревни, не любовь к урбанизму, а это действенное желание определить для самого себя возможность участия и соучастия.

Я глубоко убежден, что путь к величию деревни лежит не в овраге злобного отрицания «городского рая», а, если можно так сказать, в высочайшем призвании человека, которое выражается в одном: работать, работать, работать. Ибо никто за тебя не сделает то, что должен сделать ты. Иждивенчество для человека России унижительно. Поэтому не живи только ожиданием всех благ от государства, а делай для него то, что можешь сделать ты. В противном случае не назойливый ли ты гость за чужим столом?

И дело конечно же не в том, чтобы проявлять излишнюю отвагу в критическом неистовстве (которая, кстати, как и

чрезмерная добродетель, не всегда вознаграждается), а в том, чтобы чувствовать себя должником правды, нравственности и, наверное, справедливости по отношению к нечерноземной деревне.

Для меня нет сомнения, что надо учиться смиренной любви к земле, полям, рекам, водоохраным лесам, а не подражать Западу с попыткой повторить чужой успех, надо следовать урокам великих традиций, быть хозяином своей судьбы и не подменять ничем не восполнимую духовность сиюминутным практицизмом.

Мы начинаем разговор не о хозяйственных планах, а о вопросах нравственно-психологического порядка, без чего невозможно представить человека современной деревни.

Действительность как форму бытия в историческом процессе нельзя отобразить парадными абзацами, ибо литература не заклишированные сны, а действие, надежда, возможность помощи.

Коммунизм не может быть подарен ни обществу, ни отдельному человеку, так как он строится усилиями, напряжением всех и каждого, объединенных единой целью.

Мужество писателя в мирные дни — способность обходиться собственным умом. Я говорю это потому, что писатель — индивидуальность, и, следовательно, каждый воспринимает объективное бытие соответственно своему жизненному и душевному опыту. И в этом ценность проявления этого мужества. В результате из суммы разных опытов слагалась, в моем представлении, некая истина, полезная для всех. Это было утверждение нужных людям идей.

Сергей ВИКУЛОВ

О ТАКОЙ БОЛЬШОЙ РАБОТЕ

*Проблемы Нечерноземья
в современной литературе*

Подъем Нечерноземья наша партия определила как дело общегосударственное, всенародное.

Сосредоточивать силы всего народа на решения особо важных по своему значению задач — это историческая привилегия социалистического государства. И мы не раз уже доказывали, с каким успехом можем этой привилегией пользоваться. Ярчайший пример тому — освоение целинных земель Казахстана и Алтая, строительство КамАЗа, БАМа, многих гидроэлектростанций.

На очереди — подъем Нечерноземья, издревле землепашеского края, географически расположенного в самом центре России.

Многие хозяйства этого региона в годы военного лихолетья были преданы огню и мечу и потому особо остро нуждались в помощи со стороны государства. Партия знала об этом. Но она знала и то, что огромные вложения, которых требовало Нечерноземье в те годы, не смогут обернуться хлебом немедленно, завтра же, а послезавтра могло быть уже поздно.

Леонид Ильич Брежнев в той же «Целине» приводит слова К. Е. Ворошилова, сказанные им в один из первых приездов в Казахстан. Ворошилов, «...видя бескрайние пшеничные нивы,— пишет Леонид Ильич,— с радостью говорил мне:

— Как хорошо, что мы пошли сюда! На этих просторах вызревает помощь и белорусскому, и смоленскому, и вологодскому мужику».

Теперь мы знаем, что именно так оно и было. Добавим только, что «мужик» этот в ожидании помощи сложа руки не сидел.

В ту пору очень молодой — старшее поколение война повыбила, — он решительно воспользовался представившейся возможностью принять участие в освоении казахстанской целины, уезжал туда, не обращая внимания ни на угрозы, ни на упреки местных руководителей, тоже нуждавшихся в рабочей силе.

Да и можно было понять ребят: разговоров о том, что людские ресурсы Нечерноземья, как наиболее пострадавшего от войны, неприкосновенны, не было... Как не говорилось и о том, что в связи с нехваткой техники и рабочих рук работу по подъему пришедших в упадок хозяйств этой зоны можно временно приостановить...

Наоборот, изо дня в день речь шла о том, чтобы давать государству больше молока, мяса, зерна, льна и даже... леса!

Каких трудов, какого напряжения физических и душевных сил стоило это селянам России, мы знаем, в частности, по произведениям Ф. Абрамова (романы «Братья и сестры», «Две зимы и три лета»), А. Яшина («Вологодская свадьба», книга стихов «Совесть»), В. Тендрякова (повести «Поденка век короткий», «Три мешка сорной пшеницы»), В. Белова (повесть «Привычное дело»), В. Астафьева (повесть «Последний поклон»).

Сюда же я отнес бы роман М. Алексеева «Ивушка неплакучая», рассказы воронежца Г. Троепольского, курянина Е. Носова, книги мастеров публицистической прозы В. Овечкина и В. Солоухина, деревенские рассказы и очерки Б. Можяева, В. Рослякова, С. Воронина, романы В. Колыхалова («Дикие побеги»), Н. Жернакова (трилогия «Краснотал»), В. Корнилова («Семигорье»), повесть Н. Петрова «Сенечка», книги Н. Шундика, В. Матушкина, Л. Воробьева, А. Филева и других.

Новые страницы в эпопею о великом подвиге земледельцев России в годы восстановления разрушенного, подорванного войной сельского хозяйства вписали представители более молодого поколения, те, для кого обезлюдившая, полуголодная деревня сороковых-пятидесятых годов стала неизгладимым впечатлением их сиротского детства.

Говоря это, я имею в виду хорошо зарекомендовавших себя последними книгами Ю. Бородин, И. Подсвинова, В. Личутина, Н. Семенову, А. Леонова, В. Маслова, В. Мар-

ченко, В. Исакова, В. Лебедева, Ю. Красавина, В. Шапошникова, В. Кудрявцеву, В. Волкова, Ю. Галкина, А. Боголова.

Что объединяет книги названных авторов? Высокое уважение к жизненному подвигу отцов и матерей, сыновняя любовь к ним, социальность мышления и высокая гражданственность. Колхозы послевоенной России, показывают авторы этих книг, не надеясь на помощь со стороны, обратились к внутренним резервам. И нашли их. И привели в действие!

Резервы эти, оказывается, были не в технике, до предела изношенной, не в истощенной земле, а в самих людях.

Уставшие в военное лихолетье, привыкшие, как солдаты, подчиняться любому требованию, жертвовать всем ради спасения Родины, они страшно истосковались по душевному, полному искреннего сочувствия и уважения слову.

И слово это было сказано. Партийные организации сделали главную ставку на внимание к человеку, и особенно к дояркам, работавшим в те годы в крайне тяжелых условиях.

Они добились того, что *забота* об удовлетворении повседневных нужд колхозников — тогда в большинстве своем солдатских вдов, многодетных матерей, инвалидов войны и престарелых, поощрение — и не только моральное — их трудовых усилий стали главной заботой всех руководителей хозяйств. Общаться с народом, видеть все своими глазами, немедленно реагировать на все, что мешает делу, учить людей, но одновременно и учиться у них — такой стиль работы не остался незамеченными людьми, вызвал в сердцах их небывалый энтузиазм.

Деревенские женщины, вообще отзывчивые на доброту и участие, показали себя особенно. Там, где удой от коровы держался порой на уровне 500—700 килограммов (было такое!), через два-три года стали надаивать по тысяче и даже по полторы тысячи килограммов. И сделали это они, солдатские вдовы, только что пережившие войну и, казалось, желавшие одного — отдохнуть. Сделали, снова явив миру, как говорят, загадку русской души, русского характера, когда дело, по всем расчетам, по всем мыслимым и немыслимым выкладкам, казавшееся невозможным, вдруг становилось реальностью. Сделали такие безотказные труженицы, как старуха Анна в повести В. Распутина «Последний срок», Катерина в «Привычном деле» В. Белова,

1295890

Лизавета Пряслина и ее сверстницы в романах Ф. Абрамова, Паруня в одноименном очерке В. Астафьева.

Я столь подробно пишу о том, памятном для всех, подъеме в животноводстве (да и не только в животноводстве!) для того, чтобы напомнить нестареющую истину: в любом деле, а в *большом — особенно*, в конце концов все решают люди.

Подъем Нечерноземья, а иными словами — подъем колхозов и совхозов центра России, — дело большое, равное по размаху, как отмечено в нашей партийной печати, освоению целинных и залежных земель в пятидесятые годы. «Нет сейчас более острой и трудной проблемы, чем проблема возрождения русского поля», — сказали Ф. Абрамов и Ант. Чистяков, авторы публицистической статьи «Пашня живая и мертвая» в журнале «Москва» № 8 за 1978 год.

И потому, чтобы успешно решить эту проблему, среди множества строек, разворачивающихся сейчас в Нечерноземье, самой главной стройкой, как это убедительно показывает литература последних лет, нам придется все-таки считать стройку, на титульном листе которой значится: **ЧЕЛОВЕК!**

Наиболее убедительно эту идею, как веление времени, по-партийному принципиально провел в новом романе «Дом» Ф. Абрамов. Приглядываясь к своим героям, к их судьбам и делам, писатель приходит к выводу: народ здорово переменялся, он совсем не такой, каким был в войну.

Современный деревенский житель, отмечает Ф. Абрамов, проявляет склонность поразмышлять, поспорить, «перетряхнуть жизнь» — «и свою пекашинскую, и в масштабах страны», — перетряхнуть, как сено, чтобы отделить его от всякого мусора, будыльев и прутьев, комков земли, в спешке прихваченных в сенокос и уложенных в стог...

Надо ли удивляться этой, социальной и общественной, по сути, активности нынешних селян (в романе — рабочих совхоза)? По мнению Ф. Абрамова, для удивления тут нет оснований, ибо она, эта активность, не есть что-то неожиданное, невесть откуда взявшееся, она вполне естественное и закономерное явление для общества развитого социализма. Думаю, что с учетом именно этой закономерности ЦК КПСС записал в своем майском (1980 г.) постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»:

«С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще

боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать, обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни. Такой подход, склонность к парадности не помогают делу, а лишь затрудняют решение наших общих задач. Там, где не в чести критика и самокритика, где недостает гласности в общественных делах, наносится прямой ущерб активности масс. А ведь именно в активности масс — важный источник силы социалистического строя».

«Кто мы теперь?» — задаются вопросом герои Ф. Абрамова. И с гордостью констатируют: «Его величество рабочий класс. Гегемон. Хозяин страны. Положено, черт возьми, ворочать мозгой?»

Да, соглашаемся мы, положено! И ничуть не удивляемся выводу писателя, что сегодня «вся Россия — сплошная политбеседа».

Многое в нравственном, гражданском облике нынешнего селянина радует романиста, но многое и тревожит. В первую очередь — отношение к земле и, значит, к делу, потому что оно напрямую связано с землей.

Сам крестьянин по рождению, хорошо знающий зависимость любой крестьянской работы от погоды и времени года, Ф. Абрамов с горечью замечает, что теперь в деревне (в совхозе) люди работают, как и на фабрике, по часам. При этом, пишет далее он, «на работу могут и опоздать, это за грех не считается, но что касается окончания работы, — тут ни одной минуты лишней, точно по графику».

А каково же качество работы при таком графике? Естественно, качество низкое.

Вот пашет и сеет в засушливую осень один из трактористов — не из самых худших, по утверждению автора, Виктор Нетесов, прозванный за свою пунктуальность в соблюдении распорядка дня «немцем». Глянув на вывернутую и высохшую глину и похороненные под нею семена ржи, Михаил Пряслин — главный герой романа — с возмущением восклицает:

«— Да ведь это же могила для семян!»

Тракторист, нимало не смутившись, отвечает:

«— Я приказ выполняю...»

И уверенный в своей правоте, добавляет:

«— Насчет глубины вспашки к агроному обращаться надо. Она дает команду».

Итак, извечное крестьянское дело — «по команде» и «по часам». А ведь цех земледельца — поле. Любой фактор, влияющий на производство продукции и в этом цехе, непостоянен, изменчив, и надо все время быть начеку, чтобы не прозевать благоприятный момент.

Можно ли в таком цехе «по команде», «по часам»? Конечно же нельзя. И абсолютно прав один из самых талантливых и самых серьезных писателей-очеркистов, выдвинувшихся в последние годы, Иван Васильев, написавший в одном из своих очерков: «Качество работы на поле... это вовсе не технология, это в первую очередь психология».

Организовать производство так, чтобы работа и в поле, и на ферме приносила человеку моральное удовлетворение, чтобы она не давала ему покоя, торопила его, подталкивала к изобретательности, творчеству, — значит взять *главную высоту* на участке фронта, именуемом сельскохозяйственным производством, и обязательно держать *общую победу*.

На казахстанской целине со стройкой по имени «Человек» тоже было не просто, но все-таки не так сложно. Туда, на целину, эшелонами прибывала отборная рабочая сила — все, как один, молодые! Не было стариков пенсионеров, разбросанных по мелким деревням, не было поначалу даже детей!

В Нечерноземье — иначе. Нечерноземье — край издревле землепашеский, обжитой. Здесь ставка не на приезжих пахарей, а на своих. Другое дело, что их не хватает. «После принятой партией программы дальнейшего развития сельского хозяйства Нечерноземья, — писал в «Правде» от 10 апреля 1979 года первый секретарь Калужского обкома КПСС А. Кандренков, — стало ясно, что при всем обилии государственных ассигнований *на реальное* выполнение намеченного можно рассчитывать, лишь существенно *пополнив* трудовые ресурсы села».

Пополнить! Но как?

Во-первых, отвечают наши публицисты, необходимо уже сегодня, в самом начале, нечерноземной эпопее придать такой размах, такое звучание, чтобы у тех, кто в свое время, разуверившись в успехе, ушел из колхозов, дух, что называется, захватило, чтобы каждый из них, услышав про начавшиеся там дела, мог сказать: пришел мой час, еду!

Эти люди, оказывается, ловят каждое наше, писательское, слово об успехах того или иного колхоза (совхоза).

И едва услышав его (а главное, поверив в него), берутся за перо, чтобы написать председателю о своем сокровенном желании поработать в хозяйстве, где все, как говорится, ладом и, значит, есть возможность показать свое умение, пережить снова радость общения с живой природой.

Такие письма руководители передовых хозяйств получают буквально пачками. «За последний год,— пишет Иван Васильев в книге «Пять будних дней»,— я перечитал сотни подобных писем и уже не дивлюсь количеству. Вот самый свежий пример: стоило руководителю одного из районов области выступить по радио и заикнуться о нужде в рабочей силе, как в течение недели почтальон высыпал на его стол тысячу писем: просил — принимай.

Что случилось? Что за неожиданное явление — эти письма? Мода? Бегство из городов? Результат мер, направленных на подъем нечерноземной деревни?»

Иван Васильев пока не дает ответа на эти вопросы. Но можно быть уверенным, что он с присущей ему дотошностью изучит и это явление, докопается до его социальных и нравственных корней, вскроет и позитивные и негативные его стороны.

За последнее время я прочел десятки прекрасных очерков писателей-публицистов, в которых нашел и глубочайший анализ самых животрепещущих проблем Нечерноземья, и живой рассказ о его людях — настоящих самородках из народа, об их действительно передовом опыте.

Среди авторов этих очерков и Ю. Грибов, поставивший такую социально-экономическую проблему последних лет, как личное хозяйство селянина, его приусадебный участок, и В. Полторацкий, написавший о легендарном председателе колхоза Акиме Горшкове, и П. Ребрин, С. Шуртаков, Г. Горышин, И. Фonyaков, О. Павловский, рассказавшие об опыте других талантливых вожаков.

Постижением нравственных устоев современной крестьянской семьи, психологии крестьян радуется очерк Е. Лопатиной «За рекой». И это не случайно. Писательница не наскоком изучала своих героев, она долго жила среди них, делила с ними хлеб-соль. Длительным и вдумчивым вживанием в атмосферу будущего очерка обусловлена творческая удача и таких писателей, как Ю. Куранов, Е. Максимов, Н. Журкович, Д. Кузовлев, подолгу, а то и постоянно живущих в селах, среди своих героев. Всесторонним знанием всего, что связано с выращиванием и реализацией самой доходной культуры Нечерноземья — льна-долгунца, заинте-

ресовывает читателя очерк В. Шапошниковой в журнале «Москва».

Современная деревня — комплекс социальных, экономических и нравственных проблем. Чтобы писать о ней — надо проблемы эти знать. А главное понимать! А знание, понимание, как и открытие, просто так не даются.

Читал я названные выше очерки и думал: сколько жарких искр веры и надежды заронят они в сердца людей, какую огромную работу выполнят, став достоянием тех, для кого написаны. Во всяком случае, не меньшую, чем иные шефы от городских предприятий и контор, шефы, не знающие порой даже, как взяться за грабли. Посылать таких шефов в деревню, как утверждал в своем обстоятельном очерке «Про картошку» писатель Юрий Черниченко, — это тушить пожар неорганизованности и безразличия в хозяйствах, а задача состоит в том, чтобы пожара не возникало!

«Вся Россия — сплошная политбеседа», — запоминаются слова из романа Ф. Абрамова. Я поинтересовался: а на что ссылаются в этой политбеседе деревенские жители? На наши книги? (Правильно, дескать, писатель Н. написал в своем романе!) На наши публицистические статьи в газетах? На очерки в журналах? На радио? На только что просмотренный кинофильм? (Ведь говорили же в свое время — и долго — о фильме «Чапаев».) Увы, таких ссылок в их беседах нет. Ни одной!

В чем тут дело? Сразу не ответишь. Но, видимо, и в том, что наши книги, наши статьи и очерки не всегда доходят до тех, кому они адресованы. Люди же, которым положено позаботиться об этом (библиотекари, лекторы, агитаторы и партийные организаторы), порой и сами не очень-то хорошо ориентируются в текущей литературе и всю политико-воспитательную работу строят на подручных фактах и внутрихозяйственной цифири.

Иван Васильев, отметив «странную шаблонность в работе с человеком» в тех хозяйствах, где он побывал, далее пишет в своей книге «Я люблю эту землю»:

«Неисчислимое множество собраний зафиксировано в моих журналистских блокнотах. Но тщетно искать в них разговора о том, «как жить». Только — «как работать». Думаем — так скорее добьемся результата.

Заблуждение».

Верный вывод! Подтверждением тому и постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

«Большим недостатком, существенно снижающим эффективность воздействия воспитательной работы на сознание и чувства людей,— читаем в этом постановлении,— являются нередко встречающиеся формализм, склонность к словесной трескотне, всякого рода пропагандистским штампам, серый «казенный» стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин вместо их творческого осмысления, поиска живой и доходчивой формы».

«Словесную трескотню», о которой упоминается в постановлении, Ф. Абрамов метко окрестил «бумажной бормотухой». В романе «Дом» о ее «действенности» рассказывает так:

«Нет, и Хвиузов не обрадовал. Подменили мужика. Отчитал что положено — и с колокольни долой. Даже на людей забыл взглянуть.

Сосед Михаила, знакомый шофер с Шойволы, дремал, уронив на грудь большую голову с подопрелым волосом. Другие вокруг тоже водили отяжелевшими головами. И ничего удивительного в том не было. Бумажная бормотуха кого угодно в сон вгонит, а тем более работягу, который, может, чтобы попасть на это совещание с дальнего покоса или лесопункта, всю ночь не спал. Да и вообще — кто это сказал, что у заседателей легкая жизнь? Михаила в конце концов тоже укачало.

Очнулся он от толчка соседа:

— Вставай, начальство твое на трибуну лезет».

Неотделима от политико-воспитательной работы также и проблема пьянства и алкоголизма, не потерявшая своей остроты и сегодня. Более того, эта туча, синевшая в кои-то поры на горизонте, сейчас уже совсем накатила на иную деревню и кой-кому из ее жителей совсем закрыла белый свет...

Мы все — общими силами — должны докопаться до нравственных корней этой беды и вести борьбу с нею именно в этой плоскости, а не твердить заученно, что она, дескать, «пережиток прошлого». Поживем, мол, еще десяток лет, и исчезнет он, этот пережиток, поскольку недосыгаемы станем мы для прошлого: сколько ж еще оно будет гнаться за нами?!

Писатели выполняют свой долг перед народом, если помогут обобщить, собрать по крупичкам опыт тех руководителей хозяйств, партийных вожakov, работников культуры,

которые в борьбе с пьянством сумели занять головы и сердца людей чем-то более сильным, чем желание напиться.

С проблемой рабочей силы в Нечерноземье неразрывно связана также проблема трудового воспитания школьников. Ольга Фокина, никогда не порывавшая связь с родной деревней, эту проблему поняла давно. Это ей принадлежат проникновенные стихи, обращенные к деревенскому юноше:

Храни огонь родного очага,
Но не позарься на костры чужие!
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
— Храни огонь родного очага!

Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он,
Не потянись за черноземом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!

И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять.
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

Жизнь ставит задачу, чтобы деревенские ребята, закончив восьмилетку или десятилетку, не боялись подойти к любой машине, а, главное, понимали бы землю и хорошо знали, как, с помощью каких агротехнических приемов можно умножить ее живородящую силу. Очеркист Леонид Иванов выдвигает предложение оценивать работу сельской школы, по крайней мере, пока не решена проблема кадров в колхозах Нечерноземья, не по отметкам, а по числу подготовленных для работы механизаторами и животноводами учеников.

Дельное предложение!

Одной школе, однако, с этой задачей не справиться — в этом деле рука об руку с ней должен идти колхоз. О таком опыте четыре года назад рассказал в своем очерке калужский писатель Иван Сеницын. Речь в нем шла об организации трудового воспитания в Улановской школе Калужской области. После публикации очерка в журнале автор прочитал отрывки из него и по радио. Проблема оказалась настолько животрепещущей и волнующей, что в адрес автора хлынули буквально тысячи писем-откликов (красноречивый пример действенности писательских выступлений по радио!).

Основываясь на письмах, Иван Синицын решил продолжить разговор о трудовом воспитании детей. Его статья — «Чайки должны летать» (Наш современник, 1979, № 1) — образец страстной писательской публицистики, направленной на решение важнейшей проблемы, вставшей перед нашим обществом и требующей безотлагательного решения. И очень хочется, чтобы в Нечерноземье эта работа И. Синицына стала достоянием всех школ, всех руководителей хозяйств, всех родителей, от которых конечно же тоже зависит решение проблемы трудового воспитания подрастающего поколения.

Кстати, о родителях.

Детство и школьные годы отцов и матерей нынешних учеников выпали на войну и трудные послевоенные годы. Как никакое другое поколение, они знают «почем фунт лиха», они испытали и голод, и холод, и тяжелую — не по возрасту — физическую работу... Зато образование у них, как об этом говорят они сами, — четыре класса, а пятый — коридор. Они хорошо понимают, что жизнь у них, как говорится, «не задалась», и потому особенно страстно желают более счастливой доли своим детям. И эта доля, по их понятиям, где угодно — только не в колхозе, не в деревне...

Писателям, вознамерившимся внести свой вклад в решение намеченной партией программы подъема Нечерноземья, придется крепко повоювать с подобными убеждениями, хотя ясно, что одними словами, если даже слова эти и художественные, людей не переубедишь. За словами обязательно должны следовать дела: реальная жизнь с тенденцией к улучшению — самый лучший агитатор. И это отмечено в сотнях газетных и журнальных очерков, посвященных Нечерноземью. Там, где поняли, что уговорами молодежь в деревне не удержать, строят для молодых жилье, механизмируют трудоемкие процессы, учат новым современным профессиям. И нет ни одного пока случая, чтобы выстроенные в колхозе дома пустовали. Молодая семья, собравшаяся оставить «неперспективную» деревню, не побежит куда глаза глядят, если есть возможность вселиться в современную квартиру на центральной усадьбе колхоза.

На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС было указано, что решительное предпочтение должно быть отдано домам усадебного типа, поскольку многоквартирные дома лишают селян всех преимуществ сельской жизни перед городской — садово-огородного участка возле дома, помещенный для домашней живности, кладовых для солений и ва-

рений и тому подобных удобств. За минувшие годы сделано немало в этом направлении, о чем рассказывается и в этом сборнике.

Писатели-публицисты тоже хорошо потрудились для того, чтобы победила именно эта тенденция в сельском жилищном строительстве, но беда в том, что под нее, как говорится, не подведена материальная база: промышленность центральных областей России в отличие от промышленности, например, Прибалтийских республик очень медленно осваивает производство индивидуальных домов усадебного типа, таких, которые при желании можно было бы даже купить за наличный расчет или в кредит.

Подчеркиваю: *даже купить*.

Иван Васильев приводит любопытные выкладки одного научно-исследовательского института, свидетельствующие о том, что все переезжающие в центры хозяйств семьи *не могут* рассчитывать только на *готовые* квартиры.

«Чтобы построить для ста миллионов сельских жителей «казенные» квартиры, потребуется 150 миллиардов рублей капитальных вложений. Если определить для перестройки срок в 30 лет, то армию строителей надо будет увеличить на миллион человек».

И то и другое — нереально.

Дом усадебного типа на селе выгоден со всех точек зрения, и с экономической в том числе: при любых неожиданностях сельский житель, имея приусадебный участок, может легко переключиться на самообеспечение.

С нравственной точки зрения, такое жилье на селе тоже целесообразнее: приусадебный участок обеспечивает занятость в свободное время для взрослых, а для детей служит хорошей школой приобщения к земле, к сельскому труду.

Я думаю, писатели, не побоявшись обвинений в воспевании патриархальщины и частнособственнической психологии крестьян, не пожалеют сил, чтобы повоевать за колхозника, накрепко связанного с землей, с личным хозяйством, как это и подобает селянину.

О психологии современного крестьянина стоит сказать особо. Понять, чем дышит человек, работающий сегодня на земле, — значит подобрать ключи к его сердцу и добиться главного — заинтересовать его в труде.

Начну с вопроса: осталось ли что-нибудь в психологии колхозника или рабочего совхоза от психологии пахаря горбившегося на собственной полосе в одиночку? Думаю, что нет.

А хорошо это или плохо? Думаю, что плохо.

И вот почему.

Впрочем, сначала одно высказывание по этому поводу Глеба Успенского, глубоко знавшего психологию старого крестьянства. В 1882 году (сто лет назад) он писал:

«Тайна эта... заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно сильна и детски кротка... *покуда над ним царит власть земли* (курсив здесь и далее мой.— С. В.), *покуда в самом корне его существования лежит невозможность послушания ее повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование...» (Соч., т. 8, с. 25).

Значит, в психологии дореволюционного крестьянина главным было — «невозможность послушания» повелений земли, иными словами — постоянное ощущение власти земли. Дореволюционный крестьянин шел к земле тогда, когда она его звала. Зов земли был постоянным — то более громким, нетерпеливым, то чуть слышным, спокойным, в зависимости от времени года и очередности полевых работ, и крестьянин умел его слушать, и это слушание наполняло его жизнь заботами, радостями, будило в нем творческое начало, поддерживало интерес к жизни.

К любой работе в поле — севу ли, жатве ли — он подходил с одной мыслью: «Если не я — то уже никто». Помните, у Некрасова:

Только не сжата полоска одна,
Грустную думу наводит она.

Не сжата потому, что пахарь тяжело заболел и в поле выйти не смог. А за него — кто же?..

Но какие думы наводит на нас несжатая полоса в колхозном поле? Тоже грустные... Но отнюдь не из-за предположения, что пахарь заболел. Совсем уже и не о нем думаем мы, глядя на эту рожь. Думаем о председателе или о бригадире; вот, дескать, такой-сякой, не сумел как следует техникой распорядиться, руководство ослабил...

А сам пахарь как смотрит на неубранную рожь? Нередко очень даже спокойненько. Попробуйте пристыдить — ответит: «А меня посылали?!»

Практика показывает — и это тоже давно подмечено нашей публицистикой,— что наиболее эффективна та система

материального поощрения, которая предлагает рубль не за отдельную, пусть и хорошо выполненную работу, а за конечный результат.

В передовых хозяйствах именно в этом направлении совершенствуется система стимулирования труда. Бригадный хозрасчет, безрядные звенья по выращиванию пропашных, а кое-где и зерновых культур выразили собой попытку возродить ту самую «власть земли», о которой писал Глеб Успенский.

Иван Васильев прекрасно показал это на примере тракторной бригады Николая Таранасова из Калининской области.

Но вот еще один любопытнейший вывод из опыта этой бригады. Оказывается, для хозрасчетной бригады, равно как и звена, нужен еще и экономист. И если во многих колхозах звенья распадутся, то причина одна — отсутствие экономической службы.

«Хозрасчет без учета — пустой звук» — к такому выводу приходит писатель. И он абсолютно прав.

«У многих хозяйственников спрашивал я мнение об экономисте, — пишет он. — В один голос признают: да нынче это, если хотите, *центральная фигура управленческого аппарата*. Некоторые склонны сказать больше: это — главное организующее лицо. Экономист опосредованно, через учет, становится организатором... Это — катализатор творческой инициативы».

«На новом этапе, — продолжал Иван Васильев с присущей ему пронизательностью, — главной фигурой-организатором становится счетный работник, экономист. Хозрасчетным заданием и учетом, а через это реальным вознаграждением экономист *побуждает* тракториста *не норму выработки выполнять, а урожай выращивать*. Отсюда все: и бережное отношение к технике, и соблюдение правил агротехники, и высокая технологическая и трудовая дисциплина. Трактористу становится выгодно хорошо работать».

А «хорошо работать» — значит работать на совесть, думая в первую очередь не о количестве, а качестве.

Директор совхоза «Маевский» Калининской области Ю. С. Янкевич, всю жизнь отдавший колхозному строительству, в беседе с писателем убежденно говорит:

«Качество везде и во всем. Всем и каждому работать только на отлично. Сумеем сделать, чтобы все захотели так работать, достанем свою звезду, не сумеем — останемся фразерами и пустыми мечтателями».

Качество! В этом огромный резерв, верная возможность увеличить производство продуктов сельского хозяйства, не увеличивая материальных затрат. Увеличить, не увеличивая. Куда лучше!

Творческое начало есть в каждом человеке. Разбудить его — вот о чем в первую очередь должны думать все мы, когда говорим о подъеме Нечерноземья, и писатели в первую очередь, потому что творчество — это высшее проявление в человеке человеческого. И тут я подхожу еще к одной проблеме нечерноземной деревни — к проблеме руководящих кадров.

Люди, объединившись в свое время в колхоз и избрав председателя, целиком полагались на его ум и волю: давай, дескать, думай, решай. До сих пор каждый из нас думал за себя, теперь тебе думать за всех. Мы можем проспать с утра, ты не можешь. Мы чего-то можем не знать — ты должен знать... Одним словом, во всем ты должен быть на голову выше нас. Если кто-то из нас ошибался раньше — страдала одна семья, протекала одна крыша, а ошибешься ты — протекать будут все крыши.

Не просто было тем, первым, председателям и бригадирам. Опыта-то — никакого, знаний — агрономических, зоотехнических — не больше, чем у всех остальных. Может быть, чуть побольше сообразительности было — за что мужики и остановили на них свой выбор.

И у многих дела все-таки пошли: выручали природная крестьянская сметка и большой жизненный опыт. И если бы не мелочная опека со стороны иных нетерпеливых руководителей, диктовавших подчас не только что сеять, но и когда, многие из них, наверное, стали бы в конце концов неплохими председателями. Но опекуны были круты характером. За невыполнение «спущенных директив» снимали председателей с постов, не считаясь иногда даже с мнением самих колхозников...

С высоты сегодняшнего дня ясно: проще всего было менять председателей. А надо-то было всерьез готовить людей к этой трудной и совершенно незнакомой для деревни работе, и не на каких-то примитивных краткосрочных курсах, а в специальных школах и в институтах, учить их всему, что касается земли, и не в последнюю очередь — искусству руководить людьми.

Однако факты говорят, что кое-где и до сих пор не осознали всей важности этого дела — подготовки руководящих кадров для колхозов и совхозов. Еще и теперь во главе мно-

гих бригад стоят случайные, безо всякой специальной подготовки люди.

С председателями и директорами дело обстоит несколько лучше — хозяйства укрупнились, и руководителей теперь требуется не так много, а значит, и подобрать их легче.

Один из авторитетнейших знатоков проблем Нечерноземья (да и не только Нечерноземья) писатель-очеркист Леонид Иванов недавно закончил новую книгу, само название которой — «Директорский корпус» — говорит о том, что она имеет прямое отношение к затронутой мною проблеме. Действительно, Леонид Иванов, на протяжении почти четырех десятков лет наблюдавший за становлением многих совхозов, лично знавший их руководителей, пришел в конце концов к выводу, что во все времена — даже самые худшие, когда в почете было так называемое волевое руководство, волюнтаризм, — от руководителя, если он действительно обладал качествами руководителя, зависело все же очень многое.

И хотя долго жаловались иные «знатоки» деревни, что вот, дескать, опыт с тридцатитысячниками показал, что не в председателях дело, Леонид Иванов решительно возражает: нет, дело и в председателях (или директорах)! При малограмотном, безынициативном хозяине, да вдобавок еще пьянице, нищенствует даже семья, а уж колхоз или совхоз не только нищенствует, а, как корабль, получивший смертельные пробоины, идет ко дну.

Умный руководитель, рачительный хозяин даже и в те годы, когда почти все продукты, производимые на полях и фермах, были убыточны, ухитрялись двигать хозяйство помаленьку вперед. И какой рывок сделали эти хозяйства, когда политика цен на сельскохозяйственные продукты была пересмотрена в пользу колхозов!

Теперь, когда государство оказывает солидную помощь Нечерноземью, вполне естественно ожидать дружного и скорого рывка вперед всех хозяйств.

Однако и теперь есть отстающие хозяйства. В чем дело? Причин много. Но одна из главных, как думаешь, читая Леонида Иванова, состоит в том, что талантливых руководителей в директорском корпусе все еще недостает. Подчеркиваю, талантливых. Современным крупным колхозом или совхозом может по-настоящему руководить лишь человек с выдающимися способностями!

«Современный руководитель, — читаем в одном из партийных документов, — должен органически соединять в себе

партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу. Вместе с тем на любом участке руководитель обязан учитывать и социально-политические, воспитательные аспекты, быть чутким к людям, к их нуждам и запросам, служить примером в работе и в быту.

Как не вспомнить, прочитав такое, о партийных руководителях области Буянове и Соколове, выведенных Николаем Шундиком в романе «Зарок» (старое название «В стране синеокой»).

Бюрократический, волюнтаристский стиль работы Буянова и противостоящий ему ленинский, человеческий, основанный на партийной принципиальности стиль Соколова подводят нас к очень важному выводу: *мало желать добра — его надо уметь делать!*

Думаю, что идеологические работники Нечерноземья не ошибутся, если возьмут на вооружение и этот роман. В чем «секрет» успехов руководителей лучших хозяйств Нечерноземья? В том, что самой первой, самой главной своей заботой они сделали *заботу о человеке*. Не в коровниках и свинарниках только, не о тракторах и удобрениях — о человеке. Потому что знали, понимали, верили: забота эта не пропадет даром, она в конце концов окупится высокими надоями, хорошими хлебами, рекордными привесами. Иван Васильев об этом же сказал так:

«Задача, стоящая перед Нечерноземьем, — ускоренное развитие сельского хозяйства, — включает в себя всю цепь звеньев, без которых не может расти производство: жилье, школы, больницы, клубы, магазины, дороги, то есть все нужное для *главного ускорителя — Человека*. И нужное на современном уровне, а не вчерашнее».

Ту же черту в своем герое — председателе колхоза «Путь Ленина» Кировской области А. Д. Червякове — подмечает и Вл. Ситников в очерке «Человеку надо много»:

«По мнению Александра Дмитриевича, если председатель не хочет знать ничего, кроме скотных дворов, он рубит сук, на котором сидит, и рано или поздно жизнь предьявит ему свой счет».

Говорят: талант руководителя — это предвидение. Правильно. Но по отношению к председателям колхозов это еще и человечность! В самом деле, нужно в полной мере обладать этим качеством, чтобы в обстановке, когда от хозяйства требуется в первую очередь выполнение плана по молоку и мясу, взять да и начать строить жилье для людей,

детский сад, ясли, новую школу, больницу, новый магазин, столовую, а для девочек, чтобы не убегали в город, — открыть швейную мастерскую, организовать кружевоплетение; а весной — вспахать всем огороды; а на зиму обеспечить личный скот колхозников сеном; начать выращивать породистых лошадей, и когда в деревне свадьба, запрячь их в сани и по старинному обычаю, украсив дуги лентами, прокатить молодых вдоль всего села, чтобы и состарившись помнили...

Впрочем, прокатить вдоль села можно и на машинах — была бы улица заасфальтированной да проезжей дорога от деревни до деревни. Умные председатели решают и эту проблему. Но их усилия пока капля в море. Василий Белов в прекрасной публицистической статье, напечатанной в «Правде» 30 января 1979 года, об этом сказал так: «Судьба Нечерноземья решается теперь как раз в глубине районов, то есть в условиях абсолютного или относительного бездорожья».

О важности строительства дорог в Нечерноземье Леонид Иванов сказал еще более решительно: «...думается, не с дорог ли надо начинать осуществление грандиозной программы по преобразованию этой зоны».

Однако вернусь к разговору о руководителях хозяйств. Талантливый, опытный руководитель колхоза нельзя представить вне инициативы и хозяйского расчета, основанных на абсолютно точном знании возможностей своей земли, своего хозяйства. Стремление подобрать именно таких руководителей — одна из главных и постоянных забот работников районного звена. Да оно и понятно: какой смысл держать на капитанском мостике крупного современного *корабля*, каким является колхоз или совхоз, человека, который умеет управлять только *лодкой*?

Ну, а поскольку это так, то не пора ли — ставят вопрос писатели — районным работникам решительно покончить с практикой мелочной опеки «капитанов» и дать им наконец возможность самим вести «корабли»?

Эту же проблему поднял Иван Васильев в очередном своем очерке-исследовании «Допуск на инициативу», напечатанном в журнале «Москва» № 2 за 1979 год. Герой этого очерка, умный и инициативный председатель Михаил Ефремович Голубев, вдруг сник, опустил руки. В чем дело? А вот, оказывается, в чем.

«Голубев увял потому, — пишет Иван Васильев, — что в той огромной переделке, в сплошной переналадке, которая

идет в колхозе, председателю не оставлено места для инициативы. Ему отказано в праве думать самому».

«Место для инициативы» должно быть оставлено, доказывает Иван Васильев, и рядовому труженнику — полеводу и животноводу. «Создание такой атмосферы, в которой интересно делать свое дело наилучшим образом» — вот к чему должны стремиться сейчас все — от работников районного звена до председателя и бригадира, такой вывод делает автор.

За последние два-три года в жанре публицистического очерка, ставящего насущнейшие проблемы подъема Нечерноземья, Иван Васильев, на мой взгляд, встал в ряд с такими признанными авторитетами, как Юрий Черниченко и Леонид Иванов.

Среди множества проблем современной деревни Васильев умеет выделить главные, досконально изучить опыт — порой даже горький, — и все для того, чтобы немедля поведать о нем другим и тем самым вооружить людей знанием или предостеречь от ошибок. «Пусть в каждом новом случае, — написал он в конце одного очерка, — заранее будут учтены все углы, о которые мы набили шишек. Тогда автор будет считать, что он тоже делом участвовал в перестройке родной ему деревни».

Благородная цель! И Васильев достиг ее!

С высшей мерой добросовестности, с горячей заинтересованностью и, конечно, глубочайшим знанием положения дел пишут сейчас о деревне уже упоминавшиеся мною Владимир Ситников, Иван Сеницын, Вячеслав Пальман, Анатолий Иващенко.

Оглядываясь на то, что сделано писателями Нечерноземья за последние годы, ясно видишь, что на первый план вышли очерк и публицистика, причем верх взял, на мой взгляд, не художественный очерк, а проблемный — очерк-исследование.

Не устарели слова Валентина Овечкина — писателя, весь жар души, весь свой талант без остатка отдавшего деревенской теме, — слова, сказанные им двадцать четыре года назад:

«Думается, что в наше время очерк-исследование, как жанр оперативный, очень нам нужен. Если вся литература — армия, ведущая наступление на идеологическом фронте борьбы за коммунизм, то очерк представляется мне как бы небольшим подвижным разведывательным отрядом, выброшенным далеко вперед... литературная разведка боль-

ших жизненных проблем нам сейчас действительно очень нужна».

Окидывая придирчивым взглядом современную очерковую литературу о деревне, можно с удовлетворением отметить: завет выдающегося писателя нашей литературой не забыт.

У нас есть сейчас очень серьезная, в высшей степени полезная литература о деревне, но беда в том, что наши издательства, да и некоторые журналы относятся к ней, по установившейся традиции, как к литературе второсортной, издают ее мизерными тиражами, в виде брошюрок, к которым читатель утратил доверие, потому что какой только сухомятины не встречал в них.

Уверен, что очерки, о которых я уже говорил, попав на глаза читателям в приличном оформлении, не были бы равнодушно отложены ими в сторону, потому что в них они нашли бы горячий, страстный разговор о том, что не дает им покоя. Одним словом — надо восстановить в правах гражданства очерк и публицистику (и не только о нечерноземной деревне) как равноправный жанр литературы и печатать их не только в конце журналов мельчайшим шрифтом, который трудно разобрать даже человеку со стопроцентным зрением, но и впереди прозы, и таким же, как проза, шрифтом.

Печатать даже в «Роман-газете». Как, впрочем, и поэзию. «Роман-газета» правильно сделала, опубликовав в одном из своих выпусков прекрасную поэму о судьбе русской деревни Егора Исаева. Но смею утверждать, что достижения современной поэзии о деревне далеко не исчерпываются названной поэмой. Я уверен, что миллионы читателей Нечерноземья были бы глубоко благодарны «Роман-газете», если бы очередной выпуск ее познакомил их со стихами и поэмами самобытнейшего современного поэта — Ольги Фокиной.

Многочасность народного языка, все грани русского народного характера, подлинная гражданственность, глубокая социальность, лиричность — вот что характеризует творчество О. Фокиной. В обмен на хлеб, который дает нам крестьянин, право же, не стыдно было бы дать ему честную, чистую, напевную, не противоречащую народному речестрою и народному образному мышлению поэзию О. Фокиной.

Заметных успехов в утверждении в нашем сознании характера современного землепашца и война достиг также

Александр Романов. Его поэма «Черный хлеб», на мой взгляд, также достойна внимания широкого читателя.

Людам, поднимающим Нечерноземье, сейчас, как никогда, нужно обобщение положительного опыта, и особенно опыта той стройки, повторяю, на титульном листе которой значится: ЧЕЛОВЕК. Брошюр с техническими и научными рекомендациями мы выпустили предостаточно — все полки и шкафы в председательских кабинетах завалены ими. Задача состоит в том, чтобы обратить взгляд всех руководителей на человека, от которого в конечном итоге зависит судьба хозяйственных планов.

«Разбудить в человеке желание хорошо работать» — вот в чем состоит задача сегодняшнего дня.

В книге «Целина» Л. И. Брежнев говорит, что забота о благе для людей — «это всегда не только хозяйственная работа, а прежде всего политика, ошибки в которой дорого обходятся. За ошибки мы всегда излишне расплачиваемся: на войне — людьми, в мирное время — материальными и нравственными потерями».

Что греха таить, «нравственные потери» в нашей нечерноземной деревне были. И придется здорово поработать всем нам, чтобы их восполнить или свести хотя бы на нет. Думаю, что тут огромное поле деятельности и для прозаиков, и для поэтов. Бесспорно, у них есть определенные достижения. Но лучшие произведения из этого ряда, как известно, посвящены русской деревне кануна коллективизации, Великой Отечественной войны, первых послевоенных лет. Великий перелом, каким вошла в историю нашей деревни коллективизация, затем подвиг народа в Великой Отечественной войне нашли высокохудожественное отражение на страницах наших книг. Но мы не взгляделись с такой же пристальностью в события, которые происходят в деревне сейчас. Наш долг — рассказать о людях деревни, увлеченных своим делом, людях активной жизненной позиции, живущих наполненной духовной жизнью.

Ибо процессы, происходящие сейчас в деревне, мне представляются не менее значительными и интересными, чем в двадцатые и тридцатые годы, например, что и дает всем нам надежду, что «деревенская» проза в ближайшее время придет к новым художественным открытиям и докажет, что она далеко не исчерпала себя, как об этом поспешили оповестить читателей некоторые критики.

Николай ДОРИЗО
ЗЕМЛЯ РОССИИ

Когда древние землепроходцы уходили в неведомые им края, то, по традиции, они присаживались на дальнюю дорогу. Было о чем подумать, что вспомнить. Какие просторы ждали их? Где они найдут свою печаль и радость? «У нас горизонт тянет на великие дела»,— прекрасно сказал Леонид Леонов.

Горизонт России величав. Беспредельна ее земля! Но даже среди огромных расстояний народ хранил память о своем ядре, о тех землях, «откуда есть и пошла» Российская земля. Мы их называем Нечерноземьем. Слово не очень точное, ибо по составу почвы народ никогда не называл ту или иную местность. Земля-мать, земля-святыня воспринималась (независимо от геологического строения и анализа грунта) как великий подарок, как общенародное достояние. Она рожала хлеб, а где он не родился, то травы, а где не было трав, то грибы, ягоды... Поэтому высшее народное определение, полное любви и уважения к тому месту, где жилось и работалось, звучало так: земля-кормилица.

И все-таки в нашем понятии Нечерноземья заложено, как бы сейчас сказали, синтетическое значение. Трудная земля, требующая от века немалого пота, чтобы ее обустроить, выходить, сделать плодородной. Историческая земля, где труд рождал отвагу и честь, подвиги и славу. Культурная земля, ибо не одними отвоеванными у болот и леса деланками гордится она, но и многими художествами, своей архитектурой, памятниками древнего слова, творениями богомазов-живописцев. Центр России, средоточие ее земель.

Но мне видится и еще одно значение этому понятию — Нечерноземье. Братский союз народов, живших и творивших свою — российскую — историю сообща, вместе. Карелы и вепсы, мордва и коми, марийцы и удмурты. Русский мужик был им близок, они не знали с ним границ и делали одно общее дело — земледелие. И культура каждого народа, оставаясь по сути своей самобытной, откликалась на общую радость или беду. Война? Нашествие неприятеля? И в народных песнях, в сказаниях богатырской фантазии коми и марийцев, удмуртов и карел, будь то эпос «Сияжар» или «Калевала», воспевались стойкость, мужественность, героизм народа. Мирный труд? Честь и хвала воздавались примерным работникам, не жалевшим живота своего на возделывании пашни, корчевке леса, постройке крепких хором-домов. Социальная несправедливость, незащитность перед произволом богатеев? И здесь народное эхо откликалось единым призывом к справедливости, к лучшей жизни, к освобождению всех бесправных и угнетенных.

Разве современная литература Нечерноземья растеряла эти братские интернациональные традиции? Разве не волнуют, скажем, коми прозу те же проблемы, что поднимает в своих книгах Василий Белов? Или не прислушиваются ли русские поэты к прекрасной лирической свирели удмурта Флора Васильева?

Наоборот — именно сейчас, за последние десятилетия, союз культур, союз единых духом писателей окреп и возмужал. Поэтому мое слово, мой анализ коснется в основном национальных литератур Нечерноземья, их настоящего, их кровного и самого талантливого. Естественно, я ни в коей мере не претендую на исчерпывающий анализ всех проблем, стоящих перед ними. Это все равно что ложкой вычерпать море. Но главное, суть попытаюсь определить.

Но вначале, по традиции, присядем и поразмышляем.

Если литература — не схема, не конструкция, пусть даже искусно возведенная, но все же конструкция, она отображает не одну и не две даже самые важные, волнующие нас сегодня проблемы, она отображает нечто более широкое, то, что способен отобразить только художественный образ — она отображает жизнь со всеми ее противоречиями. Да и к тому же нельзя забывать о том, что самые острые, волнующие нас проблемы неразрывно связаны с днем, их породившим. Как раз в этом — их острота. Приходит новый день — приходят новые проблемы. А человеческий характер

в литературе вечен. Он волнует новые и новые поколения людей. Вспомним нашу бессмертную классику.

Нас и сегодня интересует, пусть не так, как людей тургеневского времени, а по-новому, по-сегодняшнему, проблема отцов и детей, которая выражена Тургеневым с гениальной художественностью. Только воплощенная в неповторимые и глубокие, яркие характеры проблема давно ушедшего дня остается жить на века. Гражданская страстность, заинтересованность автора в делах и заботах сегодняшнего дня, глубокий философский анализ жизненных явлений — вот то горячее, которое поднимает ракету художественного произведения на высочайшую орбиту.

Отрадно отметить, что художественный уровень наших национальных литератур за последние годы значительно вырос. Во всех без исключения национальных литературах Нечерноземья наступает период ломки заданных схем, ремесленных конструкций. На смену однозначному герою приходит объемный, порой противоречивый, как сама жизнь, человеческий характер.

Приведу имена поэтов и прозаиков которые стали известны всесоюзному читателю. Это чуваша Яков Ухсай, Анатолий Емельянов, Виталий Захаров, Владимир Садай; коми — Геннадий Федоров, Иван Торопов, Геннадий Юшков, Василий Журавлев, Петр Шахов, Альберт Ванеев, Серафим Попов; поэты и прозаики Удмуртии — Флор Иванович Васильев, память о котором долго будет жить, Олег Поскребышев, Трофим Архипов, Роман Валишин, Семен Самсонов; писатели Карелии — Яакко Ругоев, Николай Лайне, Тайсто Сумманен, Дмитрий Гусаров, Дмитрий Балашов, Анти Тиммонен; литераторы Мордовии — Кузьма Абрамов, Иван Пиняев, Илья Девин, Александр Мартынов, Никул Эркай; Марийской АССР — Миклай Казаков, Ким Васин, Александр Юзыкайн, Василий Юксерн, Аркадий Крупняков и другие. Конечно, как и всякий список, мой явно неполон. Но лучше судить не по перечню имен, а по тому, что эти имена сделали, создали.

«Как много нас нерусских у России!» — воскликнул Михаил Львов. Его продолжил Флор Васильев строками, ставшими, как у Львова, крылатыми:

...Хватает Волге широты и силы,
Но с Камою она еще сильнее,
И для меня бы не было России
Без маленькой Удмуртии моей.

Россия вбирает в себя десятки народов, их культуры, их самобытных и интересных художников. Чувство любви к родному краю, к родной земле пронизывает все поэтические сборники. Поэты воспевают сельскую жизнь, труд пахаря, красоту родной природы:

Поле, поле!
Как желтые дали раздались!
Ты живешь, золотое,
С людьми заодно,
И не здесь ли
Протяжные песни рождались?
Хлеб и песня —
Они породнились давно,—

пишет Миклай Казаков, один из первых национальных поэтов, удостоенных Государственной премии СССР:

Немало лет по речке утекло,
Сумели люди сердцем породниться.
В деревне, будто пальцам в рукавице,
Им друг от дружки славно и тепло,—

а это стихи Олега Поскребышева, русского поэта, живущего в Удмуртии и сроднившегося с этой землей.

Птицы вопрошают:
— Чьи вы, чьи вы? —
Над моею кружат головой.
Я кричу, как мальчуган счастливый,
— Ваш я, ваш до крыши гробовой,—

звучит голос мордвина Ивана Пиняева.

Бывают, конечно, и «перехлесты», когда непременно найдется автор, который будет считать свою любовь к родной земле чуть ли не уникальным чувством, а родную околицу — краем всей мировой культуры. Ведь не в шутку пишет Николай Журавлев:

Я знаю — будут оппоненты:
Мол, судишь ложно, шутишь зло...
Но только истинных поэтов
Рождает все-таки село.

Порой авторы впадают в разговор о родной земле в такую слащавую умиленность. Стихи становятся похожими на идиллии, на пастушеские пасторали. Читаешь их и невольно думаешь: если как раз в деревне такая райская жизнь, почему же из села молодежь порою тянется в город? Великие наши поэты Пушкин, Лермонтов, Тютчев, говоря о Родине, никогда не льстили ей. Лесть даже по отношению к родной земле недопустима.

Вот стихи Тайсто Сумманена, прекрасного, скромного карельского лирика. В них чувствуется подлинная любовь к родному краю:

Как много
Деревень родных
Не стало!
Их без числа порушила война,
Но сколько их не бурей разметало,
А в мирные угасло времена!

Автора глубоко волнуют проблемы сегодняшнего дня, он чувствует личную и кровную ответственность за будущее деревни. Да, села пустеют и в мирные дни,— очевидно, на это есть определенные социальные причины.

Как может писатель, пишущий сегодня о деревне, не задаваться вопросом: почему молодежь уходит из деревни в город? Конечно, уходит она не везде, и все-таки это явление не может не тревожить. Дело тут не только в том, что нет в данном, конкретном селе Дворца культуры или есть Дворец, но нет в нем культуры. Здесь проблема значительно более глубокая. Я бы определил ее так: «власть земли», связь человека с землей. Какова она в наши дни? Мы должны добиваться такого положения, и об этом уже не раз говорилось,— когда каждый крестьянин, земледелец, колхозник или рабочий совхоза шел бы к земле не потому, что его посылает бригадир или председатель колхоза, а шел бы к земле потому, что сама земля его зовет, шел бы не ради выгоды, не ради зарплаты, а потому что у него, как у подлинно земледельца, душа болит за эту землю.

В те давние времена, которые отнюдь не хочется идеализировать, связь хлебопашца с землей, существовавшей веками, была трудной, порой каторжной, но кровной, передававшейся от отца к сыну. Крохотный надел, обильно политый крестьянским потом, был как бы членом семьи, ее единственным кормильцем. Если есть он у тебя, ты хоть в какой-то мере чувствуешь себя хозяином, человеком. А без него куда денешься? Любовь к земле у крестьянина была нелегкой, выстраданной.

Землю,
как воздух,
как сладкий морс,
Бросишь,
и мчишь, колеса,—
Но землю,
с которою вместе мерз,
Вовек разлюбить нельзя.

Маяковский имел в виду землю, вспаханную снарядами, истерзанную гражданской войной, но, мне кажется, эти строки имеют отношение и к любви человека к земле, вспаханной крестьянским плугом. Крестьянин кожей чувствовал землю, землю-кормилицу.

Павел Шубин рассказывал мне, как весной, прежде чем начать сев, вся его деревня выходила в поле вслед за девяностолетним дедом поэта. Дед садился на сырую землю. «Рано сеять»,— говорил он. Но наступал такой день, когда дед, кожей чувствуя температуру земли, говорил односельчанам: «А сегодня пора, в самый раз!» И никогда не ошибался.

Конечно, нелепо сегодня идеализировать этот далекий, нищенский крестьянский уклад. Но мы должны все делать для того, чтобы связь человека с землей и в наши дни была самой кровной, чтоб человек в «нашем» чувствовал «мое». Как-то Егор Исаев очень метко сказал о тех людях, для которых земля «настолько наша, что ничья».

В современных колхозах и совхозах немало людей, по-настоящему, по-крестьянски любящих землю, любящих труд хлебопашцев. Со многими из них мне приходилось встречаться. А вот не так-то часто я узнаю этих людей на страницах наших книг. Пишут об этих людях писатели часто, руководствуясь самыми благими намерениями. Но они, герои колхозного труда, зачастую получаются в книгах мало похожими на себя.

В чем тут дело? Видимо, жизнь сегодня настолько усложнилась, что острые конфликты, без которых нет и не может быть литературы, надо искать не на поверхности, а в глубине, а для этого надо не только знать, но уметь художественно анализировать сегодняшнюю жизнь нашей деревни.

Талант начинается с доверия читателя писателю. Такая читательская вера в подлинность вымышленного героя, по моему, наивысшая похвала.

Я поверил герою повести коми прозаика Геннадия Юшкова «Иван-чай с белыми цветами», когда он, приехав в город поступать в техникум, так затосковал по родной деревне, что бросил все и уехал домой. «Если в твоей руке карандаш не удержался, хватайся за топориче,— рассерженно сказал отец.— Пойдешь лес валить». Он полагал, что запугает Александра. А тому смеяться хотелось от радости: опять он дома, «вон знакомый косогор за окном, речка, березы, синяя гребенка леса... Это же счастье».

Писатель не делает из возвращения своего героя в деревню проблемы. Этот поступок для Александра естественный, ему веришь, он вытекает из характера героя, который с самого начала повести ощущается мной, как характер живого, реально существующего человека. Хотя, замечу в скобках, что, может быть, подлинный герой художественного произведения сегодня тот, кто, возвращаясь на родную землю, приносит ей знания, соответствующие высокому уровню сегодняшнего агротехнического дня.

Чувашский писатель Владимир Садай, умеющий писать тонко и лирично, если судить по такому его рассказу, как «Одинокий куст», поставил проблему возвращения своего героя, благополучно сдавшего экзамены в институт и вернувшегося в родное село работать пастухом, в основу сюжета повести. Но это возвращение героя к родным пенатам, которое должно быть показательным и актуальным сегодня, выглядит как-то нарочито, несколько смутновато, потому что сам характер героя не прописан, незрим. Да, любая, даже самая важная проблема без живого человеческого характера не действует, не впечатляет. И все-таки отрадно отметить, что на нынешнем этапе интересы писателей и поэтов все активнее сосредоточиваются на художественном исследовании социально-нравственной проблематики. Как в прозе, так и в поэзии возросла роль лирико-философского начала, в результате чего глубже и проникновенней стал выявляться внутренний мир нашего современника.

Отрадно и то, что лирико-философская поэзия все настойчивее обращает свое внимание к такой теме, которой она раньше вроде бы чуралась, — к теме труда. Труд — смысл жизни. Работа — основа жизнедеятельности. И если раньше в отечественной поэзии немало писалось поверхностных «производственных» стихов, то сейчас мысль и чувство поэтов идут намного дальше и глубже конфликта передового рационализатора с бюрократившимся главным инженером.

В этой связи меня обрадовала книга Николая Лайне «Шумели зеленые сосны». Очень тепло и проникновенно поэт говорит о простых людях Карелии, о каменотесах, кузнецах, кормщиках, плотниках, лесорубах. Для него природа — это тоже труженик:

Так в праздник урожая — среди равнин —
Огни костров летят до небосвода.
Все — честная и добрая природа
Исполнила! В долгу лишь я один...

В этой книге поэт обретает истинно поэтическую речь, говоря о родной земле. Воспевая красоту северного, с детства знакомого, озера, он пишет:

Дай припасть к твоей яростной шири,
Смыть усталость проселков глухих.
Без тебя много радости в мире —
Только не было б песен моих.

А вот рядом с этим стихотворением — строки, с которыми я не могу согласиться. Мальчик спрашивает отца:

— Папа, отчего, скажи, бывает
Шрам такой, как на щеке твоей? —
...Как ему отвечу я на это,
Что отец другого огольца
Мне в лицо плеснул из пистолета
Сгустком раскаленного свинца?
...Нет, не смею погасить я в сыне
Веру в человечесью доброту.

И отец сочиняет для мальчика сказку о каких-то нереальных зловещих духах, как он с ними бился и победил:

Чтобы на лице родного сына
Страх не отражался никогда.

Не думаю, что сегодня нет нужды говорить детям о фашизме, чтобы их не пугать. Я более согласен с Тайсто Сумманеном, который пишет, обращаясь к детям:

Вы о войне всю правду знать должны,
Какой ценой далась отцам Победа.

Может показаться странным, что, заговорив о проблемах ухода молодежи из деревень, я вдруг обратился к военному времени. Но все взаимосвязано. Чувство патриотизма прививается человеку не одним поколением, а всей историей народа. Тем более когда речь идет о молодых читателях и молодых авторах — таких, как, к примеру, поэт Валентин Устинов, бывший петрозаводчанин, а сейчас москвич по местожительству. И он относится к той же «северной плеяде», которая охватывает современный день в его исторической перспективе. Не все у Устинова получается ровно. Так, в одной из своих поэм он строит сюжет на возвращении (опять-таки!) «блудного сына» в родную деревню, где им же был брошен старик отец. Все правильно, может сказать читатель, такие случаи есть, но — увы, увы! — вся-то наша боль, пафос нашей «деревенской» прозы заключается как раз не в показе таких единичных,

положительных примеров, а в обратном — в призыве не бросать землю, безрассудно оставляемую сельскими жителями, в обрисовке тех нравственных и духовных потерь, с которыми связан такой «уход». Внутренне перекликаются с пронзительным рассказом Василия Белова «Холмы» и такие вот строки Валентина Устинова: «Где твой отец? И где он — мой отец? В одной земле — в большой земле России...» Все бы хорошо, скажет читатель, но ведь эти строки относятся не к земляку поэта, не к его старшему другу. Речь идет об обращении нашего парня, потерявшего на войне отца, к своему ровеснику немцу, также познавшему горький хлеб безотцовщины. Не веет ли в таком случае от стихов Устинова некоей примиренческой позицией? Мол, чуть ли не всех породнила земля. Нет, «большая земля России» (а это — удачное выражение) для одних стала пухом, а для других — завоевателей, поработителей — бесславным и позорным концом, не оставившим сейчас, по прошествии тридцати с лишним лет, ни холма, ни памяти по себе, ни почестей.

Поэзия очень чутка. И неточно сказанное слово — независимо от самых благих намерений автора — меняет весь смысл. В связи с этим хочу привести стихотворение Николая Лайне «Сын мой на песке прибрежном». Сын уснул на прибрежном песке:

И как будто вся природа
Матерью над ним склонилась.
Ветерок дохнуть не смеет,
Ива — шевельнуть листвою.
...Мол, пускай поспит мальчишка!
В это время — где-то в джунглях,
Достигая туч небесных,
Пламя смерти польхает.
И наполнен жаркий воздух
Резким скрежетом и свистом.

Я разделяю с отцом желание, чтобы его сын мог спокойно спать на прибрежном песке. Но я невольно думаю о тех детях, которые где-то в джунглях погибают от вражеских пуль. О них в стихотворении не сказано ни слова, и невольно получилось так, что все сводится к тому, чтобы спокойно спал мальчик. Автор доходит до высочайшей патетики:

А над стонущей землею
Небо руки заломило:
— Дайте же поспать спокойно
Сыну на песке прибрежном!

Я не против гиперболы, поэтического преувеличения. Но я за то, чтобы толчком для гиперболического взлета была реальная почва.

Позволю себе небольшое отступление. Не так давно я прочитал стихотворение молодого поэта, в котором говорится о том, что у лирического героя нет денег для подарка своей любимой в день рождения. Но пусть она по этому поводу не печалится. Он ей дарит ожерелья огней Красноярской ГЭС. Если бы этот самый лирический герой не в стихотворении, а в жизни сказал бы своей любимой такую фразу: я, мол, тебе дарю в день рождения не букетик ландышей, а огни Красноярской ГЭС, то она или восприняла это как насмешку, или приняла бы его за не вполне нормального человека. А вот если бы лирический герой был строителем Красноярской ГЭС, строил бы ее своими руками, такая гипербола — дарю тебе, любимая, ожерелье огней Красноярской ГЭС — была бы вполне допустима.

Или — другой пример. Молодой поэт Сергей Галкин пишет:

Я виноват
 перед землей,
Что так грешна
 земля,
Что все смешалось
 в ней —
 и боль,
И песня соловья.

Сказано вроде бы громко. Но вдумайтесь, почему поэт виноват перед землей, что она испокон веков такая. Он, что ли, создал ее такой? А мог бы создать значительно лучшей? Да, в жизни есть и боль, и песня соловья. И за это поэту винить себя не надо. Жизнь прекрасна. Помните, у Блока:

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!

Стихи — это сама жизнь, выраженная в поэтической форме. Стихи зарождаются значительно раньше того момента, когда поэт берется за перо. Они начинаются с личности поэта, с его жизненной деятельности. Тогда и слово с делом не расходится.

Хочется вспомнить слова парторга из повести «Мои счастливые дни» чувашского писателя А. Емельянова, став-

шего известным всесоюзному читателю еще по роману «Разлив Цивилия». Герой его повести говорит: «В самом деле, почему человечеству так дороги имена великих людей, будь то художники, ученые или революционеры? Да потому именно, что слова их не расходились с делами, потому, что за слово свое, за свое убеждение и веру они с достоинством шли на плаху, на костер, на каторгу, под пули».

Действительно, прежде чем написать стихи, или рассказ, или роман, надо их прожить, не фальшивя своими делами. Исток стихотворения — это не литературный поиск, а живое человеческое сострадание к ближнему или чувство гнева, обиды по поводу несправедливости, любви, гордости. Чувство, которое поэт должен испытать в жизни, а не за письменным столом и которое должно вызвать необходимость его поэзии. Стихи как ракета, чтобы им взлететь — нужен взрыв. Да и к тому же ракеты многоступенчатые. Ступени бед, потеря, обид — вот носители стихотворной ракеты. Но вот наконец ракета взлетела: летит и поэт. И пусть он находится в состоянии горя, обиды, гнева, главное — он испытывает высочайшее счастье, счастье творчества.

Поэтому читатель всегда может угадать, когда стихи рождены подлинным живым человеческим чувством, а когда они придуманы за письменным столом. Слово обладает удивительной теплопроводностью. Читатель — соавтор писателя. Он за него досказывает стихи, повести, романы, дополняя и как бы продолжая их своим восприятием, своими ассоциациями, всем своим строем души, всей своей жизнью. Повторяю, талант ощущения читателя — это прежде всего человечность.

Меня взволновало стихотворение Николая Лайне «Письмо к другу». В нем автор с неподдельным теплом говорит о тяжелой вдовой судьбе, о погибшем на фронте друге. Стихотворение — не сентиментальное, а тревожное. Мы помним и о погибшем друге, и о его вдове, «и все же, все же, все же», — как писал А. Твардовский, не хватает, в повседневности нашего сердца, чтобы отдать вдове свое тепло и участие. Не хватает внимания к ней, к ее заботам. Порой ей нужна мелочь, а мы как раз в мелочах бываем небрежны.

Такой же человечностью отмечены стихи Николая Лайне «Можжевельник», «Жалоба Пашки», «Родная деревня». Поэт не впадает в умиление, вызванное картинами детства.

Не оторваться от земли — вот что его тревожит, не растерять те нравственные ценности, которые воспитываются в нас общением с родной природой, не потерять по-детски свежего и яркого восприятия жизни, любви и уважения ко всему живому.

Надо сказать, что в карельской поэзии, ярким представителем которой является Николай Лайне, да и не только в карельской поэзии, но и в поэзии других национальных республик, в последние годы изменился взгляд на природу, на взаимосвязи человека с ней.

Если прежде поэты смотрели на природу только как на эстетическую категорию, то в наше время национальные литераторы все больше задумываются над судьбами природы, а значит, и самого человека на земле. Любовь к природе в наши дни становится у человека инстинктом самосохранения. Эта любовь становится тревожной, действенной. Забота об окружающем нас мире — это забота о наших детях. Ведь реки, леса, озера да и, наконец, сам воздух нашей планеты принадлежат прежде всего им. Это их самое большое богатство. Можем ли мы, родители, отнимать у наших детей это богатство? По существу, грабить собственных детей, пользуясь их беззащитностью? Ведь они-то еще малы. Они постоять за себя не могут. Даже песцы — о чем рассказывает в своем романе «Белый шаман» Николай Шундик — заботятся о своем потомстве. Прежде чем вступить в брачный период, они заготавливают для своих детенышей корм.

Не перестаешь удивляться тому, насколько в природе все гармонично и разумно. Один из героев повести «Осенняя песня» коми писателя Ивана Торопова говорит: «Хороший хозяин не подорвет корни своего хозяйства... Еще отец говорил мне, что в тундре гуси нарочно высидывают выводок около орла, поближе к его гнезду. А тот не только не разоряет их гнезда, но еще и песцов отгоняет... Только уже после высидывания, когда появляются гусята, хозяин начинает брать дань: хватает молодых птиц. Тогда гуси сматываются подальше от своего часового...»

Эта повесть Ивана Торопова радует тонким, лирическим письмом, сквозь которое проступают живые, незабываемые характеры героев. В повести не происходит огромных, глобальных событий. Охота на уток. Вот и все. Но эта охота дает повод писателю раскрыть сложные человеческие отношения

Кстати, наша критика уже не раз обращала свое внимание на произведения коми прозаиков. В Коми АССР работает прекрасный отряд писателей, создающих повести и романы на сельскую тему, о труде охотников и рыбаков, о лесозаготовителях и егерях. Причем коми проза интересна прежде всего своим высоким эстетическим уровнем, мастерством психологического раскрытия коллизий жизни. Среди прозаиков северной земли Иван Торопов занимает одно из ведущих мест. Его проза застрахована тонким поэтическим вкусом.

Говоря о коми литературе, подчеркивая ее успехи, нельзя не сказать и о близости отдельных книг писателей-северян к произведениям поволжских литератур. Так, в рассказе А. Емельянова «В выходной день» остро и глубоко поставлены экологические проблемы. Герои рассказа — секретарь райкома, рядовые колхозники и работники лесничества — по-настоящему озабочены защитой окружающей нас природы, которая показана в рассказе с большой любовью. Этот рассказ является несомненным достижением А. Емельянова и всей чувашской прозы.

В романе «Руокоранта — тростниковый берег» Яакко Ругоева тема разумного хозяйствования, тема охраны природы приобретает психологический, нравственный аспект. Герой романа, хищнически расходуя лесные богатства, уничтожает и в себе доброе природное начало. Он высокомерен, заносчив, чванлив. «Попад однажды в списки ответственных лиц, — пишет автор, — он изо всех сил старался удерживаться в этих списках. Обнаружив свою неспособность, он готов был сейчас же принять любое новое назначение, лишь бы только это была «руководящая работа». На новом месте он умел сразу «развернуть работу». Все, что делалось его предшественниками, он объявлял бесполезным, бестолковым или даже вредным и умел пустить в ход такие рычаги, которые поначалу создавали впечатлительные положительные перестройки дела».

Тема «Человек и природа» — одна из главных тем коми писателя Геннадия Юшкова. Этот умный, талантливый прозаик начинал как поэт. Да и остался поэтом в своей прозе. Он хорошо знает своих героев — людей сегодняшней деревни, потому что вырос и возмужал вместе с ними. Вот один из его рассказов, носящий автобиографический характер — «Коно Семо». Герой этого рассказа заменил автору погибшего на фронте отца: «Коно Семо, или по-русски Семен Кононович — не был мне родственни-

ком, не был крестным отцом... Коно Семо был для меня тем человеком, который делал затески на моей жизненной тропе, чтобы я не заблудился». Эти слова являются ключом к пониманию многих произведений Геннадия Юшкова. В них незримо присутствует его духовный отец Коно Семо. Прежде всего я имею в виду повести «Иван-чай с белыми цветами» и «Медведица с медвежатами».

В небольшой по объему повести «Медведица с медвежатами» перед глазами читателя проходит вся жизнь двух стариков — Микулая и Емеля, двух резко противоположных характеров, двух резко противоположных взглядов на жизнь. Единоборство справедливого и несправедливого. Единоборство добра и зла. Емель всю жизнь ищет тропинку похитрей, поглаже, повыгодней. Если Микулай, работа, рядовой колхозник, солдат-фронтовик, израненный на войне, в послевоенное время живет бедно, почти впроголодь, то Емель и не нюхал пороха, никогда не снисходил до звания простого колхозника, служил на Севере в военнизированной охране. Вернулся сытый, откормленный, в легких хромовых сапожках и устроился лесничим. Всю жизнь он старается духовно победить Микулая, доказать, что его собственная точка зрения на жизнь единственно правильная. Это необходимо ему, чтобы обрести уверенность в себе, твердую почву под ногами. Микулай не ведет с ним бесконечных споров, он просто живет своей жизнью, своей правотой. Он не мстит Емелю в ответ на его гнусные подлости, не поддается на его заигрывания, когда тот заискивает перед ним. Микулай не реагирует на все это, что особенно тревожит, даже бесит Емеля. В спокойствии Микулая, незлобивом, естественно соответствующем его характеру, Емель ощущает обидную форму презрения. Их вражда с годами не затухает, а становится еще непримиримее, хотя оба они уже стали стариками. Взрыв их вражды, наиболее острое столкновение происходит по, казалось бы, не такому уж значительному поводу, куда менее значительному, чем поводы, которые были прежде. Однако это лишь на первый взгляд.

Микулай рассказал Емелю, где находится берлога медведицы с ее малыми детишками. А Емель привел к берлоге охотников. «Они хорошо заплатили... — оправдывается он перед Микулаем. — За всех троих заплатили. Ты не бойся, я с тобой рассчитаюсь, Микулай!» И тут Микулай сделал то, что никогда не делал, даже когда Емель совершал

по отношению к нему преступные подлости. «От короткого удара голова Емеля запрокинулась...»

Вот пример того, когда проблема охраны природы, за которую мы в ответе и которую мы призваны беречь, существует не сама по себе, а входит как бы вовнутрь произведения, высказывается через характеры. А потому так убедительно впечатляет.

Говоря о связи человека с природой, я хочу остановиться еще на одном произведении Геннадия Юшкова, на его рассказе «Висар». Рассказ занимает несколько страничек, а сказано в нем много. Он хорош тем, что, как всякое истинно художественное произведение, его трудно пересказать, хочется поделиться радостью от прикосновения к подлинному таланту и процитировать его целиком, что, конечно, невозможно. Герой рассказа Висар всей своей жизнью связан с природой. Он знает в лесу каждую тропинку, читает хитрые звериные следы, понимает каждый шорох листьев. Он относится к природе по-хозяйски. Он не трогает глухарку на яйцах: «Не бойся...— тихо проговорил Висар,— досиживай». Он выпускает рыбу мелочь в реку: «Плывите!» Он освобождает черемуху от поваленной ветром осины: «Живи!»

Висар менее всего похож на хищника-браконьера, уничтожающего все вокруг. Но к концу рассказа мы понимаем, насколько это жестокий и коварный хищник. В начале рассказа нас подкупает в нем трудолюбие, бережное отношение к природе. Мы как-то не замечаем, что, когда он обращается к глухарке, сидящей на яйцах: «Не бойся... досиживай», он прибавляет: «А уж осенью я приду». Когда, выпуская рыбу мелочь в воду, он говорит: «Плывите!» — добавляет: «Может, когда в мои мережи попадете!» Спасая черемуху от поваленной ветром осины, приговаривает: «Живи! Приду к тебе за ягодами». В конце рассказа мы начинаем понимать, что природа ему нужна только для своего личного обогащения, что в каждом его с виду добром поступке есть свой дальний расчет. Когда же он встречает в лесу лося, который нужен ему сейчас, никакие запреты его остановить не могут. Он всаживает в него пулю, добывает раненого ножом и, когда при этом зачерпывает в сапог болотной жижи, срывает свою злость на убитом лосе. «Сатана проклятый,— выругался Висар,— не мог на сухое место упасть?!»

Перед нами ярко написанный многоплановый образ шкурника, стяжателя, показанный с предельной контраст-

ностью. Жизнь многогранна и противоречива, и поэтому без контрастности ее невозможно отобразить во всей полноте и глубине.

Читая книги наших национальных авторов, я не раз себя ловил на мысли, что тот или иной перевод хорош или плох. Но это — тема для особого разговора. И все-таки не удержусь, чтобы не отметить языковые неточности, небрежности, а то и просто нелепость: например, о глазах сказано: «Большие глаза, похожие на голубые неспелые яблоки...» О старухах, едущих в вагоне поезда: «Худые и строгие, они чинно столбиками сидели». Портрет положительного героя: «Коротко остриженная голова торчит из темного костюма золотым круглым орехом». О девушке: «Она шла, легкая, как пробка». Как часто не точно переводятся у нас нюансы художественного мышления, неразрывно связанные с особенностями национального языка.

Заканчивая свои размышления о прозе и поэзии национальных писателей автономных республик Нечерноземья, я еще раз подчеркну их кровную и духовную связь с русской литературой и с теми проблемами, которые она сегодня поднимает. Развитие новой целины проходит от карельских лесов до марийских лугов. Хотелось бы, чтобы писатели не только обращались к таким, безусловно, важным темам, как защита окружающей природы или историческая память поколений, но и воспевали труд современного мелниратора, животновода, зоотехника. Это — лица современного села. Их трудами наш стол должен стать обильным и щедрым.

У Яакко Ругоева, всеми своими корнями связанного с народным творчеством, есть такие строки:

Высечь искру из камня
И вправду куда уж как просто!
Но не каждый сумеет
Раздуть ее в пламя костра...
И коль негу уменья,
Огнем не займется берёста,
А без этой сноровки
Не пробуй попасть в мастера!

У нас, как никогда, есть сегодня все возможности, чтобы поведать миру, поведать нашим потомкам о том удивительном времени, в котором посчастливилось жить.

Александр РОМАНОВ

ПОЛЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Поле... Это слово глубоко по своей смысловой емкости — поле хлеба, поле боя, поле деятельности. Им можно выразить — так или иначе — меру причастности любого человека к благу своей Родины. Однако когда мы произносим его, прежде всего представляем самый изначальный смысл — с великим трудом распаханную многими поколениями землю, с которой тянутся к солнцу и дождю колосья.

Еще в 1962 году Александр Яшин написал повесть «Вологодская свадьба» — задолго до нынешних жарких разговоров о судьбе российской деревни, задолго до теперешних лихорадочных поисков путей возрождения российского поля. В то же примерно время появился и знаменитый очерк Федора Абрамова «Вокруг да около», сразу всколыхнувший общественную мысль о неблагополучии в нашей деревенской жизни. А потом ошеломительно ярко вспыхнуло «Привычное дело» Василия Белова. Появились и другие произведения, ставившие все те же острые вопросы и жгучие проблемы нашего бытия.

Вот еще когда выразилась глубинная мера совестливости и причастности этих художников к судьбе родного народа. Это именно та мужественная писательская зоркость, которая позволила им рассмотреть правду жизни, как бы ни была она горька и затенена разными обстоятельствами, еще в ту пору, когда директивных решений по поднимаемым проблемам пока не принималось.

Уж так оказались сильны, могучи ветви русской и со-

ветской литературы, питаемые соками, идущими с корней крестьянской жизни, что в зелени их и поныне трепещет само Время. И удивляться этому не приходится, ибо трудны пути развития крестьянства, собственно, во многом пути нашего народа в социализм, в индустрию, в грядущее, в философское осмысление человеческого бытия вообще. И зачем тут это унижительное словечко «деревенщины»?

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполе,
Дала мне все, ничем не обделя,—
Ни радостью, ни гордостью, ни болью,
А под ногами глина да песок,
Да вперемежку скудные подзолы,
Но первый для меня ржаной кусок
Вращен на этих пашнях невеселых...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?..

Земля наших отцов и дедов... Для кого-то эти огромные березовые пространства — просто Нечерноземье, даже «Нечерноземка», даже «вторая целина», а для многих из нас, а в лице нас и для миллионов людей — это прежде всего Родина! Малая и большая — вместе, единственная на свете!

Поэтому нам говорить и писать о Нечерноземье — значит говорить и писать, по существу, о судьбе своей Родины, о судьбе народа, к которому мы по рождению принадлежим, — о минувшей, нынешней и будущей жизни русского народа — коренного народа нашей страны. Это ни для кого не должно быть обидно или досадно, это просто справедливо, ибо русский народ исторически и героически доказал, что именно он — основа братства всех народов нашего великого Союза.

Александр Яшин как-то сказал, что, если у него на родине потрясения — и у него душа не на месте. Вот истинная, нервная связь писателя с жизнью своих земляков. Многие писатели, вышедшие с вологодской стороны, чувствовали и чувствуют себя именно так, как Яшин. Это не местничество, не областничество. Оглядка на свой деревенский дом, затерянный в далеких лесах, растворенный в светлом северном крае, всегда придает талантливому человеку особую чуткость и зоркость вообще к жизни народа, выводит его повсюду к большим высотам — к отзывчивым человеческим сердцам.

Русская деревня, как, разумеется, и деревня карельская, чувашская, коми и т. д., пережила коренные социальные потрясения. Надо поражаться, как это она после таких потрясений донесла до нас и свой удивительно поэтический язык, и свое простодушное, милое обличье, исполненное глубокой внутренней силы и красоты.

Мне довелось побывать на Пушкинском празднике в селе Михайловском и там увидеть расторможенное народное озарение. Ярмарка, торжество красок, соперничество района с районом своими торговыми рядами. Откуда что взялось! Будто впрямь из сказок Пушкина. А вокруг — скромные, трудные, щемяще трогательные псковские поля. На них нелегко выращивать хлеб. Именно эти поля видел Пушкин, в окруженье их писал свою великую трагедию «Борис Годунов» об исторических судьбах своей родины — России. Это ли не пример всем нам?

Деревня веками держалась семейно, кучно, многолюдно. Всем хватало ремесла и всякого дела, конечно ручного. Теперь в деревне дела лишь «железные», механизаторские... Постепенно, но грозно нарушилось равновесие мужского и женского населения. Нет в русской деревне невест — они все в городах. А человек в деревне без семьи — какой же он крестьянин? Значит, надо вновь искать утраченное здесь «красное место» для девушки, для женщины.

Глаза наши далеко видят то, что теснится позади. И, странное дело, теряют свою остроту, когда озирают день сегодняшний. Здесь прошлый опыт годится не всегда. Вечно текущая жизнь гораздо изобразительней нашего опыта. Поэтому о судьбах нынешнего и предстоящего поколений писать значительно труднее, ибо молодость и новизна — всегда чудо и тайна.

Россия огромна, но литература, творимая на ее неоглядных просторах, видна внимательному взгляду отовсюду, с любой точки нашего местожительства. А литература — это часть судьбы Родины. И если мы хотим, чтобы Родина наша, Россия, светло и ответственно несла в мире свое имя, наше слово должно быть действительно делом.

Обо всем этом выстраданно, сильно и свежо звучит во многих книгах: в романе Федора Абрамова «Дом», в повествовании Василия Белова «Кануны», в поэмах Егора Исаева «Даль памяти», Сергея Викулова «Родина», Ольги Фокиной «Полудница», Вадима Кузнецова «Возвращение» — этот замечательный ряд можно продолжать. И он продолжается.

Владимир КОРНИЛОВ

ПОЗНАНИЕ СУТИ БЫТИЯ

На асфальте одной из костромских улиц девочки играли в «классы». Обычная игра эта проходит через подростковый возраст всех поколений. Но вот что вдруг обратило мое внимание: в той дальней размелованной клетке, где прежде всегда девочки выводили слово «Рай», было написано: «Ресторан».

И счет у девочек шел не на очки, а на рубли, которые они задолжали в этот созданный их воображением ресторан.

Я далек от того, чтобы взваливать на плечи этих девочек горечь и тяжесть сместившихся нравственных понятий. Но подростки играли на улице, мне знакомой, и жили в домах этой улицы с отцами и матерями из тех, которые, в два последние десятилетия особенно, оставили землю, деревенские дома и переселились в город, заявили в другую, по их понятиям лучшую, жизнь.

Мы жалеем привычную нашему чувству сельскую сердцевину России. И жалея, без умысла идеализируем все, что теряем. И больше всего другого тревожимся думой о том, что вместе с прежней деревней уходит носительница здоровой человеческой нравственности.

Валентин Распутин и Василий Белов наиострейше выразили эту боль потери, разрыва вековых родственных связей и чувств и силой своего живого слова заставили задуматься о том. Кому, как не литераторам, разобраться в сути происходящего и выразить не только боль расставания с Матёрой, но и понимание действительно происходящего?!

Вернусь к тем девочкам, которые играли в «ресторан». Старшие их братья уже работают на заводах, именуют себя рабочим классом. Но кто-то из этих братьев на одном из заводов города снял плату электронного управления со сложнейшего станка, приобретенного на валюту, выдрал, разрушил вместе с платой всю схему управления, которую лучшие заводские специалисты восстанавливали два месяца. Этот беспечный человек позарился на электронную плату только для того, чтобы оснастить свою магнитолу американскими транзисторами.

Представить невозможно, чтобы поднял руку на свой завод кадровый рабочий, приобщенный к нравственным принципам своего класса. А вот человек-собственник руку поднял, нисколько не заботясь о своей нравственной несостоятельности, о том, чтобы соотнести свое дешевенькое развлечение с потерями других своих товарищей по труду, с общими для государства потерями.

Как ни горько сознавать это в своей любви к деревне, но прихлынувшая от земли в города крестьянская масса дала нашему народу не только Ломоносовых, Рублевых, Чапаевых, Жуковых, Королевых, Гагариных, но и большую прослойку городского мещанства, которое, сохраняя собственническую психологию, стало жадно накапливать материальную внешнюю городскую культуру и очень медленно приобщаться к действительным духовным богатствам, волей истории сдвинутым со всех сторон в города. Эта категория людей, энергичных, сметливых, но сохранивших в душе корни собственника и оказавшихся в погоне за материальными богатствами города на нравственном перепутье, с художественной убедительностью запечатлена в повестях и рассказах нашего старейшего писателя, коренного костромича, выходца из той же деревни — Николая Павловича Алешина.

Жалея уходящую деревню, мы порой склонны не видеть передававшуюся от века к веку нравственную неоднородность сельского жителя, в которой проявлялась его социальная неоднородность. Смотреть на это надобно открытыми глазами, как и на подчас нечеловеческие трудности деревенского бытия, которые сельскому жителю приходилось переживать и которые конечно же кидали свой отсвет и на характер, и на нравственность, и на судьбу сельского человека.

И все-таки я за тех, кто поет славу российской деревне. Потому что основы общечеловеческой нравственности выра-

батывались и там, в деревне, в тяжелой, но удовлетворяющей душу крестьянской работе.

Такие извечные основы общечеловеческой нравственности, как потребность в труде, любовь к земле-кормилице, мирская помочь, доброе, сочувственное отношение к другому человеку, будь он и сторонний путник, уважение к старейшему, к его житейскому опыту — все эти составные человеческой нравственности, рожденные условиями деревень, сел, самого крестьянского бытия на земле, — все они являются основой нравственности социалистической. Может быть, даже больше: великий педагог, мыслитель творческого склада Василий Сухомлинский считал доброту, доброе отношение к человеку основой коммунистической нравственности.

Нравственность рабочего, нравственность городского интеллигента корнями своими, как и родословная каждого, уходит в крестьянскую нравственность. Разумеется, обозримая целостность крестьянского труда до его радующих результатов отличается от разделенности труда рабочего, где целостность и завершенность его зависит от всех других частей завода, отрасли, рабочего коллектива в целом. Разделенность труда рождает и новые отношения между людьми, новые требования к их поведению, чувствованию, к их жизни вообще: понятие «мое» переплавляется в понятие «наше», интересы семьи расширяются до интересов коллектива, интересы общины — до интересов общества в целом. Но сама основа общечеловеческой нравственности, выстраданная трудовым крестьянством (великая ценность наша!), не исчезает с земли вместе с исчезновением российских деревень — на незыблемые нравственные ценности, выработанные народом, его тысячелетним бытием, опирается и высшая человеческая нравственность — нравственность коммуниста.

Вот почему труд наших писателей-«деревенщиков» (я это слово употребляю в добром смысле), сыновней болью болеющих за судьбы российских деревень, заслуживает низкого нашего поклона: их книги — духовная опора тех, кто хочет быть нравственным.

Обозревая, насколько можно обозреть необозримое море издающейся у нас литературы, досадливо ловишь себя порой на мысли, что ты, страждущий и жаждущий, пьешь и не можешь напиться, хотя вода вкусна и в меру холодна. И кажется, эта неутолимая жажда оттого, что, несмотря на имеющиеся в нашем писательском мире могучие та-

ланты, мы робеем прорваться мыслью к самой сути жизни человека.

Ближе к поискам нравственно-философских корней жизни подошли Юрий Бондарев, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Белов. Но нужны, и видимо еще немалые, усилия, чтобы раздвинуть силой художественного видения еще не дающуюся даже проницательному взгляду суть, смысл современного человеческого бытия. Нам нужно познание этой живой сути бытия, чтобы средствами художественной литературы помочь каждому активно мыслящему человеку прозревать пути к нравственному возвышению, к совершенствованию человеческих отношений и самой жизни. Читающая публика ждет от литературы не иллюстраций, а художественных открытий.

Художественная литература наша неминуемо будет обогащаться силой *позитивного* исследования жизни. При всей сложности, я сказал бы, смешанности современного бытия жизнь дает нам и характеры, и судьбы, и события для утверждения образной силой искусства. Убежден: возможность утверждения действительного позитивного проявления жизни есть качественно новая черта социалистической литературы. В жизни всегда есть правда отрицания и правда утверждения. Вторую правду видеть, тем более художественно увековечить, труднее. Но она есть и нужна читателям наших книг: люди хотят знать не только, как не надо жить, они хотят знать, как надо жить и что же это такое — действительное человеческое счастье?

Девочки, играющие в «ресторан», и человек, сорвавший плату со станка, — негативная сторона правды. Трудно было бы убедить себя в позитивном назначении художественной литературы, если бы в самой жизни не было другой, утверждающей ее стороны.

Известна мне судьба другой девочки, также в свое время играющей в «классы» на городском тротуаре. Девочка эта по убеждению уготовила себе не городскую, а деревенскую судьбу — стала агрономом в одном из дальних районов нашей области. Не было бы в том ничего особенного, если бы работа ее стала просто работой. Но...

Известно, что питающим корнем крестьянской нравственности была неотрывная, все тяготы переживающая любовь крестьянина к земле. Любовь шла от близости, от соперничества, от необходимости земли в человеческой жизни и питалась этой близостью.

Ныне между ногой человека и землей пролегал асфальт и непроницаемая синтетическая подошва — нарушилось даже естественное биологическое единство человеческого тела и земли. Между трактористом, вспахивающим и засеивающим землю, и самой землей пролегли стальные траки гусениц и сотни железных лошадиных сил. Действия человека стали могучи, но эта техническая могучесть поставила его *над* землей. Комбайнер теперь не пропускает хлеб по-крестьянски десятки раз через свои работающие руки, не обласкивает ладонями, не прикидывает ревнивым взглядом срок его питающей силы. Земля под колесами машины проде бы уже не ощущается кормилицей, производство хлеба становится будничной плановой работой, где есть количество гектаров и тонны убранных зерен. Машины дают силу и встают между извечной любовной сближенностью крестьянина и земли.

Мне приходилось в одном из колхозов области, в колхозе «Сандогорский», трудном по условиям жизни и работы (хозяйство расположено среди лесов и болот, почти в полном бездорожье), но экономически окрепшем в последние годы, близко наблюдать жизнь, работу и характер механизаторов различных поколений. У старшего поколения механизаторов, которые работают на машинах уже не один десяток лет и великолепным представителем которых является Александр Николаевич Егоров, человек могучей физической силы и мягкой чувствительной души, и ныне, как главные определяющие черты, сохраняются бережная любовь к машине и в характер вошедшая добросовестность в исполняемом труде. Подчеркиваю именно эти две черты, потому что любовь к самой земле в исконном крестьянском понимании начинает меняться и в этом поколении, хотя еще и хранится как память души. А. Н. Егоров еще может любоваться вспаханным им полем, отсветами утреннего солнца на опрокинутых, влажных, курящихся парком пластах обнаженной земли, в сенокосную пору он еще привычно держит в руках литовку и кладет себе под ноги пахнущее радостью дикое разноцветье, он еще знает землю на ощупь и умеет с добрым чувством созерцать ее из кабины своего тяжелого трактора. Но вот в механизаторах среднего поколения, скажем, в его ученике Александре Волкове, умельце удивительном, способном ковшем своего малого экскаватора забить гвоздь в табуретку, отношение к самой земле сместилось в сторону, отделяющую его от любовного отношения к земле-

кормилице. Машину свою он любит до самозабвения, бережливой, заботливой любовью, потому что не земля, а именно она, машина, стала его кормилицей, потому что только через машину он, по росту и физической силе человек неприметный, почувствовал свою рабочую могучесть, свою необходимость людям и колхозу. Былая крестьянская любовь к земле перенесена людьми поколения Александра Волкова на машину. На земле он выполняет уже просто работу, нужную кому-то, но не ему лично, выполняет машиной, зная свою к ней любовь, но не чувствуя любви к земле.

У третьего поколения, у совсем молодых механизаторов, недавних школьников,— оговариваюсь, тех, чью работу и жизнь мне пришлось наблюдать в этом отдаленном колхозе,— происходит, с точки зрения все той же бывлой крестьянской заботливой любви к земле, еще большее духовное отдаление от извечной крестьянской кормилицы. Молодые механизаторы увлечены мощью, своим престижем, которые дает им машина во многие десятки лошадиных сил. Я видел, как бездумно разворачивают иные из них своими машинами дороги, колхозные поля, леса, если случается им попадать туда. Говорить здесь приходится даже не о любви — о простом бережном, хозяйском отношении к земле, хоть две эти стороны обычно неразделимы: любовь рождает бережливость, в хозяйской бережливости рождается любовь. До сих пор не могу понять эту вот лихую небрежность к земле и к своей машине у многих молодых механизаторов. Мне казалось, виной тому неправильная организация труда механизаторов: машины в этом колхозе отданы в бесконтрольное владение тем, кто на них работает,— трактора и машины держатся у домов, используются во всех домашних хозяйственных работах; на машинах и тракторах ездят даже в магазины, что уже само по себе не рождает уважительности ни к машине, ни к работе, на ней выполняемой,— и машина, и трактор рассматриваются уже не столько как орудие общественного труда, сколько — полезное подспорье в домашнем хозяйстве. Молодые механизаторы почему-то освобождаются и от ответственности за землю — лишь бы выполнил данное ему разовое задание. Какая уж тут может родиться любовь к земле!

Сначала думалось мне так. Но, видимо, причины такого безлюбивого отношения к земле не могут крыться только в организации труда — причины лежат где-то глубже,

в самой психологии поколения, оказавшегося на стыке идущего сейчас насыщения машинами сельского хозяйства Нечерноземной зоны, ускоренной индустриализации сельскохозяйственных производственных процессов и недостаточной психологической подготовленности кадров к прихлынувшему обилию техники.

Конечно, не лучшие из лучших остаются пока в отдаленных и трудных колхозах. И конечно же среди молодых трактористов и водителей немало умелых исполнительных работников, но то, что у механизаторов и вообще сельских жителей новых поколений былая крестьянская любовь к земле как к земле-кормилице все отчетливее заменяется просто работой на земле, есть горестный, но, как мне кажется, непреложный факт. Ведь всякий технический прогресс привносит в жизнь какие-то нравственные потери. В совершающейся индустриализации крестьянского труда конечно же не жалко терять чувство собственника, но горько терять душевляющую любовь к земле. Мне думалось, что образующаяся нравственная проблема эта невосполнима. Я смирял себя мыслью, что новое поколение будет просто работать на полях, работать по обязанности, но без любви, без ощущения своей сопричастности к земле, от которой не только труд, но и поэзия. Жизнь, однако, мудра не ограниченной мудростью отдельного человека: то, что необходимо для жизни, она неминуемо рождает. Так городская девочка, о которой я говорил, в 20 лет стала агрономом, в 23 поняла, что земля ее жизнь, в 25 — пробудившимся в ней поэтическим даром призналась людям в своей любви к земле:

Я пришла от земли,
От морщинистой, древней.
Я оттуда пришла,
Где дождями пахнут деревни,
Где всегда мне светло
От мозолистых рук загорелых,
Где земное тепло
Бродит соком в колосьях неспелых...

Так от земли в Поэзию пришла хлебороб Татьяна Иноземцева. Без любви к земле таких прочувствованных слов не скажешь. Не каждый из восьми тысяч таких же молодых людей, кто в последние четыре года избрал сельскую костромскую землю для жизни и труда, сумел бы сказать такими трогающими словами о своей любви к земле, но, думает-

ся, чувства, выраженные Татьяной в ее книге «Любовь и хлеб», созвучны каждому из нас.

Жизнь не возвращается к тому, что отходит в прошлое. Не возвращается к прошлому в своей практике и человек. Видимо, и на селе вместе с процессом индустриализации крестьянского труда будут закладываться и новые отношения между человеком и машиной, между человеком и человеком, как произошло это в самой индустрии, в рожденном ею рабочем классе. Процесс нравственного установления не простой и не быстрый и, наверное, пройдет не без потерь. Однако очевидно и то, что новая нравственность российской индустриализованной деревни составляет и устанавливается не на пустом месте,— истоком, опорой ее являются все те же основы человеческой нравственности, выработанные, может быть, точнее сказать, выстраданные веками неостановимого крестьянского труда на земле.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

В ПОТОКЕ ЖИЗНИ

В начале лета 1934 года, то есть почти полвека назад, в адрес Алексея Максимовича Горького пришло письмо от группы крестьян-активистов из мешчерского села Губцева. Они сообщали о том, что недавно созданный в Губцеве колхоз крестьяне единогласно решили назвать именем своего любимого писателя — Максима Горького. Писали они и о том, что их колхоз еще очень беден и что почвы его полей истощены и плохо родят не только хлеб, но и картошку. И все же они — колхозники — полны решимости бороться за повышение урожайности картошки и хлеба, за новую долю крестьянина-коллективиста и заверяют писателя, что колхоз будет с честью носить его имя.

Алексей Максимович живо откликнулся на послание губцевских крестьян. Его ответ им был опубликован в газете «Правда» в августе того же 1934 года.

Пожелав колхозникам успеха в их работе и жизни, писатель отметил: «Великие дела совершаются в нашей стране людьми, которые искренно, твердо и смело идут по пути, указанному Лениным...» «Читая письмо ваше, вспомнил, как рабочие Гусь-Хрустального, вероятно, близкие ваши соседи, в 1919 году пускали завод свой в работу: сами «на себе» возили дрова, восстанавливали производство своими силами. Молодежь ушла на фронты войны против генералов, фабрикантов, помещиков, а старики, женщины, подростки, работая, как настоящие герои труда, добились своей цели: завод ожил. Сколько у нас было фактов такого смысла, и все они говорят одно и то же: хорош у нас трудовой народ, и когда

он хочет быть настоящим советским народом-коллективистом — умеет он быть таковым.

От всей души желаю вам, товарищи, здоровья, бодрости духа, непоколебимо крепкой веры в скорую победу вашего великого дела — строительства нового, социалистического общества. Живите дружно!»

Я вспомнил эту, теперь уже очень давнюю, историю не только потому, что она лично очень близка мне. Мое детство и комсомольская юность прошли в том самом Гусь-Хрустальном, о котором говорит в своем письме А. М. Горький. И село Губцево, как и многие другие деревни и села нашей мещерской стороны, известно мне хорошо.

Дело в том, что буквально на следующий день после публикации своего ответа губцевским колхозникам в «Правде» А. М. Горький, выступая на заседании Оргкомитета Союза советских писателей, снова напомнил о том, что в нашей стране идет громадная созидательная работа и что писателям надо не только знать об этой работе, но изучать ее и участвовать в ней своим творчеством. «Если мы не будем этого делать, то не напишем ничего такого, что бы отражало действительность так достойно, как она этого заслуживает», — говорил Горький.

Какое это было время? Какая действительность окружала нас?..

То было время ввода в действие первых мощностей социалистической индустрии, а в сельском хозяйстве — пора становления первых колхозов. Трудное, тяжелое время сомнений и неудач, героических свершений и подвигов, жаркой воспламеняющей веры в торжество ленинского предвидения.

Нашла ли эта действительность достойное отражение в советской литературе? Конечно, желаниям лучшего, совершенного нет предела. И все же никакой, даже самый строгий критик не может сказать, что наша советская литература прошла мимо живого процесса развивающейся и непрерывно изменяющейся действительности. Ведь именно тогда, по живым наблюдениям, стучавшимся в сердца, писалась «Поднятая целина» М. Шолохова, создавались первые строфы «Страны Муравии» А. Твардовского и другие произведения, посвященные жизни деревни на том историческом этапе ее развития. И это было не просто отображение жизни, а живое участие художников слова в ее дальнейшем развитии, ибо особенность подлинного искусства заключается в том, что оно и отражает действительность и способствует ее продвижению вперед. Но тут следует заметить, что,

скажем, процессу переустройства жизни деревни помогают не только произведения, написанные на деревенском материале. Разве «Как закалялась сталь» Н. Островского или «Мать» Н. Деметьева, появившиеся в то время,— разве эти произведения не заражали энтузиазмом строителей новой колхозной деревни? Конечно же заражали. Да еще как!..

Порою мы слишком уж резко разграничиваем нашу литературу на деревенскую, производственную, военную и т. д. Но возьмите, к примеру, такие произведения, как «Русский лес» Л. Леонова, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Плотничьи рассказы» В. Белова, «За белой зарей» В. Деметьева, «Даль памяти» Е. Исаева, «Блокаду» А. Чаковского. Написанные на разном материале, тематически и стилистически самые различные, все они — как и многие другие, не названные мной здесь из экономии места и времени,— способствуют духовному, нравственному возвышению человека, а следовательно, и ускорению процесса совершенствования и обновления нашей жизни и в городе, и в деревне, и на стройках, и в лабораториях институтов. Настоящая и подлинная литература представляется мне — да так оно и есть — единым организмом, расчленять который так же противоестественно, как противоестественно расчленять человеческий организм на его составные части. Тут живет и работает только все в совокупности. Чтобы создавать такие произведения, писатель, по замечанию того же А. М. Горького, обязан знать все. Он обязан видеть весь поток жизни и отдельные струи этого потока. Он также обязан знать, что каждый факт нашей действительности, каким бы малым он ни был, представляет собой либо осколки старого, либо ростки нового, нарождающегося. И от отношения писателя к тому или иному явлению, от его оценки этого явления зависит то, с чем придет он к читателю — с худом или с добром...

Однако я снова возвращаюсь к той давней истории с письмом Горького колхозникам села Губцева. Я, начинающий литератор, работник редакции областной газеты «Рабочий край», не мог пройти мимо такого факта, и хотя, как уже было сказано, хорошо знал деревни и села нашей мещерской стороны, все же решил снова поехать в родные места.

До революции о Мещере говорилось, что это край, «забытый начальством и богом». Дик, ограничен и глух был духовный мир здешних деревень, ютившихся на песчаных,

суглинистых островках, разбросанных среди океана лесов и болот. И названия-то у этих деревень как бы соответствовали их местоположению: Острова, Кочки, Заболотье, Палищи, Криуша... Помните, у Сергея Есенина в поэме «Анна Снегина» радовский крестьянин-возница рассказывает о мужиках «соседней деревни Криуши»:

Житье у них было плохое,
Почти вся деревня, вскачь,
Пахала одной сохой
На паре заезженных кляч...

Есенин не выдумал эту нищую Криушу. Была такая в Мещере, по соседству со Спас-Клепиками, где учился будущий поэт.

Писатель А. И. Куприн, приезжавший в Мещеру в самом начале нашего века, до ужаса был поражен бедностью здешних крестьян, пытавшихся страшным трудом своим оплодотворить жесткое и жестокое лоно природы. Тщетными были эти усилия. Заболоченная земля не родила. На болотах произрастала лишь жесткая, как проволока, осока. Кормленные ею лохматые коровенки начисто отказывались давать молоко, и держали их только ради навоза.

Если земли нечерноземной полосы России считались малопродуктивными и крестьянские хозяйства здесь держались главным образом на подсобных промыслах, то Мещера была, пожалуй, самым обездоленным уголком среди всего Российского Нечерноземья. Но вот даже в этом обездоленном уголке революция пробудила у людей надежду и волю к преобразению жизни...

В конце двадцатых — начале тридцатых годов здесь стали возникать первые колхозы, организаторы которых, подобно активистам губцевского колхоза имени Максима Горького, были полны решимости идти по пути социалистического переустройства деревни. Среди этих первых колхозов ближе всего мне стал нечаевский колхоз «Большевик». Организатором его был тридцатилетний большевик, участник гражданской войны Аким Васильевич Горшков. Поначалу в колхоз, или, как тогда называли, в коммуну «Большевик», вступило всего шесть бедняцких семей из деревни Нармуч, угнездившейся на краю обширного Гусевского болота. Коммунарам выделили шестнадцать гектаров земли, представлявшей собой заболоченную лесную вырубку, которую предстояло выкорчевать, вспахать и засеять. Налич-

ный капитал коммуны исчислялся в сорока рублях. Имелось всего две лошади и четыре коровы. С этого началась у них новая жизнь.

Были минуты сомнений, даже отчаяния, но Аким Горшков своей пламенной верой большевика умел поддержать и ободрить отчаявшихся товарищей. В начале тридцатых годов «Большевик» стал уже крепче, прочнее, вырос количественно и перед ним маячили новые, более широкие перспективы. Тогда, в 1935 году, я в меру сил своих впервые рассказал об этом колхозе на страницах областной газеты «Рабочий край». С тех пор моя связь с этим колхозом не прерывается и доныне. Приезжая туда, я каждый раз замечал там что-нибудь новое и рассказывал об этом новом в газетах или журналах.

Забегая вперед, скажу, что мещерский колхоз «Большевик» известен ныне на всю страну. Угодья его простираются на 70 километров в длину и 30 километров в ширину. Что теперь здесь на мелиоративных землях стали получать урожаи зерна с гектара пашни чуть ли не равные кубанским, а по урожаю картофеля он идет впереди всех колхозов и совхозов республики.

Из моих постепенных рассказов и очерков об этом колхозе и его председателе составилось две книжки: «Человек и земля» и «Жизнь Акима Горшкова».

Некоторые из товарищей литераторов порой упрекали меня, говоря: «Вот ты все пишешь про «Большевик» и про своего Акима, но ведь такой колхоз, может быть, один на всю Мещеру, а остальные-то — слабые. Пиши о слабых и тогда будешь объективен, покажешь настоящую правду жизни...»

Да, колхоз «Большевик» еще десять — пятнадцать лет назад был самым сильным или, скажем, единственно сильным в Мещере. Но я думаю так: жизнь — как дорога. Кто-то пройдет первым и проложит след. За ним по следу устремится другой и третий. Обозначится тропочка. А потом по ней пойдут и пойдут. И откроется уже большая дорога...

Ныне таких дорог в Мещере все больше и больше. Появились колхозы, равные по силе «Большевику» и даже в чем-то обгоняющие его. Но он первым проложил след...

Таких первых, передовых, можно найти в любой области Российского Нечерноземья. Вот и здесь, в Костроме, мы встречались с Прасковьей Андреевной Малининой. Она очаровала нас своей непосредственностью, своей речью, своей

верой в те великие дела, которые свершаются в нашей стране. А вершителями этих дел как раз и являются люди, подобные костромичке Малининой, мешеряку Горшкову или кировчанину Петру Прозорову. Их дерзание, их жизненный опыт легли в основу решения партии и правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР.

Осуществление программы преобразования сельского хозяйства Нечерноземной зоны России — задача общегосударственная. Это дело зависит не только от самих тружеников села — колхозников и рабочих совхозов, но и от конструкторов новых сельскохозяйственных машин, и от архитекторов, и от химиков, и от организаторов политической работы, и от нас, писателей. Ведь речь идет не только о повышении производства сельскохозяйственной продукции, а о коренной социальной перестройке всей жизни российских сел и деревень. О духовном, нравственном совершенствовании человека, о росте его общественного сознания. Участвовать в этом процессе — прямой долг советских писателей, коим завещано русской классической литературой «сеять разумное, доброе, вечное»...

Одна из главных задач всех участвующих в преобразовании сельского хозяйства Нечерноземной зоны России состоит в повышении качества своей работы. Задача повышения художественного достоинства книг, то есть качества своей работы, является первостепенной и для нас, российских писателей. А для этого надо глубже знать народную жизнь, быть чутким к живому народному слову, быть высокообразованным человеком, отчетливо осознающим веление времени и направление его движения. Увы! Многим этого еще не хватает. Еще появляются книги или журнальные публикации, в которых вместо глубинного раскрытия жизненных конфликтов и человеческих характеров присутствует некий флер жизни, некая ее эфемерная эманация, претендующая на новаторство. И вот что обидно: именно вокруг этих эфемерных сочинений разгораются критические дебаты, причем позиции дебатирующих сторон столь же неясны и эфемерны. И за этими словопрениями литературная критика нередко проходит мимо действительно интересных книг авторов, живущих и работающих на периферии, в самой гуще жизни. Так, на мой взгляд, столичной критикой недооценены интересный роман костромича В. Корнилова «Синегорье», стихи вологодской поэтессы Ольги Фокиной и некоторые другие произведения.

И в Союз писателей мы порой принимаем не за качество художественного творчества, а за проворство и бойкость пера и мысли, порхающей по поверхности.

Русская литература в лучших своих проявлениях и в лице достойных ее представителей всегда была в потоке жизни, на стрежне этого потока. Своими произведениями она способствовала движению жизни вперед, к высоким и светлым целям. Будем же и мы достойны лучших примеров наших предшественников и современников.

Юрий ГРИБОВ

ГЛАВНОЕ — ЧЕЛОВЕК!

Я коротко хочу сказать о костромской земле, мне хорошо знакомой. Здесь за последние годы произошли большие изменения. В районы, например в Кадый, куда можно было пройти только пешком или проехать на тракторе, долететь самолетом, пролегли хорошие дороги. Сейчас в Кадый даже рейс самолета отменили: асфальт туда проложен, автострада, автобусы до Костромы ходят регулярно. Похорошели села, выросла культура в Костромском крае...

Я помню то время, когда писатель Василий Старостин работал председателем колхоза. В одно лето он вырастил хлеб что-то около четырнадцати центнеров с гектара. Тогда это считалось большим достижением, о нем в газетах писали. Сейчас вся область снимает неплохие урожаи. Выросли и надои молока, пошли в гору все отрасли хозяйства.

Главное для писателя — это человек. Через человека, через самого труженика мы должны показывать многие проблемы. Иногда и сами проблемы-то создаются искусственно. Нерадивость, узкий кругозор, команда вместо ума и науки — вот их первопричина. В районах, где толковые хозяева, проблем почти не бывает.

Хорошего на селе все-таки больше, чем плохого. И нам, писателям, надо славить передового человека, показывать его всесторонне ярко, талантливо. Учатся на хорошем, а не на плохом. Я стою за очерк художественный, где есть и проблема и человек. Примером таких очерков служат нам книги Леонида Ильича Брежнева. У него все огромные

проблемы нашего времени пронизаны личностью, решены через людей. Это всегда волнует и запоминается.

В деревне живет очень много стариков, солдатских вдов, пенсионеров. Их иногда забывают. Есть доярки, проработавшие тридцать лет. У них много наград, грамот. Они хранят их в сундуках. Молодежь иногда и не знает, что их бабка Марья имеет пять орденов. Надо эту бабушку Марию сажать в президиумы собраний, приглашать на все праздники. Ее должны видеть с наградами. Ее должны знать. Надо дать ей слово. Пусть она вспомнит, расскажет, как работала, как детей вырастила. Старики — это же наша нравственность, наша духовная опора. Надо их почитать. От них идет любовь к земле, любовь к отчому дому. Они создали наши колхозы, вынесли на своих плечах все тяготы разрухи.

Теперь о сельской культуре. В дни работы июльского Пленума ЦК КПСС 1978 года я был в Воронежской области. Я поехал туда, чтобы сделать очерк для «Правды». Председатель колхоза показал мне одного человека. У него, говорят, сорок шесть тысяч на книжке. А он в рваной фуфайке, небритый, дома у него нет даже простыни. Ему нужно всего шесть рублей на бутылку водки и что-нибудь закутить. Духовное обнищание. Человек, богатый деньгами, но бедный духом, с низкой культурой. Таких «богачей» немало сейчас появляется в деревне. Это нехорошее явление. Людей надо воспитывать. Здесь уместно привести стихи Николая Доризо:

Что же, голод мы изгнали прочь,
В достатке и село и город...
Как завтра сытому помочь,
Чтоб он обрел духовный голод?

Недавно мы, российские писатели, ездили по Украине. Я был в совхозе «Днепро» на Днепропетровщине. Познакомился там с Марфой Ивановной Половиной — Героем Социалистического Труда, знатной украинской овощеводкой. Шла как раз прополка огурцов, работали школьники восьмого класса, с ними учительница. У них кофточки на животе завязаны, и у молодой учительницы тоже так завязана кофта — пупки видны. Они болтают, смеются, кидаются травой. Учительница, вместо того чтобы заставить их работать, подходит к Марфе Ивановне и говорит: отпустите нас скорее домой, нам здесь пыльно, жарко, неудобно.

— А как же вы дальше-то жить будете, такие лентяи? — спросила Марфа Ивановна. — Уходите, мне такие помощники на поле не нужны!

Горько это было слышать, товарищи. Дети, не приученные к труду,— бедствие, позор. Это потом так аукнется!..

Теперь несколько слов о нашем еженедельнике «Литературная Россия». Мы много занимаемся проблемами Нечерноземья, как и «Наш современник» и «Октябрь». У нас выступили многие костромские писатели. Меня порадовало, что костромская организация так выросла, появились новые имена. Выступили у нас Ольга Гуссаковская, Игорь Дедков; Олег Каликин дал рассказ «Сватья»; Виктор Хохлов — очерк «Солигалич». Напечатаны стихи Виктора Куликова, Нины Снеговой, интервью с В. Г. Корниловым. Хорошая статья у первого секретаря обкома партии Юрия Николаевича Баландина, который у нас выступает уже не первый раз. Выступали у нас сатирики в «Ревизоре» — Виталий Пашкин и Вячеслав Смирнов с подборками стихов.

Надо писателям браться за работу, браться за перо. Романы и повести, они когда еще напишутся, а тружеников села Нечерноземья надо славить сейчас, сегодня. Они заслужили этого. Надо поднимать проблемы. Надо использовать газеты, радио и телевидение. Писатель в газете должен быть не гостем по воскресным номерам, а постоянным автором, партийным бойцом.

Очеркистам есть где развернуться. Газеты должны и сами не дремать, работать с писателями, интересоваться важными темами. Мы, литераторы, в большом долгу перед труженниками Нечерноземья.

Алим КЕШОКОВ

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

Помню, несколько лет назад в Краснодаре заседал выездной секретариат. Ознакомившись с жизнью и успехами краснодарских земледельцев, Сергей Викулов вышел на трибуну. Он делал сравнения: как живут и работают в Краснодарском крае и как живут и работают в деревнях Российского Нечерноземья. Вдруг у него сорвался голос от волнения, и на несколько секунд он замолк...

Я понял тогда, как близко к сердцу принимает поэт боль родной земли. Сейчас, когда партия определила подъем Российского Нечерноземья как передний край всего советского народа, нам стало понятней, как своевременна, необходима продиктованная всем ходом жизни идея поднятия Российского Нечерноземья.

Вместе с тем я бы хотел напомнить слова Юрия Васильевича Бондарева из его выступления: «Мы начинаем разговор не о хозяйственных планах, а о вопросах нравственно-психологического порядка, без чего невозможно представить человека современной деревни».

Я не считаю себя вправе говорить о хозяйственных задачах. Остановлюсь лишь на некоторых общих вопросах литературы.

В наше время очень много говорят о научно-технической революции, ее влиянии на литературу и искусство, убыстряющей быстротечности времени, за которым невозможно поспевать. Но я не могу согласиться с тем, что научно-техническая революция вступила в свою решающую фазу теперь, за которой последует финал. Каждая революция имеет

начало, развитие и завершение, а научно-техническая революция, я полагаю, началась с того времени, когда впервые человек добыл огонь, изобрел топор, колесо, продолжается теперь, и ей никогда не будет конца — это постоянный процесс, непрерывное движение вперед. И если иногда писателю трудно поспевать за событиями, то виновата не «суета сует», которая якобы не оставляет времени для глубоких раздумий, создания широких и глубоких полотен.

У каждой эпохи своя поступь, свой ритм, свой шаг. Писатель может и должен идти в ногу со своим временем, а иногда уметь вставать на плечи своих предшественников, чтобы заглянуть в завтрашний день, увидеть перспективу, новые дали и соотносить свои творческие замыслы с направлением движения. Это тем более правильно, ибо народная мудрость гласит: если не знаешь, куда двигаться, поднимайся на гору, посмотри. Куда люди идут, туда и ты.

Литература призвана воздействовать на умы и сердца людей. В наше время, в стране со сплошным средним образованием, в «выпрямлении душ» важнейшую роль играют литература и искусство. Лишь слово несомненной истины, слово художественной правды может воздействовать со всей силой на умы и сердца людей, заставить их обратиться к глубинам своей души, критически отнестись к своим поступкам, нормам своего поведения, правильно осмыслить и строить свои отношения с людьми, исходя из моральных принципов общества. Советские люди, самые читающие в мире, образованы, хорошо разбираются в событиях, происходящих вокруг. Их полуправдой не заинтригуешь, а фальшь они видят сразу. Если эти люди иногда молча слушают оратора, строящего систему аргументации на мякине, то вовсе не потому, что ему верят. Они просто хорошо воспитаны, слушают его, а где правда и где кривда — знают великолепно. К сожалению, мы не считаемся с всевозрастающим уровнем культуры тех, перед кем выступаем, не учитываем их знания.

На выдуманном, взятом не из жизни, мнимом конфликте, легшем в основу произведения, их не проведешь, наш читатель не прощает художественной приблизительности, сделки с писательской совестью, идейного компромисса, не прощает и потрафления безвкусице приспособленчества. Если кто-нибудь думает, что в условиях развитого социалистического общества исчезает база для возникновения драматических конфликтов, на которых можно построить эмоционально напряженные художественные произведения, то

это глубокое заблуждение. Такое мнение порождает произведения-полуфабрикаты, которым не суждено стать полными никогда, если даже они посвящены самым актуальным проблемам современности.

Диалектика литературного ремесла, если говорить более возвышенно,— профессия литератора призывает подниматься на новые творческие вершины, становиться первооткрывателями, помнить, что художественное творчество — это открытие, прокладывание троп по целине — первопроехождение, а не цель эпигонства, потуг и тем более пусть благополучное, безмятежное, но не следование где-то в обозе, а постоянное пребывание на острие атаки.

В космической технике есть термин «агрессивное горячее». Думаю, что в литературу можно было бы ввести слова «агрессивная духовная пища», имея в виду отнести к ней художественную литературу, но понимать это в лучшем смысле слова, то есть как произведения, написанные со всей страстью художника слова, целеустремленно и бескомпромиссно, помнить, что без большого горения и накала ничего значительного нельзя создать.

В этом плане бесплодные изыски отдельных литераторов, рассчитанные на эффект, оригинальность, не принесут никому успеха, потому что глубокое исследование, осмысление человеческой природы, ее внутреннего мира, социальной среды не терпит правдоподобия, вторичности, приближенности, формальных приемов, взятых напрокат на Западе.

Литература — острое оружие, бряцать им не могут люди, если они не знают, по какую сторону баррикады следует искать противника, против которого надо применить оружие.

Строительство нового общества — это непрерывный процесс, которому нет и не может быть конца, и, если мы живем и работаем в условиях развитого социализма, это вовсе не значит, что мы переступили «черту», за которой наступит спокойствие, сглаживаются конфликты, когда люди могут спокойно жить и безмятежно наслаждаться равновесием, предаваться идиллиям. Человек изменяет общество, изменяет и характер, природу конфликтов, но столкновения страстей будут.

Писатели причастны ко всем событиям, наполняющим нашу повседневность, и должны на каждом отрезке пройденного пути в соответствии с экономической и политической обстановкой соотносить свои творческие планы с задачами и целями общества. Классики русской литературы об-

ладали даром предвидения, и нам следует воспитывать в себе этот дар.

Политика нашей партии опирается на диалектику постоянства, то есть впитывает в себя все новое, что рождается в мире, она постоянно обновляется, предстает перед нами своей новизной. Это значит, осуществляется самоконтроль, и, как говорят космонавты, осуществляется коррекция движения, когда замечается малейшее отклонение от цели.

Из опыта мы знаем, намерение и результат не у всех и не всегда совпадают. Среди вершителей судеб, ответственных за тот или иной участок, встречаются люди, которые предпочитают принимать желаемое за действительность. Иногда они исходят из того, что, мол, подрыв незыблемого авторитета не на пользу дела, ведет к девальвации доверия, к которому они привыкли, и рассматривают свой пост как нечто унаследованное от предков.

Как происходит коррекция в космосе — редко кто знает, но коррекция в судьбах людей, в устоявшемся жизненном укладе, в отношениях людей, привычках и нормах поведения — это поднятие целины человеческих характеров, вскрытие новых драматических конфликтов, вторжение в жизнь. Тот, кто создает произведения о Российском Нечерноземье, может столкнуться с такой коррекцией. А такие произведения пишутся.

В последнее время я прочитал несколько сборников стихов. Скажу о них хотя бы несколько слов.

Сборник Валерия Вьюхина «Кровная связь». В книге не все равнозначно, но есть несомненные поэтические находки, ощущение суровой природы, характеров людей. Всю его лирику пронизывает любовь поэта, его сыновья преданность родной земле.

Читал я и Альберта Ванеева «Снежная республика моя», от его стихов меня обступила хороводом берез коми земля, где я побывал. Увиденное когда-то и прочитанное в книге соединилось воедино, я вновь убедился в том, как точны слова: «Чтобы понять поэта, надо побывать на его родине». Я вновь увидел осенние северные леса, летнее цветенье его родной земли. Цикл стихов, посвященный родителям, насыщен большой эмоциональной силой; личное и общее, Родина и личность поэта — все образует единый сплав — свидетельство зрелости поэта.

Третья книга — это стихи Олега Поскребышева «Страда», она воспеваает нелегкий труд тружеников удмуртской деревни, создает поэтическую летопись родного села. Дру-

гой удмуртский поэт Николай Бейтеряков назвал свою книгу «Черемуха в цвету». В ней — стихи-пейзажи, отражающие внутренний настрой поэта, его отношение к жизни. Поэт обладает зорким поэтическим зрением. Очень трогательна поэма «Солдаты вернутся...». Это о нелегкой судьбе солдатской вдовы, растившей сына одна.

Стихи Владимира Романова «Поляна» — о радости труда, хлебе насущном, который надо выжимать из нелегкой, неподатливой удмуртской земли. Поэт хорошо знает обычаи, нравы своего народа, соединяет в стихах национальное и интернациональное в единый сплав.

В книге Анатолия Демьянова «Дыхание сердца» и собственные стихи, и переводы — тема дружбы, природа, обычаи, еще не угасшее эхо далекой войны. Поэт умеет обращаться со словом, приобщать сознание читателя к предмету своей любви — родной земле, к своему народу, к началу всех начал.

Читая эти книги, я подумал о наших критиках. Они разводят руками, когда говорят о стихах поэтов республик и областей нашей страны, ставят иногда нам в упрек: дескать, нет ощущения национальной почвы, на которой возвращены стихи. Я думаю, что это больше идет от незнания самой национальной почвы, на которой родилась поэзия, а у этой почвы различия становятся меньше и меньше, а сходство, наоборот, все больше и больше. Это подтверждают книги поэтов, о которых я сказал. Это — знамение нашего времени, черта всей многонациональной советской литературы.

Михаил ГОДЕНКО

ХЛЕБ И СТИХИ

У меня на родине, в Приазовье, пахут по-старому, отвальными плугами. Слой чернозема в двадцать, а то и больше сантиметров переворачивается «лицом» вниз. Часто, идя за плугом, можно видеть, как плуг снимает почву до желтой глины, рыхлит ее, разрушает структуру. С приходом тепла, когда земля высыхает до пороховой сухости, задувают восточные и юго-восточные ветры. Они поднимают в воздух черноземный прах, уносят его за тридевять земель.

Народ называет такие бури черными. Они истребляют богатство, которым живы люди, уносят продукт, на создание которого природа израсходовала миллионы лет.

В мае 1979 года мне посчастливилось побывать на Украине в составе делегации писателей РСФСР. Поездка была посвящена празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией. Члены делегации разделились на группы, разъехались по областям. Я попал в группу, которая направилась в Полтавскую область. Нечего и говорить, какая это была интересная, захватывающая поездка. Мы познакомились с гоголевскими местами, побывали на месте знаменитой Полтавской битвы. А главное, увидели современную жизнь колхозов, совхозов, промышленных предприятий.

Полтавская земля интересная, богатая. Между прочим, здесь мы воочию убедились в том, что метод безотвальной вспашки полей — прогрессивный метод. В условиях засушливого лета поля, обработанные таким способом, дали в два

раза больший урожай, нежели те, на которых проводилась вспашка с оборотом пласта.

Некоторые утверждают, что новый метод обработки почвы пригоден для целинных районов Казахстана и Восточной Сибири, а юг Европейской части нашей страны, мол, испокон веку пахал отвальным плугом и должен так пахать и впредь. Однако полтавская практика говорит о другом. Многие поняли это. Но — беда, наша промышленность гонит плуги старой конструкции: так что, хочешь не хочешь, паши с отвалом; в надежде поглядывая на небо, — авось ветры пройдут стороной.

И еще одна ненастная година пронеслась над нашим краем. Кто-то изобрел термин «неперспективные села», кто-то определил, что они лишены будущего. А раз так, в обреченном селе не строят ни школ, ни детских яслей, закрывают медицинские и ветеринарные пункты. Молодежь — и раньше бежавшая в город — теперь начисто оставила такое село: оно ведь бесперспективное, обреченное на снос. Малая и до того рождаемость вовсе упала.

Южное село странно изменилось: ни петушиного крика, ни коровьего мыка. Скот крестьяне не держат: нет корму, нет сенокосов, нет лугов — все распаханно от самого берега моря до порога хаты.

Мне кажется, мой рассказ имеет и к вам отношение. И вот каким образом. Вы проводите мелиорацию, осушаете болота, собираетесь поворачивать реки Северного бассейна в сторону Каспия. Где гарантия, что какие-то горячие головы не высушат лишку болот и этим не обескровят реки и поля, где гарантия, что не настроят плотин больше допустимого? Ведь нагородили же такую лишку на Днепре. И теперь рядом с Днепрогэсом, так необходимым для народного хозяйства, существует, например, и Каневская плотина, которая подняла воды, затопила огромные равнины: тысячи гектаров пашни, сенокосов, лесов, садов и других ценных угодий. Теперь приходится ломать голову над тем, как построить новые дамбы, чтобы отвоевать заново у бесполезной воды дорожную землю. Прикиньте, во что это обойдется государству.

Наше Российское Нечерноземье зовут модным словом: вторая целина. Да, целина — великое славное дело. Но нельзя этим названием пользоваться всуе. Что такое целина? Голая степь, пустые пространства, которые человек пришел разбудить, завоевать трудом. А что такое наше Нечерноземье? Это веками обжитый край, древние города, древ-

няя культура возделывания почв. Здесь выращивалась лучшая в мире рожь, здесь растет лен, который на мировом рынке дороже золота, здесь богатейшие лесные промыслы. Это край Ломоносова и Пушкина, Радищева и Салтыкова-Щедрина, Римского-Корсакова и Чайковского, Васнецова и Коровина. А мы бездумно повторяем: «вторая целина».

В литературе мы тоже часто употребляем термины не задумываясь. Можем, например, запросто объявить новатором того, кто без нужды, без внутренней необходимости ломает каноны, насыщая свои произведения архилюдными словечками, строя свои произведения на материале, не имеющем общественного звучания. Особенно подвержены «новациям» стихи некоторых наших поэтов. А мы зачастую, вместо того чтобы трезво во всем разобраться и все поставить на свои места, объявляем о нови. Скажем, удалось поэту зарифмовать «фитиль» и «Федул», тут же констатируем рождение совершенно новой, не виданной доселе рифмы. Больше того, рифмовке подобного рода присваивается имя автора. А позже спохватываемся. Заглянув в работы мастеров прошлого или обратившись к фольклору, обнаруживаем там несметные богатства подобной «новизны». Да вот хотя бы вспомнить украинскую народную песню:

От Киева до Лубен
Посияла конопель...

Здесь оба опорных слова первой строки рифмуются соответственно со словами второй: «От Киева — посияла», «до Лубен — конопель». Даже не рифма, а легкий, «акварельный», намек на нее или, сказать по-книжному, ассонанс.

В литературе, как и в жизни, все новое, все по-настоящему волнующее звучит ясно и просто, как хлеб и вода. Вот, например, стихи нашей землячки, поэта (подчеркиваю, не поэтессы, поэтесса звучит как-то уменьшительно, а поэта) Татьяны Иноземцевой:

Нет ничего дешевле хлеба
Буханки за три пятака!
Несу, размахивая сеткой,
Сама дивлюсь тому слегка:
Буханка за три пятака.
А я-то в поле, словно клуша,

Тряслась над каждым колоском.
А я выматывала душу,
Грозила небу кулаком
И с трактористами ругалась,
С начальством чуть ли не дралась,
И снега раннего пугалась,
И совестью своей клялась.
А я уверовала крепко,
И вера та — в моей крови:
Нет ничего дороже хлеба,
Нет ничего дороже хлеба,
С заглавной буквы Хлеб зови!

Семен ШУРТАКОВ

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

В настоящих заметках мне хотелось бы коснуться отдельных, очень важных, на мой взгляд, вопросов, связанных с современным этапом развития нашей деревни, а также и состоянием текущей литературы о ней.

Кто бы ни заговорил о проблемах среднерусской деревни, он рано или поздно придет к главной — проблеме проблем: нехватке молодых рабочих рук в селе. Мы слишком долго находились под гипнозом так называемой трудоизбыточности деревни, забывая, что страна наша велика и деревня у нас — разная. На Кубани и Ставропольщине, в Молдавии и Среднеазиатских республиках и по сей день рабочие руки на селе имеются в постоянном излишке. В подавляющем большинстве областей Нечерноземной полосы ощущался острый недостаток в людях уже и десять-пятнадцать лет назад. Однако же отток молодежи из села в город шел и продолжается не столько из тех мест, где имеется избыток рабочих рук, сколь из тех, где их и так не хватает. Да, село получает все больше техники. Это так. Но трактор пришел в село, а парень, который на нем должен работать, подходит к городу... Именно поэтому Нечерноземье из года в год не осваивает те огромные средства, которые государство отпускает: не хватает людей, не хватает рабочих рук, чтобы их осваивать.

В самое последнее время в некоторых областях среднерусской полосы можно наблюдать отрадные перемены: не такой уж великой редкостью, как раньше, становятся случаи, когда десятые классы в полном или почти полном со-

ставе остаются в родном колхозе. Особенно широкое распространение получил этот почин в школах Костромской области.

Встает задача: чтобы такой благой порыв не остался только порывом, чтобы юноши и девушки почувствовали не только важность, но и вкус земледельческого труда, у них должно воспитать чувство хозяина земли, на которой они остались работать. И тут мы сталкиваемся с немалыми трудностями. Хотелось бы остановиться на этом чуть подробнее.

Главная фигура на колхозном поле сегодня — механизатор: тракторист, комбайнер. И если говорить о воспитании чувства хозяина земли, то надо иметь в виду в первую очередь именно механизаторов. Однако способствует ли существующая система оплаты труда воспитанию этого высокого чувства? Увы. Как бывший тракторист и комбайнер беру на себя смелость и ответственность сказать: не способствует.

Во-первых, поля обезличены. Один тракторист поле вспахал, второй удобрил, третий засеял. Кто и с каким качеством сделал свою работу — трудно определить, это определяется лишь в конце годового цикла сельскохозяйственных работ — урожаем.

Но и это еще полбеда. Главная беда в том, что оплата труда механизаторов никак не связана с конечным результатом — урожаем. Тракторист поднял по осени зябь — получил за это тогда же, осенью; по весне прокультивировал поле — получил; посеял — получил. Что вырастет на том поле и вырастет ли вообще — материально в этом он никак не заинтересован.

Правда, при получении с поля плановой урожайности механизатор по осени получает десятипроцентную надбавку к своему заработку. При перевыполнении же, при очень высоком урожае, надбавка может быть и в двадцать, и даже тридцать процентов. Но не такое уж это частое дело — получение сверхпланового урожая. Если же говорить о десятипроцентной надбавке, то можно ли ее всерьез считать материальным стимулом, если главная, основная плата все же идет не за урожай на поле, а за выработку гектаров на пахоте ли, на севе ли. Даже так можно сказать: нерадивому, недобросовестному трактористу «проще» заработать сумму, равную десяти процентам, на той же пахоте: работая кое-как, он имеет возможность вспахать на полгектара или на гектар больше хорошего, добросовестного механизатора...

Вот и получается, что пахарь поле пашет, сеет, а что вырастет на том поле — его это материально не очень-то касается. А ведь надо бы: я пашу, я сею, я убираю, и как я сработаю — таков и будет результат моей работы. Я — не поденщик на этом поле, не наемный работник, а хозяин.

Хотелось бы подчеркнуть: материальная заинтересованность — это не только рубли, рубли и рубли. Именно заинтересованность в конечном результате своего труда и рождает у человека высокое чувство хозяина земли, на которой он работает. А в этом чувстве материальный стимул сливается воедино с моральным.

Кто-то, может, скажет: зачем ломиться в открытую дверь — есть же безнарядные звенья. Да, они есть. В моем Сергачском районе Горьковской области их так и зовут — звенья конечной продукции. Немножко коряво, но точно. Однако таких звеньев по всему району, по всей области раз-два — и обчелся, и их продукция исчисляется десятками, если не сотыми долями процента от общего «незвеньевового» числа. В подавляющем же большинстве колхозов оплата идет не по урожаю, а по наработанным гектарам, то есть, как уже было сказано, находится в явном противоречии с главным смыслом земледельческого труда.

Над всем этим давно бы уже надо в соответствующих высоких органах как следует подумать. Есть над чем думать!

Да, писатели тоже могли бы сказать свое слово, чтобы привлечь внимание к этому важному для среднерусской полосы вопросу. Однако «слова» уже сказаны: публикации о неблагополучии в оплате труда механизаторов уже появлялись в печати. И такие публикации (знаю по опыту) вызывают большую читательскую почту: в откликах единодушно признается правильность и актуальность постановки вопроса. Нет пока откликов, нет ответа от Министерства сельского хозяйства — того самого высшего руководящего органа, которому именно этот вопрос и надлежит решать.

Хотелось бы подойти к названной проблеме и с другой стороны.

Вместе с любовью к земле, так сказать, в хлеборобском плане нам надо воспитывать у молодежи и любовь к родной земле, к отчому краю в нравственном, историческом плане.

Хотя мы и называем Нечерноземье целиной — кому не приходилось видеть в газетах «шапки»: «Поднимем Нечерноземную целину!» — но наша срединная, сердцевинная Россия — все же не пустынная степь, которую надо распа-

хоть и обжить. Россия уже много веков распахана, обжита и обстроена. На этой земле в течение веков вершились великие события, русская земля обильно полита не только потом, но и кровью наших предков. Куликово поле и Бородинское поле — не просто пахотные земли — это наша слава, наша гордость. И таких «полей» у нас много. Они есть — если внимательнее присмотреться — в каждой области.

Мы же все еще очень робко, несмело прикасаемся в своих книгах к этому огромному потенциалу патриотического воспитания, хотя и любим повторять, что любовь к Родине начинается с любви к родной, отчей земле. Много ли знает молодежь о славном прошлом своей земли, своего края? И не наш ли святой долг сделать все возможное, чтобы она знала.

Нет, я не призываю писателей и издателей к срочному выпуску книг на исторические темы (хотя, признаться, ничего плохого в этом не вижу). Я говорю о том, чтобы любовь к героическому прошлому своего народа, гордость за родную землю «присутствовали» в книгах не обязательно исторических. О том же Куликовом поле, о колхозе, который ныне сеет хлеб на том поле, надо писать так, чтобы не в строках, так между строк читалось, чувствовалось: нет, это не просто и не только хлебное поле...

В последние годы появилось немало как молодых, так и не очень молодых писателей, написавших яркие, истинно художественные книги о своей земле, о людях Нечерноземной полосы России. Мне бы хотелось к уже названным писателям добавить еще несколько имен.

Начну с новгородца Леонида Воробьева и москвички Веры Шапошниковой с их книгами «У реки, у Ломенги» и «У чудесного колодца».

Как тот, так и другой автор имеют свой собственный почерк, и книги у них, естественно, разные (некая похожесть названий — не в счет). Разные даже по жанру: первая — рассказы, вторая — очерки. И все же в моем читательском восприятии обе книги как-то сами собой встали рядом, как бы дополняя и оттеняя одна другую.

Их сближает, если не сказать роднит, пристальное внимание авторов к народной жизни, к ее сокровенным истокам. Не приблизительное изображение нашей среднерусской «глубинки», не живописное скольжение по поверхности, а стремление добраться до самой сути, до изначального корня является главным и определяющим в названных книгах.

Герои рассказов Л. Воробьева — его же земляки: механизаторы, плотники, плотогоны, бакенщики, — словом, рядовые великой армии тружеников. Жизненные биографии их, тоже по большей части заурядны: пахал землю или гонял плоты по реке по Ломенге, воевал в Отечественную, а когда вернулся в родные края, взялся за прерванное войной дело; И никаких выдающихся событий не происходит в рассказах Л. Воробьева. Ну, можно ли считать великим событием, например, дело, которое предлагают старому, уже на пенсии; плотогону: провести по обмелевшей реке последнюю связку очень нужной древесины?

Но под талантливым пером писателя это, в общем-то довольно заурядное, дело становится для старого плотогона событием. Оно словно бы внутренним светом озаряет всю его долгую, трудовую жизнь, высвечивая в ней такие истории, факты, случаи, из которых складывается, вырисовывается недюжинный, истинно русский характер.

Старый плотогон в конце пути оступается на скользких, разрознившихся бревнах — и сила, и ловкость уже не те, что были когда-то, — оступается и погибает. Но смерть выглядит не как слепой, нелепый случай, а как логическое, естественное завершение его жизни, ее последний, перед падением, взлет. Ведь не в пьяной драке, не по какому другому случайному стечению обстоятельств принимает смерть старый плотогон — долгая, заполненная повседневным трудом жизнь завершается его трудовым же — последним трудовым — усилием... Кому не известно старинное русское речение: на миру и смерть красна. Старый плотогон умирает «на миру» во имя благоденствия этого мира, и смерть его прекрасна.

Я остановил внимание лишь на одном рассказе Л. Воробьева. Но столь же достойны читательского внимания, столь же серьезно и впечатляюще написаны и многие другие вещи сборника «У реки, у Ломенги».

Говоря о том, что герои произведений Л. Воробьева в большинстве своем простые люди, я отнюдь не хотел подчеркнуть, что одно внимание автора к людям из народа и делает его рассказы истинно народными.

Понятия «народ» и «народность» за последние десятилетия претерпели значительную эволюцию. Рабочие у станка, пахари за плугом — народ. Хорошо. А инженеры на тех же заводах, агрономы, идущие полем рядом с пахарем, учителя — уже не народ? Вчерашний тракторист — сегодня ин-

женер, доярка — зоотехник. Где грань, кто ее проведет, да и надо ли проводить?

Герои очерков В. Шапошниковой тоже по большей части сельские жители. Но среди трактористов, плотников, доярок мы видим и учителей, краеведов, художников. Один очерк полностью посвящен нашему знаменитому искусствоведу-реставратору Петру Дмитриевичу Барановскому, другой — еще более знаменитому Сергею Тимофеевичу Коненкову... Не слишком ли разнороден материал, не слишком ли пестро получается? Нет, книга получилась цельная, органически слитная.

Вот очерк об известных на Смоленщине звеньевых Татьяне Афанасьевне Шибаевой и Екатерине Ивановне Гусевой, вырастивших рекордный урожай льна («Лен-ленок»). В очерке меньше всего рассказывается о «технологии» выращивания льна, больше о том, как жили и живут эти, ныне прославленные на всю Россию, крестьянки, какие песни они в молодости пели про лен-ленок и с какими думами и чаяниями возрождали на выжженной смоленской земле после войны, как возрождали славу русского льна.

А вот очерк о том, как уже на склоне лет приехал в родные места — на ту же издревле русскую смоленскую землю — художник-патриарх С. Т. Коненков («Прощание с родиной»). Он ходит по родным полям и лугам, пьет воду из родника своего детства, разговаривает со своими земляками.

Крестьянки, мастерицы растить лен, и великий мастер искусства — не далековато ли — опять можно поставить вопрос — одно от другого? Ничуть! И дело не только в том, что и мастера, и мастериц вспоила и вскормила одна земля. Разве не эти крестьянки, их отцы и матери, их дочери и сыновья в течение всей долгой жизни мастера были ему исходной точкой, истоком его творчества? Разве не их он ваял в дереве и мраморе, разве не их думы и чаяния, их горести и радости запечатлевал в своих гениальных творениях?!

«— Вот тут росли большие березы,— вспоминает Сергей Тимофеевич, оказавшись в окрестностях деревеньки Коняты, где прошло его золотое детство.— А в этом овраге должен быть родник. Кира,— обратился он к сыну,— пойди посмотри внизу.

— Да что вы, наверное, уже давно пересох,— заметил кто-то из рославлян, сопровождавших Коненкова.

— Как так пересох? — Он удивленно вскинул седые брови.— Иди, иди, Кира...

Кирилл Сергеевич раздвинул заросли, бочком, осторожно спустился в овраг, ходил там, потрескивали сучья. Коленков-старший с напряжением ждал.

— Есть, есть родник,— раздался взволнованный голос Кирилла Сергеевича.

Радость мелькнула в глазах отца, и когда наконец появился сын со стаканом хрустально-прозрачной воды, Сергей Тимофеевич взял его бережно и пил с наслаждением, не слушая уговоров, что можно и простудиться».

Картина написана просто, без нажима на подтекст, хотя он в ней и есть.

В очерке «Над Плещеевым озером», открывающем книгу, автор ведет неспешный рассказ о жителях деревни Криушкино, о соседних селениях, в том числе о древнем и славном Переяславле — родном городе князя Александра Ярославича, которого потом назовут Невским. Перед читателем проходит целая галерея самых разных... хотел было сказать персонажей, но какие они персонажи — они живые люди. Тут и израненный ветеран войны Андрей с женой Машей, и учитель Павел Ерофеевич Теплов; соседки Анна Кукушкина с Лвд гьей Ширшиковой и хлебовоз Иван Никитич. А еще семья механизаторов Бородулиных. Еще Виктор Кукушкин со своей поздней любовью к односельчанке Марье...

Неторопливая, безыскусно-естественная манера повествования дает возможность автору «высказываться» о том, что он видит вокруг себя не прямо, не в лоб, а опосредствованно — наглядной картиной или диалогом.

«Анна Алексеевна Кукушкина неодобрительно посмотрела из-под руки на велосипедиста, ехавшего через деревню от леса. Обычно из леса ездят по дороге вдоль озера. А этот, видно, неопытный, колесил себе верхом. На раме его машины был укреплен мешочек, и, судя по выпуклостям на ткани, в нем были орехи.

Анна Алексеевна ничего не сказала, но по тому, как резко потянула цепочку, которой прикручивала к кольям изгороди пятнистую телку, можно было догадаться, что она рассердилась».

Мы еще не знаем, что рассердило соседку, но уже видим ее, видим через пустяковый, в общем-то, жест — резко потянула цепочку.

Беседа автора с соседкой продолжается. Анна рассказывает, как хорошо раньше пели на деревне:

«— Раньше на каждое дело песня была. Масленица любила гулевые, веселые, на беседах — так в Криушкине назы-

ваются посиделки — бабьи, посиделковые, долгие. Бывало, как зима придет, задует, бабы по вечерам собираются вместе, время зря не расходуют, прядут, а сами поют. Слаженно пели, душевно.

Есть песни плясовые, обрядовые, есть плачи — когда как душу выразить было надо, так и пели.

На покос идут — поют. С покоса — опять поют. Сядут отдыхать — прибаутки, шутки. Ох, и голосистые были девки!»

Еще немного, и Анна, вспомнив молодость, может, запоет тихонько. Но... но опять возникает — теперь уже совсем близко — тот злополучный велосипедист (а мы-то думали, что автор забыл о нем!).

«— Он криушкинский?

Анна резко и энергично повернулась ко мне. Сколько в ней силы душевной и боли за родную природу, в любви к которой растили ее. Лицом молода, умный и пронизательный взгляд.

— Наш-то не стал бы так драть, — процедила она о велосипедисте. — Ведь август еще не пришел, а он — пожалуйста. Нащипал. Да что в них сейчас, в орехах-то? Одно молоко. — И возмущалась: — Никаких запретов, что хошь, то и делай в лесу».

Началось с какой-то телки, с песен, а под конец — несколько неожиданно, но от этого не менее страстно и убедительно зазвучала очень актуальная тема охраны природы.

Очерк «Над Плещеевым озером» — о наших днях, о современной жизни подмосковной деревни. Но в нем мы слышим отзвуки войны и довоенной жизни. Автор идет еще дальше, идет в глубь истории — ведь и Криушкино, и Переяславль стоят на древней русской земле, и как тут не вспомнить хотя бы отдельные страницы славного прошлого. Преданиями об этом прошлом пронизан весь очерк. Он и начинается с выяснения вопроса: правда ли, что в деревне Криушкино стояла дружина князя Александра по его возвращении с Невской битвы? Изысканиями местных краседов, подтверждающих эту догадку, очерк и кончается.

Автор исподволь, незаметно подводит читателя к мысли о нерасторжимости связи времен, которой мы в последние годы придаем столь важное значение.

Своеобразное продолжение этой темы мы находим в очерке «Поездка в Болдино». Нет, речь идет не о Пушкинском Болдине. Очерк — о выдающемся памятнике XVI ве-

ка — Болдинском монастыре, что в Дорогобужском районе Смоленской области.

Монастырь был построен гениальным русским зодчим Федором Конем. Однако время не щадит и шедевры, монастырь к началу нашего столетия обветшал и в двадцатые годы был приведен в первоначальный вид тогда еще молодым архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским.

Война. Немцы, при отступлении, взорвали уникальный памятник истории и культуры. И вот теперь — уже далеко не молодой — П. Д. Барановский снова берется за его восстановление...

Памятник памятником. Сама подвижническая жизнь старейшего радетеля древнерусского искусства (Барановскому уже за восемьдесят) как бы символизирует ту возвышенную связь времен и поколений, о которой мы только что говорили.

Нет необходимости разбирать каждый очерк. Скажу лишь еще раз, что при всей кажущейся пестроте материала, который вобрала книга «У чудесного колодца», она воспринимается как разностороннее и вместе с тем единое повествование о нынешнем дне среднерусской полосы.

Теперь из средней полосы России, с берегов Плещеева озера, давайте переместимся на Север, на берега реки Мезени.

После Федора Абрамова писать о Севере, о северной деревне не так просто: кажется, что в своих «Пряслиных» он едва ли не исчерпал эту, условно говоря, тему. Однако же в последние годы явилось в свет сразу несколько талантливых прозаиков-северян, сумевших сказать о своем суровом крае, о земляках-поморах свое дело. Я имею в виду таких писателей, как Владимир Личутин, Виталий Маслов (оба родом с Мезени), Юрий Галкин.

О В. Личутине уже много писали, его имя широко известно и критикам, и читателям. Хотелось бы несколько пространней поговорить о романе В. Маслова «Круговая порука».

О чем он, этот роман? Если коротко — о поморской деревне, а если брать шире — о жизни и самоотверженном труде народа, о его мужестве и неисчерпаемой стойкости.

Книга сурова по общей тональности, как суров и край, в котором живут ее герои. По «Пряслиным» мы уже знаем, как трудно приходилось жителям Севера не только в войну, но и в долгие послевоенные годы. В. Маслов пишет о том же

(хотя ни в чем не повторяет Ф. Абрамова, да и роман его «подвинут» к нашим дням).

Автор «Круговой поруки» не со стороны глядит на Шестыденьговую Щелью, он здесь не заезжий корреспондент, он здесь свой человек и живет, и думает чаяниями северной деревни; он незримо сидит с шестыденьговцами за праздничным столом, косит траву вместе с Митькой Футштоком и Германом, он делит со своими земляками и самые радостные, и самые горькие минуты.

Главное же — через художественно зримый показ нелегкой жизни северян-шестыденьговцев В. Маслов рисует впечатляющую картину народной жизни, показывает негибемую стойкость своих героев, их высокую нравственную красоту. Герои Шестыденьговой Щели — Харьеза, Валюха, Михайло Маркович, Ваня Бутора — являют перед читателем высокий пример стойкости и повседневного — значит, особенно трудного — мужества.

Не боясь впасть в преувеличение, я бы сказал, что В. Маслов создает в своих рассказах как бы обобщенный образ северянина помора, со своим особым складом характера, привычек, нравственных ценностей, со своим пониманием жизни и — что особенно важно для художественного произведения — со своим языком. Обобщенный вовсе не значит: абстрактный. Нет. Масловские шестыденьговцы, как и все живые люди, каждый на свое лицо, на особинку, у каждого не только свой голос, но и своя интонация. Но, запоминаясь каждый сам по себе, они вместе с тем как бы «дополняют» друг друга и создают хоть и разноликую, разноголосую, но одну общую, цельную картину.

Среди особенно удавшихся автору, запоминающихся персонажей можно назвать главного героя повести и таких шестыденьговцев, как председатель колхоза Фокин, доярка Шура, молодые ребята Герман и Горька и уже упоминавшиеся — Харьеза, Михайло Маркович, фельдшерница Валя. Скупое, но сильно написана мать Митьки — Матюшиха... Впрочем, список этот можно бы продолжить. Читатель наверняка запомнит и Анисью Фокичну Опарину с сыном Типой, и Вальку Воронина, и Быкина с Козьяковым...

В последнее время от неоправданно частого употребления претерпело явную девальвацию слово «самобытность». Самобытным мы готовы назвать даже журналиста средней руки, и, значит, чего же скупиться на это слово, когда речь заходит о прозаике, написавшем рассказ или тем паче повесть!

В. Маслов по-настоящему, без малейших натяжек, самобытен. Он самобытен, резко индивидуален и в самом, что ли, материале своих рассказов, и в художественных средствах. Именно потому, что он по-своему, не заемными, а своими, и только своими, живописными средствами рисует или, как еще говорят, подает своих героев — именно потому они и получаются каждый с собственным лицом и голосом, поэтому и запоминаются читателю.

Кто из писателей, знающих деревню, не писал сенокоса? Я таких не знаю. И если собрать все написанное об этой тяжелой красивой работе, начав Кольцовым, Тургеневым и Толстым и закончив, скажем, уже упоминавшимся Ф. Абрамовым, то получится огромный том. И как же тут непросто написать сенокос по-своему, написать так, как никто до тебя не писал! В. Маслов сумел это сделать. Цитировать я не имею возможности — это заняло бы много страниц — скажу только: картина сенокоса написана широко, красочно и захватывающе интересно. Главное же — она интересна не сама по себе (хотя и сама по себе!), а тем, что в косьбе, в том самом «тройном обгоне», на который пошел Митька, рельефно, зримо, наглядно проявляется характер Митьки. И не только Митьки, а и Германа, и Вали. Сенокосные картины чаще всего пишутся в тонах поэтически идиллических. В. Маслов написал картину глубоко драматическую; с прекрасной, свободной от пережимов, концовкой.

Писатель самобытен даже в пейзаже.

«Герман такой кострище раскочегарил, дым — то хвостом через реку, то — столбом к самому небу...»

Одной фразой, широким свободным мазком нарисована зримая картина.

«Летит вода на прибыль, полводы — самая быстерь», — сказано в другом месте. И может показаться, что лучше бы, «правильнее» сказать: вода летит на прибыль. Мне тоже, когда я прочел: «Митька Футшок за столом сидел», — авторская инверсия сначала показалась неоправданной. Однако когда вчитаешься в повествование как следует, видишь — автора меньше всего заботит суетное желание изъясняться оригинально, обязательно непохоже на других — у него эта непохожесть органичная, внутренняя. Отсюда и своя, не как у других, тональность и ритм фразы. Точно так же автору нет необходимости выискивать или придумывать «редкие» слова и словечки или не менее редкие имена своим героям. Это в Москве или других городах средней полосы России всякие там Тины, Харьезы, Фокисиньи и Футшоки не ча-

сто встречаются, а на Мезени они столь же обычны, как у нас Сергей и Наташи.

Герои «Круговой поруки» — честные и чистые, сильные духом люди. Знакомство с ними и нас, читателей, делает сильнее.

Тот же не сторонний, а «домашний» взгляд, та же близкая, кровная заинтересованность во всем, что касается судеб героев, присуща и произведениям Юрия Галкина. Он тоже любит Север той, запавшей в сердце еще с детства, «первой» любовью, которая остается с нами на всю жизнь, где бы мы потом ни были. Сама природа родного края наполнена для него высокой поэзией:

«...хочется смотреть вперед на спокойную гладь пламенеющего в воде заката, на ту незаметную грань, когда вода зыбко ломается и стремительно падает под лодку. А там, впереди, весь простор реки светел истлевающими красками чистого осеннего вечера».

Но, чтобы не только глазом увидеть эту красоту, а еще и почувствовать ее сердцем, всем своим существом, «надо прожить тут много-много лет, надо, чтобы жили здесь и твои предки, и все вокруг еще до тебя исходили, натопили троп, наставили фамильных знаков, стреляли зверя и птицу, ловили рыбу, и всю эту землю оставили тебе в наследство, и ремесло, и снасти, и характер, и дом, и сказки... А без этого и синий лес, и неиссякаемая сила болот, и река в немых берегах будут чужды, страшны и непонятны...».

Героев книги повестей и рассказов «Беглецы» мы чаще видим в будничных заботах (одна из повестей Ю. Галкина так и называлась «Будний круг»), они не покидают их и когда автор со своими героями выбирает рыболовную сеть на реке, и когда сидит с ними в просторном северном доме за самоваром. Но ведь не столь из праздников, сколько из буден и состоит жизнь человека. Важно, чтобы его повседневное существование, его рабочие будни были наполнены не одной лишь заботой о своем житейском благополучии, а имели и более высокий смысл.

Герои рассказов и повестей Ю. Галкина занимают самые что ни на есть рядовые должности — Петр, например, простой колхозник, знакомый старик — всего-навсего бакенщик на Северной Двине... Однако же им дело до всего, что происходит в стране, они мыслят, рассуждают по-государственному. «Многое теперь человек хочет знать, о многом думает сам, и давно известно, что именно этой внутренней работой

озаряются дела человека, его поступки, его вслух сказанные слова, о чем бы они ни были».

Надо не раз и не два пройти вместе с героями их «будний круг», съесть не один пуд соли, надо полюбить их вместе с их ошибками и недостатками — тогда только ты сможешь увидеть, что дело, которое они делают, озарено светом жизненной мудрости.

Мне бы хотелось здесь также назвать книги горьковчан — «Рябиновую грядку» Александра Еремина и «Тихие Выселки» Александра Цветнова. Художническое исследование народной жизни сочетается в них с пристрастным вниманием авторов к насущным проблемам нечерноземной деревни.

Заслуживают доброго слова и публицистические работы вологжанина Дмитрия Кузовлева — в прошлом председателя колхоза и секретаря райкома.

Однако же нам нельзя закрывать глаза и на то, что наряду с хорошими книгами еще немало выходит и серых, безликих, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу читателя.

Мы все дружно жалуемся на нехватку бумаги, на малое количество так называемых «позиций» в издательских планах. И все правильно. Но если бы все выходящие книги были истинными произведениями литературы — не важно! — художественной или публицистической.

В заключение мне как раз и хотелось бы высказать некоторые критические замечания о качестве нашей книжной продукции, о ее художественном уровне.

Вначале я говорил о воспитании у молодежи чувства любви к Родине, к ее великому прошлому. А вот как мы пишем о России, об отечественной истории:

«Валя не знала песен, которые пел тогда народ, схватываясь в борьбе с захватчиками, и поэтому, представив, как поднимается на подмогу псковитянам вся голая, лапотная Русь...»

Даже если оставить без внимания «схватываясь с захватчиками» и то, что Валя не знала старинных песен, все равно встает вопрос: зачем же так пренебрежительно, свысока о нашей-то Руси, о ее великом народе? Да, мы живем богаче наших предков и ходим не в лаптях, а в синтетической обуви. Но ведь не голыми ходили и наши деды. И не правильнее ли было бы в данном контексте подчеркнуть не лапти, а то, что они не только доблестно отстояли в свое время Псков от многочисленных захватчиков, но и построили в нем

и в соседнем Новгороде нечто, именующееся ныне шедеврами мировой архитектуры.

«Опять воспоминания насилую»... — таким признанием начинает поэт свое стихотворение. Вот ведь как: насилую! Ясно, что ничего хорошего от воспоминаний, добытых таким путем, ждать не надо. Так оно и выходит. Глядя на деревенских старух, поэт дает «образ» Древней Руси:

Как старухи эти — некрасивой, дряхлой и больной она была.

Хорошо ли так говорить о могущественном государстве Европы, даже если оно тебе и чужое? А уж о родном-то тем более негоже!

Перейдем от стихов к прозе, а от истории — к нашим дням. Вот как мы пишем о поэзии земледельческого труда:

«С высокой оснащенностью техникой пришел и новый прогрессивный двухфазный метод жатвы, серьезно решивший очень-то жгучую проблему сохранения урожая, получения зерна высоких мукомольных кондиций. Этим, так называемым раздельным, способом жатвы утверждалась ранее выработанная крестьянином-земледельцем методика сбора хлебов».

Вы думаете, о чем речь? Что это за новый прогрессивный, он же и двухфазный способ жатвы, которым «утверждалась ранее выработанная крестьянином-земледельцем методика сбора хлебов»? А очень просто: крестьянин сначала жал хлеб, а потом обмолачивал. И таким «двухфазным» способом и убирал он хлеб сто и тысячу лет назад, с той лишь разницей, что не называл его ни способом, ни методом, ни другими учеными словами, поскольку неведомы были ему эти слова. Не знал он, по темноте своей, и того, что этот способ новый и прогрессивный, тем более и думать не думал, что придет время и его метод сбора урожая будет кем-то заново утверждаться.

Вот ведь какой огород нагорожен на пустом месте!

Если мы и дальше так будем писать о нашем Нечерноземье, далеко мы не уйдем. Будем помнить, что в литературе количество само по себе не переходит в качество. Нам нужны не вообще книги о людях нечерноземной средней России — нам нужны хорошие книги!

школьников. Это было в послевоенной колхозной деревне: ребята помогали тогда взрослым совершать подвиг возрождения.

Ну а сейчас? В Нечерноземье живут и работают талантливые детские и юношеские писатели. Здесь созданы книги, окрыляющие сердца школьников любовью к родной земле и стремление трудиться на ней. Но таких книг, к сожалению, еще мало.

Максим Горький называл, как известно, литературу, обращенную к юным читателям, «великой державой». Тем более эта литература заслуживает такой оценки сегодня: за годы Советской власти в СССР издано более десяти миллиардов книг, адресованных детям и юношеству. Разумеется, не все эти произведения равноценны в художественном отношении, но нет у нас ни одной книги, которая хотя бы единой строкой прививала подрастающему поколению тлетворные идеи человеконенавистничества, расового высокомерия. Все эти литературные произведения окрылены идеями гуманизма, добра, коммунистической нравственности.

А. С. Макаренко утверждал, что особенность детской литературы состоит не в том, «что написано, а в том, как написано». То есть, по его мнению, ребенку можно поведать о самых сложных и значительных событиях — касается ли это политической сферы, свершений глобального масштаба или личной человеческой жизни. Но чтобы юный читатель понял, о чем ему толкуют, форма повествования, обращенного к нему, чаще всего должна быть особой. Владение этой формой при разговоре с маленьким читателем о глубоких сложных проблемах жизни и есть особенность дарования детского писателя.

Безусловно, все талантливые произведения, написанные для детей, становятся интересны и взрослым. Но отнюдь не все книги, созданные для взрослых, могут быть понятны, доступны детям. Изучение этой проблемы показывает, что из сокровищ мировой литературы дети отобрали в круг своего постоянного чтения лишь очень немногие книги.

Иные наивно думают, что детская литература — это литература лишь о мире детей. Но талант настоящего детского писателя состоит в умении поведать маленьким читателям обо всех больших и важных событиях окружающей его жизни. Поведать так, чтобы он все понял, во всем разобрался.

Детская литература, как известно, включает в себя мно-

гие жанры — прозу и поэзию, драматургию и сценарное дело, публицистику и фантастику, научную популяризацию и столь любимые ребятами приключенческие повести и романы. И в каждом жанре у нас работают мастера, имена которых юные читатели хорошо знают, без произведений которых трудно представить себе сегодняшнее детство.

Успехи лучших детских писателей основаны, я думаю, на высоком доверии к духовным и нравственным возможностям ребенка, на убеждении, что он отличается от нас, взрослых, лишь меньшим жизненным опытом и меньшими физическими возможностями, но что у него такая же, как у нас, способность радоваться и страдать, смеяться и плакать, восхищаться и разочаровываться... Лишь тот писатель, который обращается со своими маленькими (разумеется, лишь в смысле возраста!) друзьями, как говорится, «на равных», который не только любит, но и уважает их, заслуживает ответную любовь и доверие.

Хочу особо остановиться на литературе юношеской. Специфика ее, на мой взгляд, совсем иная... Ведь человеку в пятнадцать-шестнадцать лет доступны все сокровища мировой классики. Он читает «Анну Каренину», «Братьев Карамазовых», «Степь»... Так верно ли будет, если мы начнем создавать для этого читателя какие-то особые по форме произведения! Но в чем же тогда особенность юношеской литературы? А в том, я думаю, что юношеский писатель поднимает проблемы, которые в первую очередь волнуют человека, стоящего на самом пороге самостоятельной жизни. Это уже вопрос не формы, а только и только содержания. *Своих* же проблем у юного человека немало! И немало специфических возрастных особенностей. Воспитание подростков и юношества — дело нелегкое.

Знаменательно, что мастера «взрослой» литературы создают и для юных произведения о земле, о родной природе, о подвигах крестьянства: «Карюха» и «Мишкино детство» М. Алексеева, повести и рассказы В. Белова... А образы детей в книгах В. Астафьева, М. Карима, Н. Эркай! Книга Ю. Грибова «Слово о Прасковье Малининой», выпущенная издательством «Малыш», дарит самым маленьким рассказ о сельском труде, который стал истинным творчеством «Пусть меня научат!» — восклицал юный герой стихотворения В. Маяковского «Кем быть?». Пусть же и литература научит юных быть заботливыми друзьями, неутомимыми и умелыми врачевателями, «возделывателями» нечерноземной земли.

Подросткам не терпится стать взрослыми. Но, конечно, не о морщинах и сединах грезят они, а торопятся вложить свои силы в то самое настоящее дело, которое, как они уверены, чаще всего находится за рубежом юного возраста. Пусть это не прозвучит слишком возвышенно, но ведь капитанами кораблей юности являемся мы, взрослые, и писатели подчас прежде всего... Значит, от нас зависит, сядет ли одной из этих кораблей на мель или отправятся все они в большое плавание — по курсу доброты и сердечности, мужества и великодушия, готовности к подвигу и борьбе за свои убеждения, к защите того, кто в этой защите нуждается...

У одного моего юного друга имя такое же, как у его отца. И фамилия, разумеется, та же. И ничего удивительного не было в том, что однажды мальчишка вскрыл письмо, адресованное отцу: просто ошибся — думал, что оно прислано ему лично. И прочитал он, что женщина-врач, которая когда-то давно была женой отца и вышла из него после тяжелой контузии, что эта женщина попала в беду. Отца в городе не было... И мальчишка пришел к одинокому человеку защитником и спасителем. За отца, вместо отца! Я пересказал сейчас содержание одной из своих повестей, но в основе ее — жизненный факт. Не игру в доброту затеял мальчишка, а он тоже поступил как рыцарь истинного, деятельного добра — и быть может, спас человека.

«Детство. Отрочество. Юность» — так назвал свое великое творение о начале жизни человеческой Лев Толстой. Это название, мне думается, еще раз убеждает нас: в юную пору каждый прожитый год — целая эпоха. И подростки — совсем не то, что дети, которые во все вносят увлекательный элемент игры. Подростки хотят, чтобы все было всерьез. Они порой сдержанны, а случается, придирчивы и ироничны. Помню, много лет назад Л. Кассиль предупреждал меня: «Готовьтесь к встречам с десятиклассниками куда более тщательно, чем даже с учеными».

С подростками нелегко: они требуют чуткого отношения к своим переживаниям и стремлениям, а в мир этих переживаний порою не допускают. И все же главное их стремление, думаю, нам понятно: они жаждут не мнимых и показных, а увлекательных, *настоящих* свершений; они ждут от нас не только любви и заботы, но и *уважения* к их мечтам, к их первым поискам и открытиям.

Обо всем этом не может, не имеет права забывать литератор, посвящающий свое творчество юношеству.

...Помню, на Парижском симпозиуме по проблемам детской и юношеской литературы один французский журнал лист спросил:

— А не слишком ли вы, советские писатели, романтизируете своих юных персонажей? И вообще, не приукрашиваете ли вы истоки, с которых начинается человеческая жизнь?

— А не приукрашивал ли эти истоки ваш соотечественник Виктор Гюго, посылая на баррикады Гавроша? А не идеализировал ли эти самые истоки Марк Твен, рассказав о Томе Сойере, энергия добра и справедливости которого неиссякаема, хоть и прикрыта чуть-чуть мальчишеской бравадой? А не идеализировал ли этот изначальный период бытия человеческого бессмертный Толстой, с горечью и восторгом поведав нам об отваге Пети Ростова?

Прошли десятилетия с тех пор, как впервые пришли на книжные страницы эти герои. «Посмотрите: настоящий Гаврош! — иногда восклицаем мы. — Это живая Наташа Ростова!» Разве сравнишь реально существующего человека с существом «приукрашенным»? Великие писатели подарили всем юным поколениям грядущей поры друзей до того привлекательных, до того живых, что в них невольно, отдавая себе порою отчета, хочешь перевоплотиться, поступки которых способны стать и стали мечтой.

Такой путь литературного созидания сделали для себя эталонным мастера нашей детской и юношеской литературы, как и все мастера советской литературы.

Я видел в одной западноевропейской стране, как мать прятала от своих сыновей-близнецов вроде бы для них написанную книгу, которую сама же купила, а прочитав, ужаснулась: «Ведь юным свойственно подражать. Но если мои мальчики начнут подражать персонажам этой повести...» По глазам матери я понял, что в этом случае произойдет нечто страшное. Я видел, как от детей прятали «детскую» книгу... У нас детские книги ищут. Ищут неустанно, как самое необходимое. Да, ищут, хотя издаются они тиражами поистине фантастическими. Матери и отцы хотят, чтобы их дети познакомились и сдружились с героями этих книг. Потому что верят: нет у нас, как я уже утверждал выше, ни одного произведения, которое бы учило мальчишек и девочек жестокости, несправедливости, равнодушию.

Попытка растлить юные, еще не окрепшие души с помощью разрушительных средств реакционной литературы, телевидения, кинематографа — одно из самых чудовищных:

преступлений буржуазии перед грядущим днем человечества.

Воинствующий гуманизм — вот основная, определяющая черта нашей советской литературы, обращенной к юным читателям.

Мы ничего не приукрашиваем — мы просто хотим, чтобы наши дети, наше юношество верили рожденным летать, а не ползать, рожденным творить, а не разрушать, рожденным спасать, исцелять, а не убивать и душировать. Это тоже — достойнейшая традиция советской литературы, и в том числе детской и юношеской.

В новой Конституции сказано об обязанности всех взрослых граждан растить и детей гражданами в самом истинном смысле этого слова. Наши писатели стремятся выполнить эту святую миссию... Так они «вливают свой труд» в труд других воспитателей, а это не только педагоги, но люди всех без исключения профессий. Ибо отдавать юным самое лучшее, что есть в тебе самом, учить их самому доброму и полезному из того, что умеешь сам, — обязанность каждого взрослого человека.

Мы вовсе не собираемся прививать нашим ребятам некие маниловские черты, уверять их, что планета наша для счастья уже полностью оборудована. Мы хотим, чтобы они знали: на земле есть зло, не бороться с которым — значит потворствовать злу. Мы растим их борцами, а борцы должны ясно осознавать не только за что, но и против чего предстоит сражаться. Мы не прячем от юных читателей ни того дурного, что встречаем в их сверстниках, ни того, что еще путается, увы, под ногами у старших. В одной своей повести я рассказал об учителе, которого предали, к несчастью, некоторые его бывшие ученики, — а ведь он некогда помог им не только определить жизненное призвание, но и осуществить его, прочно встать на ноги. В другой повести я написал об учительнице, которая лишь через тридцать лет сумела по достоинству оценить своего нелюбимого в прошлом ученика, понять, что именно он-то и был хоть и маленьким по годам, но большим по нравственным качествам человеком. И никогда ни один редактор не спросил меня: «А где вы нашли таких учеников? А где вы обнаружили таких учителей?» Подобные же мои произведения издавались и на зарубежных языках не только в социалистических странах, но, к примеру, в США, Японии, Франции...

Для нас, советских писателей, важнее всего, мне кажется, преисполнить душу человеческою любовью к благородст-

ву, к добру и вооружить ее против зла. Если же происходит нечто противоположное, мы встаем против этого, как та мать, что прятала от своих сыновей книгу, желавшую превратить их в преступников. Таким «произведениям», которые нам порой пытаются подсунуть для литературных переводов, мы говорим: «Нет!»

Книги, обращенные к юным читателям, как утверждал В. Г. Белинский, «пишутся для воспитания». И далее он мудро провозглашал: «А воспитание — великое дело: им решается участь человека». Нет для писателя цели более возвышенной и ответственной, чем решать судьбу человека — создателя сегодняшней и завтрашней поры!

*Культура
и современность*

А. С. ДРЫГИН,

первый секретарь Вологодского обкома КПСС

КОГДА К ЗЕМЛЕ ПРИЛОЖИШЬ РУКИ...

*Заметки о культурном строительстве
в Нечерноземье*

Важнейшей особенностью аграрной политики КПСС на современном этапе является коренной поворот к решению социальных проблем, всемерный подъем культуры села. Речь идет о соединении сельскохозяйственного производства с культурой, понимаемой в самом широком смысле слова — как культура труда, быта, человеческих отношений. Речь также идет об овладении каждым советским человеком высотами культуры, о выработке у него активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу, когда единство слова и дела, высоких нравственных принципов и практической деятельности человека становится повседневной нормой его поведения.

Осуществление этой важнейшей задачи неразрывно связано с большой, целеустремленной работой партийных организаций по реализации комплексной программы преобразования Российского Нечерноземья, решений майского (1982 г.), ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС, Продовольственной программы СССР.

На подъем Нечерноземья партия и правительство направляют огромные материальные ресурсы. Это видно на примере сельского хозяйства и нашей Вологодской области. Неуклонно укрепляется материально-техническая база колхозного и совхозного производства. За период осуществления программы преобразования Нечерноземной зоны РСФСР в аграрный комплекс области вложено более двух миллиардов рублей. Только за десятую пятилетку основные производственные фонды колхозов и совхозов области воз-

росли в 1,7 раза и составляют теперь свыше 1,2 млрд. рублей. Значительно увеличилась энерговооруженность колхозов и совхозов. Возрос уровень механизации производственных процессов, что вызывает крупные изменения и в самом характере труда, и в профессиональной структуре сельских кадров. На развитие всего агропромышленного комплекса области в одиннадцатой пятилетке направляется 1,7 млрд. рублей, что в 1,3 раза больше фактического освоения их за годы десятой пятилетки.

Интенсификация сельскохозяйственного производства, рост производительности труда, коренное укрепление экономики хозяйств создают надежную основу для успешного решения социально-экономических задач, улучшения культурно-бытовых условий сельского населения. За последние семь лет на селе построено жилых домов общей площадью около миллиона квадратных метров, детских дошкольных учреждений на 8,6 тысячи мест, школ на 22 тысячи учащихся, клубов почти на 8 тысяч мест. В текущей пятилетке намечено построить и ввести в эксплуатацию по всему агропромышленному комплексу жилые дома общей площадью 1,5 млн. квадратных метров, детские дошкольные учреждения на 10,6 тысячи мест, школы на 11 тысяч учащихся. Все более быстрыми темпами идет благоустройство жилья. Сельские дома и квартиры электрифицированы и радифицированы. Практически все население имеет возможность смотреть передачи Центрального телевидения. В настоящее время на каждые 100 сельских семей имеется 85 телевизоров, 80 радиоприемников, 80 стиральных машин, 50 холодильников.

Таким образом, на селе социально-экономические преобразования, с одной стороны, создают благоприятные условия для всестороннего духовного развития сельских жителей, а с другой, неизмеримо повышают их ответственность за претворение в жизнь аграрной политики партии, всестороннее и динамичное развитие сельского хозяйства. Труженики села включаются в сферу все более интенсивных общественных связей. Труд и поступки, жизненная позиция каждого из них обретают все большую общественную значимость. Это требует и определенной перестройки психологии крестьянина, дальнейшего роста общественной сознательности, гражданской зрелости, творческой активности. Не случайно в решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, в речи на нем Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова особо подчеркнута необходи-

мость решительного поднятия всей идеологической, воспитательной, пропагандистской работы на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма, формирования у трудящихся высоких нравственных качеств.

И следует отметить, что сельские партийные комитеты и первичные парторганизации области много делают в этом направлении. На заседаниях бюро и пленумах, собраниях коммунистов, семинарах и совещаниях партийного и педагогического актива, на страницах газет и в передачах местного радио и телевидения ведется серьезный, заинтересованный разговор о нравственном облике современного земледельца, формировании активной жизненной позиции сельских труженников.

В большинстве сельских районов и областном центре успешно прошли научно-практические конференции, обсудившие пути совершенствования идейно-нравственного воспитания труженников села. Они со всей убедительностью раскрыли многообразие форм воспитательной работы с людьми, обогатили ценным практическим опытом.

Партийная и лекционная пропаганда, разнообразные формы массово-политической работы в трудовых коллективах успешно служат делу воспитания людей. В хозяйствах области действует свыше 900 школ коммунистического труда; экономическим образованием охвачено 30 тысяч сельских труженников. Свыше 2 тысяч лекторов, 2,6 тысячи политинформаторов, многочисленный отряд агитаторов активно выступают по вопросам коммунистической морали, культуры и нравственности. При горкомах и райкомах партии работают 126 информационно-пропагандистских групп. Регулярно проводятся единые политдни, информационные конференции, вечера вопросов и ответов с участием ответственных партийных, советских и хозяйственных работников.

Важная роль в воспитании трудящихся, создании в трудовых коллективах благоприятного морально-психологического климата принадлежит руководителям хозяйств и специалистам.

Прошло уже более десяти лет после принятия постановления ЦК КПСС «Об участии руководящих и инженерно-технических работников Череповецкого металлургического завода в идейно-политическом воспитании членов коллектива». Мы и сегодня по-прежнему ощущаем непреходящее значение принципиальной установки партии на активное

вовлечение организаторов производства в повседневную, кропотливую воспитательную работу с людьми. Партийные организации области немало сделали для того, чтобы это требование времени стало непреклонной нормой жизни каждого предприятия, каждого колхоза и совхоза.

Трудно переоценить роль руководителей и специалистов хозяйств в идейно-политическом и нравственном воспитании трудящихся. Большинство из них сегодня обладает высокими моральными и деловыми качествами. Это не только опытные командиры производства, но и испытанные идеологические бойцы партии. Заслуженным авторитетом у тружеников села пользуются председатели колхозов «Родина» Вологодского района Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов, «Заря» Грязовецкого района П. М. Подгорнов, имени Кирова Шекснинского района В. П. Логинов и многие другие руководители. Их отличает глубокий подход к решению социально-экономических задач, умение советоваться с людьми, постоянная забота об улучшении условий их труда, быта и отдыха. Воспитательной работе они придают не меньшее значение, чем хозяйственным делам. Личным примером самоотверженного, творческого отношения к делу, убежденностью партийного пропагандиста, аргументированностью лектора, страстностью агитатора, искренней заинтересованностью помогают они утверждать высокие нормы коммунистической нравственности в сознании и практических делах сельских труженников.

Мы располагаем многочисленным отрядом сельской интеллигенции, квалифицированных специалистов народного хозяйства. В основе своей это люди, обладающие солидным запасом знаний и культуры. Агроном, экономист, инженер (строитель, механик, мелиоратор), врач, учитель, культработник, зоотехник, бригадир — сегодня от них во многом зависит формирование нравственного и духовного облика современного села. Необходимо только уметь организовать эти резервы, правильно сориентировать людей, определить точку приложения их сил, добиться максимального участия и отдачи в деле экономического и культурного подъема села. Вот эту задачу и решают в настоящее время партийные организации области.

Главный практический итог многогранной работы сельских партийных организаций — рост сознательности людей, их трудовой и общественной активности. Труженики села активно участвовали в социалистическом соревновании за

достойную встречу 60-летия образования СССР, внесли весомый вклад в реализацию Продовольственной программы. В сложных погодных условиях земледельцы вырастили и собрали впервые с каждого гектара более 18 центнеров зерна. Животноводы обеспечили рост удоев молока в среднем от каждой коровы на 135 килограммов. Перевыполнены задания по заготовкам зерна, картофеля, овощей, яиц, шерсти; больше, чем в 1981 году, продано государству молока и мяса. Самоотверженная работа трудящихся Белозерского, Вашкинского, Усть-Кубинского и Шекснинского районов, 15 колхозов, совхозов и предприятий агропромышленного комплекса области отмечена переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а также Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Следует подчеркнуть, что эффективным средством повышения культуры в жизни современного села является улучшение организации быта и наличие свободного времени у сельских жителей.

Проведенные в области социологические исследования показали, что в использовании свободного времени городских и сельских жителей сохраняются пока еще существенные различия. Продолжительность его у сельского населения все еще несколько меньше, чем у горожан, что объясняется значительно большими затратами времени сельских жителей на ведение домашнего и личного подсобного хозяйства, на удовлетворение насущных бытовых нужд. Значительно меньше свободного времени, чем горожане, тратят они на учебу и самообразование, на занятия физкультурой и спортом, а женщины — и на общественную работу. Половину реального свободного времени сельских жителей занимают пассивные, внутрисемейные формы времяпрепровождения — слушание радио и просмотр телепередач. Словом, структура свободного времени сельского населения еще весьма далека от рациональной, от такой, которая бы в наибольшей степени способствовала всестороннему развитию личности.

Поэтому многое предстоит сделать по упорядочению рабочего времени, ускорить перевод животноводства на индустриальные рельсы, увеличить количество механизаторов и на этой основе шире внедрять в жизнь двухсменную работу животноводов и механизаторов. Эти меры позволят несколько увеличить объем свободного времени.

Кроме того, наиболее перспективным источником увеличения свободного времени в настоящий период является пе-

пераспределение нерабочего времени, связанное с увеличением капиталовложений в сферу обслуживания, а стало быть, сокращением в связи с этим времени на домашний труд.

Следует заметить, что остро назревшая необходимость преобразования сельского быта и культуры, быстрого развития сферы услуг в селах Нечерноземья для увеличения свободного времени и его рационального использования населением самым теснейшим образом связана с проблемой мелких отдаленных населенных пунктов. В последние годы в области осуществляется сселение мелких деревень в крупные, хорошо благоустроенные поселки. Такими поселками стали центральные усадьбы колхоза «Родина» и совхоза «Майский» Вологодского, колхозов «Заря» Грязовецкого, «Сигнал» Тотемского, имени XXI съезда КПСС Бабаевского районов и ряда других хозяйств. В одиннадцатой пятилетке капитальные вложения в социальную инфраструктуру села превысят 370 млн. рублей.

Сейчас в нашей области насчитывается 8,5 тысячи сельских населенных пунктов. Около 70 процентов из них имеют численность жителей менее 50 человек. И почти две трети всех сельских населенных пунктов находятся на расстоянии трех и более километров от ближайших учреждений культуры, от библиотек и стационарных киноустановок.

Там живут в основном пожилые люди, всю свою жизнь отдавшие этой земле. Живут потому, что здесь их корни. Свое они честно отработали и заслужили право на отдых и внимание к себе. Вот почему обком КПСС, облисполком, облсовпроф и обком комсомола разработали и осуществляют мероприятия по улучшению агитационно-массовой работы и культурно-бытового обслуживания людей в этих малочисленных и отдаленных пунктах.

Рациональному использованию свободного времени способствует также развитие надежной дорожной сети. Ведь хорошая дорога — это и хорошая торговля, и своевременная медицинская помощь, и поездка в райцентр, да и городские музеи, театры, концертные залы становятся многим ближе.

В области сейчас ведется большое дорожное строительство. За минувшее пятилетие введено в эксплуатацию свыше двух тысяч километров дорог. В одиннадцатой пятилетке будет построено 2700 километров новых дорог.

Многие сельские жители предпочитают жить в небольшом селении рядом с работой и ездить в центральный по-

селок по культурным и бытовым нуждам. Исключительной особенностью сельского образа жизни остается традиционная привычка крестьян жить в отдельном доме и трудиться на приусадебном участке. Очевидно, что сельское строительство следует ориентировать именно на обеспечение семей, как правило, отдельными благоустроенными домами с приусадебными участками и пристройками для домашнего скота, птицы и личных транспортных средств.

К сожалению, это обстоятельство не всегда учитывается нашей промышленностью. Например, выпускаемые газовые и электрические плиты не отвечают требованиям сельского быта. Нет оборудования для механического водоснабжения домов и полива огородов, приготовления корма для животных, заготовки дров и обработки приусадебных участков. Без всей этой малой механизации личное хозяйство значительно уменьшает досуг жителей, их свободное время, о котором идет речь. Более полное удовлетворение этих специфических нужд деревни крайне необходимо.

Следует обратить внимание и на преобладание индивидуальных форм использования свободного времени сельскими жителями. Но ведь известно, что одним из основных условий социально-нравственного формирования личности является коллективизм и преобладание общественных форм использования свободного времени. Именно они лежат в основе развития коллективных связей, навыков совместной деятельности, формирования активной жизненной позиции, устойчивой общественной активности людей.

В связи с этим сельские партийные комитеты области настойчиво повышают роль производственных коллективов колхозов и совхозов в организации свободного времени сельских жителей, стремятся к более активному вовлечению тружеников в общественную работу, общеобразовательную учебу, рационализаторскую деятельность, регулярные занятия физической культурой и спортом. Достаточно сказать, что в настоящее время более 10 тысяч сельских тружеников получают среднее образование без отрыва от производства, 3,9 тысячи обучаются на заочных отделениях средних учебных заведений. Коллективы физической культуры и спорта объединяют 77 тысяч сельских спортсменов. И, конечно, важнейшая роль в развитии всех этих общественных форм использования свободного времени, в решении сложных задач социально-культурного развития современного села принадлежит сельским культпросветучреждениям.

В одном из номеров областной газеты «Красный Север» доярка Фоминой фермы совхоза «Делегат» Череповецкого района А. Г. Смирнова рассказала о том, как у них проводятся устные журналы. И не было бы в том рассказе ничего особенного — беседы как беседы: о цене трудовой минуты, о рациональном использовании кормов, о влиянии санитарных условий фермы на качество продукции (такие беседы проводятся у нас на каждой ферме, в каждом хозяйстве), — если б не одна деталь.

«А потом была еще литературная страничка, — пишет Александра Григорьевна. — Наш агитатор-оформитель, заведующая Шалимовской библиотекой Л. Е. Новожилова, познакомила нас с некоторыми рассказами из сборников произведений Василия Белова «Иду домой» и «Рассказы о всякой живности». Замечу кстати, что мы очень любим произведения нашего писателя-земляка, поэтому и раньше не раз коллективно читали его рассказы...»

Признание весьма примечательное: сегодняшние духовные интересы животноводов и механизаторов, вообще сельских жителей весьма широки и разносторонни. В этом легко убедиться, заглянув в читательские формуляры труженников села. У многих, наряду с технической, зоотехнической, справочной и другой необходимой специальной литературой, значатся и работы классиков марксизма-ленинизма, и произведения Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова и других известных советских писателей.

Это радует: чем гармоничнее развита личность, тем осознаннее ее труд, тем больше ее вклад в общее дело. Но это заставляет и задуматься: а все ли у нас сделано для того, чтобы удовлетворить культурные запросы сельских труженников, особенно молодежи, в умелых руках которой так нуждается сегодня Нечерноземье.

Со всей определенностью следует сказать, что одной из ключевых проблем сельскохозяйственного производства нашей области является проблема кадров, повышения их квалификации, снижения текучести, создания стабильных трудовых коллективов.

Как же решается эта нелегкая кадровая проблема?

Прежде всего через профориентационную работу в школах, через развитие сети сельских профессионально-технических училищ.

Большое значение имеет и общий воспитательный процесс, одной из форм которого стали ежегодные районные

слеты выпускников сельских школ и молодых передовиков сельского хозяйства. На этих слетах выступают партийные, советские, комсомольские работники, наставники молодежи. Выступают и те, кто после школы остался работать на селе. Им есть что сказать будущим механизаторам и животноводам. Передовым доярком стал, например, Николай Вихарев из совхоза «Заветы Ильича» Междуреченского района. Освоили эту специальность Николай Калининский из совхоза «Строитель коммунизма» Великоустюгского, Владимир Миронов и Анатолий Тарасов из колхоза «Верный путь» Вашкинского районов. В колхозе «Родина» Вологодского района отлично трудится молодая доярка, член ЦК ВЛКСМ Татьяна Бокарева и одна из лучших доярок области Зинаида Перерукова. В хозяйствах Тарногского района создано 19 комсомольско-молодежных коллективов, объединивших 180 человек в возрасте до 30 лет.

Есть у нас уже и сложившиеся животноводческие династии. Это и хорошо известная в области семья Тропаревых из колхоза «Советская Россия» Шекснинского района, и семьи Смирновых из колхоза «Заря» Грязовецкого, Угрюмовых и Бызовых из совхозов «Шарденгский» и «Заря» Великоустюгского района.

Так практически воплощается в жизнь девиз областной комсомольской организации «Животноводство — ударный фронт молодежи!»

Однако наряду с этими примерами есть и другие: из восемнадцати выпускников школ, направленных в 1982 году по комсомольским путевкам на фермы Устюженского района, на месте не закрепился ни один человек. Всего одна выпускница пришла на ферму в этом году в Кадуйском районе...

Создать комсомольско-молодежную ферму, предоставить девушкам благоустроенное общежитие — это, по глубокому убеждению правления колхоза имени Кирова Бабаевского района — только одна сторона дела. Нужно еще и перспективу видеть. А она такова. Через год-другой девушки начнут свои «гнезда вить». Значит, колхоз уже сейчас должен позаботиться о квартирах для будущих молодоженов. Причем сегодняшнему селу нужны не только доярки. И колхоз имени Ленина Белозерского района решает открыть у себя швейную мастерскую. Не прибавится женских рук в колхозе, зато прочно закрепятся мужские, поскольку прибавится невест. А ведь эта социально-демографическая проблема столь же остра, как и кадровая.

Вот почему там, где руководители хозяйств проявляют о молодежи постоянную заботу, создают вокруг нее благоприятный микроклимат, там и вопросы закрепления кадров решаются легче. Тут двух мнений быть не может: от руководителя во многом зависит, остается или не остается молодежь на селе. Во многом. Но не во всем. Остается ведь кто? Тот, кто любит свой край, свою деревню, любит ее такой, какая она есть сегодня, а мечтает увидеть ее лучше, краше. Тот, кто не только умеет работать на земле, но и любит труд земледельца, видит в этом труде свое призвание, свой долг, наконец. Правда, эти качества сами по себе не возникают. Их нужно воспитывать. Настойчиво и целенаправленно. Естественно, здесь за семьей, за школой — первое слово. Но и за учреждениями культуры — не последнее. И тут важно все: интересная лекция и организация художественной самодеятельности в деревне, тематический вечер «Герои среди нас» или «Хвала рукам, что пахнут хлебом» и клуб для девушек «Хозяюшка», тут важны со вкусом оформленные стенды, знакомящие посетителей Дома культуры или библиотеки с перспективами развития хозяйства района, и оперативное отражение итогов социалистического соревнования вообще, и молодежи в частности.

От того, насколько Дом культуры, клуб, библиотека способны удовлетворить духовные запросы сельского жителя, зависит социально-психологический климат в каждом конкретном хозяйстве, настроение каждого конкретного человека, которому и интересный собеседник требуется, и что-то новое узнать хочется, и покружиться в танце или послушать любимую песню тоже нужно.

Скучно проведенное мероприятие или замок на дверях клуба — это испорченное настроение. А если замок — надолго, а скука — в порядке вещей? И такое ведь бывает. Девушки, оставшиеся в селе Архангельском Сокольского района, где нет клуба, на танцы вынуждены ездить на попутных машинах. Телевизор — хорошо, но он не может заменить живого общения между людьми. И от работников культурных учреждений всецело зависит, станет ли клуб или библиотека таким вот желанным местом общения сельской молодежи.

Надо отдать должное нашим профессиональным творческим коллективам — областному драматическому театру, театру юного зрителя и театру кукол, областной филармонии. Все они ведут большую работу по художественно-эстетическому и нравственному воспитанию трудящихся, в том

числе и на себе. Из более чем пяти тысяч спектаклей и концертов, даваемых ежегодно, около двух тысяч проходят на сельской сцене. Крепнут и культурно-шефские связи этих коллективов с тружениками села. В соответствии с творческим договором открыты филиалы нашего областного драматического театра в Доме культуры птицефабрики «Вологодская» и в грязовецком районном Доме культуры. Птицеводы этой фабрики и жители города Грязовца становятся первыми зрителями всех новых спектаклей, а самодеятельные артисты из Грязовца имеют возможность показать свою работу зрителям на сцене областного театра и в любое время получить нужную профессиональную консультацию и помощь.

Можно было бы привести примеры и других таких творческих контактов, которые установились, в частности, между коллективом ТЮЗа и жителями Бабаевского района, учащимися и преподавателями Вологодского музыкального училища и участниками художественной самодеятельности Дома культуры птицефабрики «Ермаково» Вологодского района.

Но сейчас необходимо сказать о другом. Широкой известностью в стране пользуется Вологодская писательская организация. Она придает культурной жизни вологжан особый колорит и значимость. Это подготовлено всем ходом развития литературных сил на Вологодчине как в прошлом, так и в наши дни.

Еще в допушкинские времена на русском Севере вспыхнула яркая звезда поэта-вологжанина Константина Батюшкова. С тех пор писательская эстафета прошла здесь через руки современника Лермонтова — поэта Василия Красова, летописца-народника Павла Засодимского, известного репортера-публициста Владимира Гиляровского, а уже в наши дни — проникновенного лирика Николая Рубцова.

Из Вологды вышли в большую литературную жизнь такие известные мастера советской литературы, как Александр Яшин, Сергей Орлов, Сергей Викулов, Владимир Тендряков, Феликс Кузнецов, Валерий Дементьев. Долгие годы жил и творил в Вологде писатель Виктор Астафьев.

В издательствах страны ежегодно издается около двух миллионов экземпляров книг вологодских авторов. Столь непохожие по творческому почерку писатели-вологжане плодотворно развивают лучшие традиции русской реалистической литературы, они едины в своем честном служении художественной правде, делу социалистического реализма.

И нам радостно сознавать, что книги Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Ивана Полуянова, Анатолия Петухова и других литераторов-вологжан горячо любимы в народе.

Стали традиционными многочисленны встречи писателей с труженниками области. При содействии обкома КПСС ежегодно проводятся дни поэзии в Никольске, Белозерске, Тотеме, посвященные памяти поэтов-земляков А. Яшина, С. Орлова, Н. Рубцова. Большой популярностью пользуются творческие отчеты писательской организации перед населением. Вологодские писатели, как правило, не засиживаются в своих городских квартирах. Их можно встретить в правлении колхоза и на сенокосе, в клубе среди молодежи и среди участников агитавтопоезда. Неразрывная связь с жизнью, глубокое понимание происходящих перемен, партийная страстность и убежденность — вот, на наш взгляд, обязательные условия для любого писателя, пишущего о современности.

Вологодская земля богата памятными местами. Она является родиной многих замечательных людей, которые вошли в историю страны. Это смелые землепроходцы, исследователи восточных и северных земель России Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов. У истоков рабочего движения в России были наши земляки Иван Васильевич Бабушкин и Виктор Павлович Обнорский. Прославили нашу Родину полководец, Маршал Советского Союза И. С. Конев, авиаконструктор С. В. Ильюшин, летчик-космонавт П. И. Беляев.

Следует подчеркнуть, что в области проводится целенаправленная работа по увековечению памяти этих выдающихся людей. Активно работает в Вологде Дом-музей М. И. Ульяновой. Сооружены памятники авиаконструктору Ильюшину, космонавту Беляеву, художнику Верещагину, землепроходцу Дежневу. В скором времени появятся памятники И. В. Бабушкину, поэту К. Н. Батюшкову. Есть в наших планах и открытие литературного музея в Вологде, а также музея деревянного зодчества под открытым небом.

Среди памятников истории и культуры особое место занимают произведения зодчества, поражающие своим величием, вдохновенным мастерством народных умельцев, их создавших. Среди них и крепости-монастыри, и палаты, и хоромные постройки, и соборы, и трапезные, и деревянные избы, богато украшенные резьбой, а также уникальные деревянные храмы, «без гвоздя рубленные». Следует вспом-

нить прекрасные произведения древнерусской живописи, такие, как фрески Дионисия или Дмитрия Плеханова, памятники декоративно-прикладного искусства, народные художественные промыслы: кружевоплетение, чернь по серебру, финифть, резьба по дереву и берёсте, просечное железо и т. д.

Все эти бесценные сокровища мы стремимся сохранить для потомков и лучше использовать для эстетического воспитания, для пропаганды истоков русского искусства, его немеркнувшей красоты. Свыше двух с половиной миллионов рублей расходуется ежегодно в нашей области на реставрацию памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства. Число посетителей всех восьми вологодских музеев вот уже второй год вплотную приближается к миллиону человек ежегодно. Расширяется сеть народных музеев, комнат боевой и трудовой славы на селе, ставших весьма выразительной приметой нашего времени. Музейные экспонаты оказывают наибольшее воздействие на умы и сердца посетителей, когда в ярких документах, ценных реликвиях наглядно раскрываются героические дела советского народа, его высокие нравственные качества, преимущества нашего советского образа жизни.

С улучшением благосостояния, увеличением доли свободного времени все большее и большее значение приобретают для сельских тружеников вопросы организации активного отдыха. С каждым годом все возрастает количество, расширяется география туристских и экскурсионных маршрутов, улучшается качество экскурсионного обслуживания сельского населения. Заметим, что только за последние два года почти в четыре раза возросло число туристов и экскурсантов именно из числа сельских жителей.

Самую широкую популярность приобретают путешествия и экскурсии, организуемые по местам, связанным с жизнью и деятельностью В. И. Ленина и его соратников; революционных, боевых и трудовых традиций советского народа.

Участвуя в таких экскурсиях, труженики сельского хозяйства знакомятся с достижениями советского народа в развитии экономики, науки и культуры, с историей городов, изучают свой край, природу Вологодчины. Этому способствуют и многодневные путешествия, и походы по маршрутам выходного дня, и театрально-экскурсионные поезда, и производственные экскурсии в передовые хозяйства области.

Но как бы ни был велик вклад профессиональных творческих коллективов в духовное развитие и нравственное воспитание сельчан, их постоянное место работы все-таки — город. Поэтому главенствующая роль во всей культурно-массовой работе на селе принадлежит клубам, Домам культуры, библиотекам. Сейчас в области в кружках и коллективах художественной самодеятельности занимается свыше семидесяти тысяч человек. Семьдесят семь любительских коллективов носят почетное звание «народный». Многие из них известны далеко за пределами области, так как не раз выходили победителями на республиканских и все-союзных смотрах, конкурсах и фестивалях.

Участники самодеятельности и любители народного искусства и сегодня помнят тот праздничный день, когда вся вологодская делегация, — почти триста человек — вернулась из Ленинграда с зонального смотра с дипломами лауреатов и золотыми медалями Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся.

Среди сельских любительских коллективов, достигших больших творческих высот, — народные хоровые коллективы нюксенского и кадниковского районных Домов культуры, народная хоровая академическая капелла сазоновского Дома культуры, хоровые коллективы Домов культуры птицефабрик «Ермаково» и «Череповецкая», народные ансамбли танца харовского и фольклорный «Сударушка» тарногского районных Домов культуры и многие, многие другие. О каждом из этих коллективов можно рассказывать немало интересного, можно говорить о том существенном вкладе, который они вносят в эстетическое воспитание сельских тружеников, и в первую очередь — молодежи.

Ведь в арсенале современного клуба — богатейшее разнообразие форм работы. Чрезвычайно важны такие мероприятия, как вечера чествования передовиков производства, вечера-портреты, торжественные ритуалы посвящения в хлеборобы, праздники первой борозды, праздники урожая, День работника сельского хозяйства, праздники труда и песни, творческие эстафеты, отчеты о работе клубов и Домов культуры перед населением, дни культуры на ферме, день животновода и т. д.

Интересно, например, проходят в селе Кубенском Вологодского района тематические вечера «Ваш труд достоин чести», посвященные работникам сельского хозяйства. На таких вечерах идет рассказ о людях, их трудовых биографиях, демонстрируются любительские фильмы о героях се-

годняшнего дня — сельских тружениках, их приветствуют известные поэты и писатели, артисты профессиональных театров, дети, участники художественной самодеятельности, шефы. Говорится громкое, всенародное «спасибо» тем, кто посвятил свой труд земле.

Добрым словом вспоминают труженики Великоустюгского района прошлогодний праздник, посвященный Дню работников сельского хозяйства: запомнился им и парад сельскохозяйственной техники, и богатая ярмарка, и подарки победителям, и номера художественной самодеятельности, и вся праздничная, теплая, неказенная атмосфера того замечательного дня.

В деревне Блудново Никольского района прошел в 1982 году необычный праздник — «Праздник одной деревни». Блудново — родина поэта А. Я. Яшина. В подготовке столь необычного мероприятия приняли участие руководящие партийные и советские работники района, работники культуры, сотрудники областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. Были проведены конкурсы косарей, конкурс хозяек, выпускникам средней школы вручили трудовые книжки. Праздник вылился в яркое, красочное народное гуляние.

В усть-алексеевском районном Доме культуры Великоустюгского района была организована выставка победителей смотра на лучший приусадебный участок. В великооктябрьском сельском Доме культуры Нюксенского района были проведены «посиделки»: Дом культуры «убрали» под деревенскую избу, хозяевами были работники культуры, а гостями — труженики села, передовики производства.

В четвертый раз древний город на Сухоне — Великий Устюг — принимал в прошлом году участников областного фольклорного праздника. Со всех концов области съехались на этот праздник певцы, танцоры, гармонисты, тальянщики. Была организована выставка произведений декоративно-прикладного искусства, выставка-продажа изделий народных промыслов, состоялись концерты участников праздника, народные гуляния, показаны фрагменты старинной русской свадьбы и сельской вечерины.

Характерно, что наряду с прямыми носителями традиционного народного творчества (людьми пожилого возраста) в празднике приняли участие и молодежные коллективы, которых в области становится все больше. Отрадно отметить, что пропагандой фольклора, сохранением и изу-

чением произведений традиционного северного искусства всерьез занимаются работники культуры многих районов. Так, в Тарногском районе постоянно проводятся свои фольклорные фестивали, в Никольском, Нюксенском, Великоустюгском районах ни один концерт не проходит без участия фольклорных ансамблей и коллективов. Знание историй, знание старинных народных сельских обычаев и обрядов помогают работникам культуры, организаторам досуга сельских тружеников найти общий язык с посетителями клубных мероприятий, учат дифференцированному подходу к клубной аудитории.

Вот этому последнему обстоятельству — учету различных вкусов и различных интересов клубной аудитории — и хочется уделить особое место.

Уже сами названия мероприятий говорят о том, что работники районного звена в сфере культуры не остаются в стороне от насущных проблем сегодняшнего дня и интересов молодой сегодняшней аудитории. Так, в грязовецком районном Доме культуры работает клуб «Твое призвание», проводятся устные журналы «Мы — молодые хозяева земли», тематические вечера «Душевное спасибо вам за добрые дела», «Село — мой дом, и я его хозяин». В клубных учреждениях Тарногского района проходят диспуты на тему «Земле и фермам — заботу молодых», устные журналы «Земля отцов — наша земля» и многие другие.

Очевидно, что в свете требований XXVI съезда КПСС партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации, культурно-просветительные учреждения ведут поиски наиболее рациональных и эффективных форм, обеспечивающих комплексный подход к воспитанию и организации отдыха населения, выявляют новую, подлинно современную и актуальную проблематику бесед, вечеров, диспутов. Этим поискам соответствуют и некоторые новые и принципиально важные, на наш взгляд, поиски клубных систем, совершенствование всей клубной работы, максимальная отдача от каждого мероприятия.

Так, общепризнанным фактором в настоящее время стала централизация клубов на базе сельских Домов культуры и создание культурных комплексов. В нашей области работают 184 централизованные клубные системы. Централизация позволила устранить разобщенность и бесконтрольность деятельности бригадных клубов, увеличить воздействие клубных мероприятий на людей. Многие мероприятия, подготовленные в сельских Домах культуры для различных

категорий населения, последовательно повторяются теперь в филиалах. Объединение творческих усилий клубных работников, привлечение широкого круга общественности, руководство работой общественных советов по культуре со стороны партийных и советских органов позволили заметно повысить уровень работы целого ряда учреждений культуры.

Не секрет, что успех того или иного мероприятия в немалой степени зависит от того, насколько его организаторы знают дела и насущные нужды хозяйства. Поэтому не случайно свой рабочий день некоторые культработники начинают с производственного совещания у директора местного совхоза или председателя колхоза. Так поставлено дело, например, в колхозах «Россия» Устюженского, «Заря» Грязовецкого районов и во многих других хозяйствах.

В Череповецком, Вологодском, Сокольском, Тарногском районах в распоряжение централизованных клубных систем переданы автоклубы. Это позволило расширить зону обслуживания, «повторить» в филиалах мероприятия, подготовленные в центральном Доме культуры, «заглядывать» в самые отдаленные населенные пункты. Заслуживает внимания и опыт Слободской сельской централизованной клубной системы Грязовецкого района, объединяющей два Дома культуры, сельский клуб и четыре красных уголка на животноводческих фермах. С созданием системы появились новые формы обслуживания населения («пресс-центр» во время посевной и уборочной кампаний, дни именинника, проводы в армию и др.), улучшилась работа с детьми, укрепилась материальная база. Работники клубов получают от колхоза доплату, им предоставлены благоустроенные квартиры. Они пользуются всеми правами, какие предоставлены главным специалистам колхоза.

Сегодня работники культуры области активно участвуют в пропаганде решений ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, в реализации Продовольственной программы СССР. В районах и сельских Советах разработаны перспективные комплексные программы деятельности культпросветучреждений по выполнению этих решений. В них определены мероприятия по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию трудящихся, развитию творческих способностей, организации отдыха тружеников села. Особенностью этих программ является также привлечение к культурно-воспитательной работе, наряду с клубными учреждениями, и библиотек, музеев, киноустановок, лекторских

групп, спортивных обществ и организаций, объединение совместных усилий на выполнение единой, главной на сегодня задачи — реализации Продовольственной программы.

Особо есть смысл остановиться на роли сельских библиотек в социальном переустройстве сел Нечерноземья. Их роль столь же велика и многогранна, как и клубов, и Домов культуры. Население нашей области обслуживает более 1500 библиотек с книжным фондом 23,5 млн. экземпляров, в том числе в сельских библиотеках сосредоточен почти пятимиллионный книжный фонд. За последние три года, несмотря на сокращение сельского населения, прирост читателей составил 5,6 тысячи человек.

Новая форма организации библиотечной сети, — речь идет о создании централизованных систем, — позволила также значительно полнее использовать книжные фонды для коммунистического воспитания и образования трудящихся области, для их профессиональной ориентации. Укрупненные библиотечные учреждения обеспечивают научно обоснованное комплектование и обработку книжных фондов, систему оперативной информации о едином фонде, организационно-методическое руководство. Книжный фонд района или города, рассматриваемый в условиях централизации как единое целое, может быть использован каждым читателем, вне зависимости от того, где он живет. Преимущества такой централизации очевидны для сельского жителя, который на основе широкой информации о едином фонде может получить любую книгу не только из своего сельского фонда, но и из центральной районной библиотеки или из других филиалов. В этом основной смысл централизации.

Каждый населенный пункт области обслуживается или стационарной государственной библиотекой, или передвижками, пунктами выдачи книг. В среднем на каждый сельский Совет приходится около двух стационарных библиотек. Кроме того, функционируют 2716 пунктов и передвижек, стоянок библиобуса, услугами которых пользуются 17,5 процента от общего числа читателей. В основном — это жители отдаленных населенных пунктов. Наиболее эффективной формой обслуживания мелких населенных пунктов являются также ежемесячные комплексные выезды, которые организуются совместно учреждениями культуры, быта и торговли. Регулярно проводятся такие выезды в Вытегорском, Никольском, Шекснинском, Устюженском районах.

Библиотечные работники осуществляют широкую политическую информацию сельского населения, активно пропагандируют решения XXVI съезда КПСС, ленинское теоретическое наследие, постановления ЦК КПСС и Советского правительства, материалы о 60-летию образования СССР. Существенный вклад вносят они в формирование у тружеников села марксистско-ленинского мировоззрения, идейной убежденности, коммунистической нравственности, оказывают повседневную помощь системе партийного и комсомольского просвещения.

В практике работы библиотек — общественно-политические чтения, которые посвящаются пропаганде и реализации решений XXVI съезда КПСС. В ряде библиотек организованы клубы политической информации. Такие формы пропаганды общественно-политических знаний, естественно, вызывают интерес и к соответствующей литературе. А в результате — каждая пятая из выданных сегодня читателям книг — общественно-политическая.

Своим прямым долгом библиотеки считают и помощь сельскохозяйственному производству. В областной библиотеке имени И. В. Бабушкина в 1965 году был создан специальный отдел обслуживания работников сельского хозяйства, а с 1979 года подобные подразделения (секторы) работают и в центральных районных библиотеках. Свою помощь сельскохозяйственному производству они строят в тесном контакте со специалистами и руководителями хозяйств. С этой целью ежегодно в каждом сельском филиале разрабатываются единые планы пропаганды достижений науки и передового сельскохозяйственного опыта.

Вся информационная работа библиотек, адресованная ведущим группам специалистов, стала надежным подспорьем для внедрения в производство передовой технологии, новых форм организации труда. И что особенно отрадно, что среди читателей стало больше механизаторов, инженеров, агрономов, зоотехников, экономистов, то есть тех специалистов, от которых во многом зависит урожайность полей и продуктивность ферм.

Большую и целенаправленную работу проводят наши библиотеки и по патриотическому воспитанию населения. В этих целях широко используются краеведческая литература, произведения писателей-земляков, воспевающих людей труда. Читательские конференции, литературные вечера и диспуты, литературно-музыкальные композиции, устные журналы, занятия факультетов литературы и искусства на-

родных университетов — вот тот арсенал испытанных форм работы, которые привлекают массовую заинтересованную аудиторию. А одной из самых новых форм, кстати сказать, уже успевшей завоевать симпатии людей, являются клубы по интересам, организованные некоторыми библиотеками совместно с другими учреждениями культуры.

Чтобы успешно проводить всю эту большую организационно-воспитательную работу, нужна соответствующая материальная база. За годы централизации библиотечной системы она заметно окрепла. Для размещения новых структурных подразделений районным библиотекам предоставлены дополнительные помещения. Подчеркнем, что более двухсот библиотек, в том числе 186 сельских, за годы десятой пятилетки переехали в новые, улучшенные помещения.

Партийные и советские органы ведут последовательную работу по укреплению кадров работников культуры, усилению эстетического воспитания подрастающего поколения. В области действуют 51 детская художественная и музыкальная школы, две школы искусств, открыты 16 сельских филиалов детских музыкальных школ. Областное культурно-просветительное училище, Вологодское и Череповецкое музыкальные училища готовят кадры для учреждений культуры и детских учебных заведений области, на музыкально-педагогическом факультете Вологодского пединститута идет подготовка учителей музыки и пения.

Однако в целом нас не может не волновать проблема кадров культпросветработников. В культпросветучреждениях области работает три с половиной тысячи человек. На первый взгляд не так уж и мало. Но только половина из них имеет специальное образование. Если добавить к этому, что у нас на селе встречаются еще клубы, где вообще нет работников, то картина вырисовывается тревожная. Налицо острая нехватка специалистов, призванных делать очень нужное и очень полезное дело. Стараясь поправить положение, принимаем меры: направляем молодежь по целевому набору в институты культуры, в средние специальные учебные заведения. Но вот что характерно: с каждым годом выпуск специалистов культпросветработы растет, в то же время количество их на селе увеличивается очень медленно. Выпускники из города редко оседают на местах даже при создании им необходимых жилищно-бытовых условий. Между тем направленная на учебу сельская молодежь, как правило, возвращается в родные места и с успехом работает в учреждениях культуры.

Значит, будущие специалисты должны прийти на студенческую скамью из села. Поэтому мы видим свою задачу в том, чтобы больше направлять на учебу колхозных и совхозных стипендиатов, а учебные заведения, в свою очередь, должны создавать для сельской молодежи наиболее благоприятные условия при наборе. Много в этом деле могут сделать комитеты комсомола. Необходимо повысить ответственность комсомольского актива за этот важный участок работы, направлять молодежь по комсомольским путевкам в учебные заведения Министерства культуры РСФСР.

Практика показывает, что клубные работники даже со средним специальным образованием уже не всегда могут строить свою работу так, чтобы удовлетворить возросшие запросы жителей села. Время требует, чтобы наряду с агрономами, инженерами, учителями, врачами культурно-воспитательную работу на селе вели клубные работники самой высокой квалификации. Нам представляется целесообразным открыть филиал института культуры на базе строящегося в Вологде нового здания областного культурно-просветительного училища.

Принимаем мы меры и по улучшению условий труда и быта культработников, повышению их авторитета, доплате к основному заработку из средств хозяйств. Где-то «лед тронулся», а где-то еще существует и непонимание вопроса.

Не менее важна сегодня проблема дальнейшего развития художественной самодеятельности. После первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся на «фронтах» народного творчества наступило сначала некоторое затишье, а потом начался и заметный спад. Слов нет, надо находить местные меры к сохранению и пополнению коллективов, практиковать районные, областные смотры и творческие показы, но нужен и всероссийский, и всесоюзный стимул. Право, жаль той атмосферы, что царила во времена Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности и Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества, когда между коллективами и исполнителями вспыхивали жаркие, творческие состязания за право выступать на областной, а затем — республиканской и всесоюзной сценах, когда в итоге творческого соперничества возникали новые коллективы, а ведущие достигали еще более заметных творческих высот. И пожалуй, дело тут было не столько в наградах, дипломах, лауреатских званиях и медалях, сколько в том, что самодеятельное творчество попадало в зону по-

вышенного общественного внимания. Возродить и постоянно поддерживать эту атмосферу в бригадном клубе, сельском и районном Домах культуры, каждом трудовом коллективе — нелегкая, но вполне, конечно, посильная задача.

Следует также сказать и о том, что мы еще мало внимания уделяем повышению активности самих сельских жителей в рациональной организации своего свободного времени. Надо с большим вниманием и заботой относиться к созданию фольклорных коллективов, развитию форм народного творчества. Едва ли не в каждой деревне найдутся умельцы, чьи талантливые, чуткие руки хранят секреты кружевоплетения, резьбы и росписи по дереву и берёсте, вышивки и домашнего ткачества, чья память сохранила старинные песни и сказания. Где, как не в клубе, с помощью работников культуры они могут объединить вокруг себя молодежь, передать им вековые традиции мастерства, чувство гордости и любви к народному искусству.

А кружки технического творчества, объединения по интересам, разработка и внедрение на селе новых социалистических праздников и обрядов, способствующих трудовому и нравственному воспитанию населения? Как велика и значима и в этом деле роль сельского очага культуры, как могут быть разнообразны формы его работы.

Большие возможности по повышению культурного уровня тружеников села имеют комсомольские организации. Время выдвигает перед комсомолом новые культурно-воспитательные задачи. Сегодня важно усилить у молодежи потребность и умение самостоятельно думать и действовать, самостоятельно применять воспринятые у старших поколений коммунистов идеи, принципы и знания. Таково одно из главных условий успеха всякой воспитательной работы, которая ведется конечно же и в часы досуга, в часы, свободные от рабочих и учебных обязанностей.

У нас есть немало интересных форм совместной работы комсомольских организаций и учреждений культуры. Так, проводниками идейно-политических знаний, морали, права и культуры стали объединения по интересам, работающие под руководством комитетов комсомола на базе клубов и Домов культуры.

Крепнут связи областной комсомольской организации с творческими союзами. Традиционными стали проводимые совместно с писательской организацией семинары молодых авторов. Ежегодно проводится областной литературный конкурс на лучшее произведение о молодых преобразовате-

лях Нечерноземья. С 1969 года учреждена областная комсомольская премия имени А. Яшина в области литературы, искусства и журналистики.

В целях культурного обслуживания жителей отдаленных и малочисленных населенных пунктов восточных и западных районов области ежегодно направляется агитавтопоезд «Вологодский комсомолец», который за сезон проходит до 6 тысяч километров. Хорошую помощь работникам культуры села оказывает агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол».

Делается немало. Однако серьезным недостатком в работе комсомольских организаций является и то, что им недостает целеустремленности в формировании у молодежи, и прежде всего учащейся молодежи, любви к родному краю.

К сожалению, далеко не при каждой школе имеется свой сад, не всегда проводятся и тематические выставки сельскохозяйственной продукции, в том числе выращенной руками ребят, все еще редки смотры-конкурсы, посвященные родной природе.

Комсомол и культура села. Эти понятия неразделимы. Но пока не везде царит согласие и гармония, не везде еще комсомольские организации уделяют учреждениям культуры должное внимание и заботу. Кому, как не комсомольцам, знать культурные нужды молодежи, находить реальные, современные пути реализации культурных запросов, коммунистического воспитания юношей и девушек, причастных к столь большому и государственно важному делу — делу возрождения Российского Нечерноземья.

В этой статье затронут лишь ряд вопросов. Они, очевидно, характерны не только для нашей области, но и для всей Нечерноземной зоны РСФСР. Какими бы трудными ни казались эти проблемы, все они практически разрешимы, и не сегодня, так завтра мы их безусловно решим. Главное — видеть цель и пути ее достижения. Заканчивая заметки о делах и проблемах культурного строительства на Вологодчине, хочется сказать о глубокой и заинтересованной сопричастности всех партийных, советских, хозяйственных органов, работников культуры и искусства области к благородному и важному делу — превращению Нечерноземья не только в плодородный край, но и в край высокой культуры, в край, где жилось бы людям вдохновенно, полнокровно, радостно. Хорошо и просто сказал Василий Белов

в своей книге «Лад»: «Еще милее становятся родные места, когда человек приложит к ним руки».

Действительно, когда человек, наш современник, не только горячо любит родные места, но когда он отдает преобразованию и расцвету родной земли свое сердце, то и земля воздаст ему за труды и заботы сторицей.

Вот почему в выполнении решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС всем труженикам Нечерноземья отводится такая важная роль. И мы уверены, что осуществление комплексных социально-культурных программ, разработанных в области на одиннадцатую пятилетку и направленных на развитие творческих способностей и повышение культурного уровня трудящихся, требовательное отношение и постоянная забота и внимание партийных организаций к вопросам культурного строительства на селе позволят объединить наши усилия и сделать новый шаг в экономическом, социальном и культурном развитии нашего края.

Николай ПЛАХОТНЫЙ
У ОЧАГА КУЛЬТУРЫ

1

Тут как-то мне попала в руки старая грампластинка с песней в исполнении Александры Прокошиной. Едва прикоснулось к диску чувствительное жало корундовой иглы, и московскую нашу квартиру заполнили раздольные песенные звуки. Казалось, залетели они в распахнутое окно с сельской улицы, по которой неспешно шагали уставшие после страдной работы жнецы.

Любители русской песни не забыли характерный голос знаменитой запевалы хора имени Пятницкого — Александры Васильевны Прокошиной. Многим памятни также строки из стихотворения Михаила Исаковского, посвященного ей. Вот они:

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены...

Слушая в тот вечер заигранный, довоенного выпуска диск, подумалось, между прочим, о дальнейшей судьбе певицы. Я взялся было даже наводить справки, однако ничего определенного выяснить не удалось. И затем в командировке от человека, далекого от артистического мира, случайно узнаю: Прокошина, дескать, жива и здорова, проживает в сельской местности. Точный адрес? Пожалуйста: Кировская область, Котельнический район, колхоз «Искра».

— Что же она там делает?

— А представьте,— ответили мне,— работает с самодеятельным ансамблем тамошнего Дома культуры. Под ее началом сельский хор. Да какой... Лауреат премии Ленинского

комсомола. С концертами по границам ездят. Вот какие молодцы!

Разговор этот состоялся на Валдае, в Старорусском районе; собеседником моим был председатель колхоза имени Ильича — Василий Николаевич Рыбин. Хозяйственник до мозга костей, он, однако, не ограничивается, как иные его коллеги, лишь вопросами производства и коммерческой деятельности: страстный книголюб, любит живопись. С ним всегда интересно поговорить, поспорить.

В какой-то момент Рыбин задумчиво обронил:

— Вот бы заманить и нам в колхоз-то артистическую знаменитость. Пусть бы шефствовала над клубной самодеятельностью, а мы бы со своей стороны для нее тоже ничего не пожалели.

Признаться, я плохо представлял, как осуществить это практически. Но через минуту был во власти логики председателя.

Среди работников искусства, рассуждал он, встречаются выходцы из деревенской среды. Почему бы некоторым из них, достигшим пенсионного возраста, не вернуться в родные пенаты, не заняться тут просветительской деятельностью. Наверняка есть такие, которые вынашивают эту мечту, да не знают, как ее осуществить. Город ведь насыщен интеллектуальными людьми, некоторым в общей массе подчас трудно выделиться, в преклонные годы тем более. В селе же фактически каждый на виду, опять же здесь, откровенно говоря, больше возможностей для раскрытия личности. Известно: новому человеку селяне всегда рады. А если это еще и знаменитый земляк, готовы встретить с душой, с хлебом-солью.

Село настойчиво ищет себе партнеров не только в сфере материального производства. К сожалению, успехи на этом поприще что-то очень редки. На проходившей в Брянске Всесоюзной конференции культпросветработников отмечалось, что заметно ослабли традиционные шефские связи творческих коллективов с производственными. Вопрос стоял даже так: не рано ли мы стали забывать о культурной миссии города?

Не каприз, не прихоть руководили помыслами моего знакомого-председателя об артистической знаменитости для колхоза. Да, но от минимума и сразу к максимуму!.. В этом что-то от сказочной мечты крестьянина о ковче-самолете, о скатерти-самобранке и прочих чудотворных предметах повседневного обихода. Впрочем, есть тут место и

надежде: дескать, со временем так оно и будет, ибо необходимо для общей же пользы. А пока на территории Пеньковского сельсовета — Дом культуры, несколько клубов, специалистов же этого дела — ни одного. На должность культпросветработника попадают обыкновенно выпускники школ, которым не посчастливилось с первого захода поступить в вуз или техникум.

Художественный руководитель вороновского клуба Светлана Солобчук высказалась без обиняков:

— Почему решила пойти сюда? Предложили — я согласилась. Только на следующий год все силы приложу, обязательно поступлю в педагогический.

— Отчего же не в культпросветучилище, не в институт культуры? У тебя же опыт есть, а это берется в расчет.

— Чтоб всю свою жизнь избачом быть? Была охота! Пока молодая, еще куда ни шло.

Так может рассуждать человек непосвященный, кому неведом вдохновляющий пример. Взгляды, убеждения в юности обыкновенно формируются под влиянием симпатий. Чья-то яркая впечатляющая жизнь служит путеводной звездой, окрыляет, побуждает к действию. Потому ребячьим коллективам так необходимо общение с людьми разнообразных профессий. В колхозе имени Посмитного, что под Одессой, существует давняя традиция: вновь прибывший человек с интересной биографией (писатель, журналист, музыкант, общественный деятель, известный ученый, спортсмен, прославленные люди крестьянских профессий) получает приглашение на встречу со школьниками. Просто побеседовать, рассказать о себе, о своем деле. Взаимное общение составляет сердцевину воспитания.

2

В журналистском моем блокноте запечатлены разрозненные факты с пометкой «Вопросы культуры». Одна из последних сделана в Марьинском районе Донецкой области. Несколько фраз — а за ними следующие обстоятельства.

...В Доме культуры шла читка новой пьесы. Из глубины зала за происходящим на сцене жадно следил человек средних лет, одетый по-рабочему, в спецовке. В перерыве мы разговорились, познакомились. Тракторист Николай Варуша, член драмкружка. В готовящемся спектакле не был занят, но на репетицию пришел: опыта у него пока мало,

учится у других. От него я и узнал некоторые подробности культурной жизни их многолюдного села.

— К нам зачастили театральные труппы из Донецка, Одессы, Харькова,— с интонацией гида рассказывал Варуша.— Зал у нас прекрасный, на восемьсот мест. Зритель благодарный. Но требовательный! На халтурке не проведешь. Как-то занесло к нам в Елизаветовку гастролеров, так они поленились с собой реквизит везти. В деревне, дескать, и так сойдет! Мы же это поняли по-своему: значит, уважаемые артисты не уважают свое дело... Неприятно еще и то, что гастролеры страх как торопятся, словно они на пожаре. А личность актера притягательна. Представьте себе на минуту: прибывшие в село профессиональные работники искусства нашли время для встречи с драмкружковцами. Вот был бы урок, на всю жизнь!

Еще один эпизод, по содержанию, однако, диаметрально противоположный первому.

...Черная Слобода ожидала встречи с артистами, был уже известен и день и час представления. С некоторых пор контакты с театральными коллективами стали регулярными и внесли в жизнь местного сельского общества особый настрой, новые краски. А началось все, рассказывают, случайно: председатель колхоза Андрей Васильевич Сучугов, будучи в Рязани, на совещании познакомился с директором театра музыкальной комедии. Слово за слово — договорились о шефском сотрудничестве. За короткий срок в Доме культуры состоялось несколько интересных мероприятий по культурной части. Очередное планировали провести в красном уголке молочной фермы.

Задуманное, однако, не осуществилось. Колхоз «Вперед» за последнюю декаду месяца почему-то снизил производство молока, и в целях воспитательных кто-то в районе распорядился: готовящееся в Черной Слободе представление отменить. Позже опять все вошло в колею, встречи с театральным коллективом возобновились, но неприятный случай администрирования, как заноза, время от времени дает о себе знать, его из памяти не так-то просто вытряхнуть.

Да, не перевелись еще так называемые «чистые» хозяйственники, которые духовные человеческие запросы не прочь по привычке отодвинуть на задний план. Невдомек такому горе-руководителю: не думать сегодня о культуре — политический просчет, прямой ущерб экономике, ради которой он вроде бы так старается и ничего не жалеет.

В последний свой приезд в Старую Руссу я застал тут гастролирующего актера театра и кино Н. «Только один день!» — гласила на центральных улицах и перекрестках яркая афиша. Я поддался рекламе, решив встретиться лицом к лицу со своим любимцем.

Вместительный зал Дома культуры химвазавода был переполнен. Сверхлимитные места в проходе и впереди первого ряда заняли активисты художественной самодеятельности — такова их давняя привилегия, на которую порой почему-то посягают финорганы.

Вечер, паче чаяния, вышел скучноватый, несмотря на очевидные старания исполнителя. Просчет же скорей всего был в замысле! Взять на одного всю концертную программу — такое психологически вряд ли оправдано; рассчитывать лишь на свое обаяние и прошлый успех, известно, дело рискованное, неблагодарное. В течение двух часов Н. рассказывал собственную биографию, попутно иллюстрируя ее лентами из прошлых кинокартин со своим участием. Как доклад на секции кинорботников это было, пожалуй, приемлемо, но называть такой отчет концертом можно с натяжкой. Тем более что сидящим в зале было ясно: артист, конечно, способен на большее, сковывали рамки жанра.

На следующий день об этом зашел разговор с сотрудником районной газеты «Старорусская правда» Александром Ивановичем Соколовым. Человек он многоопытный, а по характеру горячий, прямолинейный и проблему видел несколько в другом ракурсе:

— В провинцию, — сказал он, — обычно везут устаревшие, однообразные программы, как близнецы между собой похожие. Их и рецензировать-то трудно. Гастролерам нет дела до того, какое впечатление остается у зрителей, и они не любят возвращаться туда, где их раньше видели. Помоему, пользы было бы больше, если бы заезжие актеры хоть изредка пробовали бы выступать в спектаклях вместе с участниками художественной самодеятельности.

— Это как-то и не принято...

— Скажете: вышло из обычая! Некогда это был распространенный прием в гастрольной практике.

Заядлые театралы Старой Руссы до сих пор горды тем, что в начале века их городок навещали великие русские актеры. В краеведческом музее как реликвии берегут старые афиши, извещавшие публику о предстоящих в любительском театре спектаклях с участием В. Ф. Комиссаржевской, М. Г. Савиной, М. Ф. Андреевой, В. Н. Давыдова...

Служители Мельпомены и Талии периодически наезжали в провинцию ради нескольких ролей в местных театрах. Это оживляло жизнь мещанского захолустья, помогало формированию местных сценических дарований.

Была же вот такая театральная традиция! Для ее возрождения, пожалуй, даже и не нужен специальный приказ по армии искусств, просто надо позаботиться о распространении опыта современных добродеев. Уже не первый год Александра Васильевна Прокошина сотрудничает с молодежным ансамблем «Искорка». А сколько сил в дело эстетического воспитания сельских ребятишек вкладывает народный артист СССР Иван Семенович Козловский! Но лишь недавно, в дни, когда праздновали его юбилей, что называется, всплыл следующий факт трудовой его биографии: оказывается, певец много лет шефствует над детской музыкальной школой в селе Марьяновка, что на Киевщине. Собственно, этот очаг культуры создан его трудами и заботами.

Да и старорусцам далеко за примерами не ходить. Земляки, люди разных творческих профессий — деятели науки, искусства, писатели, журналисты, преподаватели школ и вузов — однажды приняли торжественное обязательство: куда бы ни забросила их судьба, не забывать о городе своей юности, всеми силами содействовать его процветанию.

Рано подводить итоги деятельности старорусского землячества, тем более что есть вещи, не поддающиеся учету. Но вот факт реальный, осязаемый: речь идет о созданной на общественных началах художественной галерее, которая недавно обрела новое качество, стало учреждением государственным. Располагается она в реставрированных залах XVI—XVII веков. В просторных выставочных залах собрано много ценных полотен. Только картин В. С. Сварога свыше 170. Большая часть получена из коллекций его учеников — художников В. В. Ушакова и М. И. Иванова. Несколько десятков скульптурных произведений передал в дар району президент Академии художеств СССР, народный художник СССР Н. В. Томский. Уникальные экспонаты обогатили экспозицию Дома-музея Ф. М. Достоевского — это заслуга писателей Д. Гранина, А. Шевцова, Г. Алехина. Группа старорусцев, живущих в Ленинграде, поддерживает связь с культпросветучреждениями колхозов имени Ленина и «Красный рыбак». По инициативе москвички, кандидата биологических наук А. Северовой в Приильменье работала комплексная научная экспедиция. Богатый материал о рас-

тительном мире своеобразного региона систематизирован и издан. Несколько экземпляров своей монографии «Леса, луга и болота Старорусского края и их использование» А. Северова передала в районную библиотеку: ценное пособие постоянно под рукой у местных природоведов.

Шефство приобретает все более разнообразные формы. Уроженец Старой Руссы контр-адмирал А. С. Антипов установил деловые контакты с местным Домом пионеров и помог ребятам осуществить их заветную мечту — стать мореплавателями. В распоряжении клуба юных робинзонов всамделишный корабль — восстановленный и приспособленный для плавания по тихоструйной Полисти-реке бывший минный тральщик. Ребятята отнюдь не приморского городка проходит на своей учебной базе «морскую науку», учится мужеству, культуре общения и многому другому, что необходимо гармонично развитому гражданину.

3

Мое глубокое убеждение: каждому нормальному от природы человеку дано быть творцом. И если в силу жизненных обстоятельств кто-то привык удовлетворяться, скажем, положением зрителя, такая ситуация — от недоразумения. Значит, на каком-то этапе не оказалось рядом толкового наставника-воспитателя, который бы выявил «божью искру» таланта и дал бы ей разгореться.

...В любой компании, в каждом коллективе должен быть заводила, говаривал известный колхозный вожак Макар Анисимович Посмитный. Употреблял он это словцо вместо широко распространенного «организатор», вкладывая в него разные смысловые оттенки, но все энергического свойства. Особенно ценил Посмитный заводил на ниве, так сказать, культуры. Им впервые поставлен был вопрос об уравнивании в правах и зарплате агроспециалиста и культпросветработника, и это было затем закреплено соответствующим решением правления.

Высокая оценка труда тех, кто поддерживает огонь в очаге (культуры, разумеется), не прошла бесследно, дала свои плоды. Бросается в глаза развитое чувство достоинства местных колхозников, непоказное гостеприимство в общей массе: здесь редки рецидивы неуважения, грубости как в житейском обиходе, так и в служебных отношениях разного уровня; поощряется прямота суждений, критика. На бригадных собраниях искренне и с пристрастием разбирают

не одни лишь производственные вопросы: при случае судят подлизу, крохобора, льстеца, ябеду. В общем, поблажек никому не дают, воспитывают друг друга.

Хорошо, когда село своими обычаями славится. Вновь прибывающих в «Расцвет» умиляет и поражает, например, то, что вечерами парубки и девчата поют запросто на улицах сердечные песни. Из других мест сюда едут послушать, как звучит под высокими тополями и вязами «Ой ты Галю», «Сусидка», «Туман яром», «Ты ж мене пидманула», «Одинокая гармонь». Любители современных ритмов, наверное, обронят: «Какая патриархальщина!» Правы же будут те, кто скажет: «Вкусы у людей разные». Как бы то ни было, не только пожилых, а и молодежь прельщает такая вот сердечная обстановка деревенской «вечерницы». С ней связан сложный комплекс эмоционально-психологических переживаний, не мотивированных подчас поступков... Семья Остапчуков давно и настойчиво добивалась переезда в эти места. Что тянуло? Нет, не заработок: и там и здесь зависит он от трудовой активности. Бытовые условия? Это уже, как говорится, кое-что! Но и на старом месте у этих людей оставалась благоустроенная усадьба с садом, огородом, гаражом. Может, с соседями не поладили? Ничего подобного... И вот во время беседы преемник Макара Посмитного Василий Антонович Бондаренко слышит вдруг такое признание:

— У вас тут песни дуже добре співають, а в нашому селі їх давно що-то не слухать.

Верно, неуютно на безголосой деревенской улице, ей словно души не хватает. Поэтому приходит такое время, когда уже не вмоготу вечерняя тишина. То, что в селах год от года все больше радиоточек, а над крышами домов сплошной частокол телевизионных антенн, еще не гарантирует улице веселья и притягательности. Никакие нансовершеннейшие радиотехнические средства не заменят живое народное искусство, которое при неосторожном обращении перестает быть самим собой, меркнет, угасает, как чудосветлячок от прикосновения грубой, бесчувственной руки.

Уважительность, доброжелательность Посмитного к «своим» избачам — способ сделать их единомышленниками в трудном деле хозяйствования. Его преемник, вступив в должность, даже растерялся от обилия разного рода неотложных хлопот и несколько ослабил внимание к Дому культуры. Видимых изменений, как говорят в подобных случаях медики, пока не произошло, и все же новый председатель

изо всех сил старается теперь наверстать упущенное. Ска-
зывается школа Посмитного!

Социализм, по мысли Ленина, есть строй цивилизован-
ных кооператоров, мера же цивилизованности определяется
не только количеством находящихся в руках крестьянина
земли, мощных технических средств, совершенных орудий
труда. Цивилизованность хозяина земли по самым строгим
меркам — культурность. Поэтому миссию городского рабо-
чего класса, партии в деревне на протяжении большого ис-
торического отрезка времени Ленин видел и в разнообраз-
ных формах активного, как тогда говорили, культурничест-
ва. «...Культурная работа в крестьянстве,— писал он,— как
экономическая цель, преследует именно кооперирование». И
тут же: «...Полное кооперирование невозможно без целой
культурной революции» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 376).

Говоря о цивилизованном крестьянине, Ленин имел
в виду достижение в громадной массе «поголовной грамот-
ности», «достаточной степени толковости», «достаточной
степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться
книжками...». В ту пору исключительно остро стояли на по-
вестке дня эти неотложные и животрепещущие задачи. На
их выполнение наше общество уже затратило много сил.
Творчески воспринимая для исполнения мудрый завет гря-
дущим поколениям строителей коммунизма, следует, одна-
ко, иметь в виду: люди не удовлетворяются достигнутым,
беспрерывно стремятся к новому, так что на каждом витке
социально-экономического развития страны меняется содер-
жание, которое обычно вкладывается в понятие «духовные
потребности». Хотя при этом, безусловно, существуют цен-
ности непреходящие. Например, народное творчество. Зна-
чение его во все времена одинаково высоко.

Под воздействием технического прогресса совершенству-
ются отнюдь не только средства производства, но и... ору-
дия труда работников культуры. Потому кощунственна,
можно сказать, мысль, имеющая, впрочем, хождение, будто
телевидение нанесло серьезный урон очагам культуры на
селе, отсюда-де потеря интереса молодежи к клубной само-
деятельности, резкое снижение посещаемости и т. д. Голу-
бые (теперь уже и цветные) экраны действительно способ-
ны человека очаровать, заморозить, но лишь на какое-то
время, затем наступает пора умеренного пользования этим
благам цивилизации. Радио, телевидение в умелых руках —
незаменимые инструменты культуры, они выполняют вели-
кую просветительную роль, украшают быт, несут в массы

знания. Телевидение мешает клубной деятельности?! Право, напраслина, равносильная сетованию на то, будто с появлением антибиотиков и других современных активно действующих препаратов угасает древнее искусство врачевания.

Клубное дело — исключительно деликатная сфера общественной деятельности, и здесь особенно нетерпимы шаблон, инерция мышления. А между тем встречаются администраторы от культуры, не жалеющие сил и старания ради того, чтобы обеспечить единообразие в планах работы подведомственных культпросветучреждений. Хотя стремиться-то надо как раз к обратному — к неповторимости, оригинальности, дабы каждый очаг светил собственным светом, учитывая разнообразие духовных запросов.

Образ жизни селян, близость к природе, земледельческий характер их труда — все это откладывается и запечатлевается в душе, составляя неизбывные свойства нагуры. Известно, например, среди коренного крестьянства стремление украсить свой быт, трудовую деятельность яркими красками национального обряда. В привычке сельского человека самолично создавать из подручного материала предметы красоты и самому ими пользоваться. Таким образом выявляются и подчеркиваются своеобразие личности, ее индивидуальные особенности; кроме всего прочего, это один из приемов состязательности, без чего жизнь на селе просто была бы обеднена до крайности.

Взять же обрядово-семейные и иные житейские церемонии. Они в целостности своей составляют своеобразный орнамент человеческих отношений, придавая им соответствующий настрой, местный колорит. Одно время их незаслуженно забыли, ими пренебрегали, и это не осталось без последствий: духовной культуре села был нанесен чувствительный ущерб. Ныне общими усилиями возрождаются добрые народные обычаи и традиции — как широко распространенные в крестьянской среде, так и присущие лишь данной местности, региону. Начатое энтузиастами дело было затем поддержано учреждениями культуры, партийными комитетами. И теперь мы являемся свидетелями (а то и участниками!) веселых игровых мероприятий — таких, как праздник березки, день первой борозды, первого снопа. В основном превалирует, правда, производственный мотив, но и такие празднества несут в себе мощный запас эмоционального воздействия, если сдобрены натуральными элементами фольклора.

Принятое в 1977 году постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении культурного обслуживания сельского населения и последующее решение ЦК о развитии самодеятельного художественного творчества ориентируют на то, чтобы трудящиеся сами были творцами культуры. Самодеятельное искусство в чем-то, пожалуй, уступает профессиональному, зато обладает ни с чем не сравнимым обаянием, безыскусностью, душевной простотой и, бесспорно, сродни искусству народному. Впрочем, у художественной самодеятельности есть еще сугубо прикладное назначение — служить задачам воспитания в конкретном коллективе, двигать духовную жизнь села, питать умы, наполнять сердца радостью... И таким образом помогать людям в труде.

Дальновидные, умудренные жизненным опытом хозяйственники ни при каких обстоятельствах не упускают из поля зрения духовный фактор. Не так давно костромской колхоз «Дружба» отмечал свое пятидесятилетие. В таких случаях людей тянет на воспоминания. На сей раз их было, кажется, особенно много. Убеленные сединой ветераны припомнили и такой исторический факт: в 1932 году сельский сход после многочасовых прений принял большинством голосов решение — приобрести для своей избы-читальни подержанный граммофон. У колхоза наверняка были более серьезные нужды, но верх взяли соображения эстетики. Впрочем, многолетняя практика затем полностью подтвердила целесообразность такого рода трат. И вот одна особенность: объекты культуры в Шунге не бог весть какие — не дворцы, но оборудованы отлично. И недавно правление колхоза, верное своим принципам, без лишних разговоров выделило шесть с половиной тысяч рублей на приобретение полного набора музыкальных инструментов для эстрадного ансамбля.

В зоне деятельности Шунгенского сельсовета четыре самостоятельных, экономически крепких хозяйства. Среди них колхоз «12-й Октябрь», где председателем дважды Герой Социалистического Труда Прасковья Андреевна Малинина. Последовательно и планомерно укрепляют здесь производственный потенциал отраслей, однако не забывают и о духовных потребностях. И это проявляется во всем... Объекты первостепенной важности, ударные — те, которые предназначены для детей, — детские ясли, школы, здесь просто образцовые.

Своим человеком в колхозе «12-й Октябрь» считают му-

зыкального руководителя заслуженного работника культуры Евгения Николаевича Русанова, хотя живет он и работает в областном центре, преподает в школе искусств. Глубокие творческие интересы связывают этого незаурядного и преданного искусству специалиста с самодеятельными артистами звонкоголосого приволжского села. Русанов выявил здесь много ярких талантов, помог им развиваться. Так что далеко за пределами округа, в разных концах страны звучат песни саметских колхозников. Запевала в хоре — сама Прасковья Андреевна Малинина. Не жалеет председатель на это ни времени, ни сил, ибо считает, что через клуб удастся решать ей разные сложные проблемы. Ценность культурного «цеха» проверена годами, эффективность его налицо. Когда отмечалось пятидесятилетие их самобытного творческого объединения, в адрес юбиляра прислали приветствия Министерство культуры СССР, Всесоюзное хоровое общество, разные театры, известные артисты, композиторы.

Пожалуй, уместно привести одну из заповедей П. А. Малининой, высказанную однажды на совещании руководителей и специалистов хозяйств:

— Дорогие вы мои, жить ведь нужно интересами нашей молодежи... Как я это понимаю? Абсолютно буквально! Если ты, к примеру, хочешь, чтобы деревенька твоя не старела, не хирела, чтобы школа давала ей свежие силы, не допуская их утечки, проводи с молодыми время в клубе. Да не бойся, что это тебе будто уже не по годам и потому, значит, не солидно. Не умеешь петь, не владеешь драматическим искусством — организуй спортивные секции. Допустим, и тут не силен. Тогда создавай кружки юных техников — пытайтесь что-то изобретать, совершенствовать. Молодежь это любит! А рядом с ней и ты будешь развиваться, учиться, умножать свои знания. Нельзя, дорогие товарищи, руководителю концентрировать свое внимание лишь на производстве. На экономику действуют разные факторы, в том числе духовного свойства.

Давно подмечено: разговоры о хлебе, о деревенской экономике у таких колхозных вожаков, как П. Малинина, выливаются в беседы о нравственности, о культуре в широком понимании. Причем переходы эти подчас неуловимы. Кажется, только что речь шла о ценностях материальных, и вот уже горячий спор о духовном. Впрочем, в том есть и диалектика и логика.

Недавно, выступая на представительном деловом совещании, почетный академик ВАСХНИЛ Терентий Семенович Мальцев сказал:

— Нельзя забывать, товарищи, о том, что труд пахаря, сеятеля требует вдохновения. Это особое состояние человеческой души, оно определяет меру ее богатства. Исконно крестьянский труд, быт и поэтическое творчество составляли единый сплав народной жизни, ее уклад, народные празднества и трудовые будни, насыщенные песнями, плясками, хороводами, служили, с одной стороны, способом самовыражения личности, а с другой — были вроде бы доброй приправой к труду. Нынче сельская молодежь развлекает себя в основном эстрадным жанром. О вкусах, разумеется, трудно спорить. И все же очень жаль, что из крестьянского обихода уходит фольклорное искусство и в сельский труд врываются не певучие, а какие-то рваные мелодии, разухабистые ритмы, чуждые селу по духу и содержанию. Задушевные русские песни, известно, всю жизнь способствовали селянину в быту. Незаменимыми помощниками были они и в труде — снимали усталость, мобилизовывали, поднимали дух, настроение, удивительно точно отвечали всей трудовой деятельности земледельца. Но старые мелодии, к сожалению, уже из памяти у многих выветрились.

Действительно, разве вся наша человеческая деятельность не направлена в конечном счете на то, чтобы создать лучшие условия для приумножения духовного потенциала общества?

Нынешние темпы общественного прогресса, как и успехи в экономике, в огромной, подчас определяющей степени зависят от интеллектуального потенциала творцов материальных благ, от их образованности, культуры.

Так что для души огня жалеть не надо!

Владимир ИВАНОВ

«СПОЙ МНЕ, СПОЙ, ПРОКОШИНА...»

*Рассказ об энтузиастах
сельской культуры*

Начиналось все, как и в сотнях других деревень и сел нашей Кировской области, с простенького одноголосого хора. На одном из стендов прекрасного колхозного музея записано: «Народный хор колхоза «Искра» был создан в 1936 году». И пусть по своим возможностям и уровню его трудно сравнивать с нынешней «Искоркой» — первая вешка там, у начала колхозной жизни, в тогда еще бедном, сплошь деревянном селе Спицино, переименованном позднее в поселок Ленинская Искра.

Жили колхозники в ту пору небогато, но пели, пожалуй,— люди постарше соврать не дадут — почаще, чем сегодня: в поле, на луговом стане... Это именно в те годы смоленский колхозник Прокошин привез свою четырнадцатилетнюю дочку Сашу на смотрины в хор имени Пятницкого, в Москву,— такой удивительный у нее был голос.

Семья у Прокошиных была большая. Долгими зимними вечерами садились дочери вместе с матерью за пряжу. Руки заняты, вроде бы сами по себе работают. Монотонно жужжат веретена — так и манит спать, а спать нельзя. Вот и скажет мать, сама до песни охочая: «Давайте, девки, споем». И затеплится старинная песня, несмелая, как огонек свечи, робкая, трепетная. А мать подзадоривает: «Что же это вы, никак, спите? Саша, а тебя-то совсем не слышно». И взовьется Сашин голосок-колокольчик.

— Это была моя первая певческая школа,— вспоминает Александра Васильевна,— а мать — моя первая учительница.

А потом были те самые «смотрины» в хоре имени Пятницкого. И Сашу Прокошину сразу взяли в хор, и зазвучал на всю страну ее голос. Помните: «Загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда...»

Слышал те песни и Семен Иванович Возженников, но никогда не думал, что на пути их колхозного хора — нынешней «Искорки», на его пути повстречается прославленная певица, народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Александра Васильевна Прокошина. Ведь это ей, Александре Васильевне, посвятил Михаил Исаковский свои стихи: «Спой мне, спой, Прокошина...»

Это большая удача, что встретились они — «Искорка» и Прокошина. С высочайшей требовательностью относилась она к своему таланту, к своему творчеству. С такой же меркой подошла и к «Искорке», к своей работе в ней. Уж чего, казалось бы, надо: выступал ансамбль на сцене Кремлевского Дворца съездов, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, и за рубежом — полный успех. Отдохнуть бы самой, участникам ансамбля дать расслабиться — не профессионалы, у каждого работа, домашние заботы, семья. Так нет же, по три-четыре часа идут репетиции. Сначала с женской группой хора, потом с мужской. А на сцене до седьмого пота трудятся танцоры под руководством балетмейстера А. Д. Исупова.

Да и самой Александре Васильевне нелегко, годы немалые — шестьдесят исполнилось. Борис Новокрещенов, директор спицинского Дома культуры, однажды сказал: «Какое мужество надо иметь, чтобы так жить, так работать».

И какую любовь к своему делу, к ансамблю, добавлю я.

...Как-то на ВДНХ в Москве проходил смотр-конкурс коллективов художественной самодеятельности. В числе других выступила «Искорка». Коллектив большой, одеты хорошо, чувствовалось — заботятся в колхозе о самодеятельности, есть у хора возможности для роста.

— Кто-то предложил: давайте отметим этот коллектив, — рассказывает Александра Васильевна, — все-таки

колхозный хор (почему скидку на это делаем, непонятно). Я председателем жюри была, с предложением согласилась. Но потом пригласила актив ансамбля к себе домой.

И повела Прокошина разговор начистоту. Пообещала помочь советом, посмотреть репертуар, посодействовать, чтобы руководителя ансамбля пригласили на стажировку в хор имени Пятницкого. Слово не воробей — вылетит, не поймаешь. Она пообещала, а искровцы запомнили. И вот в 1975 году, когда ансамбль готовился к гастрольной поездке на Кипр, приехала Прокошина ненадолго в Ленинскую Искру. И застряла.

«Застряла» Александра Васильевна, как считала, ненадолго — подготовить вместе с балетмейстером В. Захаровым программу — и все. Но вернулись колхозные артисты домой с Кипра, и вместе с ними приехала Александра Васильевна. Выделили ей однокомнатную квартиру со всеми удобствами, и живет она сейчас на два дома: неделю в Москве да полтора-два месяца в колхозе.

— Задача моя была простая, — улыбается Прокошина, — научить коллектив петь.

— Но ведь они и так пели...

— Пели, конечно, но ведь и петь можно по-разному. Мы сразу решили — хор будет многоголосым. Сегодня у нас шестиголосие: первые и вторые сопрано, первые и вторые альты — у женской части хора; тенора и баритоны — у мужской. Выучить петь на шесть голосов, с шестью группами — просто выучить — и то трудно. А потом их надо соединить, слить так, чтобы получилась гармония. А потом научить петь а капелла. Это еще труднее, тут малейшая «трещинка» в звучании сразу видна.

Нужно было, помимо всего, дать хористам знание хотя бы элементарной теории музыки. Одним словом, никаких скидок на «колхоз», брали произведения сложные, многоголосые.

Она увидела, с каким старанием все учатся, с какой жадностью все воспринимают, и тоже загорелась, полюбила ребят. Стало легко работать.

Но и это еще не все. Нужно было научить самостоятельных артистов перевоплощаться в образ — только ступил на сцену, и ты уже другой, ты должен жить песней. Научить петь трудно, но научить выразительному исполнению еще труднее. Для этого певцы должны быть трепетно-взволнованны, эмоционально раскрепощены. Ведь человек — не инструмент, он — живой!

Прошло время, и Прокошина увидела, что и тут есть сдвиги,— запели ребята с упоением, с восторгом в глазах.

— Песня тесно связана с танцем, с движением — в этом природа народной песни,— задумчиво говорит Александра Васильевна.— Певцов нужно было научить водить хороводы, а петь и плясать одновременно (то и другое на хорошем уровне) неимоверно трудно. Начали с азов — с науки ходить по сцене. Одно дело — идти по улице, даже красиво, и совсем иное — по сцене: осанка, передвижения, поклоны, перестроения. Чтобы все делалось без суеты, с достоинством. Это целая наука.

Зато сейчас питомцы Александры Васильевны знают всю «одежду» сцены, знают, как выходить из-за кулис, как надевать, как носить костюмы...

— Коса у девушки, вышедшей на сцену,— говорит Прокошина,— должна быть живая, если даже она у нее не своя. По тому, как девушка бережет косу, как поправляет, как перебрасывает, я скажу, какова у нее сценическая культура.

Нужно заметить, что Александра Васильевна не пошла по фольклорному, в общем-то по более легкому, приносящему более быстрый успех пути. Она решила подвести своих воспитанников к общенациональным русским основам хорового пения. Только овладев ими, коллектив смог бы (и сегодня уже начинает) вводить в репертуар вятский песенный материал: задумали поставить вятское игрище, вятскую ярмарку, на которую «съедутся» гости нижегородские, пермские... Вятская песня отличается своим голосоведением, оно близко к северной, к архангельской манере пения, но диалект у него свой.

О многом рассказывала мне в беседах Александра Васильевна, а вот о себе мало. Я был на нескольких репетициях ансамбля. Как она прекрасна на них! Сама доброжелательность, сама радость. Подпеваешь хору и волнуется, и песня в ее глазах, на лице, и неудовольствие — тоже.

— Экономнее, интимнее, а вы... Как плохо, как открыто (про звук), разве так можно? Без настроения, без трепета, а это песня ветеранов, прошедших войну, изведавших горе и трудности. Помните (кто-то из вас говорил), как пели мы ее — мурашки по коже... А лица, ваши лица,— и сама расцветает улыбкой юной Саши Прокошиной...

А уж когда нравится ей, как поют, какая она ласковая. Честное слово, пробыл я в колхозе неделю и очарован был.

вдохновенным трудом Александры Васильевны. Что уж говорить про здешних ребят и девочек, которые общаются с нею каждодневно.

Конечно, нельзя связывать экономику и культуру одной ниточкой. Это, по меньшей мере, упрощенный взгляд на проблему. Но согласитесь, могла ли бы нынешняя «Искорка» появиться в отстающем колхозе? И дело не только в деньгах — не миллионы нужны. Дело в другом — для создания коллектива, подобного «Искорке», необходима атмосфера уверенности, чувство достоинства у каждого жителя села, у каждого колхозника. Это фундамент колхозной жизни — вот чем сильна сегодняшняя «Искорка».

Именно об этом, о фундаменте, прежде чем поведи речь об «Искорке», говорил председатель колхоза Герой Социалистического Труда Андрей Миронович Ронжин. Фундамент — это более тысячи человек, работающих на полях, фермах, в мастерских; это сто с лишним специалистов сельского хозяйства со средним специальным образованием и шестьдесят — с высшим. Это шесть-семь миллионов рублей дохода ежегодно, это пятьсот — шестьсот тысяч рублей на социальные и культурные нужды за пятилетку.

У жителей поселка Ленинская Искра, которому могут позавидовать многие райцентры, есть не только все городские коммунальные удобства — этим сейчас мало кого удивишь, у них есть все для души: музыкальная школа, изостудия, кинофотостудия, музей, библиотека, киноустановка, спортивная школа.

Тут мне хочется сделать отступление, причем отнюдь не лирическое. Андрей Миронович Ронжин, как и все председатели колхозов с тридцатилетним стажем, прошел суровую школу хозяйствования в послевоенных деревнях. Как сберечь копейку и обернуть ее рублем, он прекрасно знает, — иначе не было бы таких успехов в экономике. И когда колхоз крепко взялся за развитие социально-культурного комплекса, это не было благотворительностью на ниве культуры или желанием пустить пыль в глаза на районных, областных смотрах художественной самодеятельности.

Все проще и сложнее. Ронжин раньше многих других понял простую истину — колхоз, повернутый ветвями к одному солнцу — производству, каким бы могучим на первый

взгляд ни казался, на самом деле не крепок. Как те деревья-уроды, что развивают свою крону только на юг. Ущербность рано или поздно скажется.

Для Ронжина социально-культурный комплекс такая же важная отрасль колхоза, как растениеводство или животноводство. Более того, он, этот комплекс, для партийной организации, правления колхоза, председателя всегда на памяти. Потому что за него не спрашивают сверху, как спрашивают за все остальное — за урожай, за надои, за прибыль. И точно так же особо не поощряют. То есть до той поры, пока за состояние культуры села не будут спрашивать столь же строго, как за производство, заботу о ней председатель тянул на «общественных» началах. При случае получая за «перекосы» не медовые пряники.

Но так могло быть и было до тех пор, пока культурно-социальный комплекс находился на количественной, если так можно сказать, стадии развития, набирал силу. Строились разные объекты, создавались коммунальные службы, открывались школы — музыкальная, спортивная, изостудия, музей. Затраты немалые, а отдачи, которую можно «на зуб» попробовать, не было.

Это если со стороны посмотреть. В том-то и дело, что А. М. Ронжин видел дальше и, конечно, не со стороны. Он знал, что количество непременно перейдет в качество, в такую отдачу, которая обернется для хозяйства в осязаемые высокие цифры доходов, прибылей, урожаев, надоев, привесов. Потому что все делается людьми, все через людей. Это стало особенно очевидно, когда партия и правительство приняли постановление о развитии Нечерноземной зоны РСФСР. Те средства, которые государство начало вкладывать в Нечерноземье, в колхозе «Искра» было кому осваивать. В отличие от десятков и сотен хозяйств области, где остро не хватает рабочих рук, в «Искре» проблема кадров, закрепления молодежи давно уже решена.

— Хлопотна, наверное, «Искорка» для хозяйства? — спросил я Андрея Мироновича Ронжина. — Нужно посылать людей для поездок на гастроли, а в пору летней страды найти лишние рабочие руки непросто, да и расходы немалые, как говорят, непроизводительные?

Он усмехнулся:

— Сказать, что не хлопотно, — не поверите. Ответить, что в тягость, — неправда. Пусть даже в самое горячее время уедет сотня! Неужели все дело станет? Или пары электриков, шоферов недосчитаемся — неужели не найдем за-

мены? Удивляет меня пристрастие иных руководителей хозяйств к слову «невыгодно». Да, невыгодны детский комбинат, спортивная и музыкальная школы, музей. Если говорить о деньгах, невыгодно отпускать самодеятельных артистов — сохранять среднесдельную оплату, оклады всем участникам ансамбля на время гастролей в Москву или за рубеж.

Сегодня у нас нет проблемы с рабочей силой. Это выгодно! Сорок свадеб играем за год — все ребята и девчата свои. Выгодно! Средний возраст живущих в поселке двадцать семь лет. Разве это не выгодно? Если человеку после работы пойти некуда и он спешит к винному прилавку, это как — хозяйству, обществу — выгодно? У нас каждому есть куда пойти, есть что посмотреть, есть чем заняться.

Побывают колхозники на концерте заезжих артистов, а потом посмотрят свою «Искорку» и говорят: «Наши лучше, не жалеете, Андрей Миронович, на «Искорку» денег, верное дело». Может быть, в оценке ансамбля колхозники чуточку пристрастны, но ведь это и прекрасно — это гордость за свой колхоз, за своих товарищей. Гордость — категория нравственная, только люди гордые могут строить жизнь честную, красивую и надолго.

Подивился я горячности Андрея Мироновича — человеку под семьдесят, а он прямо-таки по-юношески волнуется и негодует. Не в характере это Андрея Мироновича — ровном, рассудительном. Видимо, небеспричинна вспышка.

— Непонимание — вот что огорчает, — как бы извиняясь, уже спокойно продолжил Андрей Миронович. — Непонимание «сверху» объяснить просто — бояться, что в заботах о культуре да благоустройстве сел вдруг забудет Ронжин о производстве. Непонимание «сбоку» своего брата председателя огорчает сильнее. Знаком с такими — сидит на мешке с деньгами, а в клубе, доживающем последние дни, зимой тараканов впору морозить. Такой при случае уколет насчет рентабельности, чистой прибыли — у него, мол, выше. А о том, что на иные фермы у него воду в бочках возят, а плетухи с соломой доярки на своем горбу таскают, — о том ни слова.

— Вот посмотрите, — подал мне пачку писем Ронжин, — просят люди в колхоз отовсюду. В том числе из колхозов рентабельных, денежных, да только вперед идущих ощупью.

Мы беседовали с Андреем Мироновичем, когда раздался телефонный звонок. Ронжин взял трубку, и потеплел его голос:

— Здравствуйте, Александра Васильевна, как ваши дела, что беспокоит?.. Ладно, позволю... постараюсь. Заходите... Надо ехать в Киров,— пояснил мне Андрей Миронович,— концерт просят поставить в Кирове, а двух ребят призывают на какие-то спортивные сборы.

— И такие вопросы председателю приходится решать?

— Если бы только такие. Четыре года, пока сколачивали коллектив, засиживался даже вечерами. Особенно трудно было, когда пошли длительные поездки — в Москву, за рубеж...

Занавес открылся, и собравшиеся в зале Кировского театра юного зрителя имени Островского дружно встали, приветствуя колхозных артистов. В этот вечер участникам ансамбля «Искорка» вручали премию Ленинского комсомола.

В сверкающих, расшитых платьях и кумачовых рубашках стояли на сцене девочки и ребята. Какие они все разные!

А справа, за столом президиума, сидят рядом Андрей Миронович Ронжин и Александра Васильевна Прокошина. Два русских человека, два молодых душой ветерана. Один — прославленный хлебороб, Герой Социалистического Труда, понимающий, что без хорошей песни никогда не растили на Руси хлеба, и народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, всю свою жизнь прославляющая песней труд хлебороба и не расстающаяся с ней доньне.

Кировская область

Владимир СТАРОСТИН,

директор совхоза «Андреевский»
Владимирской области

ТАК КТО ЖЕ ОН, НОВЫЙ КРЕСТЬЯНИН?

Недавно в книге замечательного французского писателя Андре Моруа «Шестьдесят лет моей литературной жизни» я встретил такие слова: «Кто знает, не свершается ли сейчас благодаря чудесам техники некая мутация — не создается ли новый человек». Я поразился, как прозорлив в своей интуиции бывает человек: ведь, можно сказать, в самый нерв ударил. То, о чем мы столь часто думаем, он выразил в нескольких простых и ясных словах.

Мне тридцать пять лет. Я был уже в зрелом возрасте, когда круто начала меняться жизнь в деревне. Хорошо помню старое село с его хозяйственно-бытовым укладом. Честно скажу, грустно становится, что оно уходит. Уходит, видимо, безвозвратно. Еще зримы и отчетливы в моей памяти вереницы телег с мужиками и бабами, тянущиеся в дальние луга на покос. Незабываемы груженные хлебом бестарки, и мы, деревенские мальчишки, зарывшись в зерно, сопровождаем каждый воз с рожью к амбарам, где дробно стучат сита веялок. Ощущение торжественности жатвы передавалось и нам, мы нутром чувствовали, что время пришло жаркое, трудовое, поэтому каждый стремился хоть чем-то помочь взрослым: обычно мы перелопачивали вороха зерна, знали, что в буртах оно может «сгореть». Зато потом, по окончании уборочной страды, какие праздники устраивались в деревне! Гуляла вся округа. На нашей небольшой деревенской улице «елецкого» отплясывали в трех-четырех местах...

Нельзя сказать, что прежний уклад «сгорел» и рассыпался пеплом в одночасье. Прошли целые десятилетия, прежде чем на месте старых, привычных глаз с деревянными избами появились улицы с многоэтажными домами, а вместо коренных упряжек с бестарками запылили по дорогам ЗИЛы, ГАЗы, «Кировцы»...

Качественное изменение деревенской жизни подготавливалось исподволь. Коренной перелом, на мой взгляд, наметился отчетливо в середине 60-х годов. Тогда, после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК партии, начала резко возрастать техническая вооруженность российского села. Именно техника круто меняла производственную основу колхозов и совхозов. Работа на селе приобретала все более индустриальный характер, что неминуемо отражалось на психологии крестьянина.

Все мои дальнейшие размышления, может быть, и не касаются непосредственно вопросов культуры современного нечерноземного села. Но если, как говорится, по большому счету, то именно о культуре — духовной, нравственной, человеческой здесь пойдет речь.

Работая во второй половине 60-х годов главным зоотехником в совхозе «Годуновский», я хорошо запомнил настроение людей. Это был период какого-то общего подъема. Пошла техника. Помощь со стороны государства оказывалась безвозмездно. Люди стали получать гарантированную зарплату, как на заводе, два раза в месяц. Можно представить тогдашнее душевное состояние механизаторов, доярок, полеводов — реальную зарплату получали люди, которые еще десять лет назад работали за «палочки» (трудодень ведь растяжимая мера оплаты). Новый прилив энергии взбудоражил людей. Да и отчего, казалось, теперь не работать: тракторы и машины валом повалили в деревню, умения и сноровки крестьянам не занимать...

Наше хозяйство быстро пошло в рост. Все разговоры, прения, споры сводились к одному — к повышению производительности труда. Путь к изобилию представлялся бесспорным: материальная заинтересованность крестьянина. Мы, руководители, стали размахивать рублем и говорить механизатору или доярке: больше сделаешь, больше получишь. Всеми теоретиками сельскохозяйственного производства муссировалась одна идея: организовать сельский труд так, чтобы за счет машин приблизить его к промышленному, чтобы, скажем, тракторист отработал свои положенные восемь часов — и айда домой.

Убежден, ничего плохого в том не было. Да, бесспорно, человек должен сполна получать за свой труд. Есть возможность нормировать рабочий день земледельца... Меня смущает сейчас одно: не слишком ли мы упрощенно развивали тогда трудовой энтузиазм масс, подхлестывая его исключительно голым рублем? И не поспешили ли мы объявить, что механизатор должен работать на земле строго по часам, как токарь у станка?

Сейчас вспоминаются трезвые возражения. Не рано ли заговорили, что на земле с техникой можно работать от звонка до звонка? Ведь в России есть тысячи хозяйств, которые не только не дотягивают до уровня «маяков», но даже не попадают в радиус действия этих светильников. А потом, как быть с сезонностью на селе? Ведь исстари повелось, что в сенокос или жатву на солнце не глядят, а работают от восхода до захода...

С тех пор прошло много времени. Несколько лет я работал директором совхоза «Александровский», потом — начальником районного управления сельским хозяйством. Полтора года назад вновь принял совхоз, самое крупное хозяйство района — свыше пятнадцати тысяч гектаров земли. Обрабатывают обширные хлебные угодья несколько сотен людей с полутора сотнями тракторов, с десятками комбайнов и автомашин. Техники, как говорят у нас, прорва. Вот, казалось бы, и пришло время, когда можно развернуться во всю мощь и показать хлебоборобское удальство. Да только бывает подчас не до молодечества. В редкий год удается нам полностью, до последнего гектара, убрать хлеб с поля, целиком поднять зябь, выкосить до самой дальней полянки травы... Гораздо чаще приходится списывать несобранное и необработанное на плохую погоду. А ведь даже пятнадцать лет назад этого не было. Разве так уж круто изменился климат за эти годы? Я бы этого не сказал. Изменились люди, которые живут на нашей совхозной земле.

За последние пятнадцать лет почти вдвое сократилось сельское население. Оглядываясь в прошлое, я невольно спрашиваю себя: что же случилось? Почему в начале семидесятых годов повалил народ из деревни в город? Разговорами о стремительном стирании граней между городом и деревней, которое вот-вот произойдет, у крестьянина как бы подогревали страсти к красивой обустроенной жизни на асфальтированном тротуаре. А грани между тем стирались медленно. И получились ножницы: в мыслях крестьянин щеголял в легкой обуви по асфальту, а на деле продолжал

месить грязь в кирзовых сапогах на своей деревенской улице. И люди смекнули. Наиболее предприимчивый, толковый и работающий хозяин, сумевший в короткий срок, примерно за пять лет, поднакопить денег, пошел в городские кооперативы или спешно начал перекупать дома в ближайших райцентрах. Как-то неожиданно, словно с весенним паводком, схлынули люди из деревень. И уезжало-то в основном среднее поколение, которому, как говорят, сам бог велел хлеб да детей малых растить. Иными словами, уезжал «цвет», та самая «гвардия», которая поднялась и крепко встала на ноги в тяжелое послевоенное время. Уехали те, кто с детства познал солоноватый вкус пота и в июльский зной на лугах, и в августовскую жару на поле, — те самые, в которых всегда и нуждалась земля. Стали исчезать, в буквальном смысле слова стираться с земли людные, полнокровные деревни и села. Только на территории нашего совхоза распалось до десятка деревень: Паткино, Козлаково, Кишкино, Николаевка, Каблуково, Демьяново, Рябинино... А те села, в которых люди еще продолжали жить, но которые оказались как бы в стороне от центральной усадьбы, почему-то очень скоро были объявлены неперспективными — там стали прикрывать начальные школы, магазины, фермы и так поспешно и решительно отвернулись от них, что жители тоже начали продумывать, в какую бы сторону податься. У кого же душа будет лежать к неперспективному селу!

Нет, я не хочу сказать, что в деревне остались либо безынициативные люди, либо просто лентяи, не сумевшие из-за своей нерадивости даже мощну набить, чтобы при удобном случае устроиться в городе. Немало еще, к счастью, живет в наших селах толковых, работающих людей. Вот на них-то все и держится: землю они обрабатывают — и она родит, за скотиной ухаживают — и она кормит людей. Есть кому доверить землю. Иной рядовой механизатор и без агронома вспашет и засеет поле по всем правилам агротехники. Особенно много толковых механизаторов среди молодежи, окончившей школу. Что бы мы порой ни говорили, но среднее образование есть среднее образование. Парень с десятилеткой проворнее осваивает и новую технику, и прогрессивные методы организации труда. У него кругозор шире, общая теоретическая подготовка глубже, что со временем, когда накапливается опыт, и помогает ему мыслить самостоятельно, принимать самостоятельные решения. А этого качества многим не хватает. Ведь сколько у нас в хозяйстве

специалистов, а редкий из них возьмет на себя смелость сделать что-нибудь по-своему — обязательно придет к директору за советом. А мог бы и рискнуть, последнее слово могло быть и за ним. Среди молодежи такие есть, и это хорошо.

Но возникает другая проблема. На одном из отделений у нас работает сильная инициативная тракторная бригада, в основном из молодых механизаторов. Выполняют они работу безукоризненно: качественно и расторопно. Но не дай бог, если они переработают лишний час в поле — возмущений в адрес начальства не оберешься. Да и не перерабатывают они, кстати, даже в страду. Восемь часов с машинами — ни больше, ни меньше. За сверхурочное время требуют двойную оплату.

— Ребята, — скажешь иной раз, — да вы же крестьяне! Разве ваши деды ушли бы с поля, когда до заката еще три-четыре часа, а хлеб в поле стоит!

— Мы, Владимир Петрович, не крестьяне, а сельскохозяйственные рабочие.

И ответить-то, по существу, этому молодому народу нечего. Ведь почти с колыбельки мы сами же им внушали, что ждет их в будущем век автоматизации и полной механизации, что будут они хлеб растить, как радиоаппаратуру собирать в цехе, в белых халатах, а жить в агрогородках, в квартирах со всеми современными удобствами, за мясом и молоком в магазины ходить и работать, как горожане, по восемь часов в сутки, проводя остальное время на стадионах, в музеях, театрах. Твердили им все это, твердили, а главное сказать и забыли: земля-то у нас одна, и хлеб на ней родится единожды в году — природа, как и жизнь, не терпит никакой регламентации и нормативности, она требует от человека полной самоотдачи и вознаграждает людей за бескорыстное отношение к себе.

Осенью, в самый разгар уборочной страды, я заехал в соседний совхоз, к своему старому другу, директору хозяйства. Угодил на планерку — тот собирал по рации сводку за день и, заканчивая переговоры с очередным отделением, добавлял (дело было в субботу): «Завтра рабочий день, всем двойная оплата». А когда вышли на конторское крылечко, он неожиданно сказал: «Эх, сейчас бы прежних колхозных мужиков! Они шли на работу не только за оплату, а просто потому, что хлеб убирать нужно... Вот это кре-

стьяне...— И покачал головой:— Эх! Сегодня двойная, завтра тройная... А сознание, настоящее крестьянское понимание, что хлеб, земля — это свято и к ним нужно подходить только с чистой душой, без корысти,— где оно?..»

Задумались мы тогда оба, сознавая, что многое упустили в воспитательной работе с хлеборобами, что обоим нам придется потуже подтянуть ремни и засучить рукава, чтобы наверстать упущенное.

*Глубинные
пласты*

В. И. КОНОТОП,
первый секретарь Московского обкома КПСС

ДОРОЖИТЬ ЗЕМЛЕЙ!

Если посмотреть на карту Подмосковья, в центре ее увидим вытянутый на десятки километров с севера на юг овал столицы, а вокруг — 39 районов, 70 городов, столько же поселков городского типа, 6,5 тысячи деревень. Все это опутано вязью железных и шоссейных дорог, рек и каналов, да еще невидимых на карте линий связи и электропередач. И за каждым кружочком на карте, знаком, географическим названием стоят живые люди, их труд, их судьбы, конкретные дела и проблемы. Это объект повседневных забот и внимания нашего обкома, моих товарищей по работе...

Сам я родом из-под Харькова, но в здешних местах работаю вот уже более сорока лет. Начинал инженером на Коломенском заводе имени Куйбышева, с 1948 года — на партийной работе, прошел школу секретаря парткома завода, секретаря сельского райкома партии, более четверти века назад был избран секретарем обкома и вот уже девятнадцать лет — первый секретарь. Подмосковье мне стало родным.

Всегда стараюсь помнить, что уже в названии своем наша область несет дорогое каждому советскому человеку имя Москвы. Для всех, кто трудится здесь, это почетно и ответственно. Но гигантский город в центре области придает нашему хозяйству существенную, важную специфику.

Более 8 миллионов человек живет в Москве, 6,5 — в городах, поселках и деревнях области. Много москвичей работает на предприятиях Подмосковья, но еще больше людей регулярно ездят на работу в столицу. Неразрывны хозяйственные и социальные связи между крупнейшим городом на-

шей страны и сравнительно небольшой по площади областью.

В то же время, напомним, Подмосковьё — один из наиболее развитых в экономическом отношении районов страны, здесь размещено множество промышленных предприятий металлургической, машиностроительной, химической, легкой промышленности. Прокат и литье из Электростали, тепловозы из Коломны, минеральные удобрения из Воскресенска, ткани из Орехово-Зуева, киноаппараты из Красногорска — вот далеко не полный перечень выпускаемой у нас самой современной продукции, которая хорошо известна во всех уголках страны и за рубежом. У нас изготавливаются все тракторные косилки и бытовые швейные машинки, половина ткацких станков и вагонов метро, каждый третий городской автобус. Каждый шестой метр ткани выпускается на предприятиях текстильной промышленности области.

Еще напомним, что в Подмосковьё более 200 научно-исследовательских и проектных организаций. Среди них такие известные во всем мире научно-исследовательские центры, как Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, Научный центр биологических исследований в Пущине на Оке, комплекс академических институтов в Троицке...

Как и по всей стране, промышленная и научная сферы в нашей области продолжают развиваться, строятся новые предприятия, расширяются и реконструируются существующие, одновременно ведется широкое строительство жилья, социальных и культурных объектов, дорог.

Я смотрю на карту Подмосковья и буквально вижу, как с годами сокращаются на ней зеленые пятна — леса и поля, те участки земли, которые самой природой призваны кормить человека. Конечно, в области немало неприкосновенных зеленых площадей — сельскохозяйственных угодий, заказников, лесопарковых зон, — но развитие экономики, строительство постоянно требуют новых участков земли, и это объективный, неизбежный процесс. Хотя, замечу здесь, чрезмерный интерес к строительству в нашей области проявляют очень многие министерства и ведомства, и это не всегда оправдано.

Учитывая ограниченное количество пахотных земель в области и их сокращение за счет застройки, сооружения различных коммуникаций, мы стараемся не только сохранить пашню, но и увеличить ее за счет освоения новых земель. Так, в 1981 году под различные виды строительства было отведено 480 гектаров, в то же время вновь введено

4700 гектаров. В целом за десятую пятилетку абсолютный прирост пашни составил более 11 тысяч гектаров.

И все же всех нас волнует: что ждет наше чудесное по красоте природы Подмосковье, какова перспектива развития его аграрной сферы, каково, если поразмыслить еще шире, будущее нашей деревни, ее жителей? Сегодня, когда мы все живем под впечатлением решений майского (1982 г.), ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС и приступаем к решению грандиозной Продовольственной программы нашей партии, эти вопросы для всех нас, и в первую очередь для меня и моих товарищей по работе, становятся самыми актуальными.

Должен сказать, что сельское хозяйство в нашей области в настоящее время обладает достаточно высокой эффективностью. Посудите сами. У нас 1,8 миллиона гектаров колхозных и совхозных угодий (290 совхозов, 56 колхозов и 26 птицефабрик), это 3,8 процента площадей всего Нечерноземья. А продукции мы с них берем более 10 процентов от всего производства зоны — 9,7 процента молока, 8,5 процента мяса, 21,2 процента яиц, 20,6 процента овощей. Аграрный комплекс области вносит крупный вклад в обеспечение продуктами питания столицы.

Мы, однако, хорошо знаем, что исчерпали далеко не все резервы, что подмосковная земля способна на значительно большее. Надо нам всемерно повышать культуру земледелия и животноводства, бороться за улучшение использования земли, экономию и бережливость по отношению к этой земле. При умелом и рачительном хозяйствовании земля способна отдавать с лихвой вложенные в нее финансовые и трудовые затраты. Землей надо дорожить, чтобы каждый ее квадратный метр давал человеку и продукты питания, и доход, и удовольствие. При этом нельзя забывать, что Подмосковье с его прекрасными ландшафтами и многими памятниками культуры — наше русское национальное богатство и относиться к нему следует бережно, стараясь не разрушать доставшееся от предков наследство.

Вспомните, каким было подмосковное село еще примерно двадцать лет назад. Трудно даже представить, но во всей области не существовало ни одного современного животноводческого комплекса. Подчеркиваю: ни одного... Не было и современных крупных механизированных ферм, где животноводы трудились бы посменно, как теперь, с применением современной техники и агрегатов. Земля во многих хозяйствах находилась в плохом состоянии: гумус — плодородная

корочка земли — шел на убыль, истончался с каждым годом. Деревенские люди стремились уйти на жительство в города, перебраться в столицу. Приедешь, бывало, в деревню, даже на центральную усадьбу колхоза или совхоза, и видишь картину грустную. Постройки обветшали, все не благоустроено, в школах — в одной комнате по несколько классов, магазины старые, в непригодных помещениях, вся техника круглый год под открытым небом.

Мы на местах чувствовали, что надо было что-то делать, круто менять положение. Требовались крупные материальные вложения. Скажу больше: ощущалась надобность в полной перестройке села, переломе отношения к нему. Таким переломным моментом в нашей жизни стал мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. Он открыл широкие перспективы развития деревни и ее производства, нацелил нас на создание комплексов по производству мяса, молока, птицы, на сооружение больших птицефабрик. Цель была поставлена ясно и точно. И за семнадцать лет, прошедших со дня мартовского Пленума, сделано очень много.

Сегодня мы имеем в области мощное специализированное сельское хозяйство. Оно ежегодно поставляет жителям области и столицы более четверти миллиона тонн мяса и птицы, свыше 1,5 миллиона тонн молока, три с лишним миллиарда яиц. Более 400 сельских хозяйств располагают основными фондами в 4 миллиарда 200 миллионов рублей. Построены крупные специализированные животноводческие комплексы: одни хозяйства выращивают нетелей, другие содержат молочное стадо, третьи выращивают молодняк на мясо. Сегодня в Подмосковье действуют вновь построенные после мартовского Пленума помещения на 980 тысяч голов крупного рогатого скота, созданы емкости для 3,4 миллиона тонн силоса и сенажа, овощехранилища более чем на 0,5 миллиона тонн, зернохранилища — на 665 тысяч тонн, склады для хранения минеральных удобрений на 555 тысяч тонн.

Сейчас, если возникает задача создать новый животноводческий комплекс, всем сразу понятно, о чем идет речь. А тогда ведь все было куда сложнее. Какие по масштабу и технологии комплексы создавать в подмосковной деревне? Где взять проекты? Как наладить строительство? В те годы многие специалисты настаивали на чрезмерно крупных фермах — больше 4 тысяч коров или больше 200 тысяч свиней, — на полной автоматизации крестьянского труда. И создавать их предлагали по простейшей схеме: ста-

вить все поголовье под одну крышу, оборудовать механизмами — и готово! Но не тут-то было...

Ряд подобных экспериментальных комплексов оказался неудачным. Так, в совхозе «Лотошинский» соорудили крупный комплекс, оборудованный сотней электромоторов. Оказалось, что стоимость комплекса, потребление электроэнергии и потребность в специалистах столь велики, что никакой реальной выгоды совхоз не получил.

Прошли годы, прежде чем удалось разработать оптимальные проекты и пустить их в дело. Сейчас, кстати, мы имеем, например, отличный проект унифицированного скотного двора, сборка которого на месте проводится за два-три месяца после доставки материалов и оборудования. Сегодня мы не стремимся к очень крупным фермам — строим не более чем на 1000—1200 коров. Причем строим комплексы очередями: первая для содержания 400 голов строится за сезон, а целиком самый крупный объект сдается в эксплуатацию через два-три года. Отдельные блоки помещений автономны, обеспечены каждое своим оборудованием, их легко запустить в работу. Последовательно к комплексу пристраиваются родильные отделения, кормоцехи, оборудуются площадки для выгула скота. Тем самым содержание молочного стада превращается в поточную технологическую систему, дающую обильное и дешевое молоко.

Пришлось немало потрудиться, чтобы добиться таких результатов. А сколько было поисков, которые не всегда кончались успехами, сколько бессонных ночей прошло в раздумьях о том или ином решении!

Совсем недавно казалось, что содержание кур-несушек в клетке нецелесообразно и неестественно. А сейчас трудно представить крупные птицефабрики с производством в год сотен миллионов штук яиц при иной технологии содержания птицы.

Или другой пример. Когда был поставлен вопрос о строительстве крупного тепличного комбината «Московский» площадью более 50 гектаров под стеклом, то были очень большие сомнения в целесообразности и возможности таких хозяйств в наших условиях. Но нас поддержал Леонид Ильич Брежнев, и мы ему очень благодарны за это. Весь последующий опыт показал, что и в условиях Подмосковья такие хозяйства являются весьма эффективными и позволяют круглый год снабжать трудящихся свежими

овощами. В настоящее время, как известно, такие крупные тепличные комбинаты строятся по всей стране.

Отлично зарекомендовал себя комплекс в совхозе «Путь Ильича» Подольского района, где, кстати, электромоторы используются лишь на дойке. На одного работника здесь приходится примерно 25 коров — почти в два раза больше, чем в среднем по области. Доярки комплекса получили в прошлом году по 400 тонн молока при надоях по 3870 килограммов с каждой коровы (по области на доярку приходится в среднем по 80 тонн). А ведь люди и в других местах не хуже, но условия работы, организация труда, технология производства в совхозе «Путь Ильича» созданы лучшие.

Значит ли это, что мы прекратили поиски и остановились на каком-то одном проекте животноводческого комплекса? Нет, и сегодня примерно 22 тысячи голов крупного рогатого скота содержится в опытных условиях. Эксперименты продолжаются — мы испытываем различные технологии и уверены, что такой подход оправдывает себя. Думается, без интенсификации поиска невозможно заранее подготовиться к следующей ступени повышения эффективности аграрного производства. Это как на крупном промышленном предприятии, где обязательно ведутся опытно-конструкторские и экспериментальные работы, без которых технического прогресса в производстве не будет.

Возьмите картофель, о котором на Руси давным-давно все известно: когда сажать, когда окучивать и пропалывать, когда поливать и собирать урожай. Но и здесь ведутся опыты и эксперименты. Научно-исследовательский институт картофельного хозяйства недавно передал в нашу область на государственные испытания высокоурожайный гибрид, обещающий добавку урожайности с каждого гектара на 35 процентов. Институт предложил также новые схемы посадки картофеля, выдал исходные данные на разработку сельскохозяйственных машин, уменьшающих долю ручного труда. По опыту учхоза «Михайловский» Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева освоена новая технология приготовления рассыпного сена. Большая работа в области проведена по внедрению низковакуумной дойки по предложению ВИЭСХ.

Я мог бы назвать десятки примеров участия науки в наших сельскохозяйственных делах. Но, думаю, важны не только отдельные факты — между наукой и практикой нужно создать такое взаимодействие, чтобы помощь нашим

колхозам и совхозам была еще эффективнее, а главное, была б постоянной.

Один из показателей интенсивности ведения сельского хозяйства — плотность скота на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий. В Московской области на 100 гектаров угодий приходится 62 головы крупного рогатого скота, из которых половина коровы. Если сравнивать опять же со средними показателями по Нечерноземью, то в нашей области плотность скота значительно выше.

Теперь на основе созданной базы (по количеству коров) мы добиваемся значительного увеличения производства молока за счет дальнейшего повышения продуктивности стада. Но дело это непростое. Для достижения этих целей требуется резкое увеличение производства кормов.

Главная беда подмосковной земли — сильная закисленность. На кислой земле урожай бедный, а иногда совсем никудышный. Борьба с закисленностью должна вестись повсюду, упорная, безостановочная. В результате настойчивого требования обкома партии в области недавно сооружены мощные заводы по производству извести тонкого помола, созданы новые механизмы для внесения ее в почву. В течение последних лет обработку известью проходило по 200 тысяч гектаров ежегодно, за пять лет площадь кислых земель сократилась в два раза и сейчас составляет пятую часть пашни. Вот где наш резерв!

Опыт показывает высокую эффективность специальных отрядов плодородия, оборудованных техникой, машинами. У нас в области первый такой отряд организовал коммунист Н. Е. Татарников в 1970 году в совхозе «Курсаково» Истринского района. За минувшие двенадцать лет плодородие почвы поднялось настолько, что урожай в хозяйстве выросли в два с лишним раза. Сейчас отряды плодородия организованы по всей области, они вносят по 12—13 тонн органических удобрений на гектар пашни ежегодно. И результаты этой работы уже сказались: гумус опять начал увеличиваться, а вместе с ним и урожайность.

Пойменные осушенные и поливные земли Подмосковья — чистое золото, бесценный клад. Даже в прошлом засушливом году овощеводы добились на них урожайности по 400 центнеров с гектара, причем дали ни много ни мало 8,4 процента всех заготовок овощей в Российской Федерации. Это с площади всего лишь 25 тысяч гектаров! И все-таки пока к пойменным землям мы относимся не слишком

по-хозяйски, нередко совершаем здесь ошибки, которые могут оказаться непоправимыми.

Кто бывал на Оке возле Серпухова, тот видел, как нарушена пойма Оки при выемке гравия. Мощные экскаваторы, колонны самосвалов безостановочно брали из поймы реки этот нужный строительный материал. Разумеется, возить его издалека недешево, в масштабах той или иной стройки даже убыточно. Но ведь куда расточительнее разрушать пойму прекрасной нашей реки. Гравий, хоть и подороже, можно найти в других местах, а пойму-то не восстановишь, она исчезнет навсегда. Потерянного уже, конечно, не вернешь, и сейчас мы с еще большей настойчивостью добиваемся запрещения разработки пойменных земель для добычи нерудных материалов.

Еще об одной возможности эффективного использования земли. Получают те или иные организации участки под застройку. Хорошо, если бы перед началом любого строительства плодородный слой почвы был аккуратно снят и передан колхозам и совхозам для благоустройства их угодий. К сожалению, пока немногие из застройщиков поступают именно так — как рачительные хозяева. Не потому ли, что земля им обходится баснословно дешево? На ее аренду идут столь невысокие суммы, что их и считать не принято.

Проектируя новые объекты, надо думать об экономии площади. Любое предприятие, даже небольшое, требует себе по нескольку гектаров, хотя при желании и более тщательной проработке проекта заказчик и проектировщик могли бы обойтись в несколько раз меньшей площадью.

Не пора ли нашим плановикам научиться рассчитывать подлинную цену земли, исходя из многолетней ее урожайности, стоимости продуктов питания, которые она способна дать? Застройщик должен хорошо знать ценность земли и стараться экономить ее по мере возможности. На XXVI съезде партии был выдвинут лозунг, ставший всенародным: «Экономика должна быть экономной!» Думается, этот девиз применим и к нашему важнейшему достоянию — земле.

С 1965 года партия взяла курс на увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство, на укрепление его материально-технической базы, совершенствование планирования и экономического стимулирования производства продукции питания. Вместе с тем в последние годы возникла объективная потребность в новом сильном импульсе, ко-

торый придал бы ускорение развитию нашей деревни. Это было наглядно видно и на примере нашей области.

На майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС была утверждена Продовольственная программа. В этом исключительно емком, научно обоснованном документе нашла свое дальнейшее творческое развитие аграрная политика партии с учетом тех глубоких изменений, которые происходят в нашей экономике, в агропромышленном комплексе, в материальном благосостоянии советских людей. Думается, одна из самых сильных сторон Продовольственной программы состоит в том, что она с особой силой связывает воедино две задачи: обеспечение продуктами питания городов и подъем благосостояния села.

Коммунисты и раньше стремились к улучшению жизни крестьянина, прилагали немало усилий, чтобы сделать ее зажиточнее, культурнее. Но не всегда были у нас для этого условия и возможности. Не следует думать, что дело упиралось только в финансирование. Мы и раньше вкладывали в село значительные денежные средства. Но порой из-за неподготовленности к перестройкам на селе вели дело не так, как самим хотелось бы.

Возьмите такой факт: строительство в подмосковных деревнях многоэтажных домов. Дело это было прогрессивным, но в известной степени вынужденным. Прежде всего это был скорейший путь обеспечения деревни жильем, причем жильем комфортным, городского типа. Нам были выделены значительные государственные суммы, освоить которые можно было только на основе наличных технологических возможностей — домостроительных комбинатов. Но в Московской области ДСК поставляли дома единственного типа — многоэтажные, выбора у нас, по существу, не было.

За последние пятнадцать лет на селе было построено домов общей площадью 9 миллионов квадратных метров. Теперь в этих домах живут сельскохозяйственные рабочие, специалисты, колхозники, много молодежи. Сейчас у нас на селе каждый третий механизатор и полевод не старше тридцати лет, а средний возраст работающих тридцать семь лет. Можно считать, что благодаря усиленному жилищному строительству на постоянную работу в село удается привлекать ежегодно до 60 тысяч человек, в основном молодых людей.

Однако по ходу дела выяснилось, что многоэтажные дома — не самый лучший вариант. Поселяя крестьянина в многоэтажном доме, «поднимая» его на третий или пятый

этаж, мы буквально отрываем его от земли. В квартире у него есть все удобства, но зато нет рядом подсобных хозяйственных построек для скота и птицы. Ему, правда, выделяют участок неподалеку от дома, там у него огород. Но, лишившись коровы, колхозник или рабочий совхоза вынужден покупать молоко и молочные продукты в магазине, где они, кстати, не всегда бывают.

С другой стороны, многоэтажки на селе привлекают молодежь, специалистов, которые не хотят обзаводиться хозяйством. Пустующих многоэтажек у нас конечно же нет, и все же в целом строительство их мы решили постепенно притормозить.

Разумеется, молодежь привлекает работа на селе не только из-за хорошего жилья. Очень важно заинтересовать ее самым делом, умелой и современной его организацией.

Хорошо видно это на примере Луховицкого района. Здесь начали с того, что при школьных классах стали создавать полеводческие и механизаторские бригады, которые имеют свой, школьный, подряд на поле. И выращивают неплохой урожай. После окончания школы ученики становятся механизаторами, полеводцами, животноводами. Они не только хорошо знают фермы, поля и технику, но уже организованы в бригады. Луховчане пошли и дальше: они ежегодно создают новые молодежные отряды на селе. Члены отряда концентрируются в отделениях совхозов и колхозов, работают вместе, рука об руку.

Опыт луховчан мы стремимся распространить по всей области, сегодня уже создан единый штаб подмосковного молодежного отряда сельских механизаторов, полеводов и животноводов, объединяющий тысячи молодых колхозников и рабочих совхозов. Все большее распространение получает подмена школьниками взрослых работников на период их стпусков, с соответствующей, разумеется, оплатой труда.

Но вернемся к строительным делам. Хотя мы продолжаем строить многоэтажные дома в деревне, область взяла теперь курс на одноэтажные деревенские дома усадебного типа из готовых блоков. Причем они благоустраиваются не хуже городских. Квартиры в них размещаются в двух уровнях. Сегодня у нас есть возможности для производства в год почти двух тысяч таких домов из местных материалов — кирпича, арболита, газосиликата, керамзитобетона, дерева. В ближайшем будущем мы будем возводить в год до 60 деревень по 30—35 домиков разнообразной архитектуры.

Сейчас создаются комсомольско-молодежные строительные бригады, которые будут возводить дома хозспособом, как это делается в совхозе «Нара» Наро-Фоминского района. А с двенадцатой пятилетки мы вообще будем строить в основном только одноэтажные дома: к тому времени область будет располагать для этого значительными индустриальными мощностями.

Между прочим, и тут нас некоторые товарищи уже критикуют. Зачем, говорят, пастуху или доярке два уровня в квартире? А я на это скажу: еще лучше бы строить крестьянские дома трехуровневыми — один этаж для родителей, другой для детей, третий для внуков. И на каждом должны быть свои удобства, отдельные санузлы. Из такого дома семья не уйдет в город! А кроме того, мы считаем, что должны строить жилье и соцкультбыт с учетом потребностей жителей села лет на двадцать вперед, чтобы потом нам не пришлось краснеть за упрощенчество, которое сейчас может показаться выгодным. Вообще же всякие преобразования в деревне следует проводить осторожно, оглядываясь на традиции и обычаи русского села.

Вот, казалось бы, простой вопрос. Мы рассматриваем в обкоме архитектурный проект новой деревни, и я замечаю, что ширина улицы планируется всего двадцать метров. Как говорится, два воза с сеном разойдутся, и ладно! Если исходить только из принципа экономии земли, то все правильно, больше и не надо. Но почему же наши предки жили широко? Деревенская улица была нередко метров сто шириной! Приглядитесь к быту села — и поймете, что эта ширина не чрезмерна, а очень разумна. Окна избы выходят в передний садик, перед штaketником стоят скамьи. На них сидят пожилые люди. От дома к дому тянется дорожка, по ней ходят за водой к общему колодцу. Здесь же играют дети под присмотром стариков. За этой дорожкой обычно идут посадки деревьев, отделяющих шоссе от жилой зоны. А само шоссе, конечно, кладется неширокое, пусть будет двадцать метров. Такой порядок привычен нашей деревне, он отражает в какой-то степени и широту русских людей, и их привычку держаться вместе, на миру.

Мне думается, заниматься отбором проектов новых домов, а также размещением производственных построек, жилья и соцкультбыта должны в первую голову сельские Советы и руководители хозяйств. Пусть не ждут, когда архитекторы привезут им «красивые» проекты, а сами проявят инициативу, посоветовавшись предварительно с колхозни-

ками, с рабочими совхозов. И тогда выстроенная деревня будет их кровным детищем — коллективным творением проектантов и тех, кто будет жить в новых или реконструированных деревнях.

Многие годы мы вели перестройку подмосковной деревни. Прежде всего надо было создать колхозные и совхозные центры, благоустроить центральные усадьбы, где живут большинство крестьян. Здесь создавались фермы, машинные дворы, прочие хозяйственные постройки, возводились клубы, магазины, школы, детские сады, сюда были проложены хорошие дороги. То был первый этап переустройства, давший значительные плоды. Сегодня можно сказать, что он в большинстве хозяйств завершается. Куда бы вы ни приехали, центральная усадьба колхоза или совхоза, центральные их отделения выглядят неплохо. Что называется, на уровне.

Кое-где, однако, увлеклись процессом концентрации производства и особенно жилья и соцкультбыта, многие деревни начали объявлять неперспективными, переселять отсюда людей на центральные усадьбы. Оставшиеся в глубинке деревни как бы оторвались от центра. А ведь глубинка была и остается корнем русской деревенской жизни! Из него растет и все дерево. Сегодня, после майского Пленума, пришла пора обратить внимание на развитие в области всех населенных пунктов, расположенных на территории того или иного хозяйства. Примерно в семидесяти километрах от Москвы и тридцати километрах от райцентра города Дмитрова расположено крупное хозяйство — совхоз «Рассвет». В нем проживает около 1200 трудоспособных человек, из них половина занята непосредственно в сельскохозяйственном производстве, остальные работают в магазинах, школе, клубе, на железной дороге. На центральной усадьбе с точки зрения удобств живут очень неплохо, но в отдаленных деревнях (их здесь всего 31), в отделениях совхоза заметно похуже. Мне пришлось побывать в некоторых из них, своими глазами поглядеть на тамошнее житье-бытье.

Вот деревенька Головино. В ней всего 20 изб, многие из них покосились, обветшали, хозяева забросили их и уехали. В деревне постоянно проживает 6 человек, всего двое трудоспособны. Что делать с такой деревней, где несколько пустующих участков, колодец и больше ничего? Сносить? Переводить на центральную усадьбу? Но правильно ли это будет? Электричество здесь есть, радио про-

вели. Если от Рогачевского шоссе построить хорошую дорогу, которая по стоимости строительства может быть не дороже нового поселка, благоустроить улицы, дать людям возможность трудиться недалеко от дома, привлечь сюда работников — деревня оживет! В ней люди жили, может, триста лет. И она давала и молоко, и мясо, и птицу. Зачем ее ликвидировать? Это же не по-хозяйски.

Не лучше дела в соседней Лукьяновке: на 34 дома 16 трудоспособных человек, 6 домов ветхие, владельцы о них, видимо, забыли. Чтобы поднять деревню, надо немного: проложить четыре с половиной километра хорошей дороги вместо нынешней грунтовки. Вложения небольшие, а результат скажется быстро.

От запустения в деревнях страдает не только хозяйство, страдают люди, это плохо отражается на психологическом климате, настроении людей. Что же делать? Прежде всего надо решительно отказаться от деления деревень на перспективные и неперспективные — все деревни должны жить. Один из эффективных путей к этому, нам кажется, — дав соответствующие права владельцам унаследованных домов, требовать, чтобы они заботились о своих строениях, приводили их в порядок и хотя бы сезонно пользовались ими. Сейчас владельцы домов находятся в несколько неопределенном состоянии: то ли данная деревня будет развиваться, то ли колхоз будет сносить их дома. Поэтому и забрасывают они свое имущество — избы ветшают, приходят в негодность, портят вид деревень, земля вокруг зарастает бурьяном. А пустующая земля — это не только недополученный урожай, на ней плодятся сорняки и сельскохозяйственные вредители, которые постепенно перекачывают на соседние участки, на поля колхозов и совхозов.

В прошлом году мы попросили руководителей совхоза «Рассвет», а также и сельский Совет дать свои предложения по развитию и благоустройству центральной усадьбы и всей территории совхоза. Для помощи местным товарищам подключили проектировщиков из областного архитектурно-планировочного управления. В результате очень добросовестной работы получился интересный план.

Сейчас практически завершено выполнение первой очереди этого плана — обустройство центральной усадьбы. Совхоз перешел ко второму этапу, связанному с реконструкцией отделений. Третьим этапом будет решительное развитие глубинки. Конечно, этапы — это условно, процесс

переустройства совхоза будет идти параллельно по всем трем направлениям, это предусмотрено планом.

Выводы, полученные на основании материалов по совхозу «Рассвет», мы обсудили на объединенном заседании бюро МК КПСС и президнума исполкома Мособлсовета народных депутатов, приняв соответствующее постановление. Претворение его в жизнь потребует, конечно, времени, большой организаторской и воспитательной работы, хорошего хозяйственного расчета. Но все это несомненно даст прекрасные результаты. А главное — нам теперь ясна цель и пути ее достижения.

Надо сказать, что такого же рода работа уже сегодня ведется во многих хозяйствах области. Поезжайте посмотрите, какие красивые деревни в совхозах «Нара» Наро-Фоминского района, «Борец» Дмитровского района, в колхозе «Путь Ильича» Волоколамского района. Отличные домики, красивые, добротные. Построены они, кстати, на кооперативных началах, часть денег вкладывает колхозник или работник совхоза, а ссуду дает государство. В области сейчас 38 таких кооперативов, 15 из них строятся. В отделенческих центрах хозяйств будут создаваться производственные постройки, общественные бани, небольшие клубы, магазины. Школы же находятся на центральной усадьбе, где имеются или будут построены интернаты.

Чем важна такая перестройка? Традиционный быт русской деревни сохранен, при этом он улучшен, окультурен. Ничего ценного из старого не упущено, зато прибавилось много нового, удобного, полезного крестьянину. Из такой деревни, как говорится, калачом никого не выманишь. А если к тому заработки хорошие, под боком земля и хозяйственные постройки, то и производительность труда в поле и на ферме высока.

Особую важность сегодня приобретает продукция личных подсобных хозяйств. Они тоже вносят свой вклад в реализацию Продовольственной программы. На долю индивидуального сектора в нашей области сейчас приходится около 100 тысяч тонн молока, около 400 тысяч тонн картофеля, около 100 тысяч тонн овощей, более 300 миллионов яиц ежегодно. Много фруктов, ягод, грибов, цветов. Это составляет примерно 13—15 процентов валовой продукции нашего села. Хочу специально отметить, что произошел сдвиг и в животноводстве подсобных хозяйств: в минувшем году число коров, находящихся в личном пользовании, увеличилось на 500 голов.

Подсобные хозяйства мы будем теперь еще больше укреплять, поддерживать, давая возможность трудиться на земле горожанам, родственникам жителей деревни, пенсионерам. Более трех миллионов дачников выезжают на лето в Подмоскovie, снимают дома и комнаты. Многие из них с удовольствием согласились бы поработать на прополке, поливе, косьбе сена, уборке урожая.

Огромное значение для хозяйства и культуры области имеет лес. Я имею в виду не только заповедные леса под Серпуховом, где следует, видимо, организовать русский национальный парк, но и вообще леса Подмоскovie, важнейшую составляющую нашей, так сказать, биосферы. Из 46 тысяч квадратных километров площади области 42 процента занято лесными массивами. Ежегодно мы производим посадки леса на площади до 10 тысяч гектаров.

Проблема сохранения лесов, рек и речушек Подмоскovie, его озер и прудов — не только наша, местная. Она затрагивает и другие области, а с ними вместе многие крупные промышленные центры страны. Вокруг лесов появились отличные дороги, а машин и мотоциклов сейчас у людей много. Летом в выходные дни леса буквально набиты отдыхающими. Думается, что нашей общей заботой должно стать повышение культуры пользования лесами и водоемами. Запретами тут дело не решишь — надо воспитывать людей. И лес, и реки, и земля — все они для человека, дорожить землей значит дорожить людьми.

Прекрасную инициативу проявили подольские товарищи. Они первыми в области организовали проведение месячника по очистке леса. Только в одну из суббот месячника почти 10 тысяч человек приводили в порядок 950 гектаров леса. Эта инициатива поддержана всеми трудящимися области. Каждую субботу в летний период тысячи людей выходили в пригородные леса — вели посадки, убирали сухостой, валежник, подновляли места отдыха, устанавливали знаки.

Реальность наших планов неразрывна с качеством труда наших людей. Сегодня предмет нашего особого внимания — работа с отстающими хозяйствами. Из 400 колхозов и совхозов области около 100 убыточны. А ведь совсем рядом с убыточным нередко располагается крепкое хозяйство. Невольно возникает вопрос: в чем причина такой большой разницы в показателях?

Много раз мне приходилось бывать в Можайском районе. Земли там пестрые. Есть и заболоченные, кислые, мало-

урожайные. Приехал в совхоз «Клементьево», в отделение, где руководит делами М. Ф. Гуков, — совершенно иная картина! Он за прошлый год сумел получить по 21 центнеру зерновых с гектара, картофеля — по 215, кукурузы — по 500 центнеров. Те же показатели по району вдвое ниже. В чем секрет? У Гукова за механизаторами закреплена земля, весь ее севооборот. Вот уже пятнадцать лет как оплата труда поставлена в зависимость от урожая. Выходит, одна только организация труда может отлично подвинуть вперед все дело.

После майского Пленума мы начали повсеместно внедрять новую, более прогрессивную систему дополнительной оплаты за повышение урожайности всех культур и продуктивности в животноводстве.

Ведущую роль в совершенствовании сельскохозяйственного производства играют коммунисты, партийные организации колхозов и совхозов. Сегодня в нашей области на селе более 40 тысяч коммунистов, партийная прослойка составляет 15 процентов среди всех работающих, еще выше она среди механизаторов. Правда, невозможно в этой статье рассказать о всех самоотверженных тружениках и партийных руководителях Подмосковья, с которыми мне доводится постоянно работать вместе. И все же хочу коротко сказать еще о двух руководителях хозяйств. Интересно, что они почти соседи, их хозяйства в одном, Домодедовском, районе, и они, что называется, конкурируют между собой.

Сергей Иванович Жиленко, возглавляющий колхоз «Заветы Ильича», — бывший моряк, прошел всю Великую Отечественную, закалка у него крепкая. Говорит медленно, но веско — скажет как отрубит. В совхозе он хозяин, у него копейка в щель не завалится — все на счету. И, главное, за что бы он ни взялся, все катится ладом.

Когда началась перестройка села на началах внутрирайонной кооперации, мы побывали всем активом у товарища Жиленко. И вот представьте: председатель колхоза, имеющего высокую продуктивность молочного стада, получающего высокие урожаи, сам, по собственной инициативе предлагает в интересах всего района заняться полной перестройкой структуры своего производства — организовать крупное нетельное хозяйство и создать новые межхозяйственные связи. Мы, конечно, его поддержали. И вскоре колхоз «Заветы Ильича» стал головным предприятием районного объединения, специализирующимся на выращивании нетелей.

Семен Сергеевич Никулин, директор совхоза «Повадинский», внешне кажется всегда спокойным, но характер у него тоже упорный и идей в голове полно. Он тоже человек судьбы примечательной. Участвовал в обороне Москвы, окончил Тимирязевку, работал председателем Подольского райсовета, потом в облисполкоме (сначала возглавлял сельхозотдел, потом был зампредседателя), несколько лет работал в Кении (был, так сказать, полпредом нашего сельского хозяйства) и вот — директор крупного подмосковного производства. Одним из первых «Повадинский» перешел в содержании скота на промышленную основу. Совхоз держит молочное стадо в 4 тысячи коров, все они размещены на механизированных фермах, в отличных условиях. Совхоз отличает высочайшая культура производства, он один из крупнейших в области поставщиков молока.

Хорошее деловое соперничество двух крупных специализированных хозяйств, возглавляемых замечательными людьми, новаторами, коммунистами Жиленко и Никулиным, — надежный путь к высоким результатам, отличный пример для всех тружеников нашего села.

Я рассказал здесь только о двух наших замечательных руководителях. Но, если бы позволяли размеры статьи, с удовольствием поделился бы впечатлениями о совместной работе и встречах со многими другими, такими, как директора госплемзавода «Коммунарка» А. Н. Монахова и совхоза-техникума «Холмогорка» М. М. Горшков, председатели колхозов имени Горького В. Ф. Исаев, имени XXII съезда КПСС А. К. Маринич, имени Ильича М. В. Поляков, имени Владимира Ильича И. И. Кухарь, «Россия» Т. И. Барышев. Да разве всех перечислишь...

Сегодня наша область вместе со всей страной вступила в новый этап своей работы — борьбы за выполнение Продовольственной программы нашей партии. И мне радостно видеть, с какой энергией и энтузиазмом, с каким глубоким пониманием задач коммунисты и все трудящиеся Подмосковья взялись за осуществление новых планов развития сельского хозяйства области. Не сомневаюсь, что результатом этого уже в ближайшее время будет значительное улучшение снабжения трудящихся Москвы и области ценными продуктами питания.

Важнейшим условием выполнения этих задач должно быть бережное, заботливое отношение и высокоэффективное использование нашего бесценного богатства — земли!

Василий БЕЛОВ

ПУТИ-ДОРОГИ

Каким быть селу

Ни о чем другом не сложено столько легенд и песен, как о дорогах. Во все века и, наверное, у всех народов образ «путь-дорога» стоял в центре поэтического самосознания. О дороге пели и чумаки на знойном шляху, и ямщики под морозный звон колокольчика. В Азербайджане, провожая сына в путь, мать поливала дорогу водой из кувшина...

Народные обычаи тем и хороши, что они разные. Этот обычай жаркого юга выглядел бы не очень поэтично у нас, на холодном и мокром Севере. Особенно минувшим летом, когда дожди лили с мая по ноябрь, почти непрерывно. В иных местах за все лето выдалось не более десятка сухих, погожих дней.

Ненастье не страшит водителей лишь на асфальте. Об этом вряд ли помнят все желающие вырваться из многошумной Москвы на Золотое туристическое кольцо или дальше, на Север. Шоссе Москва — Архангельск еще не построено. Но асфальтовая лента разматывается все дальше и дальше на Север. Трасса словно бы разрезает все громадное Нечерноземье на две неравные части.

Моя маленькая деревушка Тимониха находится в середине необъятной зоны, в ста километрах к западу от строящейся трассы. И если 317 километров до Данилова пролетают как сон, то остальные 300 словно бы начинают растягиваться. И чем ближе родные места, тем труднее преодолеваются километры. Сложности могут начаться уже на шоссе, на границе Ярославской и Вологодской областей, около деревни Чистая Баба. Далее от Вологды путь идет

по дорогам областного подчинения, затем районного и, наконец, колхозного. Такая ступенчатость позволяет дорожникам постепенно снижать меру ответственности, и в конце пути за дорогу как бы уже никто не отвечает. Она совсем исчезает, хотя в автомобильном атласе обозначена очень четко.

Между тем судьба Нечерноземья решается теперь как раз в глубине районов, то есть в условиях абсолютного или относительного бездорожья. Вот десятикилометровый дорожный участок Козлихи — Шапша. Он соединяет с миром совхоз, одно солидное лесопромышленное предприятие и два довольно обширных колхоза. Проехать здесь можно лишь на «козлике», да и то в сухую погоду. И словно в насмешку торчит на дороге ограничительный знак: скорость не должна превышать 45 километров. Какие уж тут «45», если обратные 63 километра до райцентра я ехал ровно полсуток. Попытался представить, сколько тысяч машин буксует одновременно по обширному Нечерноземью и сколько тысяч тонн бензина сжигается ежедневно впустую на необъятных просторах Северо-Запада.

Не выдержал и решил выяснить, кто же отвечает за состояние районных дорог? Но ясного ответа не получил. Колхозы внутрихозяйственными дорогами практически не занимаются. В районах дорожники хитро разделились на два обособленных лагеря: на строителей и эксплуатационников, но ни те, ни другие не имеют достаточно техники и людей для обслуживания машин. Подчинены они областному дорожному управлению, которое в свою очередь подчиняется Министерству строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР. Параллельно в Москве действует на правах республиканского министерства Росколхозстройобъединение, которому подчинены областные организации Межколхозстроя. Эти организации также жалуются на нехватку кадров и техники. И что же, выходит, все дело уперлось в нехватку техники? Но никогда еще не было в районах так много прекрасных и мощных машин, бульдозеров, кранов, как сейчас! Вот и вырисовывается довольно странная картина: все ждут, что дорогу наладят дорожники, а они так маломощны, что сделать это не в силах.

Казалось бы, надо выполнять принятые правительством решения, обязывающие все предприятия и организации участвовать в дорожном строительстве. Однако на практике выполнение их наталкивается на постоянные трудности. Ведь у каждого предприятия свой план, своя специализа-

ция и свои проблемы. Кроме того, районные исполкомы просто не могут преодолеть узковедомственную психологию многих руководителей. Ежегодно объявляются месячники, принимаются вроде бы толковые решения, а дорога малопомалу становится непроезжей, просто исчезает. Дорогой становится все ничем не ограниченное пространство. Добро бы, коржились одни кусты да никуда не годные пустоши! Но ведь отчаявшийся шофер или тракторист готов ехать даже по тешиной капусте, лишь бы не буксовать. Поэтому уже сейчас трудно подсчитать, сколько в северо-западных областях погублено лугов и пастбищ, сколько ежегодно губится клеверов, льна и злаковых под колесами и гусеницами.

В совхозе «Кумзерский», у меня на родине, к примеру, намечено построить овцеводческий комплекс, призванный возродить на Вологодчине славу романовской овцы. Строительство важнейшего объекта затянулось главным образом из-за бездорожья. Могут возразить: зачем, дескать, строить комплексы там, где нет дорог? Но ведь при выборе места строительства должны учитываться многие социальные и экономические условия: число рабочих рук, земельные угодья. Разве можно повсюду ориентировать животноводство на привозные и концентрированные корма, особенно при наших обширных лугах и пастбищах? Взаимозависимость между количеством поголовья и количеством земельных угодий, окружающих тот или иной животноводческий комплекс, очевидна.

Но вернемся к Кумзерскому овцеводческому комплексу. Дело в том, что, когда начинали строительство, дорога хоть и не ахти какая, но была. Теперь же она разрушена, во многих местах исчезла совсем. Причем произошло это не без помощи тех же строителей овцеводческого комплекса. И вот чтобы доставить в Кумзеро обычные стройдетали, приходится использовать самую мощную специальную технику, что уже само по себе обходится дорого. После нее по дороге могут пройти лишь долговязые «Беларуси». Там же, где пробуксовал «Беларусь», автомобилю нечего даже соваться. И вот автоколонну сопровождают уже не колесные, а гусеничные тракторы, то и дело вытаскивая засевших в грязи.

Смотришь на впряженные цугом могучие машины и думаешь: может быть, все-таки существует целесообразность больше строить хороших дорог, а не машин-вездеходов? Сейчас наша промышленность ориентирована в основном

на улучшение проходимости автомобиля. Мы гордимся могучей техникой. Понятно, что без нее не обойтись во многих отраслях хозяйства. Но давайте зададим вопрос экономистам: всегда ли и везде выгоднее усиливать проходимость машин, нежели улучшать дорожные условия? Не лучше ли засыпать песком дорожную яму, чем лишний раз модернизировать, например, КраЗ?

Я уже говорил, что на грунтовых дорогах после мощных вездеходов нечего и соваться другим, более легким машинам. Создается своеобразный замкнутый круг: чем выше проходимость грузовиков, тем больше вреда дороге, тем большая должна быть проходимость техники и так далее. Иногда этот самый КраЗ или МАЗ, а то и трактор с тележкой, вместо того чтобы возить с делянок лес, шпарит в райцентр за пряниками для сельского магазина. Или везет отпускников к поезду, в то время как автобус простаивает из-за бездорожья. Но разве для этого создавались машины-гиганты? Расходовались дополнительные миллионы тонн черного и цветного металла, резины и т. д.? А сколько в таких случаях перерасходуется бензина, дизельного топлива, смазочных материалов!

На мой взгляд, не только экономическую, но и культурно-нравственную зрелость нынешнего районного руководителя можно вполне оценить по его отношению к дорогам. Частенько бывает так: вместо того чтобы приложить усилия и построить либо отремонтировать дорогу, районные организации поощряют ликвидацию отдаленных ферм, бригад, участков. Таким образом, под видом концентрации производства происходит его свертывание. Ведь Харовскому райпотребсоюзу в Вологодской области, например, ничего не стоило ликвидировать в колхозе «Родина» сначала пекарню, а затем и сельпо. Меньше, мол, стало возни. Но теперь люди вынуждены грызть черствый хлеб или вообще питаться одними пряниками. Дурной пример заразителен. Если закрывают сельпо (под видом укрупнения), то почему бы не закрыть медпункт, затем начальную, а позднее и восьмилетнюю школу? Почему не ликвидировать и целую бригаду с ее отдаленными фермами?

Само собой разумеется, что, если закрыта начальная школа или же деревня специально отключена от электросети, люди будут вынуждены переезжать на центральную усадьбу хозяйства. Однако правильно отмечала в письме в «Правду» доярка Шаталова: уехать-то можно и... дальше, чем опорная усадьба. Об этом почему-то порой забывают.

Снявшемуся с насиженного места ничего не стоит сменить и профессию хлебороба на любую другую.

Совсем неплохо было бы подумать и об эстетическом облике некоторых деревень и окружающих окрестностей. Кое-где к магазину, ферме трудно подъехать даже на ДТ-75, а улицу в иной деревне не отважится переходить ни старый ни малый. Можно ли говорить об удовлетворенности трудом, если к коровнику надо добираться чуть ли не по колено в грязи? Неудивительно: иные выпускники школ не слишком стремятся остаться в деревне, работать в животноводстве.

Я уж не говорю о прямых экономических потерях. Например, ежегодно колхозы Северо-Запада терпят значительные убытки из-за несвоевременной отправки продукции, низкой сортности молока. А каковы потери оттого, что не вовремя подвезли семена и удобрения, вспахали землю и скосили хлеба? Вряд ли кто подсчитывает такие убытки. Но, полагаю, они покрыли бы стоимость любой, самой дорогой трассы. Ведь сегодня в деревню направляются огромные материально-технические ресурсы. И немалая часть их в пути приходит в негодность, распыляется, несвоеременно вступает в дело.

Наконец, нельзя забывать и о том, что хорошая дорога воспитывает и формирует хороших работников. Следует, наконец, расстаться с романтическим отношением к шоферскому героизму. Опыт говорит прямо и непреложно: где бездорожье, машин не жалеют, технического ухода как следует не делают, чаще меняют детали и узлы.

Ясно одно: от состояния дорог зависят социально-экономические условия развития села. В том числе и быстрота и целесообразность освоения средств, выделенных для подъема Нечерноземья. Какой, на мой взгляд, может быть выход из положения? Прежде всего усилить дорожное строительство тем организациям, которым это положено. Однако возможны и другие пути. Издревле на селе строили дороги всем миром. Сегодня для этого возможности выросли. Насыщенность народного хозяйства техникой увеличивается. Еще не так давно весь машинный парк, скажем, колхоза «Родина» состоял из нескольких тракторов, двух-трех автомобилей и пары комбайнов. Нынче в колхозе количество грузовиков и другой самоходной техники исчисляется уже десятками. Разве нельзя с такой армадой строить дороги в кооперации с другими организациями? Особенно в межсезонье и в зимнее время, когда происходит

свертывание основных работ. Если бы всю простаивающую технику хотя бы время от времени собирать в кулак, в дорожном строительстве можно бы многое сделать.

Вывод из всего сказанного напрашивается сам: необходимо покончить с распылением средств, выделяемых на дорожные дела. Такое распыление обходится государству слишком дорого. Надо как можно быстрее объединить и укрепить дорожные строительные организации, дать им добрую технику, может быть, за счет колхозов, совхозов, других предприятий. Это очень скоро обернется пользой для них, всего общества.

Вопросов слишком много. Но их множественность не освобождает от необходимости отвечать на них, и уже сейчас, а не в каком-то отдаленном будущем.

Ольга ФОКИНА

ВМЕСТЕ С РОДИМЫМ ПОЛЕМ

Я много думала о жизни родной деревни и пришла к выводу, что сельское хозяйство, сельский житель — это не только производство продуктов питания, это история жизни народа, и относиться к сегодняшнему дню только как к сегодняшнему — нельзя, тут неумолима связь с прошедшим и будущим, и ее надо глубоко знать и прозорливо предвидеть. Безусловно, и человек из города, приехавший на сезонные работы в сельское хозяйство, многое и увидит, и поймет, и обоснует, а все-таки истину может сказать только сам истинный селянин, переживший все превратности судьбы вместе с родимым полем.

При планировании необходимо учитывать удаленность хозяйств от центра, состояние путей сообщения, возрастной и количественный состав населения, моральное состояние и духовные запросы жителей данного хозяйства; одним словом, необходим индивидуальный подход и безусловное понимание и уважение работающих. Хозяйство — это живой организм, от его всестороннего здоровья зависит здоровье района (области).

Чувство коллективной ответственности за все происходящее в хозяйстве, зависимость собственного благополучия от благополучия общего и вытекающая отсюда взаимодисциплина, воспитанная за десятки лет колхозного строительства, не должны уступать места берущим в иных колхозах верх отношениям Хозяина и Работника, где понятие *хозяин* мыслится расплывчато, ибо оно многоступенчато и непостоянно, дробно и неопределенно, слишком объемно, что ли. Работ-

ник же, перестав чувствовать хозяйство своим, теряет к нему интерес, кровную привязанность, снимает с себя ответственность за общее и предпочитает, отслужив (в лучшем случае) положенные часы, в общее не вмешиваться; в худшем случае — от общего урвать в свою пользу.

Очень огорчает культивируемое в иных семьях пренебрежение к труду, смахивающее на прежнее, барское; терпимое отношение к пьянству; принижение в этих семьях духовных ценностей и возвеличение материальных; усиливающаяся роль ловкачества в противовес честному труду; возрастающий почет деньгам, а не совести. Тревожит меня однообразие и безвкусица новых типовых построек, возводимых холодными руками пришлых строителей, не учитывающих ни национальных, ни местных особенностей жизни. Сам селянин перестает быть творцом Красоты и Поэзии; имея деньги, он предпочитает все это купить.

Многим бесталанным руководителям хозяйств равнодушный механический исполнитель нравится больше, чем работник думающий и понимающий, смеющийся указать на недостаток, потребовать его устранения и тем самым «подрывающий авторитет» руководства. В таких хозяйствах думающие обычно не уживаются. Без чувства хозяина на земле работать нельзя.

Рядовые сельхозработники, убедившись на опыте многих лет, что их мнение ровно ничего не значит и лучше держать его при себе, отвыкают в таких колхозах приходить к руководству с предложениями, выступать на собраниях и даже посещать их. Это — не их дело. За них думают — в конторе ли, в райцентре ли, они спокойно спят и спокойно глядят на неурядицы в хозяйстве: страна, мол, большая, в случае чего государство поможет, наше дело — сторона, лишь бы только деньги платили да продукты в магазин возили. Что, кстати сказать, и делается.

Сейчас много говорят и пишут о «закреплении» молодежи в селе. Нужно ли организовывать этот процесс?

Наверное, нужно, поскольку естественное течение дел давно нарушено. Может, одна-другая доярочка и зацепится на постоянное местожительство в деревне — замуж, например, выйдет за механизатора... Только не радуется меня подобная организация, ибо не скоро сельский уголок, в жизни которого полным-полно неурядиц, покажется молодой работнице родным и милым, — а ведь может и совсем не показаться. И не будет у нее любви — ни к животным, ни к травам, ни к людям, с ней работающим, — и станет она

заглушать тоску каким-нибудь крепким сиюминутным удовольствием. Живя на земле, надо пускать в нее корни; но людей, как и растения, далеко не всех можно пересаживать черенками. На мой взгляд, надо всеми силами поддерживать коренные сельские семьи, на их детей, внуков и правнуков рассчитывать, даже если эти внуки-правнуки и бывают в деревне только как гости,— все равно в их крови, в их душе заложены земледельческие гены, они легко привыкнут к почве предков, чем стихийно собранные отряды энтузиастов.

Нечерноземную деревню, где пока еще в достатке лесов, хочу видеть деревянной. Дерево — здоровее и красивее камня, для него не надо заводить специальное производство, оно само вырастет, если его не губить хищнически. Нельзя подчистую истреблять леса возле деревень, если бы это даже и выгодно было для животноводства-полеводства. Лес — неисчислимое богатство, мы вполне его оценим, видимо, только тогда, когда останемся без леса. Не случайно ведь строилось большинство деревень по старинному способу: на взгорке около воды, которую конечно же следует тщательно оберегать от загрязнения чем бы то ни было. Выпасы скота непременно вынести за пределы населенных пунктов, пусть под окнами зеленеет и пестреет цветами сенокосный луг, а не сплошь усаженный коровьими лепешками «культурный выпас». Водопой для скота выгородить, а не занимать ими всю реку. Не строить животноводческие фермы и гаражи вблизи от жилья. Пусть одну, но хорошую дорогу для транспорта провести за деревней, а не по ее центральной улице, категорически запретить водителям самовольно прокладывать дороги по незащищенной почве луга и поля. И конечно, негоже забывать одну из самых священных заповедей — беречь землю: не заваливать ее плодородные участки металлоломом, не рыть беспорядочно канав и траншей, учесть все бесхозные участки и разумно их употребить, чтобы ни один гектар не выглядел сиротой. Непременно иметь гужевой транспорт, чтобы не гонять тяжелую технику за десятком жердей для личного, скажем, огорода. Иметь отдельную санную (тележную) дорогу, неприкосновенную для техники.

Дом должен строиться по проекту его будущего хозяина. Надо предоставлять ему стройматериалы и, по необходимости, рабочие руки, но удобство и красоту хозяин должен изобретать сам. Русскую печь в условиях Севера считаю необходимой. Погреб, колодец, скотную стаю с по-

ветью, личный огород — без всего этого тоже не мыслю себе деревню. Свой овощ всегда вкуснее купленного, свое молоко — приятнее почерпнутого из общей фляги, и тот, кто в силах, безусловно, будет стремиться к более вкусному и питательному, то есть иметь свое. Правда, личное хозяйство привязывает к дому, но если бы крестьянская семья стала помногочисленнее, проблема незаменимости около скотины единственной хозяйки отпала бы сама собой. В своем хозяйстве ничто не пропадает зря, все находит разумное применение, и дети рано включаются в процесс труда — понятного, здорового, необременительного, закономерного, от которого они естественно переходят к труду общезначимому. *Влюбленные в свое дело, в свою землю, в своих людей, селяне не захотят менять свое место, какие бы блага ни обещались им «на чужой стороне».*

А. П. ПЕТРОВ,

секретарь Чувашского обкома КПСС

ЛЮБИТЬ ЗЕМЛЮ, ПОМОГАТЬ ЗЕМЛЕ

Когда летншь на самолете над пашей республикой, то нельзя не заметить, что северные ее земли, прилегающие к Волге, буквально иссечены многочисленными речками, оврагами, балками. Особенно отчетливо это бросается в глаза в погожие апрельские дни, когда солнце уже обнажило поля и взгорки, а в низинах и в распадках еще держится рыхловатый заледеневший снег. Даже в названии этой внушительной по территории части Чувашии слышится нечто угрожающее — Овражное плато. Поля здесь изрезанные, расположены на склонах разной крутизны. Каждый ливень, каждый паводок уносит в глубины оврагов и балок тысячи и тысячи тонн гумуса, верхнего, наиболее плодородного слоя почвы.

Более половины территории нашей республики — около миллиона гектаров — составляют сельскохозяйственные угодья, из них 800 тысяч гектаров приходится на пашню. Резервы для расширения сельскохозяйственных угодий, можно сказать, исчерпаны. В дальнейшем рост урожаев все больше и больше будет зависеть от того, в какой мере нам удастся поднять плодородие каждого гектара.

Из-за смыва почв урожаи зерновых культур с отдельных участков снижаются на значительную величину — от двадцати до сорока процентов. Это значит, что: по сути, уносится в никуда большая доля человеческого труда. А ведь смыву подвергается более трех четвертей пахотных земель — около 630 тысяч гектаров. Теряется воистину огромное богатство. Ежегодные потери в среднем составляют

примерно 50 миллионов рублей. Мириться с ними, конечно, недопустимо.

Начиная с середины шестидесятых годов в республике ведется борьба с эрозией почв все нарастающими темпами. Широко осуществляются агротехнические, лесомелиоративные мероприятия, строятся гидротехнические сооружения. Такой комплексный подход принес уже осязаемые результаты: расширились посевные площади, повысилось плодородие, а стало быть, и урожай, ослабилось заиление малых рек и главной водной артерии европейской части страны — Волги.

Для изучения и отработки в производственных условиях более эффективных методов борьбы с водной эрозией в республике в каждом районе организованы опорно-показательные хозяйства. Особенно больших успехов в этом плане достигли колхоз «Ленинская искра» Ядринского, колхоз имени космонавта Андрияна Николаева Маринско-Посадского, колхоз имени Ленина Яльчикского районов. Созданы объединения для мелиоративных систем, которые выполняют работы на сотни тысяч рублей. Строятся водохранилища в верховьях оврагов, плотины, противоэрозийные валы и другие сооружения.

В целях предотвращения губительных для земли процессов и обеспечения полноводности малых рек еще в 1973 году была разработана генеральная схема — развернутая программа действий вплоть до 1990 года. В том же году была проведена паспортизация малых рек. Для того чтобы представить объем этой работы, приведу только две цифры. На территории Чувашии протекает 2356 малых рек общей протяженностью 8650 километров. Каждую из них надо было пройти от истока до устья, зафиксировать на карте все изгибы, все заводи, все плотины, мосты и другие сооружения, измерить на всем протяжении ширину и глубину, описать характер берегов.

Важным звеном в борьбе с эрозией являются почвозащитные севообороты. Их внедрили на своих полях в большинстве хозяйств. Много сделано по защитному лесоразведению. За последнее пятилетие высажено более двух тысяч гектаров леса, 12 миллионов черенков кустарниковой ивы, такое же количество различных декоративных деревьев и кустов. Все больше и больше высаживается вдоль рек и оврагов ветлы. К слову сказать, любят это дерево у нас. Как представитель флоры, оно особую ценность не представляет. Но зато присмотритесь, как мощно вырастает ветла

своими корнями в землю, значит, крепко удерживает пласт земли от оползней. А из ценных пород в большом почете у нас дуб. Сейчас дубовые леса занимают в республике 125 тысяч гектаров. Площади новых посадок заметно превосходят площади вырубок.

В Чувашии накоплен ценный опыт по восстановлению лесов. Умножается число питомников и семенных плантаций. Чтобы обеспечить потребность в элитных семенах, взяты под особое наблюдение лучшие, так называемые плюсовые деревья. К сожалению, их осталось ничтожно мало, в буквальном смысле слова, их можно перечесть по пальцам.

Среди тех, кто добился наибольших успехов в борьбе с водной эрозией, можно по праву назвать колхоз «Ленинская искра», который долгие годы возглавляет Аркадий Павлович Айдак. Сотни гектаров отвоевали здесь колхозники у оврагов. Их вершины, днища и промоины укреплены плетневыми и фашинными запрудами. Гибнувшие земли превратились в цветущие луга, где растут ценные травы — тимофеевка, клевер и люцерна. Каждый гектар дает по семьдесят центнеров кормовых единиц. Это помогло укрепить кормовую базу колхоза. Уже несколько лет действует механизированный противоэрозионный цех, располагающий всеми необходимыми машинами. Их парк систематически пополняется и обновляется. Развернулось строительство плотин. Создан каскад из пятидесяти прудов, вокруг которых, так же как и на склонах оставшихся оврагов, в изобилии высажены леса, объявленные ныне заповедными. Работа по облесению пустошей не прекращается. Каждый колхозник «Ленинской искры» считает своим долгом посадить и выхаживать по сто корней дуба, сосны, ели, клена.

Успехи «Ленинской искры» — образец рачительного, подлинно государственного подхода к использованию земель. В республике немало и других колхозов, которые ежегодно вовлекают в сельскохозяйственный оборот или обогащают лесами и кустарниками сотни и сотни гектаров на бесплодных, бросовых склонах оврагов и балок. Таков и соседний с «Ленинской искрой» колхоз «Заветы Ильича», которым руководит Вячеслав Александрович Александров. И все же, как ни приятны достижения в борьбе с эрозией почв, у нас нет основания быть удовлетворенными тем, что сделано.

Тревожит нас то, что на территории примерно трети всех колхозов и совхозов республики площадь оврагов про-

должна увеличиваться, поглощая пашню. Это означает то, что отвоеванное для земледелия в одном месте утрачивается в другом, небрежное, халатное отношение к делу одних людей перечеркивает напряженные усилия других. Некоторые колхозы сократили строительство водозадерживающих и водоотводящих земляных валов, быстротоков, фашинных и плетневых запруд. Большую помощь в этом деле призваны оказывать предприятия объединения «Чуваشمелиорация», однако некоторые из них из года в год задерживают строительство противозерозийных гидротехнических сооружений, сдают их в эксплуатацию с серьезными недоделками. Оставляет желать лучшего и обслуживание этих сооружений.

На ближайшее пятилетие труженики села поставили перед собой твердую задачу: отвоевать у оврагов, по крайней мере, еще треть их площади и превратить ее в высокопродуктивные угодья. В хозяйствах республики разрабатываются специальные противозерозийные севообороты и составляются планы проведения почвозащитных мер.

План, намеченный обкомом КПСС и Советом Министров республики, должен стать и, несомненно, станет настоящей боевой программой.

Леонид ИВАНОВ
СЕКРЕТ УСПЕХА

Не одно десятилетие наблюдаю я за жизнью нескольких колхозов и совхозов как в Сибири, так и в Нечерноземье. Среди них есть хозяйства с прочно устоявшейся славой передовиков. Как правило, директор совхоза или председатель колхоза работают там по многу лет, бессменно. По моим наблюдениям,— говорю без всякого преувеличения — в наше время решающая роль в жизнедеятельности села принадлежит руководителю.

Конкретный пример. Колхоз «Молдино» (Калининская область) более пятидесяти лет возглавляет Евгений Александрович Петров. Все эти годы молдинцы ходят в числе передовых в Удомельском районе, да и в области. В соседних же колхозах руководители менялись по многу раз — обстоятельство, плачевно сказавшееся на экономическом развитии хозяйств, которые в конце концов начали присоединяться к «Молдину». И все восемь бывших колхозов уже в качестве бригад быстро выправлялись, а укрупненное «Молдино» и до сих пор остается лучшим в районе.

Такая же картина наблюдается и в колхозе «Расцвет» того же района, где председателем Александр Ильич Иванов, из местных жителей, сорок лет стоящий во главе артели.

А вот другой пример: колхоз имени Дзержинского — крупное по местным масштабам хозяйство, однако из-за частой смены руководителей оно к 1976 году было доведено, как говорится, до ручки. Но направили туда опытного пред-

седателя из другой артели — Алексея Егоровича Соловьева, и дела заметно изменились к лучшему.

Подобных примеров множество.

Невольно вспоминается очерк, опубликованный в журнале «Наш современник» в 1979 году. Писал я о директоре «Сосновского» совхоза Омской области Григории Яковлевиче Вириче, высказывал тревогу: «Не могу представить себе это хозяйство без Вирича — не вижу достойной ему замены». Вирич в свои шестьдесят лет ушел на пенсию, не желая, как он сам говорил, мешать росту молодых кадров.

Долго подыскивали директора на освободившееся место и нашли наконец опытного — так, во всяком случае, думалось поначалу — руководителя. Однако «Сосновский» ему оказался не по плечу. За три года хозяйство буквально на глазах сдало свои позиции. Снизилась урожайность полей, продуктивность коров упала чуть ли не на тысячу килограммов. И нет уже былой славы у сосновцев... Недавно директора сменили.

Поэтому в первую очередь необходимо вдумчиво подходить к подбору руководителей колхозов и совхозов. И конечно, внимательно присматриваться к работе каждого из них, чтобы вовремя помочь, поддержать. Но только не опекать! Приметил я, что чаще всего дельные руководители вырастают в условиях, когда им предоставляется самостоятельность. Между прочим, в условиях самостоятельности быстро выявляются и безвольные, слабые руководители, которые не имеют своего мнения по вопросам ведения хозяйства, слепо выполняют любые указания, от кого бы они ни исходили.

Дельный руководитель никогда не хватается за поспешное внедрение «модных новинок», ибо знает, что сельскохозяйственное производство — самое сложное производство, и тут новенькими заплаточками — в виде удавшихся где-то экспериментов — дела не наладишь: ни в подъеме урожайности полей, ни в повышении продуктивности животноводства.

Тут мы и подходим к ответу на вопрос: «Почему достижения передовиков продолжают оставаться мечтой для большинства остальных?»

Мне думается, потому, что очень часто неумело внедряется опыт передовых хозяйств: многим руководителям (и районным, и областным) кажется, будто перенять лучшее легко и просто. При этом всем хочется немедленной отдачи. Но в сельском хозяйстве так не бывает. Высокие

достижения, успехи складываются годами, благодаря постепенному внедрению и тщательной отработке наиболее эффективных в данных условиях приемов возделывания земель, глубоко продуманной организации всего производства. Стремясь же распространить передовой опыт, мы часто видим лишь верхнюю часть этого своеобразного айсберга и ее-то и стремимся привнести в отстающие хозяйства. Результаты в этих случаях обычно плачевные.

Вот несколько примеров.

Молдинцы в свое время первыми в районе освоили правильные севообороты с парами и посевами клевера. Клевера отстояли даже в период повсеместного их искоренения. А по клеверам удается лен — когда-то самая доходная культура в Калининской области. Так вот, молдинцы всегда снимали высокие урожаи льна — и семян, и волокна. К ним многие приезжали за опытом. И что же они видели: семена у молдинцев те же, сроки посева также совпадают, убирают молдинцы лен, в отличие от соседей, все еще «допотопным» способом — противятся даже применению льнокомбайнов. Выходит, и учиться у них нечему. Ну, поля в колхозе почище да земля потемнее — ничего особенного...

Доводилось мне слышать и такие суждения: молдинцам, мол, с руки выращивать хорошие льны, они клеверного сена берут с гектара по сорок — пятьдесят центнеров — в два-три раза больше других. По такому клеверищу и лен, да и любая культура хорошо пойдут. Вроде бы молдинцы и виноваты...

А главный-то секрет не сразу бросается в глаза: молдинцы вывозят с ферм и вносят на поля весь навоз. Даже покупают его у колхозников, имеющих свой скот. По удобренному полю хорошо растут озимые, а вслед за ними и клевера, а там уж и лен.

Несколько лет назад в район завезли большое количество озимых семян сорта «мироновская-808». Тогда об этом сорте много говорили — очень уж он урожаен. Вот в районе и решили с помощью «мироновской» быстро поднять урожай. А урожай — не поднялись. Почему? Да потому, что и здесь увидели только верхушку айсберга — сорт урожайный.

Мне приходилось беседовать с покойным академиком П. П. Лукьяненко. Речь однажды зашла о его знаменитой пшенице «безостая-1». Кое-где я видел и неважные урожаи этого сорта. Академик разъяснил, что «безостая» проявляет себя в полную силу лишь на очень высоком агрофоне, на

каком она и создавалась. Если же эту пшеницу посеять в запущенном поле, то урожай может оказаться ниже обычных сортов.

Так получилось и с «мироновской-808». Молдинцы долго примерялись к этому сорту. Частью посеяли новую пшеницу по чистому, хорошо удобренному перегноем пару, а частью — по занятому, но тоже удобренному. И в чистом пару пшеница дала по пятьдесят два центнера с гектара! В занятом же — только по двадцать три. А у соседей, у которых не было ни чистых, ни занятых паров, «мироновская» и вовсе уродила плохо, не лучше, чем другие сорта.

Председатель колхоза «Расцвет» Иванов хорошо понял «секрет» молдинцев в земледелии, завел у себя такие же севообороты, стал вносить в почву больше органики. И навоз с ферм пошел на поля, и торф с болот тысячами тонн стали вывозить. Урожаи поползли в гору и уже сравнялись с молдинскими.

Сейчас стало модно проводить различные собрания и совещания для ознакомления с передовым опытом. Такие мероприятия практикуются и в Калининской области. Появилось нечто новое в полеводстве или на животноводческой ферме — везут в отличившийся совхоз или колхоз секретарей райкомов, председателей райисполкомов, начальников управлений. Конечно, о передовых методах хозяйствования руководителям районов надо знать, но главную-то роль должны все же играть специалисты колхозов и совхозов, то есть те, кто своими руками призван внедрять эти новинки.

Вот заговорили о сенаже. И в одно из хозяйств области съехались руководители всех районов. Им показали процесс закладки сенажа, рассказали, как получается ценный питательный корм.

И пошла команда по всем линиям: готовить сенаж!

Однако до исполнителей в моем родном совхозе «Прожектор» идея сенажа дошла уже несколько искаженной. Тут поняли все это так: если скошенную траву не успели засилосовать и она уже завяла, а погода не очень надежная, значит, закладывай ее в сенаж.

Результат грустный. Уже несколько лет большая часть сенажа гибнет. К сожалению, не только в этом совхозе, но и в области, да и не только в Калининской.

А ведь сенаж-то надо закладывать только в облицованные траншеи, хорошо укрывать пленкой, да при этом соблюдать определенный тепловой режим. Об этом почему-то

забыли предупредить, хотя и знали, что в большинстве хозяйств нет нужного количества облицованных траншей, как правило, не хватает и пленки.

А сколько шума было вокруг молочных комплексов! Сотни людей созывали, чтобы удивить, как хорошо идут дела в новом показательном цехе. И действительно — хорошо! Это было видно, так сказать, и невооруженным глазом. И все захотели иметь комплексы на двести или на четыреста коров. Нашлись и деньги. А результат? Во всех комплексах, построенных, например, в Удомельском районе, в первый же год их эксплуатации надой от коров снизились на четыреста — семьсот килограммов. Во всех, без исключения! А почему?

Да потому, что само помещение для коров должно быть как бы завершающей частью всего комплекса по переводу животноводства на промышленную технологию. Построить корпус проще всего: деньги государство даст, строителей пришлют. Но кто позаботится о создании культурных пастбищ, вообще об увеличении заготовки кормов, ведь во всем комплексе как раз самое главное — то корма!

Любопытно отметить, что в Удомельском районе, именно в передовом колхозе «Молдино» нет пока ни одного молочного комплекса. В отстающих же хозяйствах они возведены. Правда, теперь и молдинцы начали строить комплекс, но лишь после того, как привели в порядок сотни гектаров лугов и пастбищ.

Да, только разумное внедрение опыта передовых хозяйств может положительно сказаться на повышении общей культуры земледелия и животноводства. Отдельными заплатками, как бы ярко они ни блестели, сельских проблем не решить.

Владимир СИТНИКОВ

КАКОВ ЗАПРОС?

Нередко приходится слышать сетования на то, что нынешняя очеркистика безлюдна.

— Где Борзов, где Хорь и Калиныч? — спрашивает дошный читатель.— Отчего очеркистика не ставит цель создать характер, социальный тип, а целиком и полностью захвачена раскрытием экономических, социальных и нравственных проблем?

Мне кажется, происходит это во многом потому, что проблемы настолько сложны и значимы, а нетерпение быстрее вскрыть их и помочь этим самым нашей деревне, а заодно и городу так захватывает писателя, что недосуг ему порой взглянуть в лицо своего героя.

Да и житель нашего Нечерноземья, особенно молодой, стал фигурой настолько новой, необычной, сложной, что с ходу к ней не подступишься, за один присест не поймешь.

Один мой знакомый бригадир еще недавно любил повторять, что его опора — второгодники. Эти люди надежные, из деревни не уедут, в работе не подведут. А наберутся с возрастом ума, будут работать не хуже золотых медалистов. И это подтверждала всезнающая статистика. С незаконченным средним образованием да и с начальным образованием людей в деревне осталось подавляющее большинство.

Но это дело прошлое. Школа наша давно работает без второгодников. И вот человек с солидным образованием, много знающий, немало повидавший, на мой взгляд, утра-

тил кое в чем те привязанности, какие были у его родителей, старших сестер и братьев, крестьян пятидесятых годов. И ценности кое-какие для себя этот человек переоценил.

Известно, с какой трепетной любовью относился крестьянин к земле. Называл ее кормилицей. Незыблемые законы сельской жизни выработались под влиянием кругооборота весенних, летних, осенних и зимних работ. Этому кругообороту подчинялись праздники и будни. Только от покрова до пасхи могли зимогорить мужики. После окончания всех работ игрались в деревне свадьбы.

Я был безмерно удивлен, когда прошлой весной парень из колхоза имени XVII партсъезда решил устроить свадьбу в разгар сева. Председатель колхоза Геннадий Анатольевич Крылатых долго говорил с парнем, жал на сознательность. Потом стыдил его, доказывал, что из-за этой свадьбы два, а то и три дня не будут работать механизаторы, а это сорвет работу. Ссылался председатель и на крестьянские традиции, говоря о том, что раньше свадеб до покрова не играли. Но парень был непробиваем. Может быть, влияла тут так называемая проблема невест. Боялся парень, что обидится его городская подруга, если отложит он срок свадьбы. Но то, что при сговоре сельские жители определили для свадьбы разгар сева — не случайность.

В общем и целом у молодого сельского жителя во многом иной взгляд на основу богатства — землю, которую его отец и дед лелеяли. Теперь без особых переживаний снимаются из родных деревень девчата и парни. В город дорога проторенная. А чтобы остался он в деревне, мало теперь ему работы на поле.

Кое-кто из литераторов уже заметил, что нынешний крестьянин, лишившись личной привязанности к земле, все больше становится сельскохозяйственным рабочим. Причем независимо — колхозник он или рабочий совхоза, так как тот и другой поставлены жизнью в одинаковые условия.

Один мой знакомый председатель колхоза довольно аргументированно доказывает, что квалификация сельского рабочего теперь порой выше, чем иного городского. Сельский молодой житель, как правило, механизатор широкого профиля: тракторист, умеющий водить такой сложный трактор, как К-700, комбайнер да еще, возможно, токарь, электросварщик. Такой нужен и городу и деревне.

Недаром ведь значительная часть подготовленных селом шоферов, механизаторов, не задерживаясь, уезжает в город. И тот по достоинству оценивает новые кадры.

Жизнь подсунула нам задачку. Радоваться тому, что крестьянин превращается в сельхозрабочего или горевать?

Иногда нас пугает то, что в связи с широкой механизацией сельского труда и быта исчезают из отношений человека с природой трогательно-доверительные отношения. Столько об этом было написано прекрасных страниц.

У нас в деревне жаворонков называли сейборонниками. Мужикам, идущим за плугом, казалось, что специально для них ныряет в воздухе и неугомонно напевает эта птичка:

— Сей-борони, сей-борони!

В кабине нынешнего мощного «Кировца» не слышно бодрящих, восторженных переливов ликующего в весеннем небе жаворонка.

А сколько радостей было у животновода.

— С декабря начинаются горячие денечки, — рассказывала мне знакомая доярка. — Какие бы заботы дома ни держали, с фермы не уйдешь. Появятся телята, сердце растает. В прошлом году Пеструха двух телочек принесла. Попонка-то на одного теленочка была заготовлена. Сняла я с головы платок да им и вытерла маленьких. Вырастила телочек-двойняшек, а сдавать стала, чуть не реву. Жалко. Обе — загляденье.

Все это было возможно, когда речь шла о доярке, обслуживавшей десять — семнадцать коров. А есть ли возможность лелеять корову-удойницу на крупной ферме, где каждая доярка обслуживает пятьдесят — семьдесят коров? Теперь уж ей недосуг узнавать повадки каждого животного, радоваться телочкам-двойняшкам.

На смену трогательной этой заботе о каждой корове приходит забота, так сказать, обезличенная. А из-за этого, наверное, теряет что-то труд животновода. Но он становится легче. А у молодежи запросы другие: я не доярка — я оператор машинного доения. Нужен белый халат, механизмы должны работать безотказно. Удовлетворение от труда уже иного свойства. Механизированный, высоко производительный труд — вот что надо молодым.

Я далек от мысли упрекать в чем-либо нынешнюю крестьянскую смену и доказывать, что они хуже своих отцов. Отнюдь нет. Они — дети своего времени. А у нынешнего

времени свои очень высокие требования к условиям труда и быта на селе. Видя несоответствие, молодые люди покидают деревню.

Нынешние молодые колхозники и рабочие совхозов занимаются в общем-то тем, чем всегда занимались хлебопашцы: обрабатывают почву, вносят удобрения, стремятся точно определить сроки сева.

Но присмотритесь внимательно: все они это делают с меньшей затратой физических сил, широко применяют достижения агрохимической науки. Нынешний крестьянин знает и умеет больше, чем его отец.

Я хорошо знаком с механизаторами совхоза «Кировец» братьями Петром и Леонидом Кожемякиными. Звено из тринадцати человек, которое возглавляет Петр, до недавнего времени справлялось больше чем с двумя тысячами гектаров земельных угодий. Теперь у них более четырех тысяч гектаров пашни. И они успевают вовремя посеять и убрать хлеб. В прошлые годы впятером намолачивали механизаторы из этого звена пятьдесят тысяч центнеров зерна. Этим хлебом можно в течение года кормить двадцатипяти тысячный город. Причем получают они теперь по двадцать пять — тридцать центнеров хлеба с гектара там, где еще недавно давала земля всего по пять-шесть центнеров.

Вот так заявляет о себе крестьянин новой формации, владеющий виртуозно техникой, знающий сельскохозяйственную науку. Но отношение к земле у него может быть немного иное. Теперь он думает и о конфигурации участка, чтоб можно было быстрее его вспахать или выжать, о подъездных путях к нему.

На мой взгляд, мы, писатели-очеркисты, растерялись при виде крестьянина, ставшего рабочим. Каков он по своим духовным запросам, чем он отличается от своих дедов? Нужны художественные открытия.

Видимо, из-за этой временной растерянности в очерках наших немало любопытных эпизодов, разговоров, но больше всего — цифр. И не из-за того лишь, что очерк, как правило, адресован не только обычному читателю, а и должностному лицу, министерству. Их же одними эмоциями без цифровых подпорок не выдержишь. А художественная проза? Ей цифры не нужны. Но она пока неуверенно берется за создание образа современного молодого крестьянина. Выплачивает прошлые долги, рассказывая о трудной деревенской жизни в послевоенные и военные годы. И тут нас, очерки-

стов, оправдывает то, что очерк — жанр оперативный. Он позволяет без замедления откликнуться на проблемы быстро текущей жизни, взволнованно выразить гражданскую позицию писателя. А хочется, в общем-то, большего.

Итак, в перечне запросов у нынешнего крестьянина, становящегося сельскохозяйственным рабочим, на первом месте условия труда. Если в колхозе царит неразбериха, если гибнет из-за этого урожай, он старается не задерживаться в таком хозяйстве. Человека с его профессией возьмут в другом месте. И в том числе — в городе. Молодому крестьянину необходимо душевное удовлетворение от своего труда. А работать он может и там, где родился, и в дальнем от родных мест совхозе. Главное, чтоб его устраивали условия труда, был порядок.

«Кроме душевного удовлетворения от своего труда нужна сельскому жителю престижность его жизни. Чтобы мог он сказать: весело, хорошо живу. Чтобы мог он на собственной машине, мотоцикле или велосипеде проехать везде и всюду» — так объяснил мне запросы молодого сельского жителя старый председатель колхоза, пристально следящий не только за социальными, но и психологическими переменами в сознании молодого нынешнего крестьянина. Иногда престижность жизни стоит на первом месте: чтоб дом был хорошим, школа рядом, магазин под боком.

Долгое время меня привлекала деревня с неожиданным названием Москва. Это уютное веселое селение находится на тракте Киров — Советск, в пяти километрах от райцентра — поселка Верхошижемье. Зимой прошлого года я побывал там. Что прежде всего бросилось в глаза? Нынешняя закономерность: коров в личных хозяйствах Москвы теперь столько же, сколько и легковых автомашин. У молодежи нет желания возиться с коровой, а вот машины она заводит, чтобы ездить в областной и районный центры за покупками, в гости, на отдых.

Решающим в приобретении автомашин, в том, что сохранилась деревня Москва, было даже не желание людей. а наличие дороги.

Неподалеку от Москвы были крупные, тоже зеленые и живописные деревни — Питер, Казань, Тюмень, Смоленец. Эти селения исчезли. Исчезли потому, что оказались в стороне от бойкого трактового пути.

По плохой дороге уезжают люди из села, а не возвраща-

ются в него, так как за одним этим понятием «плохая дорога» стоит множество житейских сложностей. Значит, и магазин тут работает неважно. По плохой дороге много товаров не завезешь. И больным людям трудновато — в больницу по ухабистому проселку ехать вдвойне тяжело.

Я всегда восхищался тем, что очень хорошие мои знакомые из совхоза «Кировец» братья Петр Николаевич и Леонид Николаевич Кожемякины, несмотря на плохую дорогу, долго держали позиции в своей родной деревне Ваганы, которая стоит на берегу светлой тихой речки Вон. Простор неоглядный: укосливые мягкие луга, синие леса. По утрам над рекой поземкой тянутся туманы. Вода что хрусталь. Видно, как сигают рыбешки. А рыжики! Какие здесь рыжики!

Пока дети были малы, можно было так жить. Но выросли ребятишки, и многое осложнилось в Ваганах. Ребятишкам нужна школа, надоело братьям Кожемякиным ездить за продуктами за десять километров. И вот покинули они свою такую хорошую родную деревню и переехали в центр совхоза — село Ильинское. Ваганы существуют теперь только на правах полевого стана того звена, которым руководит Герой Социалистического Труда Петр Николаевич Кожемякин. А была бы дорога до Ваганов, наверное, по-прежнему не покинули их братья Кожемякины.

Все чаще и сильнее звучат голоса о том, чтобы решение дорожной проблемы в областях Северного Нечерноземья было выдвинуто на первое место. Дороги, дороги... Из-за плохих дорог не только гибнет урожай, пропадает земля на дальних полях. Из-за них уезжают коренные жители с насиженных мест, исчезают деревни. Значит, истаяла у этих людей вера в возможность подъема экономики родного хозяйства.

У нас в зоне Нечерноземья на тысячу квадратных километров приходится всего 48 километров дорог с твердым покрытием. Это в шесть раз меньше, чем в Литве, в одиннадцать раз меньше, чем в Эстонии. (Ст. И. Сальникова «Вложения и отдача», «Правда» за 24 июля 1979 г.)

Кое-кто удивляется, отчего дорожная проблема выдвинулась на первое место? Неужели раньше этого не замечали? Надо признаться, что северные наши места никогда не стличались хорошими дорогами. А труднее стало в последнее время с дорогами оттого, что они находятся теперь в остром конфликте с мощным современным транспортом.

Если в тележный век проселки устраивали мужичка, едущего на лошади, то теперь не могут устоять под напором мощной техники исправно служившие гравийки, лежневки, торцовки.

Надо ли говорить о том, что из-за плохих дорог транспорт выходит из строя. Получается заколдованный круг. Транспорт губит дороги, а те, в свою очередь, мстят и выводят из строя транспорт.

По расчетам новосибирских экономистов, на ремонт тракторов и автомобилей, строительных и дорожных машин уходит втрое и впятеро больше времени, чем на их изготовление. Это не только цена качества автомобилей и тракторов, но и цена плохих наших дорог.

Дороги сравнивают с артериями в живом организме. Нарушилась их работа, начались перебои в деятельности жизненно важных органов.

Не без основания жители удаленных районов жалуются на бедность ассортимента товаров, на перебои то с теми, то с другими продуктами, которые отнюдь не считаются дефицитом. В дни бездорожья остается без молока даже областной центр.

Очень дорого обходится Нечерноземью бездорожье. И не только из-за того, что ломается и простаивает транспорт. Задумывались ли вы над тем, сколько во время буксовок, объездов напрасно сжигается горючего? На бездорожье только официально предусмотрено увеличение расхода горючего на 20 процентов. Это выражается круглой суммой. Кроме того, снижается производительность труда. К примеру, шоферы Верхошижемского района из-за несносных дорог делают только один рейс до Кирова, хотя могли бы делать два. Ведь туда и обратно всего 170 километров.

Если заняться подсчетом, сколько и какой продукции теряется и портится в хозяйствах во время ее перевозок по ухабистой, невозможной дороге, это выльется в солидную цифру. Глубоко прав автор афоризма, сказавший: дороги дороги, а бездорожье дороже. Бездорожье дорого со всех точек зрения. И с экономической, и с социальной, и с нравственной.

Мы любим военную терминологию применять по отношению к самой мирной работе землепашца. Сев — бой, подъем экономики — наступление. И если уж дальше развивать эти сравнения, нельзя не сказать о тылах наступления, о коммуникациях, о дорогах. И тут мы должны при-

знать, что коммуникация для областей Нечерноземья — ахиллесова пята.

Надо ли говорить, что дороги и дорожное строительство в областях Нечерноземья требуют особой заботы.

Среднегодовой прирост дорог с твердым покрытием невелик. Еще долго ждать, когда все районные центры соединятся с дорогами с круглогодичной проходимостью. А на плохих дорогах жгут шоферы горячее не по нормам, не хватает здесь запасных частей для автомобилей. Это те самые пути, на которых, по выражению моего знакомого районщика, «шоферы слезы льют».

Объективности ради надо посочувствовать и дорожникам. У них тоже нелегкая жизнь.

— Хоть бы гора каменная откуда-нибудь к нам упала, — сказал мне один из них.

Дело в том, что вовсе нет в нашей области щебня и других твердых каменных пород, нужных для строительства дорог. И приходится везти камень за многие тысячи километров с Урала, из Ростовской области. Слышал я, что Горьковский филиал научно-исследовательского дорожного института разработал проект завода для получения искусственного щебня — керамдора — из обожженной глины. Для районов, бедных горными породами, это подспорье, но, увы, пока мои земляки-дорожники керамдора не видали. Поставки же щебня идут с задержками. Особенно мало его было в 1979 году.

Дороги дороги. А в северных областях, где нет стройматериалов, — дороже того. Я не буду вдаваться в финансовую сторону и удивлять читателя тем, что средняя стоимость строительства одного километра дороги с асфальтовым покрытием доходит до ста тысяч рублей. А если взять строительство дороги не пятой или четвертой, а повышенной, третьей или даже второй, технической категории, то сумма эта утроится и даже удесятится. Но бездорожье дороже. Даже такие затраты окупаются быстро.

Дорожники считают, что не все у нас ладно и с кадрами специалистов. Ощущается их недостаток. В свое время в республике было четыре автодорожных института. Сейчас осталось два. Маловато и автодорожных техникумов, а нужда в специалистах постоянно растет. Уже сейчас в подобных специалистах нуждаются не только районы, но колхозы и совхозы, имеющие разветвленную дорожную сеть, занимающиеся строительством асфальтовых площадок на зерното-

ках, благоустройством территорий около ферм. Пока эту работу производят так называемые «дикие» бригады. Здесь один квадратный метр асфальтового полотна обходится порой еще дороже. Но и председатели колхозов и директора совхозов идут на это, потому что на неблагоустроенных токах втаптывают машины зерно в грязь, а около заросших навозом скотных дворов не один трактор подорвал силы и раньше времени износил мотор.

Как нужна дорога для сельского жителя, наверно, иллюстраций и доказательств достаточно. Добавлю: от дорог и путей сообщения зависит распределение населения. И в древности это было одним из условий заселения новых мест. К примеру, основной магистралью в давние уж сравнительно времена считалась река. По берегам реки строились села и деревни. Теперь реку, особенно небольшую, за магистраль не считают. Асфальтовая дорога, на худой конец гравийка, вот что влечет современного сельского жителя. Связь с центром района, области и даже со всей страной в любое время года. И среди коммуникаций стали решающими и главными дороги. Дороги влияют на решение проблемы трудовых ресурсов, нужду в которых так остро ощущает теперь Нечерноземье.

Было время: дискуссионным считался вопрос — селиться или не селиться нечерноземной деревне. Были очеркисты, которые утверждали, что необходимо оставить вятские, архангельские, вологодские селения в их первоизданном виде. Надо только провести дороги. Но стоимость хороших дорог тогда показалась настолько пугающе высокой, что поклонники сохранения починков и хуторов с помощью дорог примолкли. Сами жители мелких деревенок, не участвуя в обсуждении проблемы сселения, проголосовали по-своему. Они попросту снялись из родных мест и переехали в новые места: где есть не только работа, но и магазин, больница, школа и ясли для детишек.

Уезжали с камнем на сердце, уезжали со слезами, потому что уезжали из родимых гнездовий, уезжали из мест, порой более удобных, красивых, чем те, куда попали. Кое-где теперь мы ощущаем губительность стихийного поспешного сселения. Не имея возможности построить дороги или поспекуившись на их строительство, руководители этих совхозов и колхозов оказались без людей. Теперь потеряно средств гораздо больше, чем было бы затрачено на дороги. Создалось в некоторых местах такое противоречие: живописные, удаленные от административных и производствен-

ных центров, а главное, от хороших дорог, места считаются у совхозных и колхозных руководителей обузой, и они их годы сочили. Дело в том, что пока наших хозяйственников не занимает вопрос, как земную благодать, прекрасные места оставить доступными человеку.

И еще одна проблема. Когда люди далеко уезжают от пашен, дает себя знать проблема дальнего поля. На дальнем поле урожайность на сорок процентов ниже, чем на ближнем. Об этом знают и руководители хозяйств, и среднее командное звено, и каждый тракторист.

Кроме проблемы «дальнего поля» существует проблема дальнего покоса. Да-да. Раньше около деревень на кочкарнике и неудобницах всю траву вручную, на машинах, конных косилках брал крестьянин, а теперь до тех мест от поселка, где он живет, далеко и дороги нет. И случилось так, что, не имея дорог в луга, ложбины, к старым гнездовьям, перестали многие хозяйства убирать эти травы. Только по официальным данным, одна треть трав в Кировской области ежегодно уходит под снег. И среди этих трав много луговых, съедая которые дают коровы самое вкусное молоко.

Стали недоступными луга, и в то же время мы то и дело ездим за дорогой южной соломой, чтобы обеспечить на зиму скот грубыми кормами.

И еще. Из-за плохих дорог гибнет под колесами транспорта не только произведенная, но, так сказать, потенциальная, будущая продукция, потому что из-за бесчисленных объездов попадают под колеса машин сотни гектаров засеянных полей, лугов.

И еще урон, который рублями и тоннами не измеришь. По последствиям же своим он обходится еще дороже. Это моральный ущерб. Люди мечтают об урожае, прилагают много сил, чтобы подготовить семена, завезти удобрения, отремонтировать технику, посеять, а потом вырастить, убрать и сберечь то, что родила благодаря их стараниям земля. Если это удастся сделать — на душе радость, гордость. Ну, а когда великие труды из-за плохих дорог, из-за разбитых машин идут прахом, это вызывает горечь, подавляет человека. Он чувствует себя обманутым и оскорбленным. И пропадает моральное удовлетворение работой. Жаль, что мы редко обращаем внимание на это, считая плохую дорогу — объективной причиной, хотя это порой результат нашей беззаботности, непродуманности, недалекости.

Разговаривал я по поводу сельских дорог со многими. Руководитель известного в наших местах колхоза «Новый путь» Халтуринского района Григорий Иванович Фоминых научился ценить дороги, когда построенная асфальтовая магистраль вывела хозяйство ко всем областным и районным базам. Он заявляет, что хорошая дорога — это восемьдесят процентов успеха. Он помнит, как из-за плохих дорог удорожалась себестоимость молока, мяса, кормов. Все обходилось дороже, наверное, на те же восемьдесят процентов.

Я часто вспоминаю рассказ писателя-земляка Владимира Тендрякова «Ухабы», в котором можно узнать наши вятские места. Он — о дороге. Хорошая дорога — это забота о человеке, плохая — равнодушие к нему. И вот у дорожной проблемы появляется нравственный аспект. Именно в таком нравственном плане ставит вопрос о дорогах моя корреспондентка из Ростова-на-Дону Людмила Павловна Кравцова, которая часто бывает в селе Березове Юрьянского района нашей Кировской области.

«Почему руководство совхоза «Березовский» и района не подумают о тех людях, которые работают и живут здесь. Ведь такая дорога не только портит настроение и отнимает у людей здоровье. Когда едешь в сухую погоду, и то отбивает все внутри, а попробуй преодолей эти 15 километров в распутицу».

Права Людмила Павловна, ставя вопрос именно под таким углом. Состояние дорог говорит, на мой взгляд и об уровне руководства районом, потому что силы и техника есть теперь в каждом хозяйстве, в каждом районе.

Мне возражат, скажут, что слишком облегченно я принимаю решение дорожной проблемы.

«Мне кажется,— считает верхошижемец Иван Иванович Чертищев,— что если бы руководители района и совхозов придали дорожному строительству такое же внимание, как севу и уборке зерновых, то дороги были бы сносными круглый год. Это обстоятельство сыграло бы немаловажную роль в закреплении молодежи на селе».

По-моему, именно так, как ставить вопрос И. И. Чертищев и Л. П. Кравцова, и надо ставить его. Не только с экономической точки зрения, но и с социальной, и нравственной. Современный сельский житель не хочет месить пять километров грязи, чтобы попасть в магазин или больницу. Хорошая дорога — одно из условий престижности сельской жизни, закрепления на селе рабочей силы. Вот почему даль-

новидные руководители хозяйств и строительство дороги считают своей обязанностью.

— Как только узнали, что будет вблизи дорога, перестали проситься из отделения,— рассказывал мне директор совхоза «Костининский» Николай Павлович Кузнецов о жителях дальнего Чайкинского отделения совхоза.

Мне кажется, что дороги для многих сельских районов, отдельных хозяйств — это то основное звено, схватившись за которое можно решить наиболее важные экономические и социальные проблемы нечерноземного села.

Современное село — такой же сложный организм, как и город. Если в какой-то сфере его жизни (торговле, медицинском обслуживании, культуре) возникают просчеты, это сказывается на настроении людей, вызывает утечку рабочих рук.

Кто должен чутко следить за компасом этих интересов? Говорят, что в первую очередь это зависит от руководства: директора совхоза, председателя колхоза.

До сих пор руководители многих хозяйств, к примеру, не могут предложить девушкам ничего, кроме работы в животноводстве. А работа эта поначалу им кажется малопривлекательной. Вот в магазин, в столовую, в аптеку они бы пошли, а на ферму им не хочется. Вроде бы ясно: надо развивать сферу услуг, искать другие возможности для увеличения числа профессий. Без этого не обойтись. Руководитель, не думающий об удовлетворении запросов молодежи, невольно убаютывает постарение деревни. Надо быть дальновидным.

Та же девчонка, оставшаяся в деревне работать в столовой поваром, года через три, когда выйдет замуж, обзаведется детьми, сама попросится работать на ферму, потому что отношение к этой работе у нее изменится: зарплата там выше, уважения к ней больше. Если психологию возраста учтет проницательный сельский руководитель и откроет, к примеру, завод по консервированию и засолке овощей или швейную мастерскую, он не останется без доярок или телятниц.

Люблю я поговорить о насущных нуждах села с Героем Социалистического Труда председателем колхоза «Путь Ленина» Александром Дмитриевичем Червяковым. Этот человек умеет сталкивать цифры, сравнивать их и делать вроде бы вовсе неожиданные выводы, одним словом — предвидеть.

Отодвигая на край полированного стола счетную машинку, Червяков сказал мне однажды:

— Никак бухгалтерия моральную выгоду не признает. Вот бьют тревогу: восемнадцать тысяч убытка за год от коммунального хозяйства, от столовой, прачечной, бытовых служб. А мне этот убыток нравится. Мы ведь его предусматривали — все на людей и для людей пошло. Не убыток это вовсе, а прибыль — экономия сил, энергии.

Другая цифра — средний возраст жителей Юбилейного (все двадцать семь лет) — натолкнула Александра Дмитриевича на серьезные раздумья. В поселке квартиры со всеми удобствами. Дом культуры с бесплатными концертами, прачечная... А кто большей частью пользуется всем этим? Да тот, кто помоложе. А многие из тех, которые создавали колхоз, поднимали его, порой и голодали, работали через силу в военную и послевоенную пору, по-прежнему живут в глухих деревеньках. Чтобы хлеба купить, ходят за семь-восемь километров.

— Подумал о них, и нехорошо мне стало, будто я обманул людей, — рассказывает Червяков. — А ведь ветераны наши по-прежнему народ надежный. Вот Евдокия Вавиловна Холманских. Ей семьдесят лет, а у нее двести восемьдесят выходов на работу — побольше, чем у иного молодого. Вовсю еще трудятся наши старики да старушки.

И Александр Дмитриевич, поругивая себя за «черствость» и «нечуткость», подсчитал, что в колхозе триста пятьдесят пенсионеров. Правление решило семейным ветеранам предоставлять квартиры в первую очередь, а для одиноких построить интернат.

Теперь в двух связанных по торцу удобных домах живут в уютных комнатах без всякой квартплаты тридцать старушек и стариков. В основном старушек. Стариков мало — сказывается война. А вообще интернат не маленький, на 50 мест.

В один из своих приездов познакомился я с Любовью Алексеевной Колупаевой, которую Червяков в шутку называет колхозным министром коммунального хозяйства.

— В чем мои обязанности? — переспрашивает Любовь Алексеевна и загибает палец. — Поселок-то теперь большой, дома с паровым отоплением. Вот слесари-сантехники и водопроводчики в моем распоряжении. Ну, конечно, газовщики...

На руке Любви Алексеевны уже четыре загнутых пальца. Под ее началом, оказывается, и детский комбинат, и

прачечная, и гостиница. Гостиница колхозу нужна позарез. Живут в ней строители, приехавшие на работу специалисты, останавливаются журналисты, гости, завернувшие посмотреть центр колхоза поселок Юбилейный, да мало ли еще народу приезжает нынче сюда по делам.

Интернат для ветеранов колхоза тоже под началом Любови Алексеевны. Идем с ней к этому интернату — красиво-му двухэтажному дому с балконами, уютно прижавшемуся к самому ельнику. Около тротуара цветник. Старички не могут сидеть без дела. Колхозники жизнью в интернате довольны. Для каждого из них отдельная комната с балконом. В прихожей кухонька. В холле телевизор, кресла. Хочешь, смотри телепередачу, хочешь, книгу читай, вяжи кофту для городской внучки или вспоминай со сверстницами о житье-бытье.

— Всем мы выдаем бесплатно молоко, а кто получает невысокую пенсию, то и другие продукты,— рассказывает Любовь Алексеевна.— Это Александр Дмитриевич распорядился сделать, когда посмотрел список жильцов и сравнил их доходы.

В холле поднялся шумок, когда я спросил, чем недовольны старики и старушки. Наконец возвысила голос одна, что помоложе. Она с гордостью сказала:

— Уж чо правда, дак правда: хорошо теперь у нас. Помирать не хочется, а вот пожить хочется.

И все бывшие тут одобрительно закивали головами: помирать не хочется, когда хорошо-то.

— Да что вы, бабульки, живите на здоровье,— воскликнула Любовь Алексеевна.

Минувшей осенью удивил меня Червяков, сказав, что решил построить новое кладбище. На эту мысль навело его столкновение с механизаторами соседнего колхоза, которые сдвигали бульдозером навоз на старое сельское кладбище.

— Что вы делаете? — пытался пристыдить их Червяков.— Ведь на своих предков, на дедов и отцов все это сталкиваете.

— Нам сказано, мы делаем,— отпарировали бульдозеристы.

Вернулся Червяков домой, подумал: «А может, и у нас где-нибудь тоже выталкивают навоз на могилы? А как это отзывается в душе стариков!» Горько и неудобно стало Червякову. Поставил на правлении вопрос о строительстве кладбища. Место выбрали сухое, солнечное.

Это решение колхозного правления у стариков вызвало не уныние, а, наоборот, бодрость и удовлетворение.

Заглянул я в тот раз снова в интернат. В вестибюле старушка с очками на носу что-то истоиво пишет. Прикрыла ладошкой бумагу, когда я зашел, но успел прочитать имена: Петр, Григорей, Алексан.

— Ты уж не гляди на меня. Старая я. Для церкви о здравие пишу,— созналась она.

— А кого о здравие-то? — спросил я.

— Петр да Гриша-то сыновья, а уж Алексан-от — наш председатель — Александр Дмитриевич, дай бог ему здоровья. Не забыл он нас. Заглавными буквами бы везде написать: молодец наш председатель.

Наверное, не везде старушки включают в поминальнички своих председателей. А тут вписала старушка Червякова и считает — по справедливости.

А сколько еще у нас хозяйств, где руководство молодежь из деревенок сселяет, о стариках же думать не думает. И ходят ветераны по выюжной дороге за хлебом километров за семь и говорят своим детям: плохо у нас. А мнение родителей немаловажно. От него зависит, уедет девчушка после десятилетки в город, в соседнее процветающее хозяйство или надумает остаться дома.

У пожилых людей, имеющих прочное духовное родство с землей, все неотделимо от любви к дому, к милым с детства местам. Согревает, конечно, такое чувство и душу молодых людей. Вот это чувство можно укрепить, а можно и выветрить. В престижность жизни входит, на мой взгляд, и такое ощущение, как гордость своими родными местами, знание их прошлого. Но как мы еще равнодушны к прошлому своих деревенок и починков. Это особенно заметно в областях Северного Нечерноземья, где многочисленные хозяйственные проблемы редко кому из руководителей дают возможность подумать о прошлом и о будущем своих мест. А ведь прошлое и будущее связаны крепко-накрепко. Недаром стали такими популярными слова мудрого Абуталиба из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан»: «Если ты выстрелил в прошлое из пистолета, оно выстрелит в тебя из пушки». Причем выстрелит в будущее.

Нашему краю везло и везет на художников: братья Васнецовы, Иван Иванович Шишкин, Аркадий Александрович Рылов, Евгений Иванович Чарушин, Юрий Алексеевич Васнецов, Алексей Владимирович Исупов, Николай Николаевич Хохряков, фотограф-художник Сергей Александрович

Лобовиков. Они, находясь и вдали от дома, ощущали притяжение родины. Недаром по собственному почину в декабре 1910 года художники-земляки старшего поколения создали в Вятке художественный музей, который считается одним из самых интересных в республике.

У Аркадия Александровича Рылова есть широко известная картина «В голубом просторе». Летят красивые стальные птицы над студеным скалистым краем. Смотришь на это замечательное полотно, и вспоминается село Истобенск, известное своими лоцманами, ходившими по всем рекам Сибири. Отсюда родом художник. Там, на вятском весеннем половодье, вроде такие же ширь и высь. Уж не в детстве ли зародилась мечта об этой картине?!

Я не знаю, чем это объяснить: то ли обилием тихих мгlistых дней, то ли бездонностью снегов, располагающих к раздумьям, а может, просто случайностью, но биографии двух замечательных мечтателей — писателя Александра Грина и теоретика межпланетных путешествий Константина Эдуардовича Циолковского — связаны с нашими местами, с городом Вяткой.

Мы любим говорить о том, как природа родного края повлияла на формирование эстетических вкусов художника, поэта. Ну, а как она влияет на любого из нас, на сельского жителя? Да так же: и очищает душу, и формирует эстетические взгляды. Только об этой ее роли мы нечасто задумываемся. Иначе бы проявляли больше заботы о сохранении живописнейших наших сел, которые гибнут в запустении.

Давно беспокоит меня судьба знаменитого села Рябова, связанного с именами замечательных художников братьев Васнецовых. И хоть писали об этом немало, я позволю себе еще раз обратиться к разговору о васнецовских местах.

Еду той самой дорогой, которой не раз тряслись на лошадке, а то и ходили пешком братья Васнецовы. Хочется выйти из машины, постоять. Простор! Места такие, что невольно возникает чувство восторженного волнения. Словно вот-вот откроется невиданное, хоть бывал тут много раз.

Дорога делает последнюю петлю, и появляется Рябово. Оно все в зелени, словно выросло среди роши. Тут всего шесть-семь построек. Вот и два одноэтажных высоких дома — каменный и деревянный. Оба старые. Они немые свидетели детства и юности великих художников.

О рябовской жизни Виктор Михайлович писал: «Думаю, не ошибусь, когда скажу, что сказки стряпухи и повествования бродячих людей, много повидавших на своем веку, заставили меня на всю жизнь полюбить прошлое и настоящее моего народа. Во многом они определили мой путь, направление моей будущей деятельности».

Да, именно здесь были брошены зерна любви к сказке, которая столь щедро питала творчество «богатыря русской живописи».

Мезонин с широким окном, у которого делал наброски Виктор Михайлович. От дома пробита тропинка. По ней бегали братья на Карпову мельницу. Сохранилась знаменитая двустволая липа, посаженная, по преданию, художниками. Вятские дали, непритязательная тихая красота. Недаром тянутся в такие места люди. Но если после некраповской Карабихи, после чеховского Мелихова охватывает человека чувство гордости и уважения к великим соотечественникам, то после посещения Рябова пока примешивается к нему ощущение горечи и стыда.

Я с нетерпением жду то время, когда Рябово будет гостеприимно встречать и задушевно, поэтично рассказывать о славной странице прошлого, о замечательных братьях-художниках, чьи имена — гордость русской культуры.

Не одно Рябово знаменито на нашей вятской земле. С селом Рождественским Богородского района связано имя академика, выдающегося антрополога, археолога, географа и этнографа Д. Н. Анучина. В деревне Михино Немского района жил крестьянский поэт, автор слов популярных песен «Меж крутых бережков», «Потеряла я колечко» Матвей Ожегов. Близ города Уржума провел свои детские годы поэт Николай Заболоцкий. А сколько прославленных изобретателей и умельцев, советских полководцев, революционеров дали вятские деревни и села! Жаль, если с ликвидацией удаленных от дорог селений исчезнут последние немые свидетели жизни и творчества выдающихся земляков. Ведь почтительное отношение к ним, гордость за свои родные места воспитывают привязанность к ним.

Тот же Александр Дмитриевич Червяков, многое сделавший для расширения духовных интересов односельчан, с горечью сказал мне как-то:

— Вот захлеб говорим о высоких заработках в деревне. Все подсчитаем: сколько телевизоров куплено, сколько стиральных машин и мебельных гарнитуров появилось.

И меня радует процесс повышения материального благосостояния. Он стимулирует труд и повышает бытовую культуру. У нас есть личные автомашины, мотоциклы. Иные семьи имеют по два телевизора из-за неразворотливости телеателье. Один смотрят, другой — в ремонте. Но дело в том, что материальный стимул со временем уходит с первого места. Наступает насыщение. И вот не проглядеть бы нам очень важное: чтобы человек при внешнем благоденствии не остался духовно голодным. Ведь у некоторых людей круг интересов очень беден: работа да выпивка. Как их из этого круга вывести, если и в укрупненных современных поселках той пьянки не меньше, чем в мелких деревнях, а порой и больше. Мы заботимся, устраняем быт, высвобождаем время на отдых, а оно идет на пьянку.

Озадачил меня Александр Дмитриевич. Вроде бы ему ли беспокоиться? У него в колхозе хорошая дисциплина и отдых организован лучше, чем у соседей. Но он высказал опасение не столько за сегодняшний, сколько за завтрашний день. Пока боролись с экономическими трудностями, по горло было других забот, а теперь вот возникает эта новая: что противопоставить духовному голоданию?

Что делать, чтобы досуг сельского жителя был содержательным? И так ли уж надо отказываться от крестьянских традиций и обычаев? На мой взгляд, совершенно напрасно отказываемся мы от занятий, украшавших деревенский быт, крепивших связь крестьянина с живой природой.

Не без основания специализацию сельскохозяйственного производства называют магистральным путем. Избавившись от многоотраслевого производства, колхозы и даже целые районы определили для себя на долгое время основной профиль. Четкий этот профиль у многих уже потерял размычатость и принял строгие целеустремленные контуры. Это хорошо.

Но, думается мне, что, решая очень важные дела, специализируя сельское хозяйство, переводя его на промышленную основу, не удержались некоторые руководители районов и поспешили избавиться от исконно северных отраслей, которые были не только отраслями сельского хозяйства, но и доставляли крестьянину моральное удовлетворение, занимали его досуг. Я имею в виду такие отрасли, как пчеловодство, коневодство, прудовое хозяйство.

Разве можно примириться с тем, что в областях Нечерноземья лошадь держат теперь только из жалости? Не нашлось ей места в высокомеханизированный век. Извечный друг человека, его кормилец и надежный помощник, постоянный участник тяжелых трудов и веселых празднеств, состязаний в ловкости и силе конь стал не нужен. Раньше чувствовал себя сельский мальчишка без коня сиротой. А теперь, предложив ему моторы, мы решили, что это покроет сиротство. А по-моему, вовсе напрасно исчезает нужная в хозяйстве, необходимая для спорта и отдыха лошадь. А это происходит в деревнях Нечерноземья.

Несмотря на то что писатели-фантасты оптимистично считают лошадь транспортом будущего, боюсь, что буквально через считанные годы только в картинных галереях станет любоваться сельский подросток лошадьми. Не исключена возможность, что, когда мы соберемся сказать защитительное слово о лошади, она как редкий вид животного попадет в Красную книгу. А как же птицы-тройки? Как же лихие скачки и взятие снежного городка? А разве не помогли бы эти прекрасные животные украсить с детских лет досуг человека? Но, увы, редко где заботятся о лошадке и находят ей применение.

Пчела всегда была символом трудолюбия, но как мало мы стали знать о ней.

Расширился кругозор нынешнего жителя деревни. Он любит технику, знаком с химией. Да что говорить, школа, телевидение, наука расширили кругозор и стерли грань в знаниях сельских и городских детей. Но странным образом программы сельхозвузов и школ обошли своим вниманием пчелу-труженицу, которой еще недавно отдавали свой досуг многие сельские жители. У нас в области сократилось пчеловодство в колхозах и совхозах по сравнению с 1940 годом втрое. Не надо отвечать за план по меду, и отрасль влачит жалкое существование. А ведь из представителей профессий, стремящихся опозитизировать свой труд, самые одержимые все-таки пчеловоды. Каждый из них хранит в памяти добрый десяток преданий и таинственных историй о чудодейственных свойствах меда, прополиса и даже пчелиных укусов. Разве не могло бы любительское пчеловодство занимать куда больше досуг сельского жителя, чем сейчас. Раньше-то в каждой из многочисленных деревенок были пчеловоды.

И еще раз обратитесь воспоминаниями в свое детство.

Где чаще всего пропадали вы летними днями? На пруду. Завидовали жители безводных деревень тем селениям, что стояли у реки. Тут и купание, и рыбалка, и прекрасные сельские пейзажи.

Деревенские уютные пруды. Сравнительно недавно для каждой деревни они были самым любимым местом. А сколько встреч с приезжим народом у мельницы. Новостей полные возы.

После войны на реках, кроме мельниц, методом народной стройки начали колхозы сооружать электростанции. Это была целая эпопея в жизни деревни.

Двигается время. В конце пятидесятых, в шестидесятые годы государство в короткий срок осуществило на селе сплошную электрификацию. Столбы линий электропередач шагнули, казалось, в такую глухомань, куда и доехать невозможно. В деревенском быту, сельскохозяйственном производстве теперь электроэнергия — привычное дело. Найдность в прудах вроде бы исчезла. Многие руководители хозяйств, чтобы избавить себя от лишних хлопот и забот, пошли подчистую рушить запруды, а заодно и водяные мельницы. «Вот мельница, она уж развалилась...» В Кировской области, к примеру, нет теперь ни одной водяной мельницы. Даже на поглядку не осталось.

Я не буду говорить о том, что из-за спуска водоемов произошли нежелательные явления: опустился уровень грунтовых вод, оскудели луга, поубавилось рыбы.

Хочу сказать, что кое-где обеднел из-за уничтожения прудов досуг сельского жителя. Об этом мы задумываемся редко. А ведь в цепи причин, отчего порой некуда деть себя нынешнему крестьянину, надо, наверное, назвать и вот эту. Правда, техника приблизила его к рекам и прудам. Но одно, когда он имеет возможность выехать два-три раза в год на реку, и вовсе другое дело, когда он каждый день ходит мимо своего деревенского пруда, любит пейзажами, когда его сынишка имеет возможность провести день у воды.

Много раздумий вызывает образ жизни современного крестьянина. Тяга к городскому сервису и распорядку жизни внесла немало хорошего, но чем-то пришлось поступиться. А от хорошего вряд ли надо отказываться. Хочется, чтобы наступило гармоническое равновесие.

Сотовый мед, рыбалка на пруду. Эх, да ведь классики-то русской литературы ездили на лошадях. И Льва Николае-

вича Толстого без лошади никак не представишь, и стихи Александра Сергеевича Пушкина. «Друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня...» А все наше вятское, костромское, вологодское крестьянство, которое с конем и благодаря ему осваивало новые поля... Должен унаследовать современный крестьянин ли, рабочий ли от прошлого хорошее, что грело душу и создавало неповторимую прелесть сельской жизни, делало ее полнокровной и разнообразной.

Михаил ВАГИН,
председатель колхоза
имени В. И. Ленина Горьковской области

НА ПОДЪЕМЕ

Когда я начал председательствовать, положение в хозяйстве было незавидное: много людей уходило в города. В первую очередь — молодежь. Было даже: иные родители буквально гнали своих детей с родных мест. О чем говорило это? О том, что жизнь на селе надо было резко менять, что традиционные формы сельского жителя-бытия безнадежно устарели. Менять жизнь... Решительно и быстро.

Вызывать к себе я никого не стал, а сам пошел по домам, убеждал, как мог, просил молодых остаться. Мало кого удалось уговорить. На прощанье задавал всем один и тот же вопрос: «А если в колхозе будут перемены к лучшему, вернетесь обратно? Мы народ не гордый — примем!» Одни отвечали: «вернемся», другие: «посмотрим». Было тогда над чем задуматься.

Прекрасно помню нелегкий 1970-й. Мы начали, как ни странно было для многих, со строительства дорог. Большие трудности, как и радостные победы, запоминаются на всю жизнь. Да, мы начали со строительства дорог — и не ошиблись: с гордостью скажу, теперь у нас нет заброшенных деревень. Большинство населенных пунктов сейчас соединены с центральной усадьбой асфальтированными дорогами. По ним пущено регулярное автобусное движение. Не менее важно, что ко всем хозяйственным постройкам имеются прекрасные асфальтированные подъезды...

Не забыть, как в тот памятный год запланировали нам строительство огромного молочного комплекса на 1600 коров. Начали мы советоваться на правлении, думать и при-

шли к выводу, что преждевременная эта затея. Кормовая база не подведена, нет людей, способных обслуживать комплекс, нет нужного поголовья и т. д. Нас, конечно, уговаривали, что в ходе строительства все образуется. Но мы сумели отстоять свое решение и попросили построить вместо комплекса сотню хороших квартир для колхозников. Дело закрутилось так, что дух захватывало! Кроме того, скупили и отремонтировали все пустующие дома. Что тут началось! Родители стали приходить — просить квартиры для уехавших детей, да и сами дети потянулись из городов с этой же просьбой. Условие со стороны правления было всего одно: немедленно приступить к работе... Огромных усилий стоило колхозу строительство без подрядчика, хозяйственным способом: молочного комплекса на четыреста коров, родильного отделения при нем, телятника на 325 телят, кормового двора, дорог, мостов и складов, нефтехранилищ и множества других очень важных и трудоемких хозяйственных построек. И все это без наемников-шабашников, все своими руками. Строительство дорог и жилья произвело настоящий переворот в настроении людей. Сейчас в застройке находится еще 115 квартир, со всеми удобствами.

В будущем строительство многоквартирных домов мы прекратим и перейдем, в соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, к строительству благоустроенных жилых домов с хозяйственными постройками. Пока дело с этими усадьбами (в каждую из них проектировщики вогнали почти шестьдесят тысяч рублей), даже если учесть, что пятьдесят процентов стоимости покрыто за счет колхоза, идет туго. Попробуйте-ка одолеть сто таких домиков. Сколько времени потребуется? Пожалуй, к 1990 году только и достроим их. Тут надо деревне серьезно помочь. И в Продовольственной программе правильно сказано: «Наращивать выпуск конструкций жилых домов усадебного типа, производство деревянных панельных домов и комплектов деталей для сельского строительства».

Недавно по телевидению передавали репортаж с Краснодарского домостроительного комбината: дома, которые здесь делают, вывозятся на место сборки целиком, в полном комплекте. Неплохо бы этот самый опыт внедрить у нас в Нечерноземье...

Затем жизнь выдвинула новые задачи. Стали появляться молодые семьи — сразу же потребовался детский комбинат. И мы его построили, целый дворец — опять же и быст-

ро, и добротню. На очереди новые школы... Пора наконец всем нам понять, что дорога, квартира, детский сад, школа — это единая, неразрывная цепь, которую надо «тащить» комплексно.

Теперь численность членов нашего колхоза растет год от года. Если на первое января 1978 года у нас было всего 756 человек, то на первое января 1982 года — 1016, а всего у нас проживает 2150 человек. Коллектив за последние годы заметно помолодел, средний возраст колхозников — тридцать один год. Только в прошлом году мы сыграли двадцать пять свадеб! В колхозе насчитывается почти тысяча детей! Вот оно, будущее колхоза!

Мы считаем, что главным богатством нашего хозяйства являются люди — преданные земле, нашему общему делу. Мы уверены, что земляки никогда и нигде не подведут. Колхозники в свою очередь теперь поверили в реальность даже самых больших планов и преобразований. Было время — сомневались, считали прожектерством то, что в настоящее время уже воплотилось в жизнь, стало повседневностью. А сейчас поверили. Наши планы «заглядывают» уже в конец столетия, о чем свидетельствует составленная самими колхозниками долговременная программа колхоза...

В июле нынешнего года коллектив обстоятельно, по-деловому обсудил важнейший документ — Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. Резолюция общего собрания была такова: горячо одобрить решения майского Пленума ЦК КПСС, предложения и выводы, изложенные в докладе Л. И. Брежнева, пересмотреть в сторону увеличения социалистические обязательства: получить зерновых — 36 центнеров с гектара, картофеля — 275 центнеров, льноволокна — 8, заготовить в достатке корма; надойти на корову не менее 4150 килограммов молока, добиться ежесуточного привеса молодняка крупного рогатого скота не менее 900 граммов на голову, свиней — 600, получить шерсти — по 4 и более килограммов от овцы.

На этом же собрании мы пересмотрели и строительную программу. Наметили вкладывать в нее не менее полутора миллионов рублей своих собственных средств. Не обошли стороной и мероприятия по социальному развитию колхоза. Одним словом, как колхозники, так и в целом колхоз приобрели как бы второе дыхание...

Колхоз наш расположен в Заволжье, в левобережье Волги, в тех самых местах, о которых замечательный русский писатель П. И. Мельников-Печерский рассказывал

в своей книге «В лесах»: «земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до масленой хватит, и то в урожайный год!» В те далекие времена нашего крестьянина кормила в основном земля, а промысел — знаменитая роспись по дереву «золотая хохлома». На нас, несмотря на то что здешняя земля ныне кормит моих земляков, лежит ответственность за дальнейшую судьбу этого уникального, всемирно известного промысла.

Когда мы по-настоящему организовали работу людей, занятых на промысле, то экономический эффект превзошел все ожидания и помог в немалой степени окрепнуть колхозу, так как люди, занятые на производстве, всегда огромный и надежный резерв в сельскохозяйственной отрасли. Когда, скажем, бывает «жарко» в поле, мы цехи наши закрываем и людей посылаем туда. И наоборот, когда ненастье, люди у нас без дела не сидят, а все идут под крышу цеха и помогают художникам. А чуть выглянуло солнышко, просохло, всех, навыгреб, направляем в поле. Надо брать в расчет, что если человек работает круглый год, а не сезонно, как, например, в растениеводческой отрасли, то он и зарабатывает круглый год хорошо, а это чрезвычайно важно.

Кроме того, подсобные промыслы изумительно, я бы сказал, решают проблему невест на селе. В художественные цехи девушек привлекает красота работы, творчество, если хотите. Мы «хохлому» сохранили в самом прекрасном первоизданном облике. К нам приходят все, кто только пожелал быть художником. И многие становятся настоящими, даже всемирно известными мастерами. Сейчас у нас работают 137 девушек-художниц, часть из них обучались в специальной школе, а часть непосредственно в цехе, где есть талантливые мастера-преподаватели А. В. Разборова и В. Я. Курнакова. После обучения наших молодых художниц направляем в молодежный цех. Изящество, красота, высокое качество изделия — для них это всегда радость. Они даже не верят порой, что сами сотворили такую красоту. Много, очень много способной молодежи в селе, а ведь это будущее «хохломы», будущее колхоза, будущее нашей по-настоящему высокой сельской культуры.

Я хотел бы высказать еще и свои личные соображения о роли председателя колхоза.

Колхоз начинается с порядка и дисциплины. Думаю, что укреплять производственную дисциплину надо именно

с председателя колхоза, с его жесткой требовательности к себе лично, а уж потом и к своим подчиненным. Научись сперва сам в любое время дня и ночи быть готовым к действию, а за людьми и дело никогда не станет. Они пойдут за тобой, все, что нужно, обязательно сделают. На мой взгляд, соединение справедливой требовательности и сердечной доброты должно быть в каждом хорошем председателе, так же как крепкая воля.

Любое настоящее большое дело любит людей настойчивых, одержимых, доводящих все планы и задумки до конца. Это и есть настоящая преданность делу. Любое слово председателя — это прежде всего дело. Пустая болтовня — банкротство любого руководителя. Уж если сказал и тем более пообещал, то обязательно выполни. Надо обязательно добиться, чтобы все колхозники доверяли своему председателю. Умение слушать, прислушиваться к советам, просьбам, умение председателя вдумываться в каждое предложение, советоваться с народом оказывает неоценимую помощь в принятии правильного решения.

Кстати, вся «продукция», которую выдает «на-гора» председатель, — это в основном множество всевозможных решений. Зачастую, особенно в сложнейших ситуациях, нелегко принять правильное решение. Но тут и должен проявлять председатель сметку и находчивость. Ведь если решение верно — от него всем польза, а если ошибочно, то наносится порой непоправимый ущерб всему колхозу. Как говорится, тут все твое, председатель, и хорошее, и плохое. Поэтому прежде чем принять решение, думай, думай, очень много и правильно думай.

Особая ответственность лежит на специалистах и руководителях. Наш колхоз ими не обделен. Они в достатке обладают всеми необходимыми деловыми качествами — инициативны, исполнительны, принципиальны. Большинству нет еще и тридцати. Благодаря нашим общим усилиям колхоз стал передовым в районе и области. Да и в масштабе страны нас упоминают; в течение семи лет подряд хозяйство награждалось переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, четыре раза заносилось на Всесоюзную доску Почета ВДНХ СССР. И сейчас мы на доске Почета.

Что сделано, то сделано. Даже пусть здорово сделано, но это уже пройденный этап, так сказать, день вчерашний.

Судя по документам майского Пленума ЦК КПСС, нам

предстоит большая, трудная и многосложная работа. Много ли времени до 1990 года, а сколько всего надо сделать за этот короткий промежуток времени! Поэтому надо спешить, но ни в коем случае не ошибаться. Тут не должно быть никакой раскочки, робости в действиях. Задачи по увеличению производства следует решать быстро, без малейшего промедления, нарастающими темпами, очень энергично и напористо. Новая программа настоятельно требует, чтобы каждый труженик видел, понимал свою личную ответственность за дело, за все, что вершится в его родном хозяйстве.

Пример нашего колхоза, его успехи — это коллективный массовый подвиг замечательных тружеников полей и ферм. Другой оценки людям нашего хозяйства я дать не могу. Грешно не преклоняться перед такими людьми. И я низко кланяюсь своим землякам за их дела. И призываю последовать их примеру всех, кому дорога своя земля, родина.

Юрий СБИТНЕВ

О ЗЕМЛЕ, НА КОТОРОЙ ЖИВУ

Вы любите землю?

Вот вопрос, на который почти немислимо получить отрицательный ответ.

Землю — Родину, землю отцов, землю, которая обогрена кровью предков, защищавших ее от супостатов-захватчиков, и просто Землю, на которой стоят наши жилища, по которой ступаем мы ежедневно, ежечасно, всегда, пока живы, пока есть она, наша планета — наша Земля — колыбель человечества.

Да, колыбель, в которой мы — многоумные, познавшие великую тайну чисел, расчетов, формул, преодолевшие ее притяжение, даже ступившие на лунный берег, остаемся все еще ее детьми, ее младенцами и в ее колыбели, которая на протяжении миллионов лет хранит нас от вечного холода, вечного палящего жара и вечной всепоглощающей жажды бесконечности...

Как не любить ее — Землю! И на вопрос: «Вы любите Землю?» — заданный мною в разных уголках планеты в разное время разным людям, я за всю жизнь не услышал отрицательного ответа.

Попросту я не встречал людей, которые не любили бы землю.

Но я вижу, и чем дольше живу, тем чаще, неизлечимые раны, нанесенные земле не кем-либо другим, но человеком, который только что признавался ей в любви.

Мелеют реки и редуют леса, исчезают птицы, пропадают травы, и пухнет, становится объемней охранный грамота природы — Красная книга...

Выходя за окраину наших современных городов, где все, в общем, очень привычно и удобно: открыл кран — вода, зашел в магазин — хлеб, тень деревьев в парках и на улицах, цветы на клумбах и газонах, и, хотя эта окраина зачастую изрыта и застраивается вопреки не раз уже принимаемым решением — оставлять вокруг крупных городов зеленые охранные зоны, — все-таки каждый горожанин, да и селянин тоже, ощущает вокруг и в себе какое-то странное изменение — ощущение встречи с природой во всей ее первозданной мощи, а значит, и с Землей. Той, на которой произрастает хлеб наш насущный, и даже не произрастает, а как говорили в старину, — земля рождает.

Вот об этой земле, на которой произрастает жито (смотрите, совсем вроде бы ушло из повседневности это слово, которое само, как земля, округлое и тяжелое живой тяжестью растущего плода), о той земле, которая рождает и которая нетронутостью своих лесов, родников и рек до сих пор оберегает наши труды и урожаи, об этой земле мои нынешние заметки.

Мне довелось видеть, как восходит, сначала медленно и неохотно отрываясь от земли, космическая ракета, как необыкновеннейший механизм глубоко под землей считывает точное время и в его электронном чреве четко и монотонно рождаются сигналы, как капельки падают в вечность секунды; я слышал на радиотелескопах шорохи далеких планет, видел рождение лазерного луча и первый, похожий на громадное ядро, космический корабль, в котором Юрий Гагарин преодолел земное притяжение; я видел и слышал многое из того, что всего лишь десятилетие назад считалось неборимой тайной, я гордился всем этим, я восхищался и понимал всю сложность добытого людьми, всю ценность открытого наукой, но ни разу не испытывал такого, что испытал совсем недавно в берендеевских лесах Костромщины.

И причиной тому было всего-навсего голубое крохотное, перепрыгнуть можно, озерко, на дне которого бились три живых, ритмично сокращающихся сердца. Нас было много умудренных опытом, уже немолодых людей, которые с одинаковым восторгом глядели на это чудо земли — родник.

Да, это было чудо, но такое хрупкое, такое трепетно-беспомощное, но великое, от которого становилось на душе высоко и чисто.

К нему — этому чуду — с асфальтовой дороги через ольховники и травы шла хорошо натеренная тропа. Люди хотели видеть это и с охотой шли к этому. И рядом с голубым окном земли оскорбительно и как-то нагло валялись консервные банки, бутылки, чернели проплешины на лугу — кострища. И если замирая сердцем, следя за ракетой, медленно восходящей в зенит, слушая удары капель-секунд или наблюдая эксперимент с лазером, я был уверен, что все тут благополучно, что люди не разрушат ни ракеты, ни часов, ни лазера и уж тем более тренажера, на котором готовился к полету в космос первый космонавт, то за чудо земли, за эти три трепетных сердца на дне голубого озера душа моя была не спокойна.

Оно было беззащитно — это чудо — перед едущим и идущим к нему человечеством, среди которого, по удивительной какой-то безответственности, может найтись один, который остановит эти бьющиеся уже долгие века три живых сердца. О них моя печаль и моя забота — ведь они так беззащитны.

В недалеком прошлом в безводном Восточном Крыму кто-то заботливо огородил родник, закрыл его известковую чашу тяжелой крышкой и написал: «Берегите родник — древний памятник природы».

А в лесах того же Восточного Крыма над крохотным живым комочком воды висело объявление: «Не засоряйте родник, берегите его! Это наше богатство. Очистил родник лесник...» Но подпись была неразборчива. Значит, засорили, не берегли и тот, закрытый крышкой, тоже засорили, тоже не берегли люди, которые наверняка на вопрос: «Вы любите Землю?» — ответили бы, не задумываясь, утвердительно.

В древнем подмосковном селе, теперь деревне, где я живу, тоже есть родник, и к нему ежедневно идут и идут люди из соседних домов отдыха, санаториев, приезжают из городов, часто возле него проводят свои выходные дни, а один товарищ серьезно убеждал меня, что вылечил родниковой водой застаревшую язву, и я ему верю.

А среди местных жителей бытует до сих пор такая вот легенда.

Обидел когда-то местный помещик деревенскую девушку и, прощаясь с ней навеки, надел на ее палец бриллиантовый перстенок. Но, гордая, она побежала на угор и кину-

ла с него в траву дорогой этот подарок. И куда упал перстенек, там и забил родник — да такой чистый, что не увидеть в нем брильянта.

Но вот порой в незамутненные воды этого источника летят битые бутылки, пробки, недоеденная закуска, консервные банки...

И нет объяснения таким вот «движениям души» — ведь землю-то любят все!

Мы привыкли говорить и писать, причем в превосходных степенях, о наших несомненных достижениях и успехах, но почти никогда не говорим о наших потерях и недостатках.

Мы как бы стесняемся их, но ведь это на руку людям недобросовестным, людям, из всего качающим только свои личные блага, живущим за чужой счет.

Так, порой мы покрываем пьяницу, и он безнаказанно глумится над нашей моралью, хапугу, и он тянет без опаски руку в государственный карман, бездельника, жулика, бюрократа...

И я глубоко убежден, что из них-то и складывается летучая шайка, то тут, то там наносящая неизлечимые раны нашей земле.

Совсем недавно, летом 1979 года, ушел из жизни человек неумеренной энергии, поборник рачительного и бережного отношения к земле, Герой Социалистического Труда, директор госплемзавода «Заря коммунизма» Антон Антонович Гуманюк.

А совсем недавно, в трудную прошлогоднюю уборочную страду, вернее, в самом ее начале он показывал мне поля созревшей мионовской пшеницы. С этих полей Антон Антонович мечтал получать ежегодно не менее пятидесяти пяти центнеров с гектара. Это на наших нечерноземных землях!

Шли дожди, ложились хлеба, но на тех полях пшеничка еще стояла. И радовала она сердце хлебороба.

И вдруг среди спелых уже колосьев, среди стойких стеблей увидели мы нечто, что привело Гуманюка буквально в бешенство. Одним своим краем нива примыкала к дачному поселку, и жители его, ничтоже сумняшеся, устроили в поле свалку. Старые дырявые ведра, гнилые тазы, поломанные раскладушки — все это было заброшено в хлеб, благо озимая пшеничка тут с самой весны была рослая.

Я на всю жизнь запомнил лицо Гуманюка в эту минуту.

Оно почернело, это большое могучее лицо, тяжелый пот выступил на лбу, потухли глаза, и он весь как-то сгорбился и постарел. Может, в ту самую минуту дремавшая в его могучем теле смертельная болезнь дала себе волю, воспользовавшись тем сиюминутным горем. А это было для Антона Антоновича истинным горем.

У кого и как поднялась рука на хлеб, на ниву, на землю, которую наверняка каждый из тех преступников, а люди, совершившие такое,— преступники, любит и даже облагораживает ее, разводя сады и цветы на своих личных участках?!

Они любят личную землю! А до нашей нет у них дела.

И каждую осень на поля совхозов «Новый быт», имени Чехова, расположенных среди грибных лесов Подмосковья, беззастенчиво «заезжают» колеса «Жигулей», «Волг», и «Москвичей». Владельцы их — страстные грибники — для окорота пути прокладывают иной раз целые дороги по уже засеянному озимому клину.

А тысячи пеших любителей грибной охоты? Они идут напролом там, где не пройдет машина, и, потерпев неудачу в лесу, заполняют корзины картофелем с совхозных и колхозных полей.

Каждую весну в мою деревню, как в далекое время детства, приходят хожалые люди.

И если в детстве хожалые предлагали сложить печь, застеклить окна, лудить и починять самовары, то нынешние здоровые молодые ребята предлагают моим односельчанам краску, гвозди, электропровод, фанеру и еще многое другое, что, несомненно, сгодится в хозяйстве. Каждую весну вокруг ремонтируют пионерские лагеря, и все предлагаемое — просто-напросто ворованное.

Казалось бы, такой эпизод не имеет никакого отношения к разговору о земле.

Но я убежден, и тому есть десятки примеров, что люди, беззастенчиво тащащие из государственного кармана, грабят землю с необыкновенной легкостью душевной, ибо у них нет совести.

Продолжая разговор о земле, я хочу процитировать слова, которые были использованы Сергеем Викуловым в его страстном, глубоко честном докладе, произнесенном на выездном секретариате писателей России в Костроме.

«С задачами, которые партия ставит перед идейно-воспитательной работой, несовместимы встречающиеся еще боязнь открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, тенденция сглаживать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни. Такой подход, склонность к парадности не помогают делу, а лишь затрудняют решение наших общих задач».

Мудрые, честные и весомые слова! Слова, призывающие думать, серьезно вглядываться в реальные трудовые будни, работать не за страх, не за тепленькое местечко, не за квартиру и прибывающие блага, а за совесть, за честь и правду.

Читая эти строки из постановления Центрального Комитета нашей партии «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», я вдруг вспомнил давнее, когда-то часто повторявшееся в нашей периодике: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Сначала гражданин, а потом писатель, поэт. Это было всегда! Пушкин, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов — это ли не классические примеры обостренного до предела чувства гражданина в нашей отечественной литературе!

Улица, на которой прошло мое детство, и соседняя с ней, в старой Лопасне, а ныне городе Чехове, не имели когда-то названий и именовались — Первый станционный поселок.

На нашей улице, в самой ее середине, жил скромный человек, бухгалтер по профессии, Юрий Гаврилович Тихонравов. Юрий Гаврилович первым из всего поселка, еще до войны, развел сад. Были у него необыкновенный крыжовник, смородина, яблони, груши... Сирень была удивительная, затенявшая террасу и пахнувшая на всю улицу.

С его легкой руки, с его сада и началось. Каждый из наших соседей уже после войны занялся садоводством. Помню, как многие гордились каким-либо сортом в своем саду и говорили: «У Юрия Гавриловича брал».

И когда наша деревня Лопасня стала вновь городом (история российская еще до татаро-монгольского нашествия помнила град Лопасню), то нашей улице заслуженно дали название Садовая, а соседней — Вишневая.

Мало кто помнит сейчас, что и сады и названия при-

шли, конечно, от стараний теперь уже никому не известного Юрия Гавриловича Тихонравова.

А на соседней Вишневой улице жил учитель биологии Сергей Филиппович Шаповалов.

Был он необычайно строг к нам, военной безотцовщине. И наказывал, работал он завучем, и порой из школы исключал кого-то. Но помню я его совсем не по строгости и суровости характера.

В голодном 1942 году, в самую трудную пору, Сергей Филиппович основал первую в наших местах станцию юннатов — юных натуралистов — и заложил первый в городе школьный сад.

Тогда же Сергей Филиппович раздал нам, станционной лихой пацанве, саженцы, с тем чтобы мы посадили их у своих домов.

Мне досталось пять саженцев груши бессемянки. Из пяти четыре принялись. И летом 1942 года я получил первые в своей жизни заработанные деньги — сто рублей премии. Как они были кстати, эти, очень малые тогда, деньги, нашим выбивавшимся из сил матерям. Думаю, что Сергей Филиппович тогда заботился более, чтобы выжили мы — ребята, чем те саженцы, за сохранность которых выдавал премию.

Груши эти, только теперь три, до сих пор растут и плодоносят в отцовском саду. Простая арифметика — каждой из них по тридцать семь лет.

Давно уже нет в живых ни Юрия Гавриловича, ни Сергея Филипповича, а сады их цветут и плодоносят. Но тут я покривлю душой, если скажу, что сделанное ими хранит и приумножает наш город.

Так оно и было, от садов на Вишневой и Садовой взяли начало очень много других садов города, и громадный коллективный сад завода Гидростальконструкция, и городской сад.

И цвести бы нашим Садовой и Вишневой, кстати, разросшимся сразу после войны, если бы с легкой руки, теперь уж и не известно кого, не решено было снести и дома и сады, а на их месте выстроить блочные многоэтажки, которые до сих пор уродуют, иного слова и не найдешь, лица наших современных городов.

Но ведь те, кто запланировал под снос цветущий садовый пригород, кто нынче уже вырубает их на Вишневой и Садовой, кто до сих пор навязывает нашим городам ар-

хитектурно бездарные строения, они ведь тоже на вопрос: «Любите вы Землю?» — ответят утвердительно.

Как тут быть? Как защитить ее — нашу колыбель от такой «любви»? Я все чаще и чаще задумываюсь над этим и прихожу к одному: тот, кто действительно и действительно любит землю, не должен прощать надругательства над ней, вызванного даже самыми благими намерениями — проложить дорогу, построить новый жилой массив и так далее. В каждом конкретном случае важно общественное мнение — мнение всех.

Я думаю, что решение о сносе Садовой и Вишневой улиц в городе Чехове преждевременно и необдуманно.

Сносить благоустроенные дома, когда до сих пор велик квартирный дефицит, уничтожать обработанную, плодоносящую, рожающую землю, покрывать ее асфальтом и на месте погубленных садов высаживать городские липы и тополя, когда в пределах города есть незастроенные пустыри, я думаю, что такое решение приносит не только большой моральный урон, но и урон хозяйственный — не по-хозяйски это. И уж, конечно, в таких действиях, как ни клянишься, нет любви к земле.

Как-то я присутствовал на совещании в Чеховском городском комитете партии. Тогда шел разговор о благоустройстве центральных совхозных и колхозных усадеб района. Первый секретарь городского комитета партии Анатолий Сергеевич Коротков, выступая, сказал такие слова: «Будущее товарищи, должно быть сегодня! Мы не вправе говорить все время: будет, будет... Мы должны говорить — есть!» Мне запомнились эти точные и верные слова еще и потому, что частенько свое невнимание к земле, свое жестокое к ней отношение мы скрываем под формулой: все это временное, случайное, а вот в будущем мы это исправим.

Так, заводскими стоками была уничтожена река Лопасня, в которой не только в изобилии водилась рыба, но селился удивительный и умный зверек — выдра. С тех пор прошло без малого сорок лет, пришло то самое будущее, о котором говорили тогда, давно уже построены очистные сооружения, а река все еще не оправилась от жестокого того насилия.

Но это, как говорится, глобальные уруны, о которых немало писали и говорили. У всех на памяти еще битва за Байкал.

А уруны, которые бессознательно ежечасно наносит человек земле? О них мы мало говорим и пишем. Вот один пример. Я думаю, что многие удивятся, если я скажу, что черемуха, всем известная черемуха,— стройное красивое дерево! «Глупости,— скажут многие,— это кустарник, да к тому же корявый и ветвистый, с безобразной кроной».

Но такую черемуху сделал человек. Мне доводилось встречать в северном или дальневосточном безлюдном таежье эти деревья, в обхват толщиной, стройными, с красивой кроной.

Там до нее не доходили руки любителей пенного цвета, ломающих этот цвет и уродующих землю. Деревья не рождаются калеками, калеками их делают люди.

Я часто думал, чем же все-таки так хороша, так красива среднерусская деревня.

И дома вроде бы не везде видные, да и не такие уж они друг от друга разнящиеся, а все-таки каждый по-своему хорош.

А вот в новых наших сельских усадьбах один к одному — без лица своего — стандарт так и прет, так и лезет в глаза.

И вдруг как-то открыл для себя — каждый дом в старой нашей деревне красит дерево. И когда еще не было и в помине садов, под окнами ли, у крыльца ли и куст калины стоял, и рябина росла, и березы красили фасад, а в поулочных ракетах по вечерам ворошились куры, устраиваясь на ночлег. Деревом красива наша деревня. И ведь сажали-то не ради выгоды, не ради какой-либо корысти — какая уж корысть с липы ли, с вяза ли, а для радости, для красоты. И я не раз переживал удивительное чувство великого покоя и беспокойной радости, когда, возвращаясь издалека, видел вершины поулочных тополей у родительского дома.

А вот на том же совещании в горькоме шел разговор, что жители новых сельских поселков не проявляют желаний и охоты украсить свое жилище. Ждут, когда приедет к ним трест по озеленению (это в сельской-то местности) и по науке подготовит землю и произведет необходимые посадки.

В колхозе «Ленинское знамя» единственная на весь район усадьба, выражаясь казенным языком, нового типа. Тут и от уродливых архитектурных штампов отказались, тут под старый липовый парк посадили новый, тут и дере-

во находит свое место у фасадов новых домов, и газоны тут, и детские площадки.

И я глубоко убежден, что новый вид сельской усадьбы в прямой зависимости от древней любви к земле.

Разговариваю с председателем колхоза Семеном Ивановичем Шевченко. Люблю я поговорить с ним, вечно занятым, куда-то спешащим, деятельным и непоседливым человеком. И вдруг в разговоре:

«Конечно, в нынешнем сельском хозяйстве специализация вещь нужная. Но как же можно сидеть на земле и заниматься только молоком, картофелем, зерновыми. А ведь кругом пруды, и в них может и даже должна быть рыба. А пчела? И ее надо иметь в хозяйстве. От земли надо брать полной мерой, по-хозяйски...»

Задумался и добавил: «И земле по-хозяйски надо давать. А точнее — любить ее надо. На ней стоим».

На ней стоим — мы, современники, за нее стояли наши пращуры, деды, отцы. И ее ли не любить, обогретенную кровью, политую потом, единственную землю-кормилицу.

Как вы ее любите, землю, люди?

С этим вопросом обратился я в передаче «Писатели у микрофона» к радиослушателям, поделившись своими мыслями о нашей земле.

Я искренне признаюсь, что не ожидал того, что последует за этим вопросом. А последовали сотни и сотни писем из всех уголков нашей Родины. И я, отложив работу, добрый месяц только и занимался тем, что читал эти письма.

И вот они прочитаны и разобраны. И мне вспомнился один разговор с прекрасным польским писателем Ярославом Ивашкевичем.

Этот старейшина польской литературы сказал мне:

— Вам, русским писателям, гораздо легче работать в литературе, чем нам.

— Почему? — удивился я.

— Как же, — ответил Ивашкевич. — У вашего народа есть традиция, какой нет у нас, — писать письма писателю. Отзываться о его работе. Я тоже иногда получаю письма — отзывы из России. Удивительно это!

Да, удивительное это качество народной души — быть за все в ответе, болеть за происходящее вокруг, стремиться поделиться своими наблюдениями, мыслями, переживаниями.

ниями, поддержать то, что близко, что дорого сердцу.

О чем же писали мне радиослушатели? Думаю, что уместно процитировать тут их письма.

Начну с письма радиослушателя Шутова из Пскова.

«В Пскове, на Завеличье, уже в 1975 году начато уничтожение коллективных садов. Будет произведена застройка на хорошо удобренных землях, созданных руками человека. Часть садов пока уцелела — не успели построить, но сады без присмотра и ухода гибнут, дичают. Псковский горсовет с осени 1979 года наметил уничтожение садов на 4-м километре по Рижскому шоссе.

Чем мотивируют такое решение? Тем, что дорога эта вошла в черту города...»

Сознаюсь, что письмо это несколько обескуражило меня. Как — коллективные сады, которые в пятидесятых — шестидесятых годах насаживали рабочие крупных промышленных предприятий, служащие, учителя, сады о которых столько написано в нашей печати? И вдруг под топор!

Я знаю десятки удивительных труженников — слесарей, токарей, инженеров, монтажников, которые в этих самых коллективных садах буквально сделали профессорами садоводства. Я знаю, сколько труда и любви вложили в эти коллективные сады.

Но письмо о гибели коллективного сада оказалось неодиноким.

Пенсионер, майор запаса, Фуручев пишет из города Полевского Свердловской области:

«Десять дней назад горисполком вынес решение о сносе 2 коллективных садов и лесопарка. Люди затратили столько сил, чтобы на уральской земле взрастить сады, — уничтожают двести участков, а на их месте планируют два девятиэтажных дома. От имени двухсот семей прошу, помогите, пока не поздно!!! Строить можно по направлению к станции Полевская, там бросовые земли...»

А вот уже письмо из Подмосковья:

«Около 25 лет назад в районе деревни Крюково для участников Отечественной войны... были выделены более 120 земельных участков на территории бывшего карьера, именуемых ныне садоводствами «Заря» и «Восток».

В мае вынесли постановление о сносе наших участков под застройку жилых домов.

Обращаюсь к Вам за содействием и надеюсь на Вашу поддержку в сохранении наших садов... Инженер-полков-

ник в отставке, участник Отечественной войны Берверов».

Перебираю письма и нахожу еще одно, уже из Харькова.

«Живем мы в новом, 524-м микрорайоне. Строится он на бывшей колхозной земле,— пишет Тамара Ивановна Дмитриева,— где остался яблоневый сад. Уже осталось только 100, а может, и меньше деревьев, и те погибают... В данный момент ископали весь сад канавами, погубили большую часть яблонь! Я беседовала с ответственным за эти канавы, он сказал: «У меня по проекту тут пустырь, что Вам еще нужно?»»

И вот трактора, бульдозеры делают что хотят, мешает дерево — ломают, больно на все это смотреть...»

Я понимаю эту боль, она передалась мне, когда я читал эти строки. В моей памяти живы еще картины, как в конце сороковых годов озеленяли многие улицы нашей столицы. Не было тогда умных сильных машин, и люди почти вручную с грузовиков снимали взрослые липы и вручную же сажали их в подготовленные, вырытые штыковыми лопатами ямы.

«Когда мы въехали в новый дом,— пишет радиослушательница из Москвы Дроскова,— вдоль Савеловской дороги от платформы Окружная все было засажено яблонями, березами, тополями, шиповником и другими кустарниками. Железнодорожной насыпи не было видно совсем. Был самый настоящий лес, на краю которого росли красавицы яблони. Так вот понадобилось провести трубопровод ТЭЦ. Самое ужасное, что ни одного дерева не выкопали и не пересадили, несмотря на то что у нашего дома, у дома 4 и 2 были пустыри, куда можно было пересадить деревья. Все вырубали, спиливали, ломали, разрубали на куски и вывозили. Сердце сжималось до слез, казалось, что топор впиался в твое сердце».

Читая эти строки, я вдруг вспомнил нашу сельскую школу, класс в бывшем гончаровском доме, моего учителя литературы Николая Ивановича Бизянихина и как он читал: «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и сейчас его жалко до слез...» И в этом: «...лес вырубали» и «жалко до слез...» — было в голосе учителя столько безысходного горя, что ни у одного меня на всю жизнь запало в сердце: «Береги лес!»

Я думаю сейчас о том, что никакими затратами не возместить нравственных потерь, когда на глазах мальчишек

и девчонок уничтожают деревья, и не просто «вырубают», но калечат их гусеницами бульдозеров, мнут колесами большегрузных самосвалов. «Федоскино — родина русских гаков... Федоскино — край нетронутых лесов, полей, каждый уголок окрестностей воплощен и воплощается мастерами-художниками в их изумительных работах,— пишет радиослушательница из Москвы Власова.— И вот с ужасом узнаю, что совсем недавно принято решение о строительстве на территории этого исторического места трех девятиэтажных домов для официантов Аксеновских пансионатов, расположенных в трех километрах от деревни Федоскино. Предполагается вырубить большую территорию Федоскинского леса.

Превратить этот заповедный уголок Подмосковья в рядовой поселок городского типа, такое желание некоторых администраторов, по-моему, не только не обдуманно, но и вредно...»

Палех, Мстера, Дымково — удивительные места наших промыслов — как шедевры древней русской архитектуры, как исторические памятники должны охраняться государством.

И я с болью вспоминаю об одном утраченном таком вот удивительном месте — селе Богородском — родине русских резчиков. На его месте выстроен именно такой поселок городского типа, о котором пишет Власова.

«У нас в Перми,— рассказывает участник Великой Отечественной войны, ветеран труда Анатолий Андреевич Рудин,— есть по улице Хохрякова сквер, правда небольшой, там около 30 лип и кустов 15 сирени. Сквер был посажен в 1920-х годах студентами Госуниверситета, была прекрасная клумба с цветами. Сейчас в этот сквер не только зайти посидеть нельзя, но пройти через него невозможно. Сквер завален мусором, хламом. Никто за ним не следит. Люди из ближайших домов сваливают туда мусор, старую мебель, битую посуду».

А семья Щebetун из Тольятти пишет, что лес, окружающий этот новый и отличный город с прекрасными корпусами Волжского автозавода, тоже превращен в свалку.

Человек не хочет замечать живого дерева только потому, что в проекте на месте сада указан пустырь, люди, руководствуясь бумагой — планом застройки города, не колеблясь уничтожают коллективные сады. Кстати, о плане за-

стройки. Не раз приходилось слышать мне, когда дело касалось сноса ранее построенного, уничтожения посаженного или превращения пашни в строительную площадку, что это, дескать, происходит по плану реконструкции.

Неосмотрительность, бездушие, неумение работать очень часто прикрываются якобы неколебимым и непоправимым всеильным планом застройки. И не секрет, что многие такие планы составлялись еще десятилетия назад. Так, нынешний перспективный план реконструкции и застройки города Чехова создавался полтора десятилетия назад, был утвержден и принят семь лет назад. Понятно, что многое за это время изменилось и в облике, и в ландшафте. И сады выросли, и скверы, и даже парки. Не пускать же все это под топор только потому, что когда-то был принят этот самый план. Да и методы, и архитектурные решения, заложенные в него, давно успели устареть.

Я называю далеко не все и первые попавшиеся мне на глаза факты. Так почему же они есть, эти факты? Почему, как утверждает большинство моих корреспондентов, к великому сожалению, их становится год от года больше? Ведь приняты серьезные правительственные постановления об охране природы и окружающей нас — людей — среды, есть законы, которые предусматривают сохранение и приумножение земных богатств. А благополучие земли, всего, что на ней произрастает и что ее окружает, есть наше главное богатство. И все-таки вот они — письма из наших городов и районов, рассказывающие о болях и бедах земли, которые причиняет любящий ее человек.

Не замкнутый ли это круг — любим и угнетаем, любим и губим?

Нет, не замкнутый! Потому что там, где выполняют постановления, где применяют к нарушителям закона об охране природы всю силу закона, где, составив мероприятия, тут же не забывают о них, там отношение к земле по-прежнему свято — бережливое, как к матери.

Нельзя без сердечного трепета, без истинного волнения слушать, например, простые, но мудрые рассказы о родной земле председателя колхоза «Россия», что на Костромщине, Прасковьи Малининой.

— У нас,— говорит она,— уже с детского садика малыши знают, где полезная травка, где сорник.

Она так и говорит округло, по-костромски — сорник.

— Крохотные еще малышки, а мы их к грядочкам приучаем, приучаем любить земличку и знать ее.

Знать землю с малывшества! Понимать, где сорник, а где то, что веками, тысячелетиями уже взращивали пращурь. Вот, оказывается, где исток бережного отношения к земле, к тому, что она родит, что она несет в себе и на себе. И этот осенний шум лесов, и удивительную прозрачность звуков, и полновесный колос, и могучий клубень, и реку, и озерко, и родник — все-все, что и есть колыбель человечества.

Я видел эти грядки при детских садиках на Костромщине, видел крохотные делянки льна, кукурузы, хлеба, — возделываемые крохотными, но уже людьми — детьми. И пусть это всего-навсего еще игра, еще забава, на которую их как «на прятки», «на пятнашки», «на жмурки» приводят воспитатели. Но это игра в самое великое и драгоценное, что есть у человека, — в Труд.

Человек истинного, осмысленного труда никогда не обидит землю, никогда не нанесет ей неизлечимой раны.

А дети постарше, школьники, тоже имеют свои обязанности, свои наделы на костромской земле. И в этой области самый высокий, говоря казенно, процент молодежи на селе. И как я старательно ни перечитывал почту, не нашел в ней ни одного письма с Костромщины. Это ли не ответ на вопрос, а где же выход?

В детстве, вероятно, лет шести, я увидел, как моего дружка Мишку сек отец. Жестоко сек, и всего только за то, что мы с ним кувыркались, нет, не в стогу, уже сметанном на зиму, а в копешке, которую развалили.

Отец Мишки, наказывая сына, приговаривал: «Не погань землю! Не погань труд!» И мне от этих вот самых слов было так страшно, что по сей день не забылось.

А возвращаясь в сегодня, в нынешнюю осень, я не могу точно по нашему Подмосковию сосчитать, сколько такими «шалостями», уже не шестилетних мальчишек, развалено колхозных и совхозных сметанных на зиму стогов, сколько их сгорело, подожженных то «дикими туристами», то грибниками.

Я далек от утверждения методов наказания, которыми пользовался отец моего детского дружка, но ведь не должны быть безнаказанны факты, когда поганят землю, поганят труд!

В начале этих записок я говорил о юннатской станции, которую основал в нашем городе, тогда селе, учитель Сер-

гей Филиппович Шаловалов. В этих юннатских станциях проходили школу любви к земле сотни тысяч моих сверстников. В юннатских станциях была вся своя пахотная земля, свои сады, там познавалась и агротехника, и биология растения, и главное — труд познавался, без которого нет нежнейшей любви к земле.

Помню ежегодные слеты юннатов. Наш районный клуб не мог вместить всех, нет, не юных натуралистов, а только их делегатов. Но почему-то эта массовая организация детей, организация воспитания любви к земле, была упразднена, и взамен пришли кружки любителей природы при Домах пионеров. Думаю, что подмена истинного воспитания, истинной любви к природе любительством во многом помогла тем горьким фактам, о которых пишу я нынче. И кстати, сотни полученных мною писем говорят о том, что из воспитания подрастающего поколения в детском ли учреждении, в школе ли, в ПТУ ушел главный, самый главный урок. Урок Любви к Земле.

Мы учим детей в средней образовательной школе, как заточить резец, как обточить болванку, сделать табуретку, полочку, сшить платье и многому другому. И это очень хорошо. Но урока Любви к Земле нет. «Это само собой подразумевается, этому научить нельзя!» — до сих пор бытует мнение.

На мой взгляд, очень неверное и вредное.

«Любовь к земле — это любовь к людям», — написал ветеран войны Николай Кузьмич Григорьев. И это очень верно. Ведь история литературы и искусства человечества — это история любви к земле и людям.

Вот какой богатейший учебный материал для каждого педагога, прививающего молодому, идущему за нами поколению любовь к земле.

«Стала я рассказывать ребятам из нашего двора, — говорила мне учительница одной из московских школ, — о спектакле, который только что посмотрела в Театре имени Маяковского. Слушали они меня внимательно. А потом, как-то так очень дружно, спросили об одном: «А буфет там хороший?»

Как часто приходится слышать мне такие вопросы на выступлениях в детской аудитории.

Не из этого ли потребительского вопроса вырастает пренебрежительное отношение к дереву, к пашне, к цветам на лугу?..

Не становится ли земля для них, подрастающих, одним

хорошим буфетом в театре жизни? Вот о чем думаю я.
— Мы своих ребят в любви к земле воспитываем,— говорила Прасковья Малинина.

— А как? — спросил кто-то из слушающих ее рассказ.

И она, эта простая, мудрая женщина, перед любой жизненной трудностью не пасовавшая, вдруг растерялась на мгновение, но все-таки ответила:

— В уважении!

Вот как, оказывается, просто — в уважении.

В уважении ко всему, что окружает тебя, человек, с момента твоего появления на свет. Потому что они были до тебя, этот Свет, это Небо, эта Земля, этот Человек...

Иван ВАСИЛЬЕВ

ЖИВАЯ НИВА

Полемические заметки

В Максатихе, районном центре Калининской области, решили спасти Мологу.

Река Молога собирает свои воды на стыке трех областей — Калининской, Новгородской и Вологодской — и несет в Волгу. В засушливый семьдесят второй год Молога так обмелела, что в деревенских колодцах пропала вода.

Как всякая река, Молога живет притоками. Притоки иссякают. Это беда общая. Теряют былую полноводность и Волга, и Днепр, и Западная Двина — великие артерии, берущие начало в нашем краю. Предотвратить беду первыми взялись максатихинцы. Первыми в области, а в стране уже был пример — Брянск, там пятью годами раньше приступили к спасению реки Десны. Повторяя опыт брянцев, в Максатихе создали общественный комитет по Мологе, который возглавил строительство плотин на малых реках-притоках. Строителями были студенты гидротехнического факультета Калининского политехнического института. Проекты — типовые. Сроки — сезон практики. Выбор места — старые мельничные плотины. Стоимость работ по каждому из объектов — пять тысяч рублей или чуть побольше. За три года поставили семь плотин, но дальше дело не пошло, остановилось. Вернее, его остановили.

Тут и начинается предмет нашего исследования: как и почему потухла местная инициатива?

В мою задачу не входит описание всех перипетий борьбы комитета по Мологе за право благоустраивать свою землю — об этом подробно и доказательно пишут газеты, ска-

жу лишь, в чем суть вопроса. Областные организации разработали «Схему развития мелиорации и освоения земель Калининской области», которая, по замыслу, должна на научной основе и высоком техническом уровне решить проблемы рационального использования земель и вод в областном масштабе. В частности, схема предусматривает построить в течение десяти-двенадцати лет тысячу прудов-накопителей, то есть небольших водохранилищ, главное назначение которых — орошение, побочное — служить рыбопродуктивными водоемами и зоной отдыха местному населению.

Сия схема, точнее, ее творцы и исполнители — областное управление сельского хозяйства, институт Калинингипроводхоз, дирекция Калининводстроя, объединение Калинин-мелиорация — и встали неодолимой стеной на пути комитета по Мологе. Перед аргументами, предъявленными данными учреждениями, спасовали даже министерские товарищи. Из Министерства сельского хозяйства республики, которое ранее одобряло и рекомендовало к повсеместному использованию опыт максатихинцев, пришла в комитет такая бумага: «В настоящее время... утверждена «Схема развития мелиорации и освоения земель Калининской области», составленная институтом Калинингипроводхоз. Выполнение каких-либо работ не в соответствии с указанной «Схемой» неспециализированными проектными и строительными коллективами может привести к бросовым работам, к ухудшению мелиоративного состояния земель». В переводе на разговорный язык ответ означает: перестаньте, товарищи, заниматься самодеятельностью, вы только испортите нам дело.

И строительство плотин на малых реках остановилось...

Схема отрицает самодеятельность. Отрицает, не задумываясь над деталями. Хотя в данном случае деталь весьма существенная: пруды-накопители вовсе не касаются малых рек, они создаются на ручьях, балках, болотинах. Но все равно отрицает, ибо в представлении ее авторов все, что не вписано в решение пером, есть отвлекающая от главной задачи, ненужная и даже вредная кустарщина.

Представим себе такую несурязицу: в Калининской области три драматических театра, и вот дирекция их, обсудив вопрос «охвата населения зрелищными представлениями», заявляет, что в художественной самодеятельности нет никакой потребности. Дескать, клубные артисты только дискредитируют высокое театральное искусство, тратят на-

прасно народные деньги, убивают время и отвлекают зрителей на пустяки. Абсурд? Конечно. Художественная самодеятельность существует не потому, что три театра не в состоянии охватить тридцать районов «зрелищными представлениями», она — средство приобщения масс к культуре, путь совершенствования человека, развития и обогащения его способностей, чувств, знаний. Более того, театральное искусство и клубная самодеятельность взаимосвязаны, едины, одно питает другое, и в этой взаимной связи, в единстве — их сила, источник развития.

Кажется, яснее ясного: те же отношения существуют и между большой производственной схемой-программой и производственной самодеятельностью. Самая обширная схема никак не может охватить, отразить, запрограммировать великое многообразие жизни. Она берет лишь звено, важное, главное, решающее, но — звено. Предмет калининской схемы (в частности) — пруды-накопители. Тысяча прудов на двенадцать тысяч селений! Решают ли они полностью проблему обеспечения водой населения, ферм, мастерских, котельных, пастбищ, огородов? Нет. Значит, сделать свою речку полноводной — дело жителей данного селения, и слава богу, что люди берут этот труд на себя (так было испокон веков). Пресечь, запретить производственную самодеятельность — значит убить в человеке инициативность, желание самому улучшать свою жизнь, остановить его творческое развитие, нанести ущерб воспитанию в нем чувства хозяина страны — главной цели социализма. Да ведь и схема-программа только тогда гарантирована от провала, когда в сотворении и претворении ее активно и сознательно с максимумом личной заинтересованности участвуют и массы. Производственная самодеятельность масс питает любую схему, как малые ручьи — реку.

И все-таки в жизни получилось так, что схема не потеряла рядом с собой самодеятельности. Едва родившись, она пожелала господствовать безраздельно.

Задолго до появления вышеназванной схемы колхозы своими силами делали водоемы, к этому побуждала хозяйственная необходимость. Схема отразила потребность, взяла лучший опыт, но, повторяю, она не в силах сделать все сразу и везде, охватить все многообразие потребностей, значит, люди не могут без ущерба для себя, для общего дела заниматься самодеятельностью. Совершим маленький экскурс в недавнее прошлое деревни.

Зимой 1954 года — я тогда был секретарем сельской тер-

риториальной парторганизации — приглашают нас на совещание-семинар в район. Собрались. Видим, посреди зала стоят ящики с землей, перегноем, минеральными смесями. Зачем? Наберитесь, говорят, терпения, сейчас узнаете. Узнали: будут учить нас делать торфоперегнойные горшочки.

До самой весны лепили в колхозах это «чудо агротехники», призванное решить овощную проблему в стране, складывали штабелями в саран — на мороз, — чтобы с наступлением тепла высаживать рассаду только в горшочках. Где-то на полдороге колхозники усомнились в целесообразности затеи: не одними же овощами, говорят, будем жить, надо бы и под картошку навоз возить, под хлеб, а вы только и знаете горшочки. Нашли мы довод разумным и занялись обычными крестьянскими делами — начали к весне готовиться. Но как только «сводка по горшочкам» легла на стол начальства, нас «поправили», то есть велели не отвлекаться на «посторонние дела».

Скоро начался сев, и стало не до горшочков. Так и остались они лежать в сараях кучами навоза. Жить-то надо было все-таки хлебом.

Но схема не признала поражения, она сменила предмет: вместо овощей избрала фрукты. Были разработаны «мероприятия по садам». Выбирали пустыри, распахивали, засаживали яблонями. Много насажали, потом бросили: не до садов стало, пришло время решать кормовую проблему.

Тот, кто жил в нашей калининской деревне, скажем, последние тридцать лет, знает, сколько и каких только схем не было! Рожь на силос косили, кукурузу насаждали, клевера распахивали...

Жить мужику предлагали в многоэтажном доме, скотину советовали в хлеву не держать, огород не сажать, сеять и жать всем скопом, фермы ставить громадные бетонные, деревни сносить, читальни, клубы, больницы, магазины централизовать, хозяйство свое специализировать и т. д., и т. д.

Боже меня упаси утверждать, что назревшее дело надо предоставить самотеку. (Впрочем, «самотек» — это кабинетное изобретение, в природе его не существует, все направляется объективными законами.) Нет, не к отрицанию схемы приглашает автор, а, повторяю, к размышлению о взаимодействии схемы и самодеятельности. Надо же когда-то постигать причины собственных, мягко говоря, неуспехов. Не зря же трубим сегодня отбой: спустить селянина с пятого этажа на землю, дать ему огород и хлев для ско-

тины, не торопиться со сносом деревень, вернуть деревне портного и сапожника, продавца и фельдшера, открывать закрытые овце-, свинофермы и прочее, и прочее... В чем же беды прошедших на нашей памяти шумных, многообещающих и бесшумно умиравших схем-программ? Не найдя причин и не усвоив их, нечего и говорить о социальной активности сельского жителя, об активной жизненной позиции его.

При вдумчивом рассмотрении приснопамятных схем обнаруживаем первое, так сказать, начальное их свойство — придавать частному вопросу решающее значение, путая иногда следствие с причиной.

Посмотрим на план нового расселения, так называемую схему районной планировки. В Ржевском районе две трети деревень объявили неперспективными и предписали их снести. Но ведь каждая деревня «поставлена» экономической необходимостью, упрощенно говоря, хлебом, который родит земля. Следовательно, земля — причина, расселение — следствие. Решать на бумаге, какой деревне быть, какой не быть, не беря во внимание вопроса, даст ли земля без деревни хлеба больше (не столько же, а именно больше, ибо в этом цель всех преобразований), — значит действовать безграмотно, не думая с полной ответственностью о последствиях, ибо принимать некие бытовые удобства при пустом столе за блага — опасная маниловщина.

Названное свойство схемы — лишь потенциальное, оно может проявиться, может и не проявиться. Все зависит от того, в каком качестве пожелает существовать схема: как предписание или как рекомендация. Если в первом, то свойство быть главной и единственной тотчас проявится через запретительные меры. Схема начнет ограждать себя от конкуренции, потребует безраздельного к себе внимания и полного материального обеспечения. Она потребует всеобщего, как идолу, поклонения и прославления. Только неумолимая сила объективных законов способна рано или поздно поставить «выскачку» на свое место.

Проследим это на действии той же схемы районной планировки. Она не пожелала быть рекомендательной, выступила в качестве предписания. И тотчас — запреты, один за другим поступающие от районного начальства: строиться в неперспективных деревнях нельзя, развивать производство нельзя, все вложения только в центральные, перспективные селения, жизнь которых следует прославлять наподобие райской, а в «запрещенных» — подвергать хуле и поноше-

нию. Найдите на страницах «районки» хотя бы один мажорный рассказ о жизни малодворки — только в минорных тонах: и скука там, и дровами топят, и на коромысле воду носят, и грязь с утра до ночи месят, ах, как плохо там сиротинушкам живется! А «сиротинушки» никак не едут в поселок, на пятый этаж, где печку не топить, воду не носить, поросенку не выносить, только в кресле сидеть да представления по телевизору смотреть.

Запретительные меры тянут за собой своих меньших сестер: свертывание, сокращение, закрытие и т. д. Если в деревнях нельзя строиться, если приговорены они к сносу, то зачем беспокоиться о ремонте медпункта — лучше его заколотить; зачем думать о расширении ассортимента в сельских магазинах — лучше открыть две-три универсальные громадины на район; зачем ездить по деревням с шилом, с отверткой — пусть сами клиенты несут свои сапоги, утюги, телевизоры в райцентр. Сфера обслуживания свернулась, сконцентрировалась раньше, чем ушли из деревень люди.

Удивительный получается парадокс: схема, преследующая единственную и святую цель — благо народа, этими самыми запретительными мерами и их следствиями создает неудобства и затруднения тысячам людей. Вот и водно-земельная схема, разработанная в Калининне, отказывая максатихинцам в праве ставить на речках плотины, умножает неудобства сотням деревень: как жить, если ни в колодце, ни в ручье воды не стало! А ведь цель-то — всеобщее благо: и орошение, и рыба, и микроклимат, и отдых.

Вот еще одна схема: уборка льна. Сейчас в Калининской области принята единая технология: теребление комбайнами с очесом головок и последующей раздельной их сушкой, с расстилом соломки в ленту на поле. Применение этой схемы в течение нескольких лет привело к неровному стеблестою, к неравномерному созреванию головок, к резкому ухудшению качества семян. Председатель колхоза имени В. И. Ленина Михаил Ефимович Голубев, анализируя причины подобных неудач, пришел к выводу, что новая технология пренебрегла одной весьма существенной деталью многовекового опыта льноводов. Крестьянин никогда не отделял головки от стебля сразу, давал семенам «дойти», дозреть в коробочке, а потом уж очесывал и сушил. Семя выходило равномерное по силе и всхожести. Голубев пытался изменить общепринятую ныне схему уборки — теребить лен без одновременного очеса головок, сушить не ворох, а выстоявшийся сноп и затем обмолачивать его. На глав-

ной-то операции — обмолоте — и затерло. Оказывается, с переходом на комбайновую уборку льномолотилки были сняты с производства.

Схема-предписание претендует на непогрешимость. Она выдает себя за единственно верное решение задачи. Но в сложном сельскохозяйственном производстве нет и не может быть единых технологических решений, ибо условия, в которых выращивается хлеб, лен, картошка, чрезвычайно многообразны. Они-то прежде всего и обязывают земледельца иметь в запасе другие варианты той же схемы, а то и способы, вовсе отличные от общепринятого.

Не учитывает схема-предписание и еще одного — главного — обстоятельства: закона неравномерности развития производства. Технический прогресс — не гладкое, ровно поступательное движение, а скачкообразное. В производстве, как и в природе, периоды количественных накоплений сменяются качественными изменениями. Само собой понятно, что целые отрасли хозяйства, фирмы, заводы, колхозы — не солдаты в строю, которые по команде переходят в новое качество, следовательно, и всеобщей готовности к принятию схемы никогда не бывает.

Конечно, *схема есть отражение назревшей необходимости, главной тенденции и, являясь таковой, она подтягивает отстающие звенья, ускоряет их прогресс.* В этом качестве ей положено быть разумно терпеливой, весьма и весьма разборчивой. Но терпеливости-то ей, как правило, и не хватает. Ее неотступно сопровождает закон кампаний: кто скорее?! Она обожает передовиков внедрения и не очень-то внимательна к результатам дела. А от этой ее слабости проистекает другая: не любит искать виновных в провале и спрашивать с них — страдает всепрощением.

Схема — это люди, и движение ее есть столкновение их интересов.

В голове родился замысел. На основе анализа действительности, с учетом тенденции и перспективы. Рассчитанный, выверенный, обоснованный замысел лег на бумагу, прошел обсуждение, получил выходные данные: название, номер, дату, печати — и стал схемой. Это сделали «творцы», они сотворили программу. Дальше — дело проводников, прославителей-популяризаторов и исполнителей, а, в общем-то, все мы становимся исполнителями.

Взаимодействие схемы и самодеятельности начинается с самого ее рождения. В сущности, и *порождает схему не что иное, как опыт масс. Обобщенная, проанализированная,*

рассмотренная через призму объективных законов и научных прогнозов, самодеятельность масс высекает искру замыслов. Разве программа строительства прудов-накопителей могла родиться в калининских учреждениях, не будь максатихинского начинания по регулированию малых рек? Да только ли в Максатихе это делали! Я своими глазами видел, как колхозы на Верхней Волге, подо Ржевом, создавали небольшие водоемы на месте болот, оврагов, ручьев и использовали их для полива, и для рыбозаведения, и для снабжения водой деревень. Жизненная необходимость заставила это делать. Земледельцу нужна вода — он и добывает ее, не дожидаясь планов сверху. И только потом областные учреждения, уловив потребность, осмыслив опыт на местах, широко, с размахом, с заглядом в будущее, с учетом всех нужд и технических возможностей разработали схему.

Но странное дело, «творцы» не любят признавать зависимости своих творений от опыта масс, во всяком случае, не стремятся афишировать этого. Более того, как авторы они весьма ревнивы и не терпят рядом со своим детищем «всякой там самодельщины». Отсюда — либо запреты, либо ущемления, а иногда и шельмование. Авторы «Схемы развития мелиорации и освоения земель Калининской области» собирают особое совещание, которое констатирует (как потом оказалось, облыжно): «Выборочное обследование трех запроектированных и построенных студентами КПН плотин на реке Тифина и реке Ривица показало, что все они находятся в стадии разрушения». Совещание решило, что строить плотины без комплексных изысканий нельзя и по чужим проектам тоже нельзя, можно только по проектам Калинингипроводхоза. Тогда максатихинцы попросили: «Пожалуйста, помогите нам в части изысканий и проектов, спасибо скажем». На что один из авторов схемы ответил: «Мы на это не пойдем».

Что тут, простая амбиция? Не только. Корень подобной глухоты — в ложном представлении: схема отразила потребность, вобрала лучший опыт, вступила в действие — следовательно, в самодеятельности отныне нет необходимости. Казалось бы, так оно и есть. Да, так, если жить в Калинин, а не в деревне, которая мучается без воды, если не отвечать за непоеное стадо, не ходить немытым и в нестиранном белье.

Обратимся к другой схеме — «Схеме районной планировки». Эту составляли в районе, в ближайших к производству конторах, в которые, как говорится, ветер потребности вы-

вается во все окна и двери. Из чего исходили авторы, относя сотни деревень к «неперспективным», запрещая в них строиться и предопределяя дополнительные неудобства и затруднения жителям? Присутствовал ли в их расчетах интерес тысяч живущих там людей? Кажется, да, присутствовал. Но какой? Перспективный, необозримо далекий (будете жить в благоустроенном поселке, который построят в 19... году), но не сегодняшний и даже не завтрашний. Присутствовал ли в их расчетах интерес производственный? О да, конечно, этот был на первом плане. Но опять-таки... будущий, расчетноидеальный, а не сегодняшний, ибо сегодняшний возражал против закрытия малых ферм, пока не поставлены крупные, возражал против переселения людей, пока не проложены дороги, не обеспечено быстрое и надежное сообщение с полем, возражал против свертывания сферы обслуживания. Так какой же интерес взял верх? Личный. Районного руководителя оценивали, воздавали ему хвалу по степени соответствия схемы общим установкам. Установки едины, а жизнь-то многообразна. Думать о том, насколько созрели в районе условия для массового сселения, надо ли с этим делом торопиться, действительно ли мелкое расселение стало тормозить рост производства, — не в личном интересе районщика. Придется ведь отстаивать «свой вариант», а это может обернуться неприятностями. В Зубцовском районе помнят председателя райисполкома, который попытался доказать областному руководству трезвость местных расчетов — и был снят с поста как «не уяснивший требований момента».

Вот кит, на котором стоит личный интерес районщика, — быть на гребне момента, ибо это самое «быть» обеспечивает ему быт, спокойствие. Сказал я вот так старому своему знакомому, ходившему лет тридцать в районщиках, и услышал в ответ исповедь:

— Да, много чего было, над чем стоит поразмыслить. Велик грех, каких только команд, поступавших из района, не проводил в жизнь. И яблони на бесхлебье сажал, и рожь на силос косил, и весь район арками разукрасил. Помнишь, была такая команда: перед каждой деревней — арку, да чтоб покрасивей, а что за аркой... Ладно, не буду старое ворошить. Ты прав, при любом провале я лично не страдал: рубля не терял, выговор не получал. Страдали те, кто противился. Но понимаешь, какое дело: *я верил*. Исполнял *сознательно*. Это сейчас, задним числом, горазды мы критиковать, а тогда... Ну ладно, не удалось, провалилось, ударили

отбой, так за новое-то беремся с умом, верим: должно получиться. Глядишь, опять не туда. Но ведь, черт возьми, шлите вперед. Спотыкались, по — вперед! Как же было не верить?

Такое вот не критическое отношение к «команде», принятие на веру очередной схемы имеют истоком материальную независимость — личную и непосредственную — от исхода дела, от результатов производства. Мой знакомый прав: он не страдал, ни рубля не терял, выговоров не получал! И будучи независимым, легко попадал в плен больших и громких схем, отвыкал мыслить критически и действовать самостоятельно, то есть утрачивал ту самую инициативность, без которой и верную схему можно успешно провалить.

Да, да, и верную схему. Ведь очень часто случается такое, что великолепная сама по себе схема, рожденная объективными законами развития общества, наименее необходимейшая, приходя к исполнителю, бывает настолько искажена, что становится тормозом в разворачивании инициативы труженика. Герой Социалистического Труда калининский механизатор Иван Чистяков, горячо ратующий за безнарядные звенья, не раз жаловался мне:

— Агитирую, агитирую за безнарядку, а последователей не вижу, — и сам же объяснял: — Не заставлять механизаторов надо объединяться в звенья, а готовить почву для этого объединения.

Для схемы надо готовить условия.

Летом 1979 года проехал я по знакомым местам — южным районам Псковщины — и порадовался заметному оживлению в сельском строительстве. Была отброшена наконец «многоэтажная мода», в деревнях начали ставить дома усадебного типа. Уже это одно развязывает инициативу, ибо кому не известно, что многоэтажную громадину собственными силами не поднимешь, она строится по областному плану, солидным подрядчиком, под неусыпным контролем банка — сиди и жди, когда приедут к тебе и вознесут этажи в поднебесье. А избы-пятистенки вполне сильны колхозу, не колхозу — так району. Тут уж можно, как говорится, и мозгой пошевелить, и свои способности показать.

Прямо-таки отрадно видеть, как вырастают в селах новые посадки, а главное — настроение людей радует, словно бы спала с них некая замороженность, сонливость, живее стали, энергичнее, не дожидаются маньи с неба, а действуют сами. Но при этом повсюду бросается в глаза: усадебные дома строятся с массой неудобств. Получается так: возво-

дили здания по типовым проектам — вину валили на дядю, мы, дескать, ни при чем, нам дали, мы взяли. Когда же позволили строить самим, оказалось: лучше-то и не умеем. Отвыкли. Разучились. И мысли не возникнет спросить у людей, какой дом им нужен, не появится желания к соседям съездить, там полюбопытствовать, знающих специалистов пригласить.

Словом, пробудиться-то инициатива пробудилась, а исполнять свою природную функцию — рождать новое качество — не торопится. И если это затянется, если новые условия не будут способствовать ее развитию, углублению, то очень скоро услышим голоса: вот, пожалуйста, ничего дельного из вашей самостоятельности не получается. И — последует новая схема. Так уже бывало и у псковичей, к которым я часто навещаюсь, и у нас в Калининской области. После провала схемы инициатива начинала оживать, но очередное нововведение опять загоняло ее внутрь, как улитку в раковину. Да не раз-два, а многократно. И вот следствие — лучше сделать не умеем. А в сознании работников сельхозорганов все сильнее укореняется представление, что управленческая функция из подчиненной стала главенствующей над производственной, то есть вторичное представляется им первичным.

Исполняют схему люди. Их действия определяются интересами — личным, коллективным, общенародным, сложным их взаимодействием. Идеальный вариант, к которому должна стремиться схема, — совпадение, единство, слитность интересов человека, коллектива, общества. Но жизнь не идеал. В повседневности преобладает какой-то один фактор, отсюда противоречия и столкновения. В конфликтных ситуациях, которыми изобилует процесс внедрения новшества, очень важно распознать, какой или какие интересы являются двигателем поступков людей, их инициативности или пассивности.

За многие годы работы в сельских районах я повидал разных исполнителей. Бездумных среди них не было. В том смысле бездумных, что они не видели изъянов, или, сказать мягче, нерезультативности той или иной схемы. В разной степени, но видели все. А действовали неодинаково. Неинтересно проанализировать, в какой, так сказать, пропорции присутствовали в их сознании все три интереса.

Районщик Б. имел недюжинный характер и способности. Я наблюдал его на «кукурузной эпопее» в нашей северной деревне. Отменные знания, одухотворенные настойчивость

и целеустремленность, поразительная энергия его заражали людей уверенностью, и они со всем старанием и добросовестностью делали свое дело, добываясь в удачный год действительно неплохих урожаев. Мы, его помощники, и думы не держали, что сам он не верит в то, за что ратует, чему учит. Однажды я оказался участником доверительного разговора, в котором Б. высказал не простое сомнение, убеждение (дело-то он знал великолепно), что ставка на кукурузу в наших условиях несостоятельна. Это был расчетливый карьерист, отдавший недюжинные способности своему одному-единственному интересу — личному положению. Такие крайне опасны: если схема ошибочна, ошибку доведут до абсурда.

К другому типу исполнителей — добровольно заблуждающимся — я отнес бы своего знакомого, о котором говорил выше. Он тоже видел изъяны и неудачи, но в силу некритичности ума верил, что новая схема учла опыт предшественницы и уж она-то безусловно правильная. Какой интерес доминирует у этого исполнителя? Да опять же личный, хотя убежден, что в отличие от Б. он старается не ради своего положения. Но ни тот ни другой не станут ни прямым, ни обходным путем смягчать негативные следствия схемы, не поддержат инициативы, «идущей вразрез установкам».

А вот их коллега Н., которого я тоже знал, действовал в той же ситуации иначе. Видя, как не оправдываются возлагаемые на «королеву» надежды, и будучи не в силах прекратить ущербные опыты, он избрал обходный путь: на словах — за кукурузу, на деле поощрял травополье. Рассказывал он о своей тактике так: «Веду совещание — защищаю «королеву», но в то же время даю понять, что спрос будет за конечный продукт — мясо и молоко. Или приезжаю в хозяйство — на людях с директора требую соблюдения агротехники кукурузы, а наедине — «снимаю стружку» за то, что клевера недоглядел. Мы не были «передовиками по внедрению», но в должниках по мясу и молоку не ходили».

Подобные «обходы» избираются всякий раз, когда схема несостоятельна, а у руководителя берет верх общий интерес, и он сознательно, ради дела, идет на душевный разлад, подвергаясь опасности попасть в разряд очковтирателей и потерять пост. Это, пожалуй, самый сложный, я бы сказал, драматичный вариант. Он чаще всего встречается в районе, реже в области. Районщик более других чувствует напор

снизу, напор той самой самодеятельности, которая противится шаблону, ищет выхода и находит его в позиции: вам — говорить, нам — делать. Он понимает, что сдержат этот напор нельзя, ибо за ним выгода, польза делу, нужный результат, и рано или поздно напор снизу опрокинет схему, будет оправдан и признан, и ему, руководителю, не остается выбора — он вынужден служить двум «госпожам» — схеме и жизни. Разумеется, и здесь присутствует личный интерес, но не сиюминутный, а будущий — жизнь возьмет верх, и я окажусь правым, — однако убежденность в этом исходе сильна не настолько, чтобы прямо и открыто воспротивиться схеме.

Был у меня с одним председателем, давним приятелем, разговор. Спрашиваю: ну вот «схитрили» вы, тайком кое-что недосеяли, кое-что пересеяли, продали все, что положено, прибыль имеете, а зачем это надо — «хитрить»? Собрал бы собрание, оно утвердило бы реальный план посевов... Он говорит: «Так не велено было, ослушался, до признаний ли...»

Сказал он так, а сам, видно, задумался: в самом деле, чего это я робеть перед начальством стал? Не боялся же на поле «самовольничать», знал, что дело выиграет, а сказать вслух не смею. И вспомнил председатель, что он есть полномочный представитель коллектива в районе, а не уполномоченный района в колхозе. А коль так, то и апеллировать надо к коллективу, спросить его мнение. Ведь коллективу выполнять предписание, которое ему, председателю, кажется для хозяйства неразумным. А может, он, председатель, не прав? Может, он недодумал чего-то, недоглядел? Может, по его вине это предписание и превратилось, дойдя до исполнителей, в мертвую схему? Да, бывает и такое: и хорошая схема подходяща не для всякого хозяйства. Бывает, что оно до нее, до хорошей схемы, и не доросло. А его подгоняют: внедряй. В колхозе имени Калинина уже лет восемь работают три хозрасчетные бригады. Результаты отличные: показатели у колхоза в полтора раза выше, чем в среднем по Зубцовскому району. Решили опыт передовиков распространить на район. И какие директивы ни спускались, какой нажим на остальные хозяйства ни шел, хозрасчетные бригады в районе не прижились: всех под одну гребенку стричь нельзя, условия в колхозах — даже в рамках одного района — разные.

Вот при таком неразумном нажиме председатели и начинают изворачиваться, «хитрить».

Возьмем свежий пример — хорошо зарекомендовавшую себя во многих местах (там, где ее внедряли разумно, соединяя с инициативой масс!) специализацию в полеводстве. В ряде наших районов она коснулась главным образом двух самых трудоемких культур — льна и картошки. Одним хозяйствам предписано сеять только лен, другим — сажать только картошку. Кое-где применили переходный вариант: прибавили картошки, убавили льна или наоборот. В любом случае сложившаяся система землепользования нарушена, реальные возможности учтены приблизительно или вовсе не учтены — в итоге ожидаемого эффекта не получилось: затраты не сократились, производительность труда не поднялась, валовые сборы не увеличились. Председатели и директора потихоньку гнут на поле свою линию, а в сводку подадут что положено.

Официально такие факты расцениваются как очковтирательство, на самом деле они не что иное, как вынужденная не заявлять о себе инициатива. Хозяйственный руководитель идет на скрытый маневр, потому что этого требует выгода коллектива, которая, как правило, оборачивается и выгодой обществу. Делать скрытно по-своему — это, пожалуй, самая распространенная форма, в которую выливается полная внутреннего драматизма борьба действительности и плохой схемы. Не будь сопротивления, порочная схема при первом же испытании обнаружила бы свою несостоятельность, и, ко всеобщей пользе, век ее на том бы и кончился. Скрытное сопротивление продлевает этот век: кажется, будто из принятых мер что-то получается. Но в том-то и суть, что ничего не получаться не может, ибо коллективный интерес, защита своего дела тотчас рождает обходный маневр. И борьба затягивается, бывает, на довольно длительное время.

Возьмем ту же схему районной планировки. Несмотря на запреты, то там, то тут в неперспективных деревнях ставили и жилые дома, и коровники, а в отчеты «по переселению» вписывали какие-нибудь выморочные избы. Читая эти бумаги, в области полагали, что как-никак, а дело подвигается и надо продолжать в том же духе. Тем более что сам-то процесс концентрации населения объективный, экономика сама ставит крест на ненужных малодворках, так что *порочна не идея переселения, а методы воплощения этой идеи в жизнь.*

В конечном итоге интерес коллектива и общества берет верх, но в этой борьбе жизни и схемы, надо признать, кол-

лективный интерес раз от разу увядает, утрачивает в сознании людей первенствующее значение, уступая место интересу личному, их взаимная связь ослабевает, и человек начинает переориентироваться на другой коллектив, более устойчивый и надежный. Иными словами, колхозник, видя упадок коллективного хозяйства, от состояния которого зависело его благосостояние, уходит в другой — заводской или учрежденческий — коллектив, гарантирующий ему защиту личного интереса.

Исследователи деревенских проблем давно заметили эту причину, но не придают ей, на мой взгляд, решающего значения, когда пытаются объяснить массовый уход людей из деревни. Мы рассмотрим ее позже, а сейчас обратимся к вопросу неукротимости схемы. Что придает ей столько упорства, самомнения, уверенности в непогрешимости? Почему она так невнимательна к своей прародительнице — народной самодеятельности?

Ну вот, скажем, разработаны и активно внедряются схемы бытового и производственного обслуживания деревни. Обширные и детальные. В соответствии с ними перестраивается, переделывается сеть обслуживающих учреждений. Мастерские, магазины, ателье, больницы, библиотеки, конторы концентрируются в райцентре, селам же остаются пункты, точки, филиалы, а деревням — всего-навсего выезды-наезды. Жителю райцентра удобств прибавилось, жителю деревни — убавилось. Чьи интересы и как столкнулись в этой переделке? Бытокомбинат — это коллектив, и деревня — коллектив. Кто от кого зависим? Нормально бы — первый от второго, обслуживающий — от обслуживаемого. На деле — нет. Плановые прибыли комбинат получит и от горожанина, а селянин, коль ему приспичило, привезет свои деньги сам.

Материальный интерес бытовиков не понуждает или понуждает не в той мере *искать* выручку. Это ведь всегда так: удовлетворен, скажем, портной заработком на дому — сидит, никуда не едет, заказчика не ищет, не удовлетворен — отправляется искать. Интерес же коллектива деревни в том, чтобы «обслуживание» приехало к нему, ибо отрываться от дела, от производства, в котором все его материальные интересы, ему невыгодно. Кто же берет верх? Конечно, комбинат, ибо он не зависит ни прямо, ни опосредованно (через материальное состояние селянина) от основного производства, он не обнаруживает стремления получать наивысшую прибыль, а посему и филиалы открывает, и выезды со-

вершает лишь в силу указаний, а не в силу заинтересованности.

Еще более отчетлива эта независимость положения в сфере производственного обслуживания. Существует целая сеть обслуживания тракторного парка, ферм, заправочных станций, энергоустановок, полей колхозов и совхозов. Приезжает бригада наладчиков, к примеру, на ферму, провела профилактический осмотр дойных установок — получила некоторую сумму. А через два дня аппаратура отказала: коровы не доены, колхоз (и доярки) в убытке. А наладчики? Наладчики в выигрыше: они приедут еще раз и сорвут новый куш. Интересы двух коллективов — колхозников и наладчиков — в данном случае прямо противоположны. Первым выгодно, чтобы доильные установки действовали безотказно, вторым — наоборот, чтобы почаще портились. Нельзя же всерьез думать об эффективности схемы при безнаказанности одних и бесправии других компаньонов, порок ее виден, как говорится, невооруженным глазом.

Или, к примеру, проектный институт заинтересован разработать и протолкнуть свое детище — скотный двор. Колхозу же нужно получить дешевую, удобную, эффективно действующую ферму. Никакого конфликта не будет, если колхоз выступит заказчиком, а институт — подрядчиком, гарантирующим под материальную ответственность высокое качество проекта. Но поскольку в действительности проектанты материально не ответственны за допущенные ошибки, то институт при любом исходе дела процветает, колхоз убытки считает, а страдает общество в целом. Очевидно, если в столкновении интересов двух или многих коллективов чьи-то интересы ущемлены, то в итоге страдает общество — такова природа социалистического производства.

В этом ненормальном положении, когда сфера управления и сфера обслуживания независимы от результативности производства, более того, встают над ним, присвоив право повелевать и запрещать, и кроется причина живучести несостоятельных, прожектерских схем. Если не собираешься снимать с сада плоды, то яблони можно сажать и вверх корнями.

Интерес проявляется через поступки, действия людей. Выразителем коллективного интереса выступает руководитель, в нашем случае — председатель колхоза. Для того чтобы интерес был уловлен и выражен, нужен исправно действующий механизм общественного мнения. Такой механизм предусмотрен и создан — это бригадные и общеколхозные

собрания, деревенские сходы, советы бригад, правления, ревизионная комиссия, общественные организации. Замечания, предложения, протесты — все, что так или иначе выражено, суммируется в голове председателя, анализируется, осмысливается и побуждает его к действию. Но действия председателя зависят не только от того, насколько правильно понят ими коллективный интерес, но и от того, в какой мере руководитель подотчетен в своих действиях коллективу.

Василий Николаевич Рыбин, председатель колхоза в Приильменье, в разгар кампании по специализации животноводства, согласно которой ему предписывалось держать только крупный рогатый скот, решил оставить в хозяйстве полтысячи овец и тридцать свиноматок. В районе, понятное дело, выразили Рыбину неудовольствие, критиковали, обвиняли в «своеволии и непонимании», коллеги председатели язвили, что вот, дескать, мало человеку одного хомута, он три на себя надел...

Обстоятельства вроде бы должны были склонить Рыбина к подчинению схеме, как склонили многих и многих. Но на колхозном собрании четко было выражено мнение: овец и свиней держать! Малая свиноферма давала личным подсобным хозяйствам около шестисот поросят, каждая семья была с мясом, излишки продавали на базаре и через Заготконтору. Баранина шла на общественное питание. Кормились же фермы отходами производства (льняная головица и прочее), которые в специализированных хозяйствах пропадают. Года через три, когда вскрылся изъян схемы и авторы ее сделали поворот в сторону мелких ферм и поощрения личных хозяйств, Рыбина стали приводить в пример как дальновидного руководителя. Коллективный интерес лежал на одной магистрали с интересом общенародным, но видеть это почему-то дано было председателю, а не сочинителям схемы.

Другой факт. Николай Михайлович Назаров и Михаил Ефимович Голубев, председатели колхозов на Верхней Волге, еще лет пятнадцать назад, в пору различных ограничений, накладываемых на личные хозяйства, пошли на такую меру: выделяли для личного скота общественные клевера, скашивали косилками, сушили и на машинах развозили по дворам. Сенокосная кампания с двух месяцев сократилась до трех дней. Люди не выматывались, обкашивая урывками неудоблицу, не нервничали, а спокойно, с полной отдачей работали в общественном хозяйстве. Коров не распродали,

излишки молока шли в районный план, а телят контрактывал колхоз, откармливал и прибыльно продавал на мясо. Опять всеобщая выгода, но, чтобы отстоять ее, нужен твердый характер и сознание ответственности перед коллективом.

Это примеры защиты конкретного материального интереса, они более очевидны для понимания. Сложнее вести речь о сохранении коллектива как полнокровного жизнеспособного организма. Если, скажем, допустить в нем нарушение пропорций отдельных возрастных групп, когда в деревне остается много стариков и мало молодежи, много парней и мало девчат (что сплошь и рядом наблюдаем в северной деревне) и т. д., — коллектив не сможет нормально функционировать, то есть наиболее полно обеспечивать интересы своих членов и служить общенародному делу.

В периодической печати немало пишется об опыте председателей, пекущихся «об удовлетворении запросов молодежи», о «насыщенности духовной жизни», но ни одна из таких публикаций не рассматривает сложные вопросы с точки зрения защиты интересов коллектива. Да и науки — социология, психология — мало что дают в этом плане для практического руководства. А если проанализировать действия таких председателей, как Евгений Александрович Петров, вот уже пятьдесят лет возглавляющий колхоз «Молдино», то увидим, что вся их деятельность подчинена заботе о полнокровности коллектива. С другой стороны, на примерах передовых хозяйств яснее видно отрицательное воздействие, казалось бы, сугубо технологических схем на нематериальные интересы коллектива. Схемы, принижающие или запрещающие самодеятельность, больше всего поражают душу.

Радетели плохой схемы щедро приклеивают ярлыки «незрелый», «саботажник», «защитник нездоровых настроений» и т. п. в первую очередь председателям, ибо их позиция зачастую является самым серьезным препятствием на пути ее «внедрения». Весьма показательно, как поступает в подобных конфликтных ситуациях Евгений Александрович Петров. В свое время его принуждали распахать клевера. Он созвал общее собрание колхозников и вынес на обсуждение вопрос: «Распахивать или не распахивать». Собрание проголосовало за клевера. Ни один из тех, кто настаивал на противном, не посмел пойти против законного решения коллектива. Не случайно ведь во многих партийных решениях подчеркивалась необходимость строгого соблюдения колхозной демократии, то есть того самого механизма выявляе-

ния и выражения коллективных интересов, исправное действие которого является гарантом против прожектерских схем.

«...Есть более страшный враг для земли, чем плуг и сорняк,— это навязывание ей всевозможных «рекомендаций». Слишком много их было и слишком дорого они стоили стране, чтобы не понять: команды сельскому хозяйству, по самой его природе, противопоказаны»,— очень справедливо отмечал Л. И. Брежнев в своей книге «Целина».

Помню, в шестидесятых годах особый упор делался на выборы советов бригад, регулярные созывы бригадных собраний и сельских сходов. Это было вызвано тем, что колхозы укрупнились, но как единые хозяйства и коллективы еще только начинали складываться. Ныне, в начале восьмидесятых, положение иное. Полеводческих бригад нет или почти нет, их заменили тракторные отряды, самостоятельные фермы-комплексы, все большее распространение получает цеховая структура. По трудовой доле в общем хозяйстве первичный коллектив (бригада) стал более значительным. С другой стороны, коллектив в целом (колхоз) утратил часть своих производственных функций и вместе с ними возможность непосредственно самому защищать свои интересы. Специализация привела к тому, что в создании конечного продукта — хлеба, мяса, молока — наравне с колхозниками участвуют мелиораторы, ремонтники, агрохимики, строители, наладчики и т. д. Возникло несколько коллективов, казалось бы, в одинаковой мере заинтересованных в плодородии земли, в экономической крепости хозяйства. Но в том-то и беда, что интерес обслуживающих коллективов не совпадает целиком с интересом хозяина, а иной раз и прямо противоположен ему, как видели мы в случае с наладчиками доильного оборудования. Очевидно, для координации действий всех звеньев цепи необходим какой-то единый общественный орган типа собрания или совета представителей.

Такой орган предусмотрен и создан — это советы учредителей межхозяйственных объединений. Как зарекомендовали они себя на деле? Вот межколхозное строительное объединение. Колхозы учредили его, внесли взносы, избрали администрацию, а над нею поставили совет уполномоченных.

Районные МСО объединились в областные, а областные — в республиканское. И — встали над своими учредителями. Объемы строительно-монтажных работ, перечень объектов, прибыли и прочие показатели даются сверху, рас-

поражается межколхозными строительным колоннами кто угодно, только не учредители. То же и с межколхозлесом, с межколхоздорогой, межхозяйственным племообъединением, скотооткормом и т. д., и т. д. Получается, что вставшие на ноги дети не желают признавать собственных родителей.

Думаю, тут есть над чем поломать голову работникам Министерства сельского хозяйства — необходимо срочно принимать какие-то меры.

Небывалое дело! В разгар исполнения обширнейшей программы обновления Нечерноземного края газеты вдруг запестрели тревожными словами о пассивности земледельца: молодежь по-прежнему уходит из деревни, безучастность сельского жителя в общественных делах нарастает, отношение к земле, к хлебу поражает в иных местах равнодушием... Как будто не видит и не слышит он, земледelec, что пришел черед больших перемен на его родной земле. Авторы статей в недоумении: что произошло с коренным российским мужиком?

В самом деле — *что?* И главное — *когда?* Два-три года назад ни о чем таком не писали.

Всякое явление — это процесс. От первых, не сразу даже уловимых, симптомов до полной очевидности сложившегося процесса проходят годы и годы, особенно в явлениях социальных. Не может же извечное крестьянское отношение к земле, выраженное в пословице: «Помирать собирайся, а поле сей», в одночасье обратиться полным равнодушием: не посеяно, и не надо, я тоже подамся поближе к булочной. Или, скажем, деревня без невест. Уж как только об этом не говорим. А они, что же, девчата, взяли сговорились да и ушли разом? Нет, годами шел процесс. И этот, и другие, о которых с тревогой и болью пишем теперь, только не очень-то мы вникали в них, не спешили предавать огласке. А вот почему не изучали, не оглашали, над этим стоит подумать.

Российское Нечерноземье долго пребывало в забвении. Внимание прессы, а следовательно, и общества, было отдано другим регионам: сибирской целине, поволжским степям, кубанским черноземам, где совершались большие, государственного размаха, дела. О Нечерноземье же просто не вспоминали. Если же публицисты из числа «деревенщиков-нечерноземщиков» и пытались хоть сколько-нибудь заинтересовать редакторов назревающими проблемами, редакто-

ры им отвечали: «Полноте, какие у вас там могут быть проблемы, вы даже своим хлебом не живете». А земля — да еще такая! — без внимания жить не могла. На земле что-то происходило. Но что? Что?..

Нынче вон заговорили о «целинном характере», — дескать, там, на целине, в сложной битве за хлеб сформировался особого упорства, закалки, несгибаемости, размаха, таланта характер земледельца. Что ж тут удивительного? Большое дело делает и человека большим. Это — истина. В равной степени говорим о «сибирском характере», о «северном характере», о «русском характере». Земля и человек неразрывны. Земля формирует характер, характер меняет землю.

Зачастили сейчас и к нам, в Калининскую область, публицисты и, памятуя истину: «Земля и человек взаимосвязаны», сделали вывод о «региональном характере» нашего мужика. Дескать, нивы-лоскутки, деревеньки-десятидворки, озера и речки с дремотной водой, леса-перелески — все это настолько маломерно, неподвижно, вековечно, что и сам он, житель здешних мест, может быть только пассивным созерцателем, бескрылым приверженцем стародавнего уклада.

Малая толика правды в подобных утверждениях есть, но очень малая. Выходит, следуя логике этих публицистов, вроде бы так: земля наша обладает магическим свойством, она делает наш характер, а обратному воздействию не подвержена, преобразованию не поддается. Наивно, конечно. Школьнику известно, что у псковского, тверского, новгородского, костромского мужика хватало характера и на покорение суровых земель, и на жестокие битвы. От него пошли и «сибирский», и «целинный», и прочие характеры.

Нашей земле недоставало внимания со стороны пишущей братии. Проблемы в газетных статьях подчас ставились беззубо, неглубоко. Характер крестьянина раскрывался не в борении с трудностями преобразования нашей суровой, но податливой на человеческую заботу земли, а плакатно: тракторист (имярек) вспахал столько-то гектаров, комбайнер (имярек) намолотил столько-то тонн зерна... Помнится мне такой, весьма типичный, разговор с редактором:

— Написано неплохо, чувствуется знание деревни. Но почему частные случаи, отдельные факты выдаете за явления?

— Так ведь факт из ничего не возникает, он есть проявление тенденции.

— Вас тянет на глобальные обобщения. А обобщение ведет к отрицанию.

— Конечно. К отрицанию устаревшего, отжившего.

— Мы не против фактов, но...

Как боится он, робкий человек, явления! И — остроты. Так прямо и говорит: «Слишком остро. Придется смягчить». Будто не о публицистике речь, а о каком-нибудь соусе к мясному блюду.

Но кому ж, как не редакциям местных газет, надо бы первыми заметить уродливейшее явление наших дней — так называемых «несунов». Несут с поля и с фермы, с завода и со стройки все, что под руку попадет: картошку, молочную флягу, моток пряжи, тесину, банку краски... Надо, не надо — несут. Втихомолку и в открытую. А газеты делают вид, что никакого явления нет.

Так вот и с характером земледельца получилось: накапливалось — не видели, прорвало — спохватились.

Ну, ладно, проглядели, чего уж казнить, но то, что получили, понять надо. И поскорее. И по возможности без ошибок.

Разговоров на эту тему много. Всяк по-своему старается понять и объяснить, а в общем-то все споры сводятся к двум мнениям: на что следует нажимать — на сознательность или на материальную заинтересованность? Случилось мне быть свидетелем спора пожилого Бориса Ивановича, служащего из «руководящих районщиков», и молодого Юрия Владимировича, ученого-химика.

— У молодых все сводится к рублю, — доказывал первый. — И когда успели стать такими «материалистами»? Валяется — не поднимут, не скажешь — не сделают, а делают, то не за так — заплати. В школе учат, в институте учат — куда все девается? Надо же в конце концов понимать: все, что сделано, — для вас, все — ваше.

Элементарная порядочность обязывает быть хозяином.

— Вы, Борис Иванович, извините, идеалист, — парировал второй. — По-вашему, все дело в сознании, по-нашему — в интересе. В материальном, конечно. В первую очередь, но не только. Посулите мне хорошую плату — я сделаю, хорошо сделаю, но без души. Без вдохновения, если хотите.

— Выходит, нас вдохновляла идея, вас — рубль.

— Ну, что вы, право, все рубль да рубль. Материальный интерес — основа. И для шабашника основа, и для меня, научного работника. Но шабашника он заставляет «вквалывать» — и только, а мне обеспечивает возможность творить. Качественно — разный труд, надеюсь, понимаете. Рубль не должен быть «слепым».

Ученый, кажется, был близок к истине, когда говорил о желании творить. В самом деле, разве труд, да и вся жизнь Бориса Ивановича и его поколения не были творчеством? Были, да еще каким: страну переделывали! Все ново, без примеров и аналогий в истории. Это же высочайший взлет всех творческих способностей народа! И каждый в своем деле, большом или маленьком, в видимом или незаметном, был творцом. Но вот что удивительно: переделали, создали — и своим же детям отказываем в праве совершенствовать сделанное для них. Да ведь не бывает же так, Борис Иванович! Не бы-ва-ет! Каждое поколение меняет мир, свою жизнь, свое дело. Это естественно, как дышать воздухом. А по-вашему, надо всего лишь понять и ценить сделанное отцами и дедами, быть им вечно благодарными. Прав Юрий Владимирович, это чистейший идеализм, этакое розовенькое мечтание о «пробирочной сознательности». Нет, сознательность — не продукт словесных упражнений, это непрекращающийся бой, только в бою выковывается она, а не в тепленькой постели на всем готовом.

Как ни малы были капиталовложения в нашу землю, но они *были* и привели к значительным изменениям в производительных силах. Хоть и отставая, но край развивался вместе со страной, машинный труд пришел на смену ручному — на поле чуть раньше, на ферме чуть позже. Конечно, говорить о сплошной механизации как о свершившемся факте было бы непростительным краснбайством, много еще для этого надо и средств, и времени, но и умалять, тем паче не замечать, *качественно нового характера* сельского труда будет не меньшей ошибкой, ибо в характере труда кроется и характер человека.

Возьмем конкретные примеры. Вот доярка. Едва ли найдется человек, которому надо объяснять, что удоиность коровы целиком зависит от доярки. Дай нерадивой, неумелой работнице хоть самую высокопородную — большого молока не будет, а у опытной, заботливой и беспородная буренка в рекордистки может выйти. Так было раньше, когда дояр-

ка ухаживала за десятью-двенадцатью коровами. Она их доила, поила, кормила, к быку водила, теленка выпаивала, хлев чистила, то есть была универсалом. Универсальность выработала и отшлифовала ее искусство, в котором нет мелочей, все нужно и важно, во всем надо знать меру и толк. Механизация фермы не только увеличила «нагрузку» до пятидесяти коров, а на некоторых фермах уже до ста, но и разделила трудовой процесс на операции, оставив за дояркой одну — доение. Более того, на комплексах с цеховой технологией содержания скота и постоянных коров у доярки не стало, есть цех раздоя, цех товарного молока. Кончилось искусство мастера-универсала, доярке оно уже не нужно. Отныне все тонкости должен знать зоотехник и так поставить дело, чтобы каждый работник в совершенстве знал свою операцию и добросовестнейшим образом исполнял. Конвейер! Как всякий заводской конвейер. И пришло время думать, как не порушить, не остановить в душе человека все те движки и движочки, которые понуждали его достигать высот мастерства, будили и поддерживали неустанный творческий поиск.

А схема глуха и слепа. Вот она: строить железобетонные громадины на четыреста, восемьсот, тысячу коров, вводить цеховое содержание, станцию осеменения — одну на всю область, телят сортировать: на племя — в хозяйство «А» — за тридцать километров, на мясо — в хозяйство «Б» — за пятьдесят километров, и прочее, и прочее. И ни одной строкой — о человеке! Технологи дуют в свою дуду: психология не наша функция. А чья? Психологов, НОТовцев? Таких служб на селе нет и, похоже, не предвидится в ближайшее десятилетие. А отношение к новым своим обязанностям у человека складывается. Стихийно. Где как. Есть порядок в хозяйстве — что-то нащупывают, нет порядка — пошла катавасия: «Задери вас леший, что мне — больше всех надо?...»

То же и на поле. Правда, тракторист по натуре более, чем доярка, коллективист, он с самого начала в бригаде, ощущение своей зависимости от коллектива у него сильнее. Но тут другая сложность. Если доярка и теперь получает зарплату за надоенные литры, то тракторист — за накрученные на колеса гектары, а не за хлеб и за своим товарищем особенно не следит. Что касается инициативности, то и у тракториста на поле нет «свободы технологического маневра». Агроном, инженер разрабатывают конвейер, в котором трактористу отведена роль исполнителя — и только. Не мо-

жет он сам посеять на данном поле не овес, а ячмень, даже отцепить косилку и прицепить грабли, чтобы убрать до дождя сено, не может. А уж сколько чего сеять-жать — вообще не в его воле.

Вот чего не учитывают подчас схемы — нового характера труда и нового положения земледельца в коллективном трудовом процессе. Многие схемы в этом отношении консервативны. Авторы их словно бы берут в расчет некоего средне-списочного безликого работника. Составляли, скажем, в райсельхозуправлении схему специализации растениеводства. Вот уж когда следовало бы посоветоваться с механизаторами! Им же сеять-убирать. Да и кто лучше их, всю жизнь пашущих свое поле, знает, на что оно способно. Кто, кроме них, может наверняка сказать, под силу ли колхозу возделывать семьсот гектаров льна или не под силу? А вот же не подумали районные специалисты обратиться за советом, сели за столы, пробежались по клавишам счетных машин, разделили моторы на мотористов, помножили центнеры на гектары — готово, вот вам план, шуруйте! Утрирую, конечно, сами понимаете, но смысл именно таков — кабинетный расчет.

Чем же объяснить нежелание советоваться с земледельцем? Вроде бы абсолютно нечем. И все-таки можно. Представим себя на месте, скажем, начальника райсельхозуправления. Пришло из области указание — приступить к разработке плана специализации. С чего будем начинать? Рассуждая теоретически, надо бы собрать представителей колхозов, проанализировать положение в полеводстве и убедительно доказать выгодность и необходимость концентрации посевов. Потом поехать в колхоз на общее собрание и вынести на утверждение новый план. Колхозу ведь нельзя приказать, ему можно только рекомендовать, ибо хозяин колхоза — общее собрание. Примет собрание план или не примет, будет зависеть от обоснованности аргументов и трезвого учета сил и возможностей хозяйства.

Так должно быть. Но так не всегда бывает. Начальник управления засаживает за работу специалистов, они собирают уйму цифр, анализируют, распределяют, составляют и хотя порой видят, что какая-то планируемая цифра нереальна, все равно вписывают в соответствующую графу, потому что иначе план «не пойдет», нет в нем ажур. Специалисты будут работать на «красивый план», на бумагу, менее всего заботясь, а как оно выйдет на деле, каков будет результат, хотя вслух об этом никогда не скажут. А все от-

того, что нет рычага обратного действия — пахарь не может потребовать от своего руководителя возмещения убытков от навязанной ему схемы. По-моему, тут и только тут кроется первопричина многих огрехов — в ущемлении естественного и законного права члена коллективного хозяйства быть хозяином закрепленной за ним на вечное пользование земли. О том не раз и не два, а многократно говорилось в высоких партийных решениях. Строжайшего соблюдения этого права требуют новые экономические условия. Машинизация производства поставила земледельца в положение работника на конвейере и сузила поле для его инициативы. А если еще отобрать у него, земледельца, и решающий голос в общехозяйственных делах, так что же останется от самой творческой на всем белом свете профессии?

Механизация неизбежно повлекла за собой и специализацию. Специализированные же организации «отобрали» у тракториста его кровные, издревле земледельческие операции: удобрение почвы, известкование, осушение и т. д., то есть «корешки», а оставили «вершки»: пахать, сеять, жать, но сами за то, что вырастет, не отвечают и тракторист спросить с них не может. Более того, некоторые производственные схемы словно бы нарочно подчеркивают свое недоверие пахарю. Известкование почвы, осушение, внесение торфа оплачиваются подрядчику, минуя хозяина, прямо Госбанком. И земледелец не может на общем собрании или на заседании правления потребовать, скажем, не оплачивать работу бракодела. Да и какое мне дело, говорит он, деньги-то не наши. Можно, конечно, винить в таких просчетах агронома, председателя, кого угодно, и резон в том будет, но существа дела это не изменит. Существо в том, что дальнейшее развитие производительных сил, вызвавшее специализацию, создает иные условия для проявления общественной активности земледельца — поле его интереса вышло за рамки колхоза, охватывает уже весь район.

Резкие изменения произошли и в другой области, чисто житейской, бытовой. Исчезает колхозный двор. Горожанин, может быть, и не знает, что колхозный двор и семья не одно и то же. Колхозный двор — особая семейно-производственная единица: собственно семья колхозника, дом, надворные постройки, скотина, земельный участок.

Посмотрим, что произошло с «двором» Александра Шаврова, тракториста из деревни Кокошкино под Ржевом. Семья у него состояла из шести человек: он с женой, мать — престарелая колхозница и трое сыновей. Нынче остались

вдвоем с женой. Мать похоронил, а сыновей, выучив на механизаторов и оженив, отделил. Всем троим колхоз дал коммунальные квартиры в новом поселке за березовой рощей, в трехстах метрах от отцовского дома. Вроде бы из одного колхозного двора получилось четыре, а нет, двор отца так и остался двором, а у сыновей — только семьи. У них ни сада-огорода, ни скотины, ни хлева, они обыкновенные квартиросъемщики, живущие на свою трудовую зарплату.

Колхозный двор Александра Шаврова связан многочисленными ниточками экономического интереса с коллективным хозяйством. Ему нужен выпас для скота, сенокосный участок, дрова, солома на подстилку, транспорт для обслуживания подсобного хозяйства, лошадь или трактор для огорода, тесина, жердина, бревно на ремонт дома и хлевов и т. д., и т. д. Следовательно, он лично и материально заинтересован, чтобы покосы были чистыми, пастбище располагалось неподалеку, да не просто пастбище, а с хорошим травостоем, чтобы лес не редел, не захламлялся, а поле родило бы богато — словом, ему выгодно, чтобы уголья были продуктивными. А сыновьям? А сыновьям все равно: они несколько не страдают, если стало негде пасти скотину, лес сгорел или начисто выкорчеван, на лугу нечего косить!.. Вся их выгода и все благосостояние — в паре собственных умелых рук. О чем они станут хлопотать, что отстаивать, защищать на колхозном собрании? Чтобы были запасные части к машинам, чтобы правильно и своевременно выписывались наряды, чтобы порядок был в гараже. Пожалуй, и только. Осталась в поле льнотреста, не застоговали солому, не выкосили луг, не нашли пастуха, и придется пасти поочередно — лично их это не касается, не заботит. Зримая, осязаемая связь с общественным хозяйством, со всей окружающей землей у них порвалась. Они тут такие же работники, как на любом городском предприятии.

Подобных колхозников становится все больше. Пожалуй, их теперь большинство. В Кокошкине всего десять колхозных дворов, а в поселке уже шестьдесят таких семей, как у сыновей Шаврова. Нынешний поворот в сторону индивидуальных домов усадебного типа не остановит процесса сокращения числа колхозных дворов, ибо наряду с этим будет продолжаться и строительство «многоэтажных», а главное — у молодого крестьянина нет больше желания жить «двором». Социальное развитие деревни неостановимо идет в «городском» направлении.

Таковы некоторые изменения деревенской жизни, вызванные экономикой. Прибавим к ним еще одно, порожденное естественным ходом времени. Завершилась смена поколений. Уходят на пенсию последние фронтовики, солдатские вдовы, земледельцы военной и послевоенной поры.

У меня до сих пор стоит перед глазами небольшой зал сельской столовой. Сдвинуты в ряды столы. По одну сторону — молодые, армейской выправки ребята по другую — седоголовые, кряжистые, с темными от въевшегося металла ладонями — их отцы. То была встреча ветеранов-трактористов со своей сменой. Кто-то из стариков произнес: «Мало нас», — и словно ветром пригнуло головы, опечалились продубленные ветром лица, и читался на них вздох: «Ах, братья, сколько полегло вас не на своих полях!..» В том маленьком зале много тогда говорили, что нельзя ветеранам запираяться в своих избах, надо бы организовать в какой-нибудь совет, найти какое-то дело для опытных рук.

Очень правильные слова! Ведь ныне на селе уход на пенсию — это и уход из производства. Раньше старики работали, пока были силы, а теперь, во-первых, и нужды нет; во-вторых, посильная работа (посевы льна, картошки, фермы, ток) далеко, не за околицей своей деревни, а верст за пять-шесть; в-третьих, работать стали на моторах, с которыми не всякий старик и сладит. Ну, а коль не работаешь, то и на собрания тебя не всегда зовут, в разные там комиссии не выбирают, в опыте твоём, знаниях, навыках не нуждаются — потекла жизнь мимо. Правда — отрадное явление! — получило распространение сегодня наставничество, и это очень важное, очень нужное звено в системе передачи опыта старшего поколения младшему.

И еще об одном. Механизация повлекла за собой концентрацию производства, последняя в свою очередь — концентрацию населения. Работающее поколение, дети и внуки ветеранов, перебрались и перебираются в центральные села и поселки, старики, прикипевшие к родным местам, не всегда готовы ехать за молодыми, остаются в малых деревеньках. А передача представлений, навыков, традиций — всего того богатейшего наследия, которое называют нравственным опытом поколения, не может совершаться успешно, если не трудиться и не жить бок о бок, совместно, повседневно. Значит, проводя необходимую работу по подготовке переезда крестьян из неперспективной деревни в благоустроенное село, надо не забывать и колхозника-пенсионера — надо убедить его, что и он нужен новой деревне, надо при

планировании ее, этой новой деревни, учесть пристрастия и запросы и старика — не загонять его на пятый этаж, не лишать приусадебного участка, двора для скотины и т. д., и т. п.

В связи с этим возникает вопрос: а учитывает ли производственная схема психологические последствия экономических мер? Посмотрим с этой точки зрения на схему новой застройки деревни. Из соображений экономии материалов, земли, труда авторы схемы взяли курс на многоэтажное строительство. Получилась ли экономия? Как будто бы да — расход труб, кабеля, кирпича и прочего уменьшился. Но тысячи крестьянских семей, переселившихся на этажи, отказались от личного подсобного хозяйства, и ощутимо сократилось производство мяса, молока, картофеля, овощей. Малая экономия обернулась большим убытком. Поправить дело, казалось бы, не составляет труда. Сняли надуманные ограничения, более того, всячески поддерживаем подсобное хозяйство (строим хлева, даем сено, зернофураж, транспорт), а крестьянин не торопится обзаводиться скотиной. Почему? Да потому, что уже сформировался определенный психологический тип селянина, живущего в коммунальной квартире на всем готовом, и давай не давай ему хлев, он корову заводить не станет: утратил навыки, не хочет обременять себя лишней заботой. Новая психология, как видим, стала экономической категорией, — следствие, которое превратилось в причину. Теперь только экономическими санкциями (поощрением подсобного хозяйства) дела не поправишь, нужны меры воздействия на психологию.

Или другой пример. Многие годы в Калининской области (и в других тоже) бились над внедрением звеньевой организации труда на поле. Уже видны были результаты: росли урожаи, росло и хозяйское отношение к земле, к машине — вырабатывался определенный тип механизатора, с развитым чувством хозяина. Но вот специалисты нашли, что этот путь по каким-то технологическим соображениям негоден, и разработали так называемый отрядно-эшелонный метод возделывания земли, в результате которого поле становится «ничейным»: трактористы пашут, сеют и жнут всем скопом, никто ни за что не отвечает. Родившееся было чувство хозяина поля и хлеба начало чахнуть, его вытесняет психология наемного подрядчика.

Мне вспоминается в этом плане разговор с механизатором псковского колхоза «Прожектор» Анатолием Ильюшенковым. Вот что он говорил о чувстве хозяина поля:

— Одно время председатель приказал будить нас в три часа утра. Бригадиры ходили по деревням и стучали в окна: поднимайтесь, тебе удобрения рассеять, тебе боронить... Встаем, заводим тракторы... А бороны где? Где погрузчик? Пока ищем бороны, пока ждем погрузчик, глядь — уже десять часов. Помытарили, помытарили нас и отстали. Не надо мне команды, когда вставать, скажите: вот твоя земля, вырасти на ней то и то, а я уж сам разберусь, когда, что и как делать. А в чем не разберусь, агронома приглашу...

Схема только тогда жизнеспособна, когда она дает возможность для развертывания творческой самостоятельности масс, когда она, намечая конечную цель, не сковывает инициативу хлебороба, а, наоборот, поощряет ее.

Очень точно сказал по этому поводу Леонид Ильич Брежнев в речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы 22 февраля 1979 года:

«Там, где сидят сложа руки, ожидая по любым вопросам указаний свыше, — там успеха не дождешься. И, наоборот, если люди смело берутся за дело, дают простор инициативе, подхватывают дельные начинания, — успех обеспечен».

Иван СИНИЦЫН

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

1

...Спор становился резким, братья обстреливали друг друга колючими взглядами, старший наседал:

— Сколько лет уж мы с тобой талдычим: «Низка культура земледелия»; «Повышать культуру...» Сколько? Десять? Больше? И доколе же?

— А ты хочешь — прыг-скак, и готово? По-газетному?

— Голубчик, у тебя теперь техники в четыре раза больше, чем десять лет назад, удобрений, слава химпрому, — тоже; у тебя теперь такие кадры — дипломированные специалисты, механизаторы широкого профиля! И гарантированная денежная оплата.

— И братеник в газете работает!

— Милейший, я ищу, я хочу до конца разобраться: доколе сие и почему? Машин, как говорят, хоть отбавляй, а все не успеваем как следует ни посеять, ни убрать. Что думает председатель колхоза?

— Я многое думаю. Если бы все получалось по-думанному!

— А почему у Гиталова получается, у Первицкого?

— Слушай, ну до чего же... Эх! Научился ты... Примеры! А условия? Люди? Отношение?

— Вот именно — от-но-ше-ние! Но на чем оно растет? Как ты его формируешь и чем, чтобы это было отношение хо-зяй-ское? Крепким голосом плюс матерным словом? Тем, что умеешь «держат в напряжении»? Это у вас называют твердым руководством?

— А ты попробуй с этой публикой... Они мне в глаза говорят: «С нами иначе нельзя!» Ты попробуй!

— Да? А ты читал во вчерашнем номере о колхозе «Заветы Ильича»? Как он пошел на подъем? Какой «архимедов рычаг» применил там новый председатель? Крепкие вожжи? Отнюдь! Он начал с того, что стал будить инициативу людей. Помог каждому почувствовать себя силой решающей, помог каждому развернуться. И пожалуйста: сегодня мы узнаем целый букет новых имен — звеньевых, механизаторов, доярок, телятниц. Спрашивается, где они таились раньше? Почему при прежнем руководстве о них ничего не было слышно?.. Твердим о резервах. А вот такие примеры, по моему, очень вразумительно говорят, что наш главный резерв — в самом человеке. Творческие возможности человека, четырнадцать миллиардов думающих клеток — вот наш самый мощный, самый золотоносный, самый неисчерпаемый резерв! Вот отсюда, голубчик, наверно, и начинаются все «условия»!

— Согласен! Но тебе бы в мою шкуру хоть на годок. Хоть на месячишко! «Букеты», «творческие возможности»... А ты попробуй вот такую махину охватить, за всем углядеть, все направить, попробуй тут дисциплину держать! Я, наверно, по пятьсот вопросов за день решаю. А я не совнарком! Мы четыре раза укрупнялись, ты это забыл? Одиннадцать деревень, шесть ферм, машинный парк, как в МТС, а людей не хватает, и все на председателе замкнулось. Я встаю в полчетвертого и целый день мотаюсь как проклятый! Я уже не помню, воскресенье сегодня или четверг — для меня все дни сплошное напряжение, к вечеру я как тр-ряпка, как выжатый лимон. До тошноты! Не хватает даже сил губами шевелить. Это я могу сказать только тебе.

— Подожди... Ты сядь. Давай подумаем, почему все замкнулось на председателе? Ну ясно: он царь и бог и козел отпущения. Но почему в колхозе как будто все нужно ему одному, а другим вроде нужен только трояк или червонец?

— Ну-ну, ответь, я послушаю, ответь.

— Я вот опять походил по вашим полям... Ты только давай так: со спокойных философских высот. Вот одно поле, второе, третье. Я смотрю на них — там все засеяно, но мне не приходит в голову сказать себе, что это пашня, что это нива. Это поля, где царствует пырей, сурепка и осот — в рост человека. Это неподнятая целина. Хотя все вспахано и засеяно. Там камень торчит, там — трос. Поля, не знающие хозяина.

- И только у меня у одного такие поля?
- Не только. Но в чем дело? — вот вопрос.
- Ну-ну, давай!

— Утром вот с нами ехал дедок. Му-удрый дед! «Все,— говорит,— зависит от того, как мы относимся». Я обалдел! «Ну, а это,— говорю,— от чего зависит,— как вы относитесь?» — «С того самого,— говорит,— и зависит! Как, значит, тебя поставят. Бывает, глядь, а ты вроде бы кверху колесами стоишь. Все,— говорит,— при тебе и кругом все в целости, а только ты вроде бы кверху дырком. От того и зависит».

— Мудрец! «Кверху колесами»!.. Я знаю, о ком ты говоришь. А ты попробуй ему поручить что-нибудь, он из тебя выжмет фунты-походы!

— А может, попробовать его понять? Он крестьянин, он привык делать и видеть плоды, чувствовать себя силой товарищей, а видит себя мальчиком на побегушках! Он хочет чувствовать себя хо-зя-ином в жизни колхоза, а ему — рубль в зубы, и отходи! Как он будет относиться? Вот он и стоит как неисправный автомат: у него одни руки работают, да и те гнутся только к себе.

— Во-от! Сунь монету, да еще кулаком постучи!

— Но ты, по-моему, о разных этих «штуках» шибко-то и не думаешь. Твое дело — наряд: иди туда-то, делай то-то. Бери тут, кидай туда!

— А больше так и приходится. Время!

— Хо-ро-шо-о-о... И ты уже уверен, что обильные урожаи растут на распоряжениях? Техника, руки плюс твой приказ? А герои и подвиги произрастают на рубле и на железной дисциплине?

— Время, брат! Сегодня ты больше ничем особенно и не возьмешь.

— А я вот думаю, что рублем мы с тобой людей где-то подпортили. Мы неразумным разжиганием материальной заинтересованности им души замутили, они уже, как говорится, в ряде случаев не дело делают, а гонят нормы. Иные вроде уже и забыли, что на свете существует естественная радость труда, любовь к нему, что есть муки и радости хлеборобского творчества. Все это мы с тобой рублем от людей загородили. А рубль — он дядя коварный, коммунистического в нем, прямо скажем, ни на грош! Передоверять ему воспитательную работу — это, что называется, боже упаси! Да и организатор он такой, что гляди в оба! Все это я засек. Но я не думал, что вольный банковский рубль подпор-

тит и тебя, руководителя! А это, кажется, случилось. Ты уже привык, что рубль все тебе сделает, можно особенно не беспокоиться, можно с людьми вроде долго и не разговаривать, душу и сердце их не трогать,— получай и отваливай!

— Это есть...

— Вот — «есть». А артачился!

— Нервы уже не выдерживают другой раз. Ты думаешь... Тут в иной час кажется, что и железные нервы не выдержат! Этому, понимаешь, сеять не хочется — пыль там глотать! — подъемник заporол, стал на ремонт. Тот из тебя выжимать начинает: «А что я там заработаю?» А этот вообще исчез. Тут сев, самый разгар, а он умотал куда-то! Совсем: с трактором, с тележкой, с плугом. На другой день заявляется, весь сивухой пропах. «Где был?» — «К теще ездил картошку сажать. А что такое?» — «Да как же «что такое?» — колхозный ты трактор угнал, тут сев стоит!» А он знаешь мне как ответил? «Подумаешь, беда! Не посеешь нынче — посеешь завтра — только и делов!» Ты понял? Конечно, такие фокусы не каждый день, но... И не скажи! Выбирай выражения! Сеет ячмень, семяпроводы — какие поверху болтаются, какие позабывались — третья часть рядков пустая. Го-о-нит! Мы подъехали, секретарь райкома ему спокойно, вежливо: «Ну как же вы так? Смотреть же надо». Наш малый как понес! Тут и сеялки ему не нравятся, и начальство надоело, и «вообще, брошу на хрен, в город вон, и сейте вы тут!»

— Да-а... Но слушай: это же как раз и есть «кверху колесами»! Как раз то самое! Люди так поставлены. То-бо-ю повернуты так! А я о том и речь веду: ты поставь человека так, чтобы он работал как добытчик, чтобы душа у него горела не тем синеньким огоньком в сорок градусов, а огнем настоящего человеческого рвения, инициативы, чтобы он не уставал искать и находить пути к лучшему результату и чтобы имя каждого стало у тебя почетным и знатным! Помоги ему, каждому. Раскрыться помоги, развернуться. Он жить по-другому начнет, другие радости узнает, не синенькие, настоящие. Ты увидишь совсем другого человека, и тогда насколько легче станет твой собственный воз!

— Если бы это просто: взял и поставил...

— «Высокая материя»? Вот видишь, всем ты в своих дальних поездках интересовался: комплексами, кормоцехами, безотвальной пахотой, а этим... Конечно, тут и наш брат,

газетчик, грешит шаблонной однобокостью.— Он повернулся ко мне.

Я следил за ними, усевшись в угловом кресле председателя кабинета, и записывал, что успевал.

Обоих я знал давно: и этого жилистого длинноногого газетчика, Александра Александровича, привыкшего пробираться из района в район пешком, и брата его, Николая Александровича, председателя колхоза, когда-то работавшего в райкоме партии, теперь устоявшегося хозяйственника, волевого, глыбистого и подвижного, успевающего все видеть и справа, и слева, и позади себя своими натруженными бессонными глазами.

Не был я у него лет семь, но меня многое в нем обнадеживало с первых его председательских шагов. Дела у него, казалось, пойдут ходко, и, может быть, через пять-семь лет колхоз этот станет таким, что к нему потянутся все ищущие надежного полноценного опыта. Ох, как он нужен нам, такой опыт, полный самых разнообразных коммунистических, коллективистских начал! И я тогда подбросил ему одну идею. Она не мною была придумана — идея того, как вернуть земле труженика-хозяина, хозяина-коллективиста. В разительном, ярком воплощении я увидел ее в одном калужском колхозе, под Сухиничами, и, красок не жалея, рассказал о ней Николаю Александровичу. Он слушал как-то сурово, не перебивая и не возбуждаясь, а в конце с тем же суровым выражением сказал: «Да, стоит подумать». Он не загорелся, но мне казалось: зерно было брошено в живую почву, и оно должно прорасти.

Теперь я видел: не проросло. И я хотел уже начать расспрашивать, что, как и почему, но тут приоткрылась дверь, потом в нее постучался кто-то, показалась розовая лысенькая голова, тонкие очки, и вошел опрятный маленький дедок в поношенной солдатской гимнастерке.

— Вот как раз мой утренний знакомый! — высоко откинул голову Александр Александрович.— Мы говорили с ним, как поставить человека... Я вот рассказываю, отец, о нашем с вами разговоре, давайте знакомиться.

Дедок по-детски запрокинул голову, сипло, тоненько и задиристо назвал:

— Иван Вуколыч, бывший хлебопашец.

— А знаете, Иван Вуколыч,— усевшись у стола и закинув ногу на ногу, заговорил Александр Александрович,— нам очень бы хотелось вас послушать, познакомиться, так сказать, с историей жизни...

— Угу. Познакомиться...— прищурился дедок и пожевал губами.— А для какой же, примерно, надобности? Я не начальник, не герой какой-нибудь... Это даже чудно!

Его долго пришлось уговаривать, пока наконец он уселся половчее и начал собираться с мыслями.

— Может, тут-то мы и пойдем, откуда ветер дует,— проговорил Александр Александрович, раскрывая блокнот.

2

— Отца-то мово, Вукола Никитыча, вы навряд ли знали. Самый тут первый был колхозный полевод, в Николаевке. Рослый был, белая борода, сам румяный, по пашне любил разумши ходить. Земля сдобная, мягкая. Люби-ил! А полевод тогда — это был навроде агронома. Ну, организовался колхоз, тридцать два двора, триста гектаров пашни, а кому руководить? Давайте из своих, из мужиков, какие помыслистей, поверней. Председателем поставили Ивана Авдеича — промежду мужиков матерши-инник был! Но башка трезвая, и соображал. Конечно, как таким делом артельным править, он и сном-духом не знал, не ведал, откуда ж?.. А выручало, что все у народа спрашивал. Чуть что, бывало: «Ну, народ, давай думать».

Вот сошлись в колхоз, собрались, ну, первое дело — давайте, как с землей будем? Вот у нас триста гектаров пашни, все гектары эти мы знаем и на вид, и на ощупь, и по запаху. Вот, давайте, как мы их повернем? Какой севооборот у нас будет: трехпольный или шестипольный? А может, девятиполка? Думали, рядили, Авдеич: «Это, братцы, дело такое — агронома надо позвать, что он скажет, какой лучше и почему». Позвали, приехал. Участковый был агроном Шмелев Филарет Романыч. «Так и так, трехполку не советую — отсталое дело, рекомендую многополье с клевером». Послушали — верно: клевера у нас идут! Это будем мы и с кормами, и с хлебом, это уж мы убедились! Авдеич глядит: «Так, народ? Давайте так!» Ну, теперь землеустроителя зови. Приехал. «На сколько полей? Шестиполье? Девятиполье?» Поля нарезал, на карту нанес — пожалуйста, руководствуйтесь, чтоб ни один клочок не гулял.

Глядят мужики, бабы глядят: «Вот, верно! А Туманово, луга наши заливные,— они уже кочка на кочке,— Туманово, где самое неудобье, пока распахать под капусту, под разную овощь. Там капуста — во будет!» Авдеич слушает. «Да! Это дело! Давайте так».

Это, значит, борьба была за лучшее использование земли. Все решили, давай делать. У нас восемьдесят гектаров одного было клевера! И клевер — во, в пояс! Тут кормов было — стога, как города стояли! А на Тумановом капусту посадили — что вы думаете? Кочаны были — не подымешь. На выставку повезли — все ахают: «Да откуда ж это?» Государству возим, куда уж не берут. «Ну, давайте, по сколько на трудодень? По килу!» А их, трудодней, у одних Макаровых было больше тыщи, у них и ребята работали на том же огороде, по семьдесят пять соток им писали. И еще колхозному скоту на зиму полный сарай капусты набили — Новиков сарай стоял на горе. И пошло! Каждый год! Свекла кормовая родилась — во чураки! Рубят, бывало, доярки — дух радуется! Сто пять дойных коров у нас было. Сто пять в таком колхозике! И три тыщи литров — это самая плохая корова давала! Мы знаете сколько сдавали молока? Тогда отоваривание было, дак нам грузовую машину за молоко дали. Колхозик — тридцать два дома, и своя автомашина! Это до войны, тогда их вообще-то, автомашин, было раз-два, и обчелся.

Так вот и жили. Все в свое время успевали. Дальние луга и клевер скосить — это до петрова дня! Солома — на корм и на подстилку, каждый клочок — в дело. Молотим и тут же — в стог. Не любили, чтоб плохо делалось. С первых дней. Пашем, глядь, отец идет. Я пахать любил. Молодой был, пятый год как женился... Пластик к пластику, бывало, кладешь, грачи за тобой... Я и умору не знал. На лошадях тогда пахали. Подойдет отец к бабам, они ему: «Погляди-ка, Никитыч, получше, как вон Марья пашет. Фальши бы не было какой». Вот дело-то. Хозяева. За версту видят, скрывай — не скроешь. А он строгий был, отец. Фальши на дух не терпел! И любил, чтоб порядочек, чтоб каждая бороздка аккуратная была, чтобы зернышко в мягкую постельку ложилось. И Авдеич так.

Но Авдеич был дорог чем? Он понимал: в артельной жизни самое главное, чтоб люди знали, что все делается правильно. Чтоб они не сомневались. Иначе жизни не будет. Тогда пойдет: кто — в лес, кто — по дрова. Он это душой понимал. И если что — он в такой тебя, оборот возьмет! В пот вгонит, но до души он доберется! А в другой раз не словом — примером. Распахали, помню, Туманово, разборо-нили — вся пашня в «печенках», как шапками закидана. Давайте, говорю, бабы, мы их сгребем, а то укореняться ну-ка начнут. «А и правда, давайте!» Начали. Вот и он идет.

Глядит на меня: «Ну, ты одумал! Это засохнет, перепреет — удобрение будет!» Я — свое: укоренится. Он: «Нет, перепреет». Ну, он от агронома, от землеустроителей набирался, в голову брал! Тут отец подошел, на меня: «А ты спросил бы!» Осенью Авдеич взял «печенку», подзывает. «Гляди! — разломил ее.— Видал? Перепрела! Едрена вошь! Агрономов слушать надо, если не знаешь».

Так вот нас, молодых, учили. Весной меня уже — бригадиром. Говорят, давай, чего не сообразишь, отец поможет. А потом тут получилась такая кутерьма... Не стал бы и вспоминать — душу маять. Не буду, пожалуй. Нет! И так много наговорил. Да нет! Ну, а что хорошего?.. Да урок-то урок. А и у меня вся душа в рубцах. Это же самое ведь и мне пришлось пережить — у нас с отцом судьба в этой части одинаковая.

Ну что ж, видно, деваться некуда...

Это уж году на восьмом получилось. Весной. Весна затяжная была, сев шел туго. Приехал уполномоченный, собрал нас: «Вы что? Вы думаете сеять?» — «Как же не думать? В две смены пашем, землю готовим». — «Да у вас же все под зябь вспахано». — «А вы гляньте, что с этой зябью сделалось. Как дорога стала». — «Что вы чепуху говорите? Давайте пускать культиватор и немедленно сеять». — «Не берет культиватор — только царапает землю, обязательно перепахать надо, мы-то видим». — «А вы гляньте в сводку, на каком вы месте. Вы проваливаете сев!»

В поле пошли, пустили культиватор — царапает. Следом пускают сеялку. Отец побелел: «Не пущу! Я под трактор ляжу!» Тот кулаки сжал: «А мы тебя судить будем! За срыв!»

Дошло чуть не до драки. Председатель сельсовета схватил отца за руки, держит, сеялки пустили, отец кричит: «Паршивцы! Что ж вы делаете!»

Заболел он с тех пор, пожелтел... Вышел летом как-то за деревню, стал на бугре... Посевы чахлые, с плешинами. Стоит он в белой рубашке, без шапки, стоит, а я гляжу: руки у него как отсыхают, как сухие соломины делаются, и сам он весь будто сохнет на ветру.

А потом и со мной такая же получилась песня, это уж после войны. Тоже: «Судить! За срыв!» Потом и я чуть под трактор не кинулся. Это уж вот когда клевера наши приказали сничтожить. Тоже схватили меня за руки... Это не клевера были, это загляденье! Там кормов было-о!.. Не стерпел я. Не смог больше стерпеть. Ушел. Видно, думаю, про-

щайся ты, брат, с хлебопашеством. Ушел совсем. В пастухи подался.

Прошло? А что прошло? Что прошло-то, Николай Александрыч? Так они вон и остаются, запаршивленные поля. А люди? На своей земле люди по найму работают — это «прошло»? Трояками-пятерками ты людей на отчетное собрание зазываешь — это что ж за колхоз? Это ж думать надо!..

3

Несколько минут мы сидели молча. Николай Александрович глядел куда-то в сторону, потом, будто отключаясь от своих дум, сказал:

— Что толку ворошить все это старье?

Мне стало пасмурно. Как же он мыслит, какими эталонами руководствуется, этот практичный и совсем ведь не пустой человек? Неужели после такого спора, после этих драматических историй, о которых рассказал Иван Вуколович, у руководителя народного не возникает никаких, по современному скажем, конструктивных мыслей, и он может без малейшей заботы пропустить все это мимо себя?

Теперь я догадывался, что оно и не могло прорасти, то доброе зерно, которое когда-то я завез ему из-под Сухиничей. Но я уже знал, что и там, где оно вызрело и было встречено звонкой многообещающей радостью, как драгоценная новь, ему повезло не лучше. Это вообще была история, полная драматизма. Мне она долго казалась необъяснимой, как печальное недоразумение, но вот сейчас я видел живого руководителя, который тоже понимал, как нужна ему эта добрая новь, и все-таки прошел мимо нее.

Что тут работает? Как и отчего?

И я напомнил ему... Напомнил, как рассказывал о сухиничском звеньевом Анатолии Хотееве, рассказывал и надеялся, что это захватит, зажжет начинающего председателя с головы до пяток, и он всю ночь будет терзать меня расспросами и вопросами, потому что это как раз о том самом — как разбудили вдруг в человеке хозяина и какие от этого стали происходить чудеса.

...Это казалось и вправду чудесами. Кто, бывало, ни глянет в Татаринцах на Толика с Павлом — стоит и сияет, озадаченный. Интересно! В чинах, что ли, нынче повысили трактористов или каким стимулятором сбрызнули? Идут — походка деловитая, речи хозяйские, подсчеты-расчеты разные вслух — что твои бригадиры!

Деревня еще спит, еще Алексей Исаевич досматривает свой короткометражный председательский сон, а Толик с Павлом уж рванулись с домашнего старта. На ходу открывают жаркую планерку — что откуда и куда, раз-раз — заводят свои «Беларуси», подкатили к удобрениям, лопаты в руки — пошли кидать в тележки. Ни указаний, ни грузчиков не ждут — сроду того не было! Накидают им, бывало, девчата по полтележки, скажут лукаво:

— Хватит, а то ну-ка не сvezешь!

Павел, чумазый, быстрорукий, еще эмтээсовской школы тракторист, дернет козырек вверх-вниз, подмигнет хитровато:

— Чикаться тут, что ль! Гони давай, жми на нормы — не моргай! — И помчится с ветерком.

Теперь ворочает лопатой, как машина, ловким чертом вскакивает на тележку, комки разбивает, ворох разравнивает, чтоб влезло побольше, да оглядывается воровато — не идет ли председатель: заворчит вдруг... Хотя сколько уж лет кидали эти снадобья как попало!

Спешат трудяги, вспотели. Идет председатель мимо — только побрякает от удовольствия: вон как дело завертелось!

Это была его идея: испробовать систему Первицкого. Вызвал Толика: «Так и так, звеньевым возьмешься — картошку растить? Оплата от урожая». — «А что? Попробую».

Собрались, порядок дела звену объяснили. Вот вам поле — 104 гектара, вот удобрения и семенной материал. Вот план: 70 центнеров с гектара (среднегодовая урожайность по колхозу была 68). Оплата (за все работы аккордом) по 93 копейки за центнер, а за сверхплановые в полуторном размере.

Составили договор, подписали — длинная бумага, с неделю правленцы сочиняли.

Картошку Толик с детства уважал: росли на ней. Голодное было время, картошка выручала деревню. Выручала, милая! Девять лет было Толику, он с матерью, с братишкой сажал и растил ее на огороде. И любил копать, любил, когда попадалась она крупная, чистая. Сваришь такую, да горяченькую, рассыпчатую — с огурцами!.. Утром зайдут соседские ребяташки, есть им хочется. «Садитесь, ребята, ешьте!..»

— Ну, ты теперь заведешься! — сказала Толику Маша, жена.

— А что я так буду: нынче там по чьим-то огрехам сешь, завтра вон где! — посыпал Толик. — Работаю-работаю, а работы не видно. А тут — все твое, родное! Выкладывайся и показывай результат.

Работали Толик с Павлом, думали... Агроном советует аммиачную воду внести под запашку. А как ее? Чем? Нет пока такой техники в колхозе.

— Если бочку приспособить под плуг? — сообразил Толик. — Трубки под лемеха...

— А по сколько лить на гектар? Перебачишь — погорит все к черту!

— Это рассчитать можно. Подобрать трубки такого диаметра...

И еще забота: возят они соль калийную, возят суперфосфат, кладут ворохами на участке. Вон уже сколько навозили! А из ворохов-то потом ведрами разносить-рассеивать. Одно дело — что тяжело будет девчатам, а другое — сколько времени убьешь! Затяжка...

Думают головы рабочие, решают задачи руководящие, технические, агрономические — надо!

— Ковш! — хлопнул Толик себя по лбу. Небо с солнцем так и хлынуло ему в глаза, чуть раскосые, голубым налитые. — Помнишь? Со стогометателями ковши приходили? В них килограммов по двести, по триста емкости, да? Приварить к навеске, и пошел! Черпай и развози! Рационализация?!

Вечером уже пыхтели у кузни. Рассчитывают, прилаживают, варят. Глядь, сидит на плуге бочка, что купчиха на царском троне, — заливай — поехали! Широкоротый ковш прилепился к тракторному подъемнику, работает что фокусник.

Чего не сотворишь, когда дело велит!

Утречком вывел Толик женщин к ворохам, стоит улыбчивый, лицом теплый, как майский день, речь деловую держит, хозяйскую.

— Вот что, голубоньки! Значит, рассеивать равномерно, честно, чтоб голодной земли не было. Главное нам — урожай! Буду ехать рядом с вами, вот ковшик у меня на тракторе, черпайте из него ведерочками, рассеивайте поря- дочком.

Кивают женщины головами, усмешки губами жмут. То-то новая метла, новые порядки! Летось, поди, тракторист и не глянул бы, как тут рассеивают!

Удобрили, посадили — новая забота: сорняки пойдут...

Картошка еще не взойдет, а поле уже запушится, зазеленеет: лебеда, горчак. Самый, можно сказать, опасный момент. Упустишь два-три дня, сорняки укоренятся, тогда уж с ними разговор будет трудный. Надо вовремя проборонить. Сетчатыми. Где их взять? В «Сельхозтехнике» должны быть. Любыми молитвами надо выпросить. Спасительная штука! Навесил и пошел вычесывать этот зеленый мусор, как гребешком. Потом еще разок, потом еще, по всходам. И все! Чистенько! Расти и здравствуй, милая картошка!

Но вот беда: отказала «Сельхозтехника» — нету пока таких борон, Хотеев!

Как быть? Плюнуть и сказать: «Пусть начальство думает»?

Толик сел рядом с Павлом, почесал затылок и сказал:

— Но ведь были же они у нас в колхозе! Старые, прицепные. Куда они делись?

Их нашли в бурьяне у оврага — ржавые, вросшие в траву. Вдвоем притащили к кузне, приволокли раму от списанного культиватора, с кузнецом нарубили угольников, натянули, приклепали — есть навесные сетчатые!

Завели, помчались! Пошла обработка!

Глядят татаринские — головами качают. Поле-то, поле! Даже не подумаешь, что тут картошка, скажешь, ячмень посеян! Вся пашня гладкая, чистая, будто метлой ее размели.

Из правления бегут:

— Ребята, поменьше вы ее обрабатывайте, не иссушайте почву! Из Калуги телеграмма: «Не иссушайте!» Лето, видать, сухое идет!

Толик с Павлом вежливо кланяются:

— Не извольте переживать: все по науке! Вот у нас брошюры, вот советы специалистов и опыт передовиков!

Агроному ответили как полагается:

— Берем только на четыре сантиметра, а картошку посадили на двенадцать. Влага закрыта!

Вот и дай им «директиву сверху»!

А поле красивело, наряжалось букетами. Это не картошка кудрявилась — это букеты роз. Сто четыре гектара букетов. Остановятся Толик с Павлом у дороги, долго стоят, любуются. Хороша!..

И вдруг — табун на картошке! Аврал! Подхватились чудодеев — понеслись как на пожар. Сколько лет гулял скот на посевах — беды не ведал. Кончилась масленица! Хохочут

татаринцы, за бока хватаются: вот это хозяева! Павел отдышался, тоже в улыбке поплыл:

— Прошлый бы год довелось, а? Да чтоб я побежал сгонять, я, тракторист?!

Не побежал бы... Много тому причин, что рядовой человек в этом хозяйстве стал чувствовать себя отдаленным от коллективного добра. А не много понадобилось, чтобы это чувство отдаленности исчезло. Какие пружины тут сработали, он вряд ли сумел бы объяснить, но такие перемены в себе и в Толике он замечал все чаще.

Вот остановились они в поле. На ближнем массиве комбайны убирали горох. Семь комбайнов сошлись на участке, и один перед одним «нажимали на скорость». Толик тронул Павла за рукав:

— Видал? Вот привыкли, а? Ну разве это уборка? Где пропустил, где не промолотил — гони гектары!.. А был бы этот горох за безрядным звеном? Я бы сел к комбайнеру: «Нет, друг, ты мне не скорость, ты зерно давай! Ты мне дело не порти! Получать мы с тобой будем за зерно, за урожай, а не за гектары!»

Конкретная ответственность! И такая, что все в ней соединилось: и чувство удовлетворения сделанным, и престиж, и соображения материального порядка. Комплекс! Да ведь именно он — всегда, во все времена — именно этот комплекс правил делами и стремлениями земледельца. Трехдневная сила! Она восстанавливалась.

— Нет! — встряхнул кулаком Толик. — Везде надо звеньевую вводить. На всех культурах! Тогда будет порядок!

Он преображался день ото дня. Он начинал шире мыслить, дальше видеть, его все глубже волновали дела и проблемы общие, не относящиеся к его непосредственным заботам.

На уборку «своего» урожая он выезжал в настроении мирном, ровном, весь душевно собранный и опрятный. На нем было все рабочее — и фуражка, и телогрейка, и брюки, но выглядел он не по-будничному.

Когда я разыскал его, он сидел в кабине своего трактора на конце поля, отдыхая, уютно устроившись в уголке. Поле из края в край было пропахано картофелекопалкой, длинные шлейфы клубней расстилались по земле. Сотни полторы людей собирали урожай, и Толик задумчиво наблюдал за их работой. Никакая спешка не ломала его настроения, он и Павел распахивали ровно столько борозд, сколько

было нужно. Я поднялся к нему в кабину и понял, что он любит эти шлейфы, расстеленными по полю.

— Бывало, галопом копали! — вспомнил он не такое уж далекое прошлое. — На четвертой, на пятой скорости! Как же? Перевыполнение, премия, в газете напечатают: «Больших трудовых успехов добился в соревновании...» А картошка идет с глиной, копалка не успевает протряхивать, центнеры остаются в земле. Мы с Павлом ходим сейчас на второй, на третьей скорости — в зависимости от почвы — какая почва. И пожалуйста, картошка как на ладошке! Любо взять!

На месте борозд шеренгами вставляли полные мешки. Люди на уборку приехали аж из Донбасса — прослышали о хорошем урожае.

Вечером голубые «Беларуси» вышли на дорогу, остановились около председательской «Волги». Конец!

Мы оглядывали убранное поле и прикидывали, что вышло. Толик полистал записную книжечку — у него все уже было подсчитано. Получилось: урожай почти вдвое выше планового. Почти вдвое, несмотря на засуху!

— А заработок? — спросил секретарь партбюро.

Подсчитали и заработок. Выходило солидно.

— Я же говорил! — довольным хозяйским басом выкапал председатель.

Мы пожалели трактористам руки. С минуту стояли, осмысляя все происшедшее. Сумерки затягивали поле, уставленное шеренгами мешков. Я глянул на Толика: что у него в душе? Солидный заработок?.. Он поднял голову, раздумывая, сказал:

— Вот... Любую культуру поднять можно. И зерновые... Я уже говорил Алексею Исаичу: только такую систему. Звенья, безнарядку! На всех культурах!

Ему не отозвались. Думали. Он подождал, закончил хмуро и немножко обидчиво:

— Не введем — будем и дальше топтаться на пяти центнерах!

Горячась, он стал говорить председателю, что бояться тут нечего, а человеку нельзя, чтобы работа его растворялась в плохих и даже хороших делах соседей. Надо только на зерновых культурах создавать звенья покрупнее, чтобы они все работы выполняли сами.

Рядом, глубоко запустив руки в карманы плаща и сосредоточенно уставившись в землю, стоял Николай Алексан-

дрович Маслов, главный агроном. Решал что-то трудное, давнее.

— Да-а! — встряхнулся он наконец.— И тогда все становится по своим местам. И наша агрономическая служба в первую очередь.— Он глянул мне в лицо, открытый, решительный.— Кто я сейчас в хозяйстве? Носишься от агрегата к агрегату, ругаешься, требуешь, наказываешь... Я администратор! А не специалист. А тогда агроном будет специалистом на деле. Направлять, испытывать, думать... Творить! И они сами, механизаторы...— он кивнул на Павла,— они уже будут вдумываться, изучать — и почву, и агрохимию — все! Они будут расти, становиться мастерами высоких урожаев.— Он замолк в волнении, погода добавил: — Сейчас тракторист — он как извозчик. Разве он смотрит, что ему там засыпали в сеялку — протравленное, не протравленное? А тогда уж — нет! Он подойдет к агроному: «Минуточку, пожалуйста, мне результат анализа. Какая там всхожесть, сколько сорняков в килограмме?» Начнется совсем другая музыка!..

Уже стемнело, а наш летучий «совет» все продолжался. Председатель колхоза уже строил планы, как организовать «зерновые» звенья, как «провести работу с трактористами»...

Начиналась новая полоса в колхозной жизни, напомнившая мне веку тридцатых годов, когда родился лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!»

И мог ли кто-нибудь из нас на том вечернем «совете» подумать, что завтра вся эта счастливо родившаяся новь будет растоптана с участием тех же самых людей, которые так взволнованно приветствовали ее, а герой года, звеньевой Анатолий Хотеев, даже будет снят с работы и едва не исключен из кандидатов партии?..

...Не скоро мне снова довелось побывать в Татаринцах, а когда наконец поехал туда, по дороге услышал «превеселую» историю. Как вольничала в колхозе обезличка!

Убирали урожай, один из трактористов перешел работать на комбайн. Поле ему досталось, что называется, не разгонишься: глыбы да борозды. Целый день чертыхался трудяга, клял того механизатора, который так безобразно это поле вспахал. Все внутренности вытрясло! И вдруг агроном подъезжает. Взмыленный комбайнер спрыгнул к нему, замахал руками:

— Какая сволочь тут так пахала? Я без живота остался! Агроном, однако, разделить его огорчение не спешил.

— Подожди, Константиныч! — рассмеялся он. — Да ты вспомни-ка! Это ж ты и пахал!

Механизатор поперхнулся, ошалело подтянул штаны:

— Брось ты. Быть не может! — Потом поскоблил затылок, вспомнил: — Неужели я? — Плюнул и — кепку оземь: — Тьфу, мать бы ее вперекрест!

А с безнарядной системой, которая начисто исключает такое отношение к делу, здесь поступили так...

Сели бухгалтеры составлять расчетную ведомость звену Хотеева и обомлели.

— Куда это — такие деньги! Председатель райисполкома и то небось меньше получает! — Побежали к председателю колхозному. — Это они дюже богато будут жить, трактористы! Профессора какие! Процентом десять-пятнадцать выдать — и хватит с них!

Из конторы полетело по колхозу:

— Это что? Ай они больше всех работали? По восемь рук у них, что ль?

Анатолий шел за получкой и не замечал, что люди вокруг умолкали, когда он подходил, и провожали его косыми взглядами. Он шел и думал, что заработок в звене получился хороший, и это тоже надо бы использовать для пропаганды безнарядной системы, для убеждения других трактористов, чтобы заинтересовать их настоящей борьбой за урожай. Все видели, как неугомонно и изобретательно работало звено, так пусть видят теперь, что и результат хорош, и оплата...

Бухгалтерия встретила его молчанием. Молча подсунули куцую ведомость. Хотеев посмотрел, пожал плечами. Под ведомостью стояла подпись председателя. Пошел к нему. Председатель глядел сурово.

— Тебе что, мало?

— Дак, Алексей Исаич, мне много не надо, мне — сколько полагается.

— Насчет «полагается» тут вот что, — отчужденно заговорил председатель. — Мы не все тогда учли. Много пришлось заплатить наемным, ну и других расходов оказалось больше.

— Как ни больше, все равно не получается!

— Я тебе скажу — это бухгалтерия еще не все посчитала. Если все посчитать, еще меньше выйдет.

Это была какая-то нечестная игра, она больше всего оскорбила Анатолия. Он загорячился, сказал, что на обмане такое дело не строят, что это ударит по рукам всем тракто-

ристам, которые на лето решили работать по безнарядке, и что так мы никогда не изживем прорухи в колхозе.

И ушел. На машинном дворе подходили к нему пожилые люди, коммунисты-механизаторы.

— Что, умыли?

— Умыли.

— Так оно у нас и делается! Куда хочу, туда и ворочу!

Разговор пошел уже не только об оплате, а о всякой произвольности в руководстве, которая коробит жизнь колхоза, о том, почему так мало считаются с рядовыми людьми, а за упущения в руководстве ни с кого не спрашивают и, вместо того чтобы устранять недостатки, скрывают их. Заговорили о том, о чем раньше лишь смутно думалось, — что в поле нет хозяина, потому и нет урожаев. Разве можно так убирать горох, как его убирали, — наперегонки? Сколько там зерна оставили! Разве можно так сеять пшеницу, как ее сеяли, — прямо по пласту? А потом ее списывали как погибшую, да еще пошли на обман государства! А лен? Готовый, уже убранный, только перевезти на льнозавод да деньги получить. А он этой вывозки ждал-ждал, покуда гнить начал, и потом дали команду его сжечь, чтоб он «не портил вид».

И сама собою пришла мысль: написать!.. Им казалось, что сами они, без авторитетной и сильной помощи сверху, с непорядками не справятся, одолеть их не смогут, а то еще и виноватыми окажутся, и потому надо написать куда повыше. Лучше прямо в Москву. Пусть приедут и разберутся. Тогда уж тут всё всплывет и все к одному будут повернуты: как навести порядок. Тогда — дело верное...

— Пиши, Толк, мы все подпишемся!

Целую ночь Анатолий корпел над письмом. Послушали потом мужики, как получилось, сказали: «Так. Правильно!» — и поставили свои подписи. Двенадцать человек. Послали заказным с уведомлением. И когда уведомляющий этот документ вернулся к ним и доложил: «Вручено», они подолгу держали его в корявых руках, с каким-то облегчающим чувством разглядывая знакомое сильное слово на штемпеле: «Москва». Сказали: «Вот теперь будем ждать».

И однажды зимою пошло по колхозу ненаписанное известие: будет собрание партийное, приехал инструктор обкома, будут обсуждать какую-то клязу — Хотеев что-то в Москву писал и подписи тут, оказывается, собирал у колхозников, вот приехал человек с этим письмом...

Анатолий шел на собрание с тревогой. Но теперь уже никто не провожал его косыми взглядами, две женщины остановили, заговорили обеспокоенно:

— Послушай, Толя, брось ты, не связывайся. Плетью обуха не перешибешь.

Потом он словно оглушенный вспоминал то собрание. Вспоминал, как раздраженно секретарь зачитывал его письмо, как не по-доброму глядел на Анатолия агроном Маслов, как то и дело раздавалось слово «кляуза», а зоотехник Сысоев кричал на него: «Ишь, герой какой! Писака объявился. Урожай он вырастил! Ты один, что ль, его выращивал?!» Шиндиков, из правленцев, кипел: «Что ты пишешь? Что ты всякую грязь льешь? Ты бы пришел по-партийному и сказал...» И опять неслось: «Кляуза!», «Клевета!», «Всякое вранье!»

Анатолий взглядывал на своих пожилых соавторов, они сидели с тяжело опущенными головами. Он вскочил, обливая пересохшие губы, закричал:

— Я вру? Пойдемте! Вон это поле, там и сейчас видно, как оно убрано. Вон эти поля, где списано, страховка получена, это обман государства, там видно: стерня. И лен, где сжигали,— все видно, пойдемте, если я вру!

Никто не пошел, никто не пошевелился, что-то обрушилось, загремело, закричало вокруг, он слышал: «Не место в партии», видел искаженные лица, обжигающие глаза, глух и утирал пот.

— Ничего мне, правда, не записали,— рассказывал он потом.— Только правление после собралось, решило отстранить меня от руководства звеном. Заочно. Меня даже не вызывали. Поскольку, значит, клеветник, кляузник... Но это без председателя: он болел. Ну, инструктор меня после успокоил: «Ничего, Хотеев! Ничего тебе не будет. Будете работать с председателем, как работали». Я говорю: «А я что? Я всегда старался и буду стараться...»

4

— Это все понятно,— отозвался Николай Александрович.— Но дело в том, что звенья вовсе не панацея от всех бед, как любит говорить один старый газетчик. Вон они у меня уже пятый год...

— Звенья? У тебя? — Мы даже привскочили, ошарашенные.

— Пятый год! На всех культурах. И на зерновых, и на картошке...

В душе он торжествовал.

— Но тогда в чем же дело? — не сводил с него недоуменный взгляд Александр Александрович.

— А оплата как? — растерянно спросил я.

— Обыкновенно: от нормы, от выработки.

— От выработки? Не от урожая? — у Александра Александровича запрыгали в глазах озорные кузнечики, и он рассмеялся.— Голу-у-бчик! Так это не звенья, это лица. Потому они и гонят выработку! И чихают на урожай.

— За урожай у нас доплата!

— Доплата, заплата!.. — смеясь и качаясь, пошел по кабинету Александр Александрович. Смеялись и мы с Иваном Вуколовичем.

— Это же, слушай... Это же губы помазать — доплата! — разряжался старый газетчик.— Но главное-то, главное-то!.. Ведь суть-то в том, чтобы хлебороб был душою привязан к этой ниве, чтобы он жил с нею одной жизнью! Чтобы он днем и ночью чувствовал, что он вложил в нее все свое самое лучшее. А ты его заставляешь нормы гнать! Да еще на него же обижаешься: сознательности мало! Ты же слушал?.. Думал? Или нет? Опять «высокая материя»? — Он переменил тон.— Ты подумай сам-то!

Он думал. Уронив локти на колени, он водил глазами по полу и шумно сопел.

— Ч-щерт его знает!..

— «Не было указаний»?

— Ну, как... Даже не знаю! — Он вскочил.— Тут ведь... Когда крутое какое дело, тут и пленум соберут, и семинары... Ну, сказали бы твердо: делай вот так!..

Мы расхохотались.

— Да-а...— горько посмотрел мне в глаза Александр Александрович.— А мы говорим: «Развивать инициативу рядовых»...

Теперь заходил по кабинету Николай Александрович.

— Не знаю... Может, я не так научен? Нас много учили и разному.

— Ну, например?

— На курсах, помню, читал нам лекцию товарищ из министерства. Доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Ребята, помню, тоже вот так ему — вопросы: кто нам нужен — крестьянин или сельскохозяйственный рабочий? Ну и вот это: о роли крестьянской инициативы...

— ...творческой развитости крестьянина...

— Ну что-то в этом роде. Он тогда ясно сказал: «Это, конечно, товарищи, имеет определенное значение, но все это психология. Это производное, надстроечное. Есть проблемы базисные, решающие, на них мы и сосредоточиваем свое внимание. Это механизация сельского хозяйства, это мелиорация земель, увеличение производства удобрений и так далее, вы все это знаете, вот что решает». Ребята ему: «А человек? Сколько фактов, когда «базис» подрывается этой самой «надстройкой», психологическим фактором!» Развел руками: «Сознание!.. Оно всегда отстает, это понятно. Годы нужны. Долгие годы...»

— А если таких почаще слушать, то и столетия! — ввернул Александр Александрович.— В «Литературке» выступал как-то один экономист, Чупеев, по-моему. Послушать его, так безнарядка — это не школа творческого труда, а исчадие ада. Уведет от коллективизма, приведет к индивидуализму. И вообще, это оковы, и тормоз, и шаг назад. То ли еще можно придумать, глядя на землю с девятнадцатого этажа! Поди-ка оттуда разгляди, где он плодится, этот злосчастный индивидуализм!

Мы рассмеялись снова, и Николай Александрович смеялся вместе с нами.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЛОМОТЬ ХЛЕБА

Да, не хлебом единым жив человек, но, чтобы человек был жив, он должен иметь хлеб.

Известно, что сотни миллионов человеческих существ на планете голодают в буквальном смысле или живут впроголодь. В одной из телепередач я услышал, что в мире за одну лишь минуту от голода умирают сорок детей. Знали ли об этом люди, о которых рассказал мне Федор Трофимович Моргун, первый секретарь Полтавского обкома партии?

«Осматривая как-то луга,— говорил он,— в одном из пойменных мест у речки Ворсклы я случайно обнаружил на тропинке брошенные продукты: кусок сала — 500—600 граммов, крупную рыбину, две лишь наполовину съеденные банки консервов и банку сгущенного молока, много хлеба, остатки колбасы, четыре вилки, блюдечко и три бутылки из-под спиртного. Это кошунственное зрелище больно хлестнуло меня по сердцу. Недалеко от того места разбиты палатки, подхожу — там молодые люди. Я понял, что это не их рук дело. Но на всякий случай спросил:

— Не ваша работа?

— Нет.

— А можете ли вы помочь найти след компании, которая здесь гуляла и оставила после себя вот такое безобразие?

Я невольно начал рассказывать им о том, как наголодался наш народ в дореволюционное время, как нелегко нам было в 1921, 1923 годах. И вдруг один из молодых лю-

дей лет так двадцати двух — двадцати трех берет девушку за руку и равнодушно произносит:

— Идем, Лена, это мы уже проходили.

Компанию ту разыскать все-таки удалось. Кем же они оказались? Заведующая детским садиком, шофер и два человека интеллигентной профессии. Меня это, не скрою, потрясло.

Значит, сытый, вернее, пресыщенный человек, в какой бы области труда он ни был занят, способен на недоброе. И вот тут-то вопросы этики и морали приобретают особое значение».

С глубокой грустью выслушал я это короткое повествование человека, написавшего замечательную книгу с весьма емким заглавием «Хлеб и люди».

Мы часто говорим о создании изобилия продуктов и материальных ценностей, но необходимо помнить и о том, что пресыщенность — это, пожалуй, болезнь неизлечимая. Голодного можно накормить, разутого — обуть, раздетого — одеть. Сытого, пресыщенного, который тебе скажет: «Мы это уже проходили», — трудно вернуть на путь истинный. Можно потерять человека такого вообще для общества, потому что он заболевает тягчайшим недугом — безразличием, а страдающий им создает вокруг себя как бы некий вакуум, отталкивающий других.

«Мы это уже проходили». Нет, милый мой, ты этого не проходил и благодарить должен своего отца, деда, ровесников Федора Моргуна.

С понятной грустью думаешь подчас о том, что не все мы сохранили то священное отношение к хлебу, что было характерно для русского человека в прежние времена.

«В двадцатые — тридцатые годы, — пишет мне из Перми мой ровесник, учитель по профессии, Константин Александрович Королев, — в русских семьях (впрочем, у всех народов и во все времена) и в городе, и в деревне существовало, говоря современным языком, нечто похожее на культ хлеба — в лучшем, чистом, добром и благородном смысле его понятия. «Хлеб всему голова», — сказано давно, точно и глубоко.

Я хорошо помню, — сообщает он далее, — строгий, точно соблюдаемый обряд в нашей большой (шесть человек детей) семье: после еды — завтрака, обеда и ужина — мы, дети, маленькие и взрослые, были обязаны подойти к отцу и сказать ему спасибо «за хлеб, за соль» и поклониться в пояс. Вот ведь как! Но перепали и такие годы, когда

хлеба не было в доме вовсе. И мы, мал мала меньше, слезно просили нашу бедную мать: «Мама, хочется есть... Дай хлеба... Хоть маленький кусочек дай...» Боже мой, разве я когда-нибудь забуду эти голодные дни! И тихо плачущую мать — высокую, сильную крестьянку. И безмолвно сидевшего за столом отца, в руках которого тряслась самокрутка, ходила ходуном сигарка».

Но вот что достойно удивления и пугающей тревоги. Сплошь и рядом приходится видеть не только небережливое отношение к хлебу, но прямо-таки варварское. И это меня, старого солдата, ветерана Великой Отечественной войны, и печалит, и тревожит, и — не скрою — возмущает до глубины души...

«Лександрыч, подойди-ка ко мне и посмотри, что делается на белом свете, ведь это беда-то какая», — не раз говорил мне с болью в душе человек моих лет, бывший рядовой минувшей войны, рабочий-мусорщик, проживающий в нашем девятиэтажном огромном городском доме, честный гражданин, работающий человек, отец большой семьи, мой хороший знакомый Василий Егорович.

Я подхожу ближе — и глазам своим не верю: в больших и емких жестяных баках для выварки белья перед стиркой полным-полно белого хлеба, выброшенного на свалку вместе с мусором. Тут и маленькие куски, и больше половинки, и даже целые батоны и буханки, булки, сухари, баранки, пряники, белая мука рассыпью и в пакетах — чего только нет, прямо булочная, да и только! Мы смотрим на хлеб, выброшенный холодной равнодушной рукой на помойку, и, потрясенные увиденным, долго молчим.

— А ты помнишь тридцать третий год? А войну помнишь? — спрашивает меня Василий.

— Помню, Вася, помню. Я все помню и не забуду до гробовой доски. И тридцать третий, и войну...»

Прерву на минуту это горестное повествование незнакомого мне человека, с которым, однако, полностью готов разделить его глубокие душевные тревоги. Прерву, потому что и сам помню многое. Тридцать третий год остался и останется и в моей памяти самой ужасной отметиной. Мнogie мои родные и товарищи по школе, по беспечным ребячьим забавам померли у меня на глазах, многих из них закапывали в землю там, где их настигла голодная смерть.

Послушаем, однако, еще нашего пермского незнакомца.

«Я часто спрашиваю у себя, — пишет он, — почему в наше просвещенное время, в наши дни хлеб — источник жизни

на земле — перестали вдруг беречь и начали относиться к нему, к хлебу, не только не по-хозяйски, но, прощупывая, по-свински кое-кто? В чем дело? Как могло произойти такое? Наверное, потому, что хлеб стоит очень дешево, видимо, в несколько раз дешевле себестоимости. Но ведь дешевый хлеб, когда он всегда есть, — это великое человеческое благо, неожиданно превратившееся в еду. И благо это надо беречь, как жизнь, как зеницу ока.

Сегодня в нашей торговле дешевле хлеба ничего нет. У нас на рынке один килограмм свеклы стоит сейчас один рубль, то есть столько же, сколько пять килограммов буханок великолепного белого вкусного — язык проглотить! — хлеба. А свежие помидоры, привезенные в июне предприимчивыми людьми, продаются по десяти рублей за кило, что равнозначно *пятидесяти буханкам* того же белого хлеба, каково? И ничего — покупают, берут и свеклу, и помидоры...

А что делается в столовых, в кафе, ресторанах, в домах отдыха, в санаториях — сколько продуктов, в их числе и хлеба, идет на помойку, на свалку, реже — на корм скоту, не съеденное людьми, положенное на стол сверх всякой меры, без разума и души, без хозяйского расчета...

Какое это великое счастье — жить в мире без войн и с хлебом в достатке! Нью хлеб — не манна небесная сам по себе на стол не приходит, булки в поле родятся только в сказках».

Жестoko ошибается тот, кто решит про себя, что нынешние времена, когда сельская нива густо оснащена современной мощной техникой, хлеб легко дается в руки нашему сеятелю. Нет, он по-прежнему добывается земледельцами в поте лица, и слово «страда» не утратило своего начального смысла.

Неизмерима «цена» его, хлеба!

«Цена» — это тревожные ночи, труд и пот, не измеряемые никакой часовой стрелкой, никаким самым наилучшим прибором.

Хлеб, он — не волшебник, но все может. Мы еще спим в своих постелях, а машины с крытыми кузовами, на которых крупными буквами начертано вот это самое слово «Хлеб», развозят его уже по магазинам. В предзоре свежий воздух вплетается непередаваемо живительный и сладостный запах теплого хлеба. В урожайный год приходит на наш стол хлеб особенно многоликим. И все это зависит прежде всего от хлебороба.

Поклонимся же ему и будем честны и совестливы перед его великим подвигом, великим и скромным одновременно; перед тем, как выйти из булочной с батоном или кирпичиком теплого хлеба, еще и еще раз вспомним с благоговейным сердечным участием о руках, посеявших, вырастивших этот хлеб и положивших нам его на стол. А заодно будем всегда помнить мудрое изречение, пришедшее к нам из глубин веков, рожденное народным опытом: «Да отсохнет рука, бросившая под ноги хотя бы крошку хлеба».

*Поверяя
заботой
о земле*

Юрий СЕЛЕЗНЕВ

ПОМНИ!

Нечерноземье... Проблемы Нечерноземья: подъем уровня сельского хозяйства, мелиорация, строительство дорог — проблемы первоочередные, общегосударственные. Нечерноземье — это и (а скорее и — главным образом) проблема человека, живущего на этой земле. Проблема нравственная, духовная.

Нечерноземье... Что за неведомая земля? Древняя Северная Русь... Со стародавних времен шли сюда восточнославянские племена, мирно расселялись среди местных финно-угорских народов. «Затерялась Русь в мордве и чуди, ни почем ей страх...» — сказал Есенин. Во время разгрома разрозненных русских земель полчищами Батыя и его преемников устремились в северные леса и болота люди из сожженных и поруганных древних мест — с самой Киевщины и более близких земель — Черниговщины, Рязанщины, надеясь на одно — возможность мирно растить хлеб, детишек, сохранить хоть то, что не успели сжечь впопыхах завоеватели.

Северная земля сохранила древнейшие общерусские былины, сказания, песни, обряды. Здесь встала Москва, родилась и воплотилась идея единства Руси, идея освобождения от иноземного ига. Здесь сложился могучий духовный центр тяготения не только русских, но и соседних народов.

На этой земле возникли очаги возрождения русской культуры, здесь творили Рублев и Дионисий.

Отсюда начался патриотический поход Козьмы Минина,

в прошлом эта земля родила Хабарова и Ломоносова, ныне — Николая Рубцова и Василия Белова.

Вот что такое Нечерноземье — одна из самых духовно плодородных земель России. И если мы хотим сегодня всерьез разобраться в общегосударственной проблеме этой земли, мы должны ясно представлять характер и духовные основы самосознания творца и хозяина ее — человека.

Эту статью мне хотелось бы адресовать прежде всего молодому читателю, потому что именно от его понимания проблемы Нечерноземья, государственной проблемы, — будет зависеть характер ее решения завтра. А если говорить более конкретно, хотелось бы убедить его, молодого читателя, перечитать Василия Белова, человека и писателя, родившегося на этой земле и рожденного этой землей.

Почему именно Белова? Попробую объяснить.

«Конечно, Василий Белов — писатель очень талантливый, но, как бы это сказать, — не современный, что ли...» Мне не однажды приходилось слышать подобное мнение от людей молодых, интересных, читающих, любящих литературу. Понимаю, молодости свойственно мечтать о новом, небывалом, и сейчас, когда тебе нужно решить, может быть, самый важный из всех вопросов — как найти самого себя, свое место в жизни, как быть человеком, а не пустоцветом, отыскать верные ориентиры в этом быстро меняющемся, таком сложном мире, в котором, как утверждают некоторые мудрецы, из тех, что «все знают», — «все относительно». «Такие писатели, как Белов, — все о своей деревне да о старичках, которые о современных проблемах, может, и слыхом не слыхивали... Вот и судите, что может дать такой, пусть и очень талантливый, писатель современнику, ищущему молодому человеку?..»

— А знаете, ведь вы или не читали Белова, или же... Простите, вы не умеете читать.

Один из самых читаемых сегодня в мире писателей, Достоевский, творчество которого все более осознается как истинно современное, еще сто лет назад утверждал:

«Искусства же несовременного, не соответствующего современным потребностям, и совсем быть не может...» И это — истина. Так что либо Белов попросту никакой не талант, либо... Либо мы не умеем или не хотим увидеть в нем это самое главное. «Чувство современности, — писал Пришвин, — ...указывает на что-то самое главное, возле чего ходит душа». Вам хочется стать самими собой? — спраши-

вал нас писатель, который сегодня тоже не случайно осознается нами в духе наисовременнейших, и прежде всего этических, проблем, и советовал: «Быть самим собой... Даже если я Пушкин или Шалапин, и то ведь придется и таким перекопать душу железной лопатой и открыть себя самого где-то глубже, чем в стихах и пении. В таких пластах души, где Хочется сменяется на Надо».

Все живое хочет жить. Кажется, это «хочет» есть высший закон самой природы. Однако мы знаем и другой закон: «С родной земли — умри, не сходи». «Тем ведь путем шли деды и отцы наши... Разве удивительно, что муж пал на поле брани? Так умирали лучшие из предков наших...» — так писал в своем «Поучении» выдающийся полководец и писатель XI века Владимир Мономах.

«Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее, — размышлял Пришвин. — Но когда надо постоять за такое, что больше себя (есть это!), — человек, схваченный смертью, говорит: помирать собирайся — рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него...»

В этой простой, казалось бы, мудрости воплощен тысячелетний опыт исторического бытия нашего народа. В ней — зерно его бессмертия.

Чуть не каждый день появляются подхвачиваемые вселюдно словечки, выражения и формулы, завтра им на смену приходят все новые, а есть мудрые истины, которые не стареют даже и с веками. И мы не говорим, что они не современны лишь оттого, что в них не звучат слова «синхрофазотрон» или «перцептуальность»...

Внутри произведения истинно талантливого писателя, «будь оно написано о чем угодно и как угодно, удалено от современной темы, внутренняя тема всегда современна», — утверждал Пришвин и добавлял: «Мой современник — это не тот, кто устраняется потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу положил».

Быть истинно современным человеком — это и значит раскрыть в своей душе те пласты, где возникает чувство и сознание такой необходимости, когда тебе, именно тебе, надо сделать то, что, может быть, не может сделать никто другой.

Помните, вы ведь читали Белова: «Надо было жить. сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это»... — фраза, венчающая его рассказ «Весна». И это «надо» — не от Тургене-

ва и не от Пришвина, но так же, как и у них и у многих других наших писателей,— из глубин, из родников нашего общенародного сознания. Слово у Василия Белова — всегда глубинно. Его художественная мысль, нередко обращенная в прошлое, всегда «внутренне современна», всегда направлена на главное, вокруг чего «ходит душа» большого писателя, нашего современника.

Попробуем перечитать хотя бы только один этот рассказ, тем более что он совсем невелик.

«Весна», может быть, одно из самых сокровенных произведений Белова. Постигая его мир (а художественное произведение — будь это многотомная эпопея или «всего лишь» рассказ в несколько страниц — всегда целый мир), мы попробуем отыскать ключи к этому целому.

«Весна» — сугубо беловское произведение. Это рассказ, а скорее, маленькая повесть-раздумье о жизни старика крестьянина, Ивана Тимофеевича. Рассказ «без сюжета» и без конфликта. В привычном понимании, конечно. Да и какой «сюжет» нужен раздумью? Иной теоретик не без оснований вполне мог бы отнести рассказ «Весна» к жанру художественного очерка. Тем более что к нему в высшей степени приемлемы слова Евгения Носова о том пристрастии и почтении, с которым относятся земляки Белова, «главные герои» его произведений, к «документальной» честности книг писателя. Это — «особое почтение, порожденное... той правдой... которую всегда ревниво и как-то болезненно-честно он оберегает перед своими земляками. Конечно же, они читали все, что написано Василием Беловым, иные, возможно, разбирали слова по складам, водя огрубелым пальцем по строчкам... Тем паче перед лицом такого внимательного и пристрастного читателя, ей-же-ей, трудно, невозможно, непростительно слукавить...»

Рассказ внешне прост. Незамысловат даже, как проста сама повседневность незамысловатого быта героев Белова, привычный круг их крестьянской жизни.

«К полночи шибануло откуда-то звонким, ровным морозом. Месяца не было... Иван Тимофеевич поднялся с печи, прямо поверх белья надел тулуп и вышел до ветру...»

Немногословны и немудрены «думы героев».

«На полевых задах, ближе к болоту, явственно и печально завыл волк, ему тонким долгим криком отозвалась волчица.

«Ишь, проклятые,— подумал старик,— чтобы вы сдохли, вторую ночь воют и воют...»

Скупые, но емкие детали быта рисуют достоверность, создают атмосферу почти осязаемой документальности — присутствия читающего в мире беловского рассказа: «В избе было тепло, пахло хомутом и просыхающими валенками. На кровати... похрапывала старуха. Иван Тимофеевич зажег лучину и вставил ее в старинный, оплывший нагаром светец: керосина не было с самой почти осени.

— Хоть бы ночью-то передышку себе делал, не курил! — заворчала Михайловна».

Двух сынов уже унесла война. Жить все труднее. Силы на исходе. «Корова сдохла, и мясо пришлось зарыть», — и здесь немногословен Белов. Куда более всякого многословия говорит нам одна только следующая за этим сообщением скупая фраза: «После этого Михайловна осунулась еще больше и начала заговариваться». И потому следующее «сообщение» в этом напряженно-бытовом контексте звучит уже прямо трагически: «А тут еще у Ивана Тимофеевича кончилось курево».

Сыны, корова, курево — казалось бы, в бытовом, обыденном плане — потери несопоставимые, — но это все звенья единой цепи, сопрягающей малую, частную жизнь беловского героя с тем напряжением сил, от которого зависел исход войны, судьбы страны, народа, а может быть, и всего мира...

Но потери, кажется, нагнетаются все-таки по нисходящей линии. Курево все-таки — не корова... Да и конец войне уже видится. Пишет Леонид, последний, третий сын, родителям: «...мы теперь уже идем по чужой земле. Маршрут нам один — до самого Берлина, а фрицы бегут на чем попало...»

Но кончилось не только курево — «сено в колхозе кончилось еще до весны». Не падает напряжение. Нарастает. Но нужно крепиться старику. «Эх, жизнь бекова!.. — подумал старик и выехал из деревни. — Хоть бы скорей война кончилась, приехал бы Ленька, завернули бы ему свадьбу...»

Убили и Леньку. А через неделю жена, Михайловна, «тихо умерла в своей бане, пахнувшей плесенью и остывшими головешками».

«В деревне было пусто и холодно» — жуткая в своей конкретности фраза, за которой стоит картина невероятного испытания не просто характера, личности такого-то Ивана Тимофеевича, такой-то деревни, но характера народа и прежде всего той его части, которая обеспечивала победу повседневным, привычным героизмом — невероятной «тяги земной».

Для героя иного, всенародного характера — подобную ситуацию можно было бы вполне обозначить терминном «за пределом». За пределом возможностей. Столь модная сейчас и на Западе, да и в нашей литературе пограничная ситуация, когда герой необходимо ставится жизнью перед последним выбором («Быть или не быть?»), это напряженно-драматическое состояние, думается, для героя Белова — давно уже пройденный этап его самосознания.

У Ивана Тимофеевича, по существу, уже нет выбора. Здесь все внешне проще, но вместе с тем и гораздо сложнее, нежели в случаях с так называемым экзистенциальным героем, воплощающим в себе характер и судьбу целого народа. И в этом смысле он уже за пределом возможностей личного выбора. Но то, что для иного героя — за пределом, для Ивана Тимофеевича не за, а именно на пределе. Кажется, уж не осталось ничего, связующего его личность с личностями близких ему людей. Не остается даже самих этих людей (дети, жена). Как частный человек, он одинок в этом мире. Но в рассказе нет нигде, ни в одном намеке претензии героя к миру, нет сознания вины мира перед ним, Иваном Тимофеевичем, за все те утраты, за ту поистине безысходность, в которую ставит его судьба. Нет ни озлобления, ни метания, ни даже ропота. «Он ни о чем сейчас не думал, горя как будто не было, но не было и ничего другого».

А напряженность утрат нарастает: пора пахать, справлять свое привычное дело крестьянина, дело, от которого в известной мере зависит судьба страны. Но сивая кобылка Ивана Тимофеевича «уже третий день сама не вставала на ноги», а через день, когда Иван Тимофеевич «кинулся к ней... тяжелая оскаленная голова была холодна и неподвижна, большие копыта откинута».

Даже кошка, последнее живое существо в доме Ивана Тимофеевича, «ушла и больше не показывалась... Никого у него не осталось...»

Грустная, потрясающая своей откровенной правдивостью, щемящей болью картина. Но позиция автора, его отношение к герою, к ситуации, к миру, художественно создаваемому им, — не созерцательно-воздыхательная, не гуманистически-сострадательная. Белов может показаться либо жестоким к своему герою — так почти информационно бесстрастно, без видимых авторских эмоций рисует он его. Либо равнодушным, объективным «летописцем». Так действительно может показаться, если смотреть на рассказ Бе-

лова только как на бытовое, непосредственно-реальное воспроизведение «правды жизни» в один из труднейших периодов в жизни русского крестьянина. Да, эта конкретная правда здесь, как и везде у писателя,— основа, видимая и осязаемая, и ощущаемая уже с первых шагов читателя, входящего в мир произведений Белова.

Никого не осталось у Ивана Тимофеевича. И все же: «От всего веяло неведомой силой, неведомой горечью». Неведомая горечь — нам видна сразу. А неведомая сила? Откуда она?

Ведь даже и того, последнего выбора («жить или не жить?»), который и в самой крайней ситуации создает в сознании человека иллюзию «свободы личности», — и того не остается у Ивана Тимофеевича, хотя такой выбор не закрыт и для него:

«Он привязал веревку к балке... поймал в темноте петлю, дрожащими руками раздвинул ее, надел на шею... Вдруг истошный женский крик послышался из темноты, и Иван Тимофеевич, каясь в чем-то, толкнул лестницу...» Но не дали ему сделать «выбор». «— Полинарья, ты? — Я. Иван, я... — Не говори, ради Христа, никому...»

В рамках конкретно-бытовой ситуации — спасение Ивана Тимофеевича вполне случайное. Но за этой видимой случайностью кроется и глубокая бытийная необходимость.

Куда как трогательнее и эффективнее было бы остановиться автору на этом последнем выборе его героя. И кто бы посмел осудить писателя либо героя за такой выбор в такой безысходной ситуации. Но нет даже и такого выбора у Ивана Тимофеевича. Ибо стань еще и Иван Тимофеевич «экзистенциалистом» по духу (по теории — так ему не до теорий), кто же будет нести тягу земную? Нет, этот «выбор» не для него. Ничего у него не осталось. Кроме последнего — обязанности, долга перед землей. Той, что хлеб родит. Той, что зовем мы матерью-Родиной. Той, которую прежде чем лечь в нее, нужно зерном засеять...

«Помирать собирайся — рожь сей» — в этой старинной народной мудрости и заключена, как в зерне, та «неведомая сила», что уж и подвигом-то не назовешь, а разве — подвижничеством.

Это сознание движет и личностью Ивана Тимофеевича. По природе своей — такое сознание внелично. Оно общенародно, оно не является открытием такого-то конкретного человека, оно выработано тысячелетиями народного

трудового бытия, создавшего в конечном счете и государство, и культуру, и историю.

Для сознания, которое ставит в центре мира свое «я», которым и измеряется ценность и самого мира, и всего в нем,— потрясения и ситуация, в которую поставлен герой Белова,— безвыходны. Мир обрушился на «я», отобрал у него все завоевания. Такая личность ставит прежде всего вопрос об ответственности мира за судьбу своего, индивидуального «я».

Для личности же типа Иванов Тимофеевичей существует перво-наперво вопрос об их личной ответственности перед миром. И пока эгоистическое «я» предъявляет только претензии, мало или вовсе не заботясь о своих обязанностях перед миром, Иванам Тимофеевичам просто некогда «дорости» до претензий к миру, ибо кто же тогда будет творить будущее, созидать основы жизни?

Сознание, лежащее в основе рассказа «Весна» (как, впрочем, и всего творчества Белова в целом),— это осознание центральной и народной личности в мире. Ибо только в ее силах нести ту тягу земную, от которой некогда даже Святогор-богатырь по колена в землю ушел, попытавшись взвалить на себя непосильную ношу. «Надо было жить» Ивана Тимофеевича — не тонкое цепляние за жизнь и не бессмысленно животное «надо» существовать, пока не «отбросишь копыта», но то центральное «надо», без которого никакая осмысленная жизнь на земле невозможна.

Трагично и вместе с тем победительно звучит финал маленькой повести:

«...земля вокруг тихо дышала, дожидаясь человеческих рук.

С ночного юга катилось вал за валом густое, как сусло, внешнее тепло, в темноте у гумна пробивались на свет новые травяные ростки, гуляла везде весна. Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это».

Да, перед нами частный, конкретный драматический эпизод из жизни обычного старого крестьянина вырастает в подлинную народную трагедию, в высоком смысле этого слова, то есть в утверждение бессмертия великого народа-труженика, в возвышенный гимн его духовной красоте и силе.

Нет. Белов не мастер петь сладкие убаюкивающие песни — все-де на свете прекрасно, и живет Иван Тимофеевич в самое напряженное время священной войны — не так уж

плохо. Нет в этой грустной, но жизнеутверждающей симфонии фальшивых звуков. Да и «разве народная доблесть нуждается в лести, в криках, что у нас все хорошо?»— спрашивал еще в свое время Николай Лесков. Не нуждается и сейчас. Нуждается в правде, какой бы горькой она ни была. Ибо в правде всегда не только «неведомая горечь», но и «неведомая сила», которой жив сам народ, наша земля.

Но «Весна» — не только трагедия. В ней и вполне определенно звучит мотив исхода, выхода из трагедии. Не случайно и вся повесть названа жизневоскресающим словом: весна,— издревле связующим сознание русского человека со словами-понятиями: весть, веселье-радость. Весна — весть о радости, радостная весть. Трагедия и радость?

«Мы все так часто оглядываемся на творчество природы потому,— писал Пришвин,— что там личная судьба человека является не больше как «трагедией частного»... и, значит, круг нашего, человеческого, размыкается, трагедия частного, разрешаясь в очертаниях всего мира, обещает гармонию: спасение мира. Этот выход из трагедии частного освобождает такое же огромное чувство жизнерадостности, как таяние льда скрытой теплоты весенней порою. Раз испытывшему это чувство хватит на всю жизнь... оптимизм становится возможным при условии личной трагедии».

Но частное и всемирно-природное сливаются в повести Белова и с всемирно-историческим. Весна здесь — и образ предчувствия близости Великой Победы, ради которой шел народ на неисчислимые жертвы. Вообще есть что-то глубоко символичное в том, что благу весть о Победе принесла именно Весна. Весна сорок пятого.

«Трагедия частного,— повторим еще раз слова Пришвина,— разрешаясь в очертаниях всего мира, обещает гармонию: спасение мира».

Да, мир был спасен. Спасен ценою личных трагедий миллионов Иванов Тимофеевичей и Михайлови, хотя говорить о «мировой гармонии» и по сей день не приходится. Может быть, потому и звучит этот Весенний гимн народу Василия Белова не как воспоминание о прошлом только, но и как песнь современности и как «указание» на будущее.

Всемирность конфликта, отраженного в личности Ивана Тимофеевича, находит в повести художественное воплощение не только в выборе определенной ситуации, когда сопряженность частного и исторического, личного и всенарод-

ного, более того — всемирного стала особенно наглядна, особенно напряженна. Эта всемирность отражена и в особенностях поэтики повести.

Вспомним еще раз зачин, «запев» повести: «К ночи шибануло откуда-то звонким, ровным морозом. Месяца не было, но небо вызвездилось, и над деревней перекинулась исполинская белая полоса Млечного Пути. Иван Тимофеевич...»

Да, в конкретно-бытовом сюжетном плане повести — это просто конкретный же пейзаж, «документальная» картина мира, окружающего конкретного Ивана Тимофеевича.

Такой поэтический образ, сочетающий частное и «все-ленское» — через сопряжение человеческого и природного, — существенная черта народного мироотношения, ярко проявившаяся уже в устном творчестве:

Туманно и красно солнышко, туманно,
Что в тумане красна солнышка не видно.
Кручинна красна девица, печальна,
Никто ее кручинушки не знает...

Или вспомним былинный зачин:

Высота ль, высота ль поднебесная,
Глубота ль, глубота ль, океан-море...—

а уж затем следует «частный», «конкретный» сюжет былин.

В основе такого сопряжения лежит особое поэтическое мироотношение народа, когда даже лирическая ситуация, «индивидуальное» состояние души не изолируются от общего состояния мира, но включаются в него, отражаются в частном, конкретном образе. Такой образ всегда открыт миру, внутренне сопрячен ему, духовно слит с ним. «Индивидуальное», «конкретное» действие, состояние в таком образе всегда совершается как бы перед лицом всего мира. Такая поэтика и могла стать актом общенародного сознания только в сознании народа-хозяина, творца, создателя мира, ответственного за его бытие.

Поэтика Василия Белова — именно в этих началах народного поэтического мировоззрения.

В конкретном мире «Весны» все соотносимо с жизнью мира и в социально-историческом и в образно-поэтическом плане. Здесь маленькая деревня укрыта исполинской полосой Млечного Пути, здесь местные косачи булькают, «казалось, во всем мире», здесь земля томится, «словно не-

веста в разлуке...», готовя себя к «счастливному обновлению», здесь от всего веет «неведомой силой, неведомой горечью».

Здесь бытовой конкретный образ слит в неразрывное единство с высоким строем народнопоэтической песни. И слог Ивана Тимофеевича постоянно «сбивается» на былинность: «Эх, Ленька, Ленька! Один ты теперь у нас остался, лежат оба твои братана в земле, не встанут никогда, и некому теперь, кроме тебя, играть на гармонии».

Таким слогом мог бы поведать свои думы старый Тарас Бульба. Только упоминание о гармошке — этой вещественной примете конкретного празднично-деревенского быта — и возвращает нас в иную реальность.

Да и слово самого автора не только «фиксирует» бытовую правду жизни: промерзшие половицы, сивая лошадь Свербежа, клещевина хомута, сыромятная супонь, запах просыхающих валенок... Это «вещественное» слово органично вживается в поэтическую песню: «Снег скрипел под полозьями, словно шла по дороге тысяча женихов, обутых в сапоги со скрипом,— в таких сапогах, какие шьет хромой сапожник Ярыка. Ярыка умел класть в задник сапога такую бересту, что при ходьбе и пляске они скрипели (пусть и не на весь свет. — Ю. С.) на всю волость...»

Вслед за скупой «информацией»: «Кое-как прошла неделя» — тут же следует эпическое, почти былинное: «...вдруг подул пронзительный сиверко, стремительно понес белые потоки тяжелых снежных хлопьев. Исчезли куда-то скворцы с грачами, солнце потухло и скрылось... А зима в последний раз круто распорядилась на земле...»

Сама мелодика этого слова слишком уж напоминает нам далеко не бытовые картины:

«...тоска разлилася по Русской земли; печаль жирна Русской земли; печаль жирна тече средь земли Русский: а князи сами на себе крамолу ховаху; а поганин сами победами наришуше на Русскую землю...»

И дело тут не во внешней стилизации, не в той или иной степени уподобления, но, на мой взгляд, в причинах куда более глубоких.

В былинно-поэтическом «запеве», в поэтическом строе речи, во всей системе образности, отражающей народное мировосприятие, в повести Белова и другие конкретно-бытовые образы, оставаясь самими собой, не теряя своей конкретности, предметности, начинают «озвучиваться» и в ином, в небытовом, поэтическом смысле.

«Жили-были старик крестьянин со своею старухой, и было у них три сына...» — обычнейшее, даже стереотипное начало многих и многих русских сказок — по-своему реализуется и в мире Беловской повести.

И земля-землица, кормилица, в которую ушли сыновья Ивана Тимофеевича, и жена его Михайловна, и «трудная земля», которую нужно кому-то засеять, и земля-невеста, ожидающая своего жениха, — все это священная земля — Родина, мать-земля, образ, уходящий в тысячелетия народного мироотношения, воплощенного в сказочно-былинной матери сырой земле.

Образ у Белова — глубинный, корневой: взглянешь с первого разу — перед тобою обычная, колхозная лошадь, сивая кляча, протянувшая ноги от бескормицы жестоких военных лет. Вникнешь поглубже — эта «лошадь-матушка» не та ли соловая кобылка, что некогда помогала Микуле, крестьянскому богатырю, нести тягу земную?

Думаю, не нужно обладать особой фантазией, чтобы, переведя образ поэтического богатыря в конкретную историческую ситуацию, — увидеть его в преклонные годы — в образе крестьянина Ивана Тимофеевича. Сила не та? Так ведь и беловские мужики сами понимают, что не та.

«Куда девалась вся сок-сила?» — спрашивает Ивана Тимофеевича, не ожидая ответа, сапожник Ярыка.

И все-таки и здесь та же сила. Та же негибемая мощь народного духа. Бытовой, деревенский рассказ у Белова, полный «неведомой горечи», не переставая быть художественным отражением фактов определенного исторического периода, в то же время — поэтическая песнь, своеобразная современная былина (от слова быть!) о русском народе, о его духовном богатстве, преодолевающем смерть, возвышающемся над трагедией.

Героический подвиг народа, воина-освободителя (остающийся в повести «за кадром») питается истоками подвижничества того же народа-труженика.

Реалистический рассказ Белова о конкретных бедах крестьянина-подвижника — в то же время и притча о бессмертии народа. Какие бы беды, какие бы потери ни выпадали на его долю, сколько бы раз ни ставила его судьба «перед лицом смерти», — всегда его выбор был един: нужно и сынов наставлять на ратный подвиг, нужно и хлеб сеять. Нужно жить, ибо он — хозяин земли, она ждет его рук. Он отвечает за ее судьбу.

Судьба народа в маленьком, но удивительно емком, ибо — в глубинном повествовании Белова дана, как мы видели, в органическом двуединстве конкретно-бытового, вещественного образа и поэтического, уходящего корнями в народное сознание. И в этом двуединстве мир Белова открывается нам одновременно двумя своими сторонами: перед нами и повседневный быт Ивана Тимофеевича, и народное бытие в его сути, перед нами и частная жизнь одного из русских крестьян, и житие подвижника, духовного богатыря, крестьянского святого труженика-земледельца. Вчитаемся хотя бы в такие строки:

«Больше он ничего не помнил, зеленые нимбы расплылись вокруг затуманенной враз головы...» Здесь «жизнь бековая» и вечное «надо жить», «неведомая горечь» и «неведомая сила» — слились в едином слове писателя.

И как знать, может быть, через несколько сотен лет, когда уж и наше время превратится в древность, в эпоху эпическую, в «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», не станут ли для них, наших далеких потомков, реальные рассказы о доподлинном нашем житье-бытье высоким, хотя, конечно, и несколько архаичным жанром — героическим эпосом, в самом прямом смысле этого понятия? Может быть, «Война и мир» и «Тихий Дон» переосмыслятся в русские «Илиады», «Тарас Бульба» — в былинку о новом Илье Муромце, «Весна» Белова — о Микуле Селяниновиче «древнего» XX века.

Фантазия? А отчего бы и не пофантазировать... Не знаю, как кому, а мне такая фантазия представляется куда более реальной или, как еще говорят, «научной», нежели фантазии некоторых толкователей творчества Белова (как некогда и Шолохова) в смысле «тоски по уходящему» — словом, в смысле безнадежной отсталости от насущных проблем нашего времени... Слава богу, что подобные утверждения уступили место серьезному постижению смысла творчества Василия Белова.

Да, юности свойственно мечтать о высоком и трудном, «о доблестях, о подвигах, о славе», равнять свою жизнь (которая еще вся впереди) с жизнью тех людей, которые осознаются как нравственный, духовный идеал. Перед ней встают легендарные образы непобедимых полководцев, космонавтов, ученых, землепроходцев, мореплавателей, поэтов... И это — естественно и прекрасно.

А какой же урок извлечет из чтения Василия Белова наш молодой современник? Чему научит его, что скажет

ему? Может быть, поначалу и немногое. Но о многом. Может быть, как раз самое главное: мечтай, дерзай, борись за свою мечту, стань тем, кем ты хочешь стать. Но подлинной личностью, истинно современным человеком ты станешь только тогда, когда постигнешь простую, старую, как мир, но не устаревшую, вечную истину: кем бы ты ни был, космонавтом или сталеваром, идеологом или крестьянином, ученым или поэтом,— открой в себе самом Ивана Тимофеевича, то есть те глубинные пласты души, где твое личное «хочется» сменяется на общенародное «надо». То «надо», которое долгие века до тебя, от времени легендарного Миккулы Селяниновича, созидало твою землю, твою Родину, ее традиции, ее культуру, ее историю. То «надо», которое и тебя сделает не проходящим по земле потребителем настоящего, созданного твоим народом, но творцом этого настоящего, а значит, и будущего.

Творчество истинно современного писателя Василия Белова рыхлит эти глубинные пласты нашей души, помогает нам постигать самих себя, воспитывает сознание нашей личной кровной причастности не только сегодняшнему дню, но и всей тысячелетней истории нашей страны, нашего народа в его прошлом и в его будущем.

Андрей ОСТРОВСКИЙ

БЫТ И БЫТИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ

*Заметки о книгах писателей
Костромы, Калинина и Рязани*

Могли ли появиться такие заметки, скажем, лет двадцать назад? Помните то время, когда в каждой области выходили свои небольшие альманахи, журнальчики? Сколько же в них было мелкотемья, подражательства, дурного литературного вкуса. Действительно, одно слово — провинция... На земляков-писателей, выбившихся в литературные центры, смотрели как на великих, снимая шляпу и оказывая всяческое почтение, иногда, правда, не за книги, а за «причастность» к «большой литературе». А сами же считали себя неудачниками-районщиками. Не более...

И забывали, что российская литература и выросла-то вся на провинциальном хлебе да воздухе среди деревень и городов Центра России. Орел, Нижний Новгород, Калуга — разве это не литературные центры? О чем же писали Бунин, Горький, Куприн?

И вот сейчас никто в литературе не произнесет слово «провинция» с неким пренебрежительным оттенком. В провинции живут и работают Василий Белов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Виктор Лихоносов, Григорий Коновалов, Валентин Распутин и многие другие, чей вклад в литературу измеряется всесоюзной любовью читателей.

Мне невольно подумалось об этом, когда я выходил из зала кинотеатра после просмотра фильма «Любаша», снятого по одноименной повести рязанского писателя Василия Матушкина. Не моя задача разбирать, удался или не удался кинофильм, все ли в нем выдержано в духе прозаической первоосновы. Но сам факт обращения кинематографа к это-

му произведению говорит о многом. Как и фильм, повесть посвящена Великой Отечественной войне, одной из самых героических и драматических страниц нашей недавней истории. Она не только напоминает нам о войне, но и рассказывает довольно скупой разрабатываемую в литературе тему труда, особенно в деревне.

Писатель достоверен, показывая героический труд оставшихся в прифронтовом колхозе женщин, инвалидов и подростков. В условиях острой нехватки тягловой силы, семян, рабочих рук они, не щадя своих сил, делают все, чтобы выжить и в первую очередь помочь фронту, Родине, ведущей кровопролитнейшую войну с фашизмом.

Среди подростков, тех, о ком с любовью пишет рязанский прозаик,— Люба Егорова, Любаша, оставшаяся одна в доме с малолетними братьями и сестрами на руках (отец на фронте, умерла мать, погиб на лесозаготовках старший брат). Как ни тяжело односельчанам, они не оставляют на произвол судьбы Любашу с ее «егорятами». Их опекает крепкая еще, боевая старуха — соседка Матрена. Председатель колхоза дядя Флеган выделяет семье из скудных запасов немного сена для кормилицы-коровы, назначает Любашу колхозным почтальоном. В лютые морозы, в пургу ходит девушка по деревням в холодных резиновых сапогах из дома в дом, разнося газеты и письма, в которых иногда радость, но нередко и казенные похоронные извещения с фронта.

В одной из деревень знакомится Любаша с добрым парнем Николкой. Писатель прослеживает зарождение хрупкого, возможно даже не осознанного как следует для обоих, чувства совсем юных людей, заставляет читателя вместе с героями пройти тяжкое испытание. В самом деле, как поступить с письмом, в котором «похоронка» на отца любившегося ей парня? Отдать и тем самым принести безмерное горе в дом, ставший для нее если не родным, то близким? Или уничтожить, ну хотя бы скрыть?.. Далеко не детские вопросы, преподнесенные суровой жизнью, приходится решать Любаше. После колебаний она все же прячет письмо. Ей кажется, что потом как-нибудь все уладится, возможно, даже извещение ошибочно. Ей важно, чтобы теперь, сейчас, в доме Николки не было бы несчастья.

Однако ложь даже во имя самых благородных целей — всегда ложь. Ложь не могла принести и не принесла добра. Девушка сама поняла фальшь своего положения и вынуждена была обходить стороной дом, боясь встречи с фрон-

товничкой и ее сыном. А в деревне молчание отца Николки кое-кем было истолковано иначе, и даже пошел грязный слушок, бросавший тень на честного бойца. Чтобы разоблачить клевету, Любаше ничего не остается делать, как отдать злополучное письмо...

Повесть пронизывает доброта и вера в лучшие качества человека. Она как бы вся пропитана светом, несмотря на нелегкие времена, о которых ведется рассказ. Она глубоко патриотична. И все же при всех этих несомненно привлекательных качествах она оставляет чувство неудовлетворенности. Происходит это прежде всего потому, что характеры героев упрощены: в повести действуют либо сугубо положительные персонажи (Любаша, Флеган, Николка, Матрена), либо такие же однозначно отрицательные (Фроська, Сашка, Полина), что противоречит жизненной достоверности. Порой кажется, что отрицательные персонажи вводятся автором как бы по обязанности, чтобы поддержать интерес читателя к действию, к намеченным конфликтам, оставляя их по сути дела неразрешенными.

Вот приезжает Полина, тетка Любаши. Появляется она несколько раз, когда девушки нет дома, обирает детей, обещая ничего не смыслящим малолеткам золотые горы, и уезжает. Ей противостоит лишь старуха Матрена, защищая семью. Однако никаких последствий пиратских наскоков Полины читатель не видит. И о самой Полине у него смутные представления. Он знает лишь, что она хищница. А что еще? Что она за человек? Какие психологические пружины действуют, заставляя ее поживиться за счет сирот? Какие отношения были у нее с покойной матерью Любаши? И таких вопросов у читателя возникает немало.

И центральный конфликт повести также не получает своего решения до конца. Непутевый Сашка, вернувшийся правдами-неправдами с фронта через госпиталь домой, ради своих видов на Любашу оклеветал Николкиного отца, фронтовика, сложившего голову на поле боя. Как же реагировали односельчане на такой поступок? Что предприняли Николка и его мать, чтобы восстановить доброе имя отца и мужа? Наконец, Любаша, чистая и светлая душа? Как она действует в сложившейся ситуации? Писатель предпочитает об этом не говорить, чем несомненно обедняет и самих действующих лиц, и все произведение в целом.

Разумеется, повесть — не роман, и требовать в ней развернутого действия, глубоких психологических исследований нельзя. Однако истинное мастерство дает возможность

писателю штрихами, намеками, деталями — всем арсеналом имеющихся в его распоряжении художественных средств — даже на небольшой площади повествования создать емкие, выпуклые характеры героев, мотивировать их поступки, разрешать конфликты, коль скоро они намечены, в полную силу мастерства.

Другая повесть В. Матушкина «На высоком берегу» также связана с войной, вернее, с ее последствиями. В центре внимания писателя — судьба вернувшегося с фронта без рук и без ног бывшего десантника Александра Филипповича Трухачева. В родном селе фронтовик окружен заботой и вниманием, однако односельчане видят в нем только героя войны и инвалида. Сам же Трухачев не хочет мириться с таким положением. Он не может сидеть у окна и бесстрастно наблюдать за проходящей мимо жизнью, он должен быть ее участником, полноправным членом общества. Заряженный неиссякаемым оптимизмом, обладающий незаурядной силой воли, он ставит перед собой одну за другой цели: научиться заново читать, чинить нехитрые предметы быта, наконец, ходить без провожатого, управлять инвалидным автомобилем, — и своим упорством добивается задуманного.

Тема мужества, героизма советского человека, не теряющего самообладания и не сдающегося в самые трудные для него жизненные моменты, привлекает многих наших писателей. Тема эта вечна, благородна, но и чрезвычайно сложна для писателя. Повесть В. Матушкина «На высоком берегу» многое теряет своей описательностью, облегченностью образа главного героя, композиционной рыхлостью. По жанру это скорее очерк, нежели повесть с характерным, но даже для очерка не оригинальным, ходом: приезжает в село по заданию редакции корреспондент и неожиданно для себя открывает человека с интересной, необычной судьбой. Имея в своей творческой лаборатории материал будущего произведения, писатель, думается, как следует не отобрал его, не выделил главное, иначе рассказ о том, как старики родители ездили по госпиталям в разных городах, не зная достоверно, что случилось с их сыном (в это верится с трудом), не занимал бы неправомерно долго внимание читателя. Зато о самом Трухачеве — скуповато, одной краской, без особой глубины. Поэтому судьба Трухачева вызывает сочувствие, может быть, даже интерес, но лишь как факт, и не дает возможности читателю сопереживать вместе с героем ту палитру дум и чувств, которые наверняка должен

испытывать этот замечательный человек, оказавшийся в совершенно новых для него условиях.

Удачи и просчеты рязанского писателя в чем-то характерны и для книг, написанных в Калинин или Костроме. Прежде всего необходимо отметить, что для своих повестей и рассказов писатели выбирают жизненные факты, так или иначе связанные с тяжелыми страницами в судьбе Родины: война, послевоенное детство. Рассказ их строится на деревенском материале. И здесь уже есть опасность вторичности, пробуксовки на опыте прекрасной русской прозы о селе. Вот откуда в произведениях рязанцев и костромичей известные нам по книгам старые деды, все знающие и все понимающие; нежная любовь, так и не удавшаяся в конце повествования; социальные, экологические и нравственные конфликты.

В сборнике произведений Николая Родина «Ярусы» роман под этим названием занимает центральное место. В нем ставятся морально-этические проблемы сегодняшнего дня. ставятся остро, злободневно. На срезе жизненного пласта глубинной России писатель показывает труд на заводе, в колхозе, вводит читателя в среду интеллигенции, посвящая в ее размышления, споры.

«Ярусы» — произведение многоплановое. Писатель не сглаживает жизнь, он стремится глубже проникнуть в суть процессов, происходящих в нашем обществе. Герои романа ведут постоянную, непримиримую борьбу с рутинерством, ретроградством, мещанством — всем тем, что мешает развиваться обществу. Однажды на рыбалке Здешнев — один из героев романа — увидел разноцветный разрез обнаженного полой водой берега. Склонный к размышлениям, он подумал, что «и наша жизнь, как эти ярусы, многослойна и разноцветна. Есть в ней добрые, плотные слои, есть среди них и легкие песчаные — оставь их открытыми, обнаженными — и их размочет, развеет...».

Н. Родин обрисовывает Здешнева достаточно глубоко и разносторонне. Удачен образ писателя Полонова: мягкий, покладистый и скромный человек. Но вот женским образом повезло гораздо меньше. Они носят отпечаток вторичности: подобные мещанские себялюбки стали уже дежурными фигурами в литературе.

В иной тональности, чем роман, написана повесть «Шуркин родник». Повесть эта героико-лирическая, окрашенная мягкой грустью. В ней героическое тесно переплетено с лирическим, прошлое — с настоящим.

Сюжет довольно прост. Молодая замужняя женщина, мастер прядильной фабрики Ксения Дробинцева явилась инициатором прокладки водопровода в свой дом и в дома соседей. Для работы была приглашена частным порядком бригада рабочих, возглавляемая Лешкой, с которым Ксения когда-то вместе училась в школе. Случилось так, что Лешка в знак благодарности за ее человечность и заботливость потянулся к ней и поцеловал. Это заметил муж, Виктор Николаевич, и тут же избил ее.

Что же произошло? Обычная семейная ссора? Именно так и расценивают случившееся окружающие, в том числе даже мать Ксении и близкая приятельница Валерия Петровна. Жалея женщину, они тем не менее не придают серьезного значения самому поступку Виктора Николаевича, которого считают весьма положительным, любящим Ксению супругом. Для них важнее всего не то, что произошло, а то, что скажут или подумают об этом люди.

Как точно: что скажут... Этот обывательский, мещанский взгляд на сущность человеческих отношений чужд Ксении. Она восстает против вчерашних подруг и знакомых, проявляя волю и, если хотите, мужество. Рассказывая историю Ксении, писатель страстно выступает за чистоту чувств, за человеческое достоинство, за право женщины на настоящую любовь.

Если нравственный конфликт в «Пристани», так сказать, внешний, где героиня борется с чуждыми ей по духу окружающими людьми, то в повести Валентина Сафонова «Крушина — дерево хрупкое» подобный конфликт возникает в душе одного человека. В этой повести тоже речь идет о семействе, живущем своим маленьким, узким мирком, живущим, в общем-то, для себя. Писатель умело строит сюжет. Повесть невелика по объему, динамична. Психологически точно передает автор в наиболее важной для всей повести сцене смятение чувств, внутренний разлад, который в конце концов приводит к прозрению и очищению души героя.

Не менее важные этические проблемы затронуты и в повести В. Сафонова «В селе Желанном». Повесть эта об отношении человека к своему делу, об ответственности за него, честности, принципиальности.

В разговоре о подъеме Нечерноземья главным ориентиром остается все-таки не земля, а человек. Его отношение к делу, к семье, к своей деревне, к Родине... Все это волнует российских литераторов, ибо не будь у сельского тружени-

ника твердой опоры, корней,— и он превратится в перекаптанное поле, будет оторван от своего дела, своей работы. Поэтому в повестях и рассказах писателей Костромы, Рязани и Калинина мы читаем не столько описания красот родной земли, сколько душевную боль и надежду на человека, которому по плечу поднять не один урожай, не один пятистенник.

Но, конечно, лирическая струя русской прозы не иссякает. Тому пример творчество костромского прозаика Василия Бочарникова. В его книге «Нелидовский ключ» собраны небольшие, иногда на полстранички-страничку лирические зарисовки-новеллы, разбитые на четыре цикла (по временам года). Их связывает единый герой — сельский учитель Михаил Петрович. О ком эти рассказы? О ребяташках, о его учениках, о пастухе Стожарове и бабке Марфе, о его коллеге Николае Дмитриевиче и ветеринарном фельдшере дяде Косте... Словом, обо всех, кого встречает на своем пути учитель, с кем общается. О чем рассказы? Тоже обо всем. О том, как, скажем, Игнат Соколов, инвалид, без глаза, без руки, а на другой — три пальца, лучше всех ловит на удочку рыбу («Игнат-рыболов»), о том, как светлеет небо на востоке («Рассветы»), или о том, какой вкус у лосиного молока («Стакан лосиного молока»)... И в каждом рассказе, не претендующем на большую глубину, что-то подмечено, что-то найдено: либо особенность характера человека, либо оброненное кем-то меткое слово, а то и просто передано свое ощущение новизны от увиденного.

К манере письма В. Бочарникова, отрывистой, иногда чрезмерно сжатой, надобно привыкнуть: поначалу кажется, что, кроме времен года, никакой закономерности в построении книги нет. Однако, закрыв последнюю страницу, видишь, как из калейдоскопичных кусочков складывается, подобно мозаике, общая и довольно широкая картина жизни современной деревни средней полосы России, ее быта, нравов. Жизнь эта тиха, спокойна, без особых коллизий, я бы сказал, даже несколько идиллическая. И здесь невольно хочется спросить: бывает ли так? И самому ответить: не бывает. Но, должно быть, автору коллизии неинтересны. Он — лирик. Все его новеллки проникнуты добротой, лаской, любовью к людям, к животным и вообще — к природе.

Природа в «Нелидовском ключе» занимает особое место, собственно, даже не место — книга почти вся о природе. И встречи с людьми, как правило, тоже происходят на природе, а если в доме, то разговоры тоже касаются ее. Неумолимо ходит Михаил Петрович по лесам, полям, угорам, за-

брасывает спиннинг на речке Покше и подмечает то, что другой чаще всего не увидит. Умение видеть, удивляться простым, казалось бы, вещам — ценнейший дар человека. Герой новелл В. Бочарникова останавливает внимание на рыжем муравейнике, и на неприметной птичке иволге, и на гнедом жеребенке, и на осыпавшихся лепестках черемухи. и на многом, многом другом, умея интересно, образно рассказать о своих наблюдениях, ощущениях, раздумьях.

Природа вечна и вечно прекрасна. И она — вечная тема для писателя. Но описывать ее нелегко, любые слова не подходят, нужно их искать. В. Бочарников их ищет и успешно отыскивает, хотя, на мой взгляд, иной раз злоупотребляет уменьшительными существительными. Но послушаем лучше сами, как он говорит, например, о всем хорошо известной незабудке: «Цветок этот, пожалуй, из скромных скромный, не выбирает себе лучшего места, не выпячивается, не бросается в глаза, как, к примеру, ромашка, медуница, иван-чай. Где сырая ложбинка, где овражек с ручейком, там и незабудки. Часто они провожают лесную речку самой береговой кромкой... Цветок этот о пяти лепесточках, синь-синью неба понежнее, а в самой середке желтое сердечко. Незабудки не выгорают, не выцветают, не тускнеют на горячем солнышке лета. Свечение от цветка, который и размером-то с ноготок ребенка, мягкое, чистое, доверчивое. Поглядишь — и не забудешь».

В своем творчестве В. Бочарников продолжает традиции русских и советских писателей, таких, как Пришвин, Соколов-Микитов, которые всегда говорили о природе с трепетным благоговением, ибо она близка к поэзии, она — сама поэзия. Но литература не стоит на месте и в ее развитии писатели сейчас не только восторгаются нашей богатой и прекрасной природой, но и защищают ее своим веским, решительным словом. Думается, В. Бочарников тоже придет к этому.

Книга Алексея Осипова «Я люблю Кольку» состоит из двух повестей. И обе — о детях. Первая, название которой присвоено всей книжке, — повесть-воспоминание. Рассказ ведется от имени восьмилетнего мальчика Сережи, детство которого проходило в тридцатые годы. Действие развивается неторопливо. Читатель в подробностях узнает о самом герое, его бедняцкой семье, приятелях, односельчанах... Автору дорога каждая мелочь, каждая деталь быта того времени. Он описывает первый самостоятельный поход Сережи на пастбище, где ребята постарше пасут лошадей, и всевоз-

можные ребячьи проделки над новичком. Большим событием в жизни мальчика является поездка с отцом в Рязань на рынок, чтобы продать яблоки и купить необходимое для дома. Трогательная история с первыми ботинками, купленными отцом Сереже (до этого он ходил лишь в лаптях), и последовавшее затем несчастье — случайно один ботинок оказался разрубленным топором...

Но постепенно вместе с читателем мы видим, как взрослеет герой, начинает понимать, что жизнь состоит не из одних развлечений, она не проста и проходит в постоянной борьбе. Вот Степаныч. Добродушный, угощавший всегда ребят конфетами Степаныч. Оказывается, он на самом деле — враг бедняков, причинивший немало зла людям. Оказывается, есть в деревне кулаки, такие, как Степаныч, его сыновья, которые поджигают колхозную конюшню, стреляют из обреза в учительницу, мешают проводить коллективизацию!

Это открытие мира ребенком, его развивающееся сознание, можно сказать даже классовое, писатель прослеживает искусно, без навязчивости и риторики. В какой-то мере можно упрекнуть автора в некоторой затяжке действия в экспозиции и чрезмерном увлечении диалогами ребят.

Другая повесть А. Осипова «Партизанскими тропами» заметно слабее предыдущей, хотя тема ее, несомненно, интересна. Слабость повести прежде всего в схематичности действующих лиц — школьников, которые не увидены писателем, а потому описаны поверхностно и трафаретно. Эти ребята по предложению директора школы Николая Петровича идут с ним в поход по тем местам, где он воевал в первые годы войны. Но прежде, чем пойти, он ставит условие, чтобы ребята не трогали взятые с собой продукты, а питались подножным кормом, не пользовались палаткой и транспортом — как партизаны, поставленные в такие условия войной.

Этот ход представляется искусственным, заданным, как условие в алгебраической задаче. Отсюда все, что происходит в походе, напоминает скорее школьный урок — смесь героической истории, ботаники, географии, нежели художественное повествование. Читаешь эту повесть и не можешь отделаться от чувства, что все это несерьезно, хотя автор все время пытается уверить читателя в обратном.

Вряд ли найдется человек, который скажет, что не нужно рассказывать современным ребятам о войне, о партизанах, об их мужестве и героизме, о лишениях, которые они испытали, борясь с врагом. Полезно им и уметь ориентиро-

ваться в лесу, и питаться за счет природы. Для писателя все это пока — тема. Неудача постигла А. Осипова потому, что он не сумел эту тему разработать и воплотить в художественных образах.

Почти все писатели, о прозе которых мы только что говорили, выступают и как очеркисты. С любовью к родной земле и заинтересованностью в ее преобразении они энергично вторгаются в жизнь, изучают экономику и организацию производства, взаимоотношения людей, стремятся разрешить морально-этические и экономические проблемы, возникающие в результате бурного социалистического строительства на селе. Очерк — особый жанр. Как правило, он невелик по размерам, потому мобилен и позволяет живо откликаться на процессы, происходящие в разных сферах нашей жизни. Однако и он требует от писателя мастерства и в выборе темы, и в ее изучении, разработке, и конечно же свежего, образного слова.

Известные наши прозаики Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин и другие не раз обращались к очерковой форме, способной злободневнее и ярче выразить их размышления о проблемах сельской жизни. В очерке «Паруня» Виктор Астафьев прослеживает судьбу своей землячки, простой крестьянки, всю жизнь трудившейся не разгибая спины. «Моздокский базар» Василия Белова посвящен вроде бы далекой от Севера земле — Моздоку, небольшому кавказскому городку, но и в нем автор открывает то, что его волнует, а именно — народные традиции, истинное гостеприимство и человеческую доброту. А Валентин Распутин!.. Мало кто из нынешних его почитателей знает, что начинал он как очеркист, даже выпустил книгу путевых очерков о небольшой сибирской народности — тофах.

Живущий в Ржеве писатель Иван Васильев посвятил свое творчество очерку. Две его книги «Беру на себя» и «Я люблю эту землю» посвящены сегодняшнему дню села. Это глубокая по своему содержанию деловая публицистическая проза, идущая от традиций В. Овечкина. Особенно показателен в этом отношении очерк «Из сельского дневника». И. Васильев знает и любит деревню, видит огромные успехи, достигнутые в ней за последние годы, но так же хорошо видит и проблемы, возникающие как перед руководителями, так и перед рядовыми работниками, и размышляет о них. Не случайно сборник «Беру на себя» снабжен подзаголовком «размышления о русской деревне». И правда, как

быть председателю колхоза Родионову? Жизнь настоятельно требует свозить работников в поселок, но всех сразу не позволяют средства. И Родионов, зная психологию людей, зная, какие выгоды сулит человеку жизнь в поселке, действует решительно, смело, нестандартно, чем вызывает на себя критику. Но все-таки на поверку он оказывается прав (очерк «А Покатов останется...»).

В очерке «Удельщина» писатель размышляет о совместных действиях руководителей соседствующих районов и страстно выступает против местничества, когда в угоду отчету, рапорту страдает дело. И. Васильев рассматривает местничество не как административный порок, а исключительно нравственный. Проблеме бережного использования земли посвящен очерк «Братья Мироновы».

Очерки И. Васильева невелики по объему, но интересны по мысли, содержательны; характеры героев даны крупно, мазками и поэтому запоминаются.

Несколько очерков и документальных рассказов выпустил и В. Сафонов. В таких книгах, как «Семейное дело» и «Ржаное поле», писатель касается многих тем. Тут и рассказы, которые имеют непосредственное отношение к В. И. Ленину, записанные от старожилов, дополняют наше представление о великом вожде трудящихся, вождечеловеке (цикл «С именем Ленина»), тут и циклы очерков о людях колхозного села, и зарисовки, и расшифровки кратких записей из блокнота... Писатель много ездит, много видит, записывает беседы с повстречавшимися ему в пути интересными людьми, подмечает черточки их характеров, а нередко наблюдает за их жизнью и работой на протяжении лет. Но приходится сожалеть, что все эти многочисленные материалы носят чаще всего поверхностный характер. Они неглубоки, в них не чувствуется писательского видения, анализа происходящего, нет обобщающих образов, нет (или они только намечены) конфликтов, столкновений мнений — всего того, чем изобилует наша жизнь. В этом отношении, если их сравнивать с очерками И. Васильева, они намного проигрывают.

Даже по этим заметкам, не претендующим на исчерпывающий разбор, видно, как разнообразны тематически, жанрово, стилистически произведения писателей лишь нескольких городов России. Из этих же заметок видно и то, что в общем-то писатели пока еще робко берутся за темы крупномасштабные, животрепещущие, поставленные самой жизнью, сторонятся остроты проблемы.

Недостаточность мастерства многих наших писателей уже не раз отмечалась. Просчеты авторов в композиционном построении произведений, обрисовке характеров героев, наконец, имеющаяся еще невзыскательность к слову как раз и говорят об этом.

О писателях, которые послужили мне поводом для разговора о проблемах «провинциальной» литературы (понимаю, что охватил лишь ее малую часть), критики мало пишут. Как исключение — Иван Васильев, чьи злободневные очерки в журналах «Волга», «Наш современник», в газете «Советская Россия» приковывают все большее внимание. Но в большинстве своем критика не доходит до глубин России. Имена наших прекрасных прозаиков Василия Белова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Сергея Залыгина, Михаила Алексева и других широко известны, о них часто пишут. А кто идет вслед за ними?

То, что русская советская литература расширилась за счет множества российских городов, — явление отрадное, это бесспорно. Однако нелишне помнить, что советская литература — одна, где бы она ни создавалась, без скидок на расстояние. Развиваясь, она питается соками мощных корней — величайших мастеров литературы прошлого, которые чутко следили за пульсом жизни общества, явлениями, происходящими в нем, и глубоко, бескомпромиссно отражали их.

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА — ВСЕГДА СТОЛИЧНАЯ

Нечерноземный центр России. Колыбель русской литературы и общественной мысли. Сейчас к этому краю приковано внимание и тружеников города и деревни, и деятелей литературы.

Естественно, что время, жизнь требуют, чтобы в поле зрения писателей попали жизненные проблемы Нечерноземной России, чтобы откликнулись на них мастера слова. И писатели откликнулись. Очень разные, с разным жизненным опытом, с разной мерой таланта, но все же в большинстве неповторимо своеобразные; слово их многообещающе, как первая борозда на целине.

Я — костромчанка, и может возникнуть естественный вопрос: почему я решила говорить не о своих земляках, а о людях из иных, неблизких областей? Мне вспоминаются слова поэтессы Светланы Кузнецовой: «А у меня такие корни, что я устала от корней...» В данном случае они означают чрезмерную приближенность к предмету разговора. Приближенность, которая лишает зрение остроты. Кострома — город с богатыми литературными традициями, в нем и сегодня живет и работает весьма многообещающее содружество писателей, но пусть о нем расскажут другие. Мне же хочется поговорить о талантах дальних. В их очень разных по внутреннему строю и стилистике произведениях встает перед читателями мир зримый, слышимый, осязаемый всеми чувствами. Есть немногим дающаяся мера абсолютной достоверности происходящего. В ряду этих интересных книг меня привлек Борис Романов своим стремлением не выпускать из

поля зрения «связь времен». Интерес к связям находит подкрепление в сосредоточенности аналитического усилия автора, в стремлении дойти до сути явлений современной действительности. Лучшие страницы прозы Бориса Романова отмечены этим отнюдь не рядовым качеством.

Произведения Бориса Романова написаны мастерски — это первое, что хотелось сказать после ознакомления с ними. Творчество его, безусловно, заслуживает читательского внимания.

Наиболее сильное впечатление оставил роман Бориса Романова «Третья родина». Может быть, не до конца точно его название, речь в нем идет о выборе своего места в жизни, места в обществе, а не о месте обитания. Но мысль ясна: третьего никому не дано, всегда перед человеком лишь два пути.

Рассказывая о единоличнике Арсении Ергунове, который любыми путями хотел прожить в стороне от людей, от больших жизненных свершений, автор постепенно рисует широкую картину деревенской жизни в далеком северном краю. Мы видим и братьев Арсения — неистового Авдея и умного Антона, видим крестьян соседнего села Небылицы. И чем больше число персонажей возникает в романе, тем глубже, яснее прорисовывается бесчеловечная сущность Орси Ергунова. Интересен авторский прием постепенного разъяснения происходящего и взаимоотношений между людьми. Вначале неясно, кто эти две женщины, что живут на хуторе Арсения — Енька и Полина, кем они ему доводятся? Но вот что примечательно: если бы странная история орсинского двоеженста была рассказана чуть менее талантливо, — ей невозможно было бы поверить. Но в романе «Третья родина» веришь всему. Стоит за каждым авторским словом психологическая обоснованность поступков его героев — и потому Борису Романову веришь безусловно.

Странен, почти нереален мир, окружающий Арсения Ергунова: старуха жена, Ксения, она же Енька, на двенадцать лет сбежавшая от мужа и снова пригнанная к нему войной; немой, забитый сын Филька, даже не похожий на человека; молодая беженка Полина, безвольно ставшая любовницей старика хозяина. Уже одно сочетание этих характеров таит угрозу: жизнь столь разных людей не может быть мирной. Угроза эта тем ощутимее, чем внешне спокойнее их быт. А за стенами хутора, выстроенного Арсением на века, бушует война, от которой он надеется спастись отстранением, точно так же как спасался от всех перемен в жизни окру-

жающих людей. Но нет третьего пути в дни войны — обвалом катятся на хутор перемены, чтобы в конце концов сме-сти с лица земли кулацкое гнездо...

Первой ласточкой оказался чопорный немецкий офицер Герхард фон Иоккиш, подобранный Арсением на шоссе после налета партизан. Была у старика мысль: выслужиться перед немцами за счет спасения офицера. Но не стерпел, когда пьяный Герхард полез к Полине. Герхард убит, но с этой минуты мир покидает крепость Арсения. Ночью приходит старший сын Егор, красный командир, и старик не решается его выгнать, хотя следом идет погоня. Не удержаться Арсению в стороне, не выжить. Убегает из дому Полина, следом за ней — полоумный Филипп. Это уже не меняет ничего. Час расплаты близок.

Очень любопытным представляется мне образ беженки Полины. Автор не дал ей даже фамилии, ничего не рассказал о ее родителях, но характер получился удивительно живым. Не человек — красивая вещь, которую военная круговерть несет, как палый лист, бросает из постели в постель, пока не останется она в санях пьяных полицаев... Финал закономерный. Но задуматься заставляет...

Пожалуй, слабее всего вышли в романе отец и сын Иоккиши, прусские аристократы. Они не то чтобы недостоверны, просто лишены первозданности. Были уже в литературе, и не раз, похожие характеры. Да, собственно говоря, не так уж они и нужны в общем потоке романа. Роль их случайна, оба они — вестники судьбы для Арсения Ергунова. Могли быть и безымянные немцы, было бы то же самое. Ведь справляется со скопидомом Ергуновым сама жизнь.

Повесть «Святое озеро» того же автора четко делится на два плана. Один — день сегодняшний, второй — день вчерашний, дни войны и военного детства героя, и все лучшие страницы повести связаны именно с прошлым. В настоящем мы видим преуспевающего интеллектуала с семьей и любимой игрушкой для детей старшего возраста — катером. Семейство отдыхает на озере, где прошло детство героя, и впечатление производит не слишком привлекательное, хотя автор хотел как раз обратного. Ничуть не лучше и их соседи по острову — дама в шляпе из Ниццы, ее непросыхающий кавалер Роберт. Как ни крути, а выглядят все они чужими среди тех, кто возле озера жил всегда. Потому и превращается чуть не в трагедию порез на ноге, и слишком много бутылок разного калибра добывается и распивается героями повести. Чрезмерно хвастовство дорогим катером

и собственным успехом, свободными деньгами, которые можно походя предложить бедному другу детства.

Сюжет выглядел бы неглубоким, псевдосовременным и не заслуживал бы разговора, если бы не было в повести и военных страниц. Убедительных. Там достоверно все. И первые впечатления от войны мальчика, лежащего с дедом в придорожных кустах, и история Самолетной горки в озере, и концерт в госпитале, и встреча с пленными офицерами-немцами, и нелепая гибель от мины Симки Петрикова... И опять безотказно срабатывает тот же авторский прием постепенного разъяснения происходящего. О Самолетной горке, где упорно рвет невод Серега Прахов, мы узнаем сразу, но лишь много времени спустя выясняется, что Прахов ищет обломки погибшего в войну самолета, потому что жива вдова летчика, Шура-зенитчица. А Шура эта, юная и красивая, была когда-то кумиром малышей детского сада, сегодняшних взрослых героев повести. И так во всем: каждое возвращение в прошлое что-то углубляет, разъясняет в дне сегодняшнем. Этим и ценна повесть, этим и запоминается, несмотря на некоторую неровность.

Роман «Прощальный снегопад» рассказывает о прошлом и настоящем районного городка Заполянска, о его людях. Через все повествование проходит судьба коммуниста Ильи Михайловича Шубина и бывшего сектанта, сребролюбца Семена Бугрова. Один живет для людей, другой — только для себя, в чем-то повторяя образ скопида Арсения Ергунова. Но если в «Третьей родине» мир узок, сведен к быту одного хутора, здесь дана широкая картина жизни, затрагиваются многие проблемы современности. Пожалуй, роману свойственна некоторая сюжетная рыхлость. Рассказ о той или иной человеческой судьбе подчас тормозит ход повествования. Но случайного, неинтересного в нем нет, и общее впечатление остается сильным и цельным.

Творчество Бориса Романова разнообразно, многопланово, интересно. Это, бесспорно, большой мастер, как раз один из тех, кому дано распутать самые сложные жизненные узлы.

В литературе о Российском Нечерноземье особое место занимает северная тема. Она течет особым руслом, словно неспешная река, отличная от всех иных. И неповторимо прекрасная.

Творчество мурманского писателя Виталия Маслова продолжает именно эту северную линию, вошедшую за последние годы в советскую литературу достаточно широко. Бли-

же всего Виталию Маслову по теме и стилистике вещи Владимира Личутина, уже получившие высокую оценку в печати. Но, пожалуй, пласт жизни, поднятый Виталием Масловым, в некотором смысле глубже, интереснее. Если у Личутина чаще всего мы видим жизнь поморов как бы со стороны, глазами человека, порвавшего с родными берегами, здесь жизнь беломорского колхоза «Шестьденьговая Щелья» показана изнутри, досконально. Материал, которым пользуются и Владимир Личутин, и Виталий Маслов, чрезвычайно удобен для создания легенд о «древнем благочестии». Поморы — народ вольный, крепостного права не знавший. Иноземные завоеватели в такую даль не забирались и поморских нравов не ломали. Рука царской администрации не была здесь ощутима: «край света». И тем не менее весь уклад общины, живущей вроде бы «от себя», подчинен жестокой социально-исторической обусловленности, о которой ни на минуту не забываешь, знакомясь с творчеством обоих архангельских писателей. Разница в одном: Владимир Личутин реставрирует старину иногда (но всегда!) ради нее самой, ради ее древней красоты, — Виталий Маслов наполняет ее всей густотой, весомой и плотной вещественностью крестьянского бытия, в изображении которого обнаруживается незаурядность живописного дара автора. Хотя, и это тоже надо отметить, пока, безусловно, уступает Владимиру Личутину в писательском мастерстве. Герой Виталия Маслова — Митька Воронин, по прозвищу Футшток, — плоть от плоти суровой северной земли. Он говорит, думает и живет так, как искони жили его предки. Правда, в этой же его кондовости кроется и слабость романа — *чрезмерное, прямо этнографическое увлечение северным диалектом*. Нет смысла вспоминать слова М. Горького на Первом съезде писателей, относящиеся к разумному обращению с местными диалектами. Слова эти хрестоматийны и вроде бы не вызывают сомнения. Но если во времена Первого съезда писателей речь шла об отсеке диалектического потока, полой водой хлынувшего в литературу, сегодня речь идет о спасении того, что умирает, уходит безвозвратно. И понятно стремление Виталия Маслова сохранить северный говор таким, какой он был искони, донести до читателя неповторимость поморских речений. Однако мера, о которой говорил Горький, должна соблюдаться; сам автор должен чувствовать, какое слово где к месту, а где затемняет смысл написанного. Читать роман Виталия Маслова интересно, но очень тяжело, иногда создается впе-

чатление, что он написан на языке, близком к русскому, но ином. Требуется перевода. Вот, например, диалог на первых уже страницах: «Соседка Анисья Фокична Опарина с просьбой через порог: — Неть бы мне, мужицек, барана...— Митька тихонько поперхнулся над блюдцем...— За жеребца я бы еще туда-сюда. Но за барана...— Фокична... вдруг нашлась: — Есть вашего брата! Своих девать некуда! За тем и кланяюсь: «Приди, мужицек, сбавь на одного...»

Выясняется, что речь идет об обычном деле: соседка просит зарезать барана, гости к ней едут, но как это понять из приведенного отрывка?

Можно согласиться, что в бытовых сценах диалектизмы допустимы; читатель так или иначе поймет, о чем идет речь. Но роман «Круговая порука» рассказывает о вещах серьезных, и когда словесная невнятица возникает и в авторском тексте, то это становится недопустимым.

Совершенно непонятна, видимо, очень важная чем-то для автора сцена признания Митьки стариками. Можно лишь догадываться, что это отзвук древнего поморского обряда посвящения в моряки. Но старики забыли уставные слова, и неясно, какое значение, какую великую тайность они хотят передать новичку. Совершенно необходимы авторские пояснения.

Есть и еще одна особенность, не знаю, вообще ли свойственная творчеству Виталия Маслова или присущая только этому роману, — *нарочитая запутанность сюжетного построения*. Это прием детективной литературы, где главное — как можно дольше оставлять читателя в неведении о действительном ходе событий. А в «Круговой поруке» рассказывается обычная история, житейская, вовсе не требующая тайны. Герой романа, Митька Футшток, потерял родину, селение Крутая Дресва, которое было упразднено, как десятки других малолюдных деревень. И пытается найти свою землю заново, в соседней Шестьденьговой Щелье, с тем чтобы в дальнейшем изыскать какие-то возможности оживления и Крутой Дресвы. По замыслу автора, Митька — будущее этой земли, хотя он и далеко не безгрешен. Сюжет современный, нужный, затрагивающий попутно множество живых, интересных проблем. Жизнь поморов автор знает досконально, иногда это знание даже мешает ему. Вот так и нужно было, с приезда Митьки в Щелью, вести рассказ о нем, и о председателе Фокине, спасшем Щелью от судьбы соседней Крутой Дресвы, и о хищнике Антипе, и о двух женщинах, Текусе и Вале, вставших на Митькином пути...

Все было бы понятно. Неспешное, прямое развитие сюжета подсказывается жизнью, тоже неторопливой и прямой. А у Виталия Маслова все наоборот, все сдвинуто во времени, и только к концу, устав от бесконечных временных скачков, начинаешь понимать, что было вначале, а что — в конце.

В характере главного героя тоже есть некоторые противоречия. Вызывает сомнение любовь Митьки к чтению, да еще таких писателей, как Толстой и Достоевский. Тут уж автору захотелось внести в характер героя что-то свое, чуждое созданному образу. Митька ясен во всем, что в нем есть хорошего и плохого: непоседа, озорник, ерник, не нашедший себя с юности, как многие простые, изнутри одаренные натуры. Вряд ли его может заинтересовать высокая философия. Даже если он любит читать, я бы увидела в его руках книгу Шукшина или кого-то из северян-современников (упомянутых, кстати, автором). Нужно ли делать героя голубым? Разве не хорош он самой жизненностью своего характера?

В целом же роман Виталия Маслова дает широкую картину народной жизни, показывает стойкость и нравственную чистоту северян, суровый их быт. И вполне можно сказать, что с появлением романа «Круговая порука» река северной литературы стала полноводнее.

Если бы мне пришлось искать одно, главное, определение для всего творчества писателя Николая Родина, я бы сказала, что он пишет о равнодушных людях.

Они могут быть разными, и судьбы их несхожи между собой, но особая черта — душевная зоркость, острое внимание к окружающему — равно свойственна всем героям Николая Родина.

Один из героев давней повести Гавриила Троепольского «Кандидат наук» говорит: «Правду надо не только любить, правдой надо жить, как растения живут солнцем».

Жить правдой — это больше, чем писать правду, но непременно значит писать ее как часть, как момент исторической истины, обнаруживать эту правду в любых хитросплетениях жизни. Именно такое глубинное правдоискательство свойственно лучшим страницам творчества Николая Родина.

Сюжетно (кроме многопланового романа «Ярусы») произведения Николая Родина очень просты, но простота эта тоже особого свойства. Простота, идущая от глубокого знания жизни, совершенного владения материалом.

Вот повесть «Шуркин родник»... Кажется, даже само название не сулит читателю ничего необыкновенного. Таково же и начало повести: уходит на пенсию старый бухгалтер с фабрики «Красная мануфактура» Александр Капитонович. Чтобы не скучать в пустом доме (жена умерла, с невесткой отношения сложные), решает съездить к себе на родину в деревню. Сколько уже раз было такое в литературе?.. Не счесть... И дорога на родину обычна, и разговор в дороге с незнакомой женщиной, едущей за «святой водой» на какой-то чудотворный источник, тоже не выводит повествование из рамок обыденности. Но как же неожиданно интересен и глубок поворот, наступающий в повести потом! Выясняется, что тихий бухгалтер был юным уполномоченным ЧК, что его расстреливали когда-то на краю оврага кулаки, что чудом спасся он от смерти. И его тело, упавшее на дно оврага, сдвинуло камень и открыло путь целебной воде родника... Даже само имя старого бухгалтера — легенда. По его имени источник зовут «Шуркиным». И как добры люди, живущие на родине Александра Капитоновича! Как прекрасен светлый солнечный мир деревни! Повесть завораживает, много слова не подберешь.

Повесть «Пристань» поначалу тоже не сулит чудес. Сочно, зримо выписан в ней провинциальный быт, неспешное (и довольно вздорное) бытие старого дома на старой приокской улице. Все начинается с водопровода. Молодая женщина, Ксения, агитирует жильцов за то, чтобы провести в дом водопровод хотя бы и за свой счет, берет на себя основные хлопоты, связанные с этим делом. И с этой простой завязки пойдет рассказ о столкновении трех людей: Ксении, доверчивой, нежной, ее мужа, Виктора Николаевича, пошляка и себялюбца, и шабашника Лешки, сильного, но неудачливого человека, до времени не нашедшего себя в жизни. Легко, непринужденно автор по ходу действия знакомит нас с прошлым героев, и повесть на глазах становится значительнее, глубже, захватывает все больший круг проблем. Это безусловная удача Николая Родина, так же как и роман «Ярусы», своеобразный портрет поколения людей, чью юность опалила война.

В целом же творчество Николая Родина — еще одна грань того магического кристалла, сквозь который просматривается писателем жизнь сегодняшнего Нечерноземья.

Сегодняшний день нашей жизни определяет предельная сложность и многоплановость социально-психологических

процессов развития общества. Исследовать и познавать их стало намного труднее. Сегодня жизнь каждого человека как бы связана с судьбой всей планеты бесчисленными зримыми и незримыми нитями. Все это следует иметь в виду, обращаясь к творчеству писателей, которых мы сегодня называли «молодыми», хотя возраст их различен. Все вышесказанное в полной мере относится к творчеству Валентина Сафонова, писателя одаренного, своеобразного, владеющего к тому же одинаково свободно далекими друг от друга литературными жанрами. Творчество его небезынтересно с точки зрения притока новых сил в литературу Нечерноземья. Главной его книгой является сборник повестей «Крушина — дерево хрупкое», в котором наиболее глубокое впечатление оставляет повесть «В селе Желанном». Правда, название ее несколько стандартно и не отвечает драматическому ее содержанию, но это — частный недостаток. А рассказывает повесть о сломанной жизни прекрасной русской женщины, доярки Раисы Хаустовой. Началось все с пустяка: молодой неопытный корреспондент написал хвалебный очерк о юной доярке, еще не заслужившей такой чести. А слава-то должна была принадлежать учительнице Раисы — Прасковье Чукреевой, да не подходила она по возрасту для молодежной газеты... Ну чем, кажется, может грозить такая ошибка? А вышло (и автор последовательно доказывает нам это), что юная Рая начала жить как бы за чужой счет, в кредит у будущей своей славы. И хотя начала потом работать отлично, слава все время опережала ее истинные достижения. Не жизнь — гонка без остановки, на износ... В этом беге Рая потеряла все: сначала любимого мужа, потом уважение подруг по работе, а потом и работу. Автор не жалеет свою героиню, он точно и умно анализирует реальную жизненную ситуацию. Это повесть-предупреждение, и она, безусловно, нужна сегодня.

Очень тонка, лирична повесть «Ленивое лето». Трудно писать о подростках. Мир их души хрупок, неустойчив. Наступающая взрослость борется в нем с остатками детских бездумных игр. Мальчик из деревни Новый Мир, Сеня Пастухов, самой жизнью поставлен в нелегкие условия взросления. Опыт наблюдения за окружающим миром у него предельно сужен: в деревне со столь громким названием всего восемь домов. У него только один друг — обжора и лентяй Колька. Нет больше в деревне ребят подходящего возраста... У Сени нет отца, тот спасается многие годы в бегах от алиментов. Нет опоры в жизни. Добрый комбайнер

дядя Саня Матрос занят делом, да еще вдов, да еще имеет двоих малышей-двойняшек.

Подростки, Сеня и Колька, тянут кое-как «ленивое лето» своих каникул, пока сама жизнь не выбрасывает их из этого безделья. К Сене приезжает сестра Юля, у которой не задалась в городе жизнь: кто-то обманул ее, она ждет ребенка. Вот с этого момента и начинается взросление Сени. Встав на защиту сестры от сплетен, он выбрал единственно верный в жизни путь правды и чистоты.

Это долговязый глупый Колька еще долго будет хихикать в кулак над чужими недобрыми словами, будет жадничать сам и у всех других искать корысть в поступках. А Сеня, ударив Кольку за сплетню, не побойтся пойти с кулаками один против троих пьяных хулиганов. А после, преодолев детский негативизм, попросится к дяде Сане на комбайн в подручные. Мы видим, как растет душа подростка, верим автору так же, как и его герою.

Повесть «Крушина — дерево хрупкое» тоже интересна по замыслу, но не до конца достоверна. На ней словно бы лежит отпечаток спешки, погони за современной темой.

На далекой Псковщине «красные следопыты» нашли солдатскую могилу и установили имена погибших бойцов. Среди них — отец преуспевающего молодого человека Василия Коротаяева, который часто повторяет: «Жизнь порядок любит» — и жизнью своей вполне доволен. Сам он заведует складом на автобазе, жена его Зоя торгует в универмаге мехами, есть у них сын Олег и машина «Жигули». Ясная картина? Безусловно... Но автору вдруг захотелось наперекор жизненной правде сделать своего героя голубым, и началась фальшь. Выясняется (это подчеркивается несколько раз, очень назойливо), что за запчасти Василий и рубля не берет с клиентов, которых присылает на склад его же собственный директор. И своей жене Зое, работающей продавцом, накрепко запретил «толкнуть налево» меховой дефицит. А «Жигули» купил на отчисление от своей и жениной зарплаты. Долго же пришлось бы Василию деньги на машину собирать с невеликого своего оклада! Вещи надо называть своими именами: Василий не вор, он просто «умеет жить», как сегодня говорят. Сила душевного прозрения, пришедшего к нему на могиле отца, не уменьшится от того, что Василий был нечужд корысти. Недостает в повести в финале еще одной правдивой ноты. Василий мог принести ветки крушины на могилу, мог в тот момент всей душой потянуться к прошлому, к земле своего деревенского детства.

ва. Но не придет ему в голову мысль остаться насовсем в бедной псковской деревне! Корни оборваны, он — человек городской. Все, что может с ним произойти, — найдет он себе иную работу, не таящую денежных соблазнов, станет честнее, прямее. Но пока ничего этого в повести нет.

Маленькая книжечка «В раздольном русском поле...» — документальная повесть о жизни и труде механизатора Василия Главина. Работы эти нужны, написаны профессионально, но подобных брошюр выходит каждый год во всех издательствах очень много. По ним одним нельзя было бы судить о размере дарования Валентина Сафонова. А дарование это, мне думается, многое обещает в будущем, не считая уже достигнутого.

Четыре имени — четыре несомненных дарования, ни в чем не похожих друг на друга, кроме одного: все они певцы Российского Нечерноземья.

Виктор СНИЦЫН

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ И ЛИТЕРАТУРА

Все чаще, говоря о множестве проблем Нечерноземья и литературы, стали ставить во главу угла проблемы НТР и сельского хозяйства. Именно в этой области все чаще писатели скрещивают в спорах копыя.

Да, проблемы эти волнующие, острые до чрезвычайности. Поскольку главное в литературе — жизнь, следовательно, невозможно отделить «чисто» литературные проблемы от самого дела — забот нашего Нечерноземья.

Да, меняется весь уклад крестьянской жизни! В душе человеческой кроются уже новые нравственные категории. И писатели нового поколения пишут об этом.

В рассказе молодого орловского прозаика Н. Калинина «Егор из Суровки» и описана такая ситуация.

Герой этого рассказа, Егор, когда-то покинул деревню и вот едет снова в родные края на побывку, думает, что попадет в деревню как раз в шумный день, когда все на лугу, в нарядах, пляшут, поют, ну и пьют, конечно, потихонечку! Но ожидания его не оправдываются. Изменилось все: в поле — страда еще, а гуляют нынче после всего, за все «разом». В такой день выдают премии, подарки. И так нынче — во всем районе! Ходит Егор по деревне, никому до него нет дела, он чувствует себя «лишним». А еще видит Егор, что мог бы он приложить здесь свои руки, нравится ему все это «новое» в родной деревне. Егор уезжает в город со смутным чувством общей неудовлетворенности своей жизнью. И состояние это не покидает его еще долго; вроде бы все есть: и работа, и жилье, и возможные удобства городские, но началось раздвоение душевное, непонятное и незнакомое ра-

нее, запрятанное прежде глубоко, оно все растет, и неизвестно, оставит ли человека.

Н. Калинин в своем рассказе захватывает весьма типичное явление. Изображает он это все мастерски, психологически точно и просто. И читатель ему верит. Подобное я встречал и в жизни: люди, похожие на Егора, живут рядом со мной, в моем доме. Разница только в том, что у писателя это сложное человеческое состояние описано в будничных обстоятельствах, ничего страшного у него в рассказе не происходит. Но трудно себе представить без ссылки на жизненные факты, какие иной раз драмы и страсти человеческие воспламеняются в сходной ситуации в конфликте человека с самим собой. Проблема? Проблема, да еще какая! Пусть эта драма социологического характера развернута в небольшом рассказе, а не в широком панорамном полотне, но здесь выявляются новые приметы времени, жизни.

Социология — наука, но она большой помощник и в литературных проблемах. Сейчас и деятелей литературы и читателей волнует один вопрос: какой он, новый герой современной прозы о селе? В. Белов, В. Распутин, П. Проскурин, В. Астафьев (я уж не говорю о столь популярном сегодня Ф. Абрамове) подняли перед нами целые пласты народной жизни, высветили удивительные человеческие характеры. Иван Африканыч, Пелагея и Алька, Михаил Пряслин (эти имена стали почти нарицательными) прочно живут в нашем сознании наряду с подлинными живыми людьми сельского Урала, Севера нашего и Нечерноземья.

В последнее время мне довелось прочитать немало книг писателей Нечерноземья. Были тут и орловские прозаики, и костромичи, и смоленчане, и калужане. Места-то какие! Срединная часть России! И сейчас еще передо мной лежит книжечка орловского критика и литературоведа Александра Логвинова, где он пишет о крае, откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Л. Толстым. Еще М. Горький писал, что почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской, губерний. А что же современники наши, новые прозаики? Такое обилие прекрасных литературных традиций, такие «гнезда» великолепных имен! Тот же А. Логвинов подтверждает в своей книге, что, выражая общие тенденции современной прозы о деревне, молодые писатели приокского края давно осваивают материалы тех мест, из которых когда-то черпали свои наблюдения И. Тургенев, Н. Успенский, Л. Толстой, И. Бу-

нин. Интересна мысль А. Логвинова о том, что герои повестей и рассказов — «прямые потомки Хорей и Калинычей, Тушиных, Красовых и Аверкиев» — не только сохранили «привычку к труду благородному», поэзию души, народную сметливость и цепкость, государственный ум, но и расширили в условиях социалистической нови горизонт своего национального видения.

Сама книга А. Логвинова — увлекательное исследование творческих взаимосвязей и развития литературы в родном крае. И стоит отметить, что автор приводит в ней немало новых и интересных деталей и подробностей, освещающих творческое наследие И. Тургенева, И. Бунина, Л. Андреева с какой-то неожиданной и неизвестной ранее стороны. Это часть его книги, может быть, самая богатая и плодотворная по материалу.

Менее исследована или скупер подача литература революционных и послереволюционных лет, хотя о творчестве таких писателей, как Е. Зиборов, Е. Горбов, А. Стрыгин, В. Мильчаков, рассказано подробно. Живым куском входит в книгу этюд о первом крестьянском писателе Орловщины И. Вольнове, судьбой которого постоянно интересовались В. И. Ленин и М. Горький.

Меньше отведено места у автора современным орловским прозаикам, но нельзя сказать, что его не хватило для анализа основных произведений, метких наблюдений. В первую очередь А. Логвинов называет здесь А. Леонова, И. Рыжова, И. Подсвинова, Н. Калинина, Л. Золотарева. Пишет он и о совсем молодых прозаиках: о И. Лободине и о В. Горбачеве, уже заслуживших положительную оценку в обзорной статье «Правды». Судя по замечаниям А. Логвинова, начало зрелой творческой деятельности многих из этих литераторов совпало с тем моментом, когда литература заговорила живым, страстным языком социально-художественных очерков В. Овечкина, Е. Дороша. «По страницам книг и журналов, — отмечает критик, — замелькала не географическая экзотика, не оранжерейные мальчишки с сомнительными достоинствами и потенциальными возможностями, а люди труда, земли, хорошо знакомые по житейским ситуациям, но, по странным причинам, выброшенные из литературы Бердяйки, Каменки, Сычевки — древние старорусские названия поселков и деревень с их бесхитростной неприметностью для постороннего взгляда быта». Да, это было время, когда только что появились В. Белов, В. Распутин, но тогда пока еще оцененные в нашей критике как всего лишь

веяния «проселочной» литературы. Об этом даже Б. Можаяев помнит в своей статье, недобро отзываясь о подобных ярлыках, навешанных направо и налево П. Строковым в памятной статье журнала «Огонек». Но не в этом суть дела. Куда двигалась в то время молодая орловская «поросль»? В каком направлении? А. Логвинов считает, что в тот момент эти молодые литераторы, опровергая опасения об элегических вздохах по уходящей патриархальной старине, пытались понять скрытую силу характера человека, устоявшего как в мировых потрясениях, так и в потрясениях «в пределах одного двора».

Возможно, у Логвинова эти рассуждения выглядят слишком приподнято, с претензией на большие литературные обобщения по отношению к молодым орловским прозаикам. И я, разумеется, ни в коей мере не собираюсь утверждать превосходство нового поколения орловских писателей перед другими литераторами. Тем более не собираюсь преувеличивать их роль, давать преимущества, сравнивая их творчество с мастерами советской литературы. Но факт остается фактом: и на Орловщине есть имена, есть книги, о которых стоит поговорить всерьез.

В предисловии к сборнику «Ковровый пояс» (Тула, 1978) П. Проскурин написал: «У Леонарда Золотарева есть талант, знание народной жизни, чувствуется богатая языковая одаренность. И это тотчас понимаешь, прочитав хотя бы один его рассказ». Да, прозаик он очень талантливый, а главное — перспективный. Два-три рассказа из этого сборника, а также другого — «Мед из подснежников», изданного в Туле же в 1974 году, что называется, сразу же делают «имя человеку в литературе».

Один из них — «Дарыюшка — последняя из хуторян» — очень сильный. По пронзительности он сродни платоновской прозе, хотя я убежден, что у Золотарева были другие литературные учителя. В другом рассказе, «Грешница», он рисует старенькую, отрешенную уже от мирской суеты богомолку-монашку, которая ценой собственной жизни спасает другую женщину, многодетную мать — у нее фашисты под пыткой требовали сведения о партизанах-подпольщиках.

По складу своему Л. Золотарев конечно же писатель-«деревенщик», но, надо сказать, пока — очень неровный, а говоря точнее, разбрасывающийся. Видимо, в нем самом идет еще пока процесс «накопления», определяются и главная тема, и основные привязанности. Это видно на самих произведениях писателя: наряду с добротными, крупным

мазком написанными вещами, поднимающими целые пласты народной жизни, соседствуют проходные, этакие «элегические» зарисовки, просто психологические этюды, которые впору публиковать при издании первой книги начинающему автору, но уже не «мужу» от литературы.

Особняком стоит в его творчестве повесть «Не манна небесная». Мне эта повесть (в отличие от критика А. Логвинова) очень понравилась. Л. Золотарев в данном случае резко изменил «художественный почерк» в повествовании о буднях сегодняшнего села. А. Логвинов утверждает, что повесть грешит чисто очерковой информативностью, но, на мой взгляд, здесь содержание диктует художнику форму. Я понимаю, что Логвинову более по душе «граненая» четкость авторской фразы в его истинно народных по духу и материалу рассказах. «Нынче лето сухое до лютости: солнце выпило влагу, в проволоку выдубило траву» — это, конечно, хорошо, просто отлично «сделано»! Но и в повести язык хорош, рисунок физически осязаем: «Нравится Николайчику походка его, нравится он весь со спины, — опущенные неширокие плечи, длинная, тонкая шея, даже пиджак, даже простые в полоску штаны, коричневые матерчатые туфли с кожаными носами». Вот это и есть, по словам же критика, «уметь двумя-тремя штрихами выявить предмет и дать его объемно читателю».

Николайчик — главный герой повести, бывший фронтовик Николай Житков, который ходит в председателях колхоза с того времени, как позвали его письмом бабы — возглавить развалившееся вконец колхозное хозяйство. Углубленно и пристально вглядывается писатель в характер этого человека, всего себя отдавшего людям, делу. Под балагурством орловского мужичка Николайчик прячет и хозяйский, цепкий ум, и чутье ко всему новому, и свои размашистые колхозные планы, когда шуткой и прибауткой, а когда и просто напором отстаивая и убеждая людей в правильности своей линии. На благо же всех!

Николайчик у Золотарева — человек творческий, вдохновенный, из которого у нас на Руси давно выходят большие художники и крупные руководители. У меня создалось впечатление, что прототип этого героя настолько близок и приятен самому автору, что он и любит его, и увлечен им, и любит его в деле, а главное, будто «лепит» его, искусно и точно, буквально тут же, на ходу, перед моими глазами. И пожалуйста — освоение современного и такого трудного для иных авторов материала. Вроде бы и образ какой-то

традиционный, а — живой! Вот, кстати, о традициях и традиционности. Творческое освоение традиций — это такой момент в жизни и творчестве, когда писатель готов к самостоятельному движению, к тому, чтобы «заговорить своим голосом в литературе», как писали об этом М. Алексеев и многие другие наши известные писатели. И это относится не только к средствам, то есть к языку, но и ко всем без исключения компонентам литературного труда. Мне думается, не всегда это понимают не только молодые писатели, но и люди в литературно зрелом возрасте.

Прочитал я книгу старейшего нашего писателя Верхневолжья Н. Алешина «Осеннее равноденствие» (Ярославль, 1973). Родившийся в крестьянской семье, полвека — учитель в сельской школе, Н. Алешин — знаток всего деревенского уклада. Речь — русскую, народную, щедрую — он знает точно бы на вкус. Одна из лучших вещей его в этой книге — рассказ «Проня Девяткин». И характер героя жизненный, и судьба удивительная. Остался Проня со своими младшими братишками одинешенек на белом свете — отец погиб, мать померла. Проня — их кормилец. По необходимости женившись на бабе старше его лет на десять, тянет этот «взрослый» мужичок нелегкую трудовую лямку, став младшим за отца, за старшего товарища. Рассказ этот у Н. Алешина по изобразительной силе и пластике — почти хрестоматийный, классический. Прекрасный рассказ!

Но вот в другом своем рассказе «Перепутье» живописует нам писатель другого мужичка, подавшегося в силу обстоятельств — погорелец он — в город. И вдруг видишь, что вся пластика крестьянской речи Алешина вступает в полное противоречие с иной обстановкой. Город-то наш, современный, но читатель не может себе уяснить: в каком отрезке времени это происходит? Это скорее уже перед нами проза двадцатых — тридцатых годов, нежели семидесятых! Вот и получилось, что традиционность письма, традиционность руки подвела писателя, обернулась против него.

Подобный же «традиционный» подход отмечает прозу калужского писателя Валентина Волкова.

Можно сказать, что В. Волков «традиционно» «деревенщик». Но вот читаешь его повести «Ивановские косогоры» («Советский писатель», 1974): да, удаются ему отдельные образы, герои его книги; так, мне думается, живописно изображен пастух Кузьма Иванович, один из героев повести «Горошины из одного стручка», чем-то очень симпатичный, но явно без биографии. Но вот характерного, или, как го-

ворит Б. Можаяев, «абсолютного», знания явления или предмета всего деревенского уклада, всей жизни деревни не ощущаешь, читая повесть. И особенно бросается это в глаза в повести «Три деревни, два села». Герой данной повести человек еще молодой, по сути дела «интеллигент», работник сельской библиотеки, и вот в действиях своих, поступках и мыслях обнаруживает полную оторванность от жизни односельчан; он живет какой-то «книжной» жизнью. Образ, очевидно, в большой степени автобиографический. Странны и другие жители этих «трех деревень и двух сел»: по большей части сидят по домам, угрюмо принимая гостей... Иногда трудно определить основной замысел автора. Вот, скажем, повесть «Горошины из одного стручка». Почему отказалась Мотя, героиня ее, ехать с братом на Украину в его семью? Какие цели она преследовала, оставаясь вековухой дома, что повлияло или влияет на то или иное ее решение? Автор словно ничего более не преследует, кроме описания любившегося ему чем-то характера и эпизода.

Возвращаясь к вопросу о традициях в литературе, я хотел бы обратиться к книге орловского критика А. Логвинова. Говоря о молодых орловских прозаиках, он замечает, что «их художественный поиск обращен в прошлое, ибо они стремятся раскрыть в своих произведениях высшее человеческое понятие, свойственное только труженику земли, народное представление о цели и назначении человека, но он, этот поиск, одновременно устремлен вперед. И это определяющий центр их мироощущения». «В этой, на внешний взгляд, разнородности нет противоречия, а есть сложный, единый диалектический процесс формирования нравственно-психологического облика нового человека. Следует признать, однако, что они с большей художественной силой, с большей убедительностью и достоверностью выражают вторую половину процесса (то есть историческую.— В. С.), нежели другой план, который у них более угадан, чем верно изображен». Я думаю, автор этих строк не обидится на меня, что, цитируя его, я несколько переставил иные места и уточнил. Самим же писателям я советовал бы задуматься хорошенько над всем этим, чтобы выверить свой путь.

Ольга АВДЕЕВА

ЗАВЕТЫ

*Природа и характер в поэзии О. Фокиной,
Н. Рубцова, А. Романова*

Простолюдинка ива я,
К земле неприхотливая:
Никем не обихожена,
Ничем не огорожена
От половодья вешнего,
От птицы-пересмешника,
От ветра-полуночника;
Взошла я на камёшнике...

Образ «простолюдинки ивы» очень важен для понимания лирического характера, представленного в стихах Ольги Фокиной. И несомненно, что характер этот принципиально иной, в сравнении, например, с суриковской «тонкой рябиной» и даже с «высоким дубом» (из известного стихотворения А. Мерзлякова), который и сам ищет поддержки: «...ударит ли погодушка — кто будет защищать?» Традиционные образно-поэтические средства служат здесь для выражения характера нового, понявшего свою силу («А все зовут плакучая...»). Верно и то, что за таким характером ощутима историческая глубина.

Личность, говорим и повторяем мы, — вот что главное. Но что делает человека личностью, как формируется она? В стихах Ольги Фокиной отражен этот процесс, тем более интересный, что ее личная биография, такая, какой она представлена в стихах, — тесно связана с конкретными приметами времени, с биографией нашей страны.

...Страшные картины извлекает порой из своих запасников память человека, в раннем детстве пережившего войну:

Идти по деревне куски собирать
Мы сами решили: страшно умирать.
И мать, наклонясь над грудным малышом,
Сказала спокойно: — И то хорошо.

Я криком кричала, молчанье храня:
— Подайте, коль можете, ради меня!
И ради братишек, таких же, как я! —
И руку выпрастывала из тряпья.

Сколько верности характеру (во всеобъемлющем его понимании) хранят здесь *спокойствие* матери, *кричащее* молчанье ребенка у чужого порога. И вот тоже характерное, что не истреблялось в самой сердцевине народного характера, не выгорало на любом огне: память горька, но нет в ней разъедающей душу мучительности, ничего болезненного, надломленного. Напротив, она получает исход в чувстве глубоко созидательном, в благодарной любви к «людям, соседям моим». «Я в вечном долгу у деревни моей» — но долг этот не тягостен и восполним лишь в нормах традиционных моральных устоев, выраженных другим поэтом: «За все добро расплатимся добром, за всю любовь расплатимся любовью» (Н. Рубцов).

Не раз еще отзовется в памяти «эхом — горечь детских лет». Например, при самой заурядной встрече — с щеголихой, которая привлекает взгляды прохожих «криком» заграничной моды: «Вольно! — серая холстина с шеи до полу — мешком». Ведь в таком же наряде, сшитом матерью за одну ночь, явилась девочка в садик и, уничтоженная насмешкой сверстницы, просидела весь день в темном уголке («Ах, Париж! Не зря гостила...»).

А вот уже не ребенок — подросшая девочка впервые входит в театральный зал, где сверкающий паркет и огромные зеркала безжалостно отражают «неуклюжие опорки теткинны», в которые обута дочь погибшего солдата, отца пятерых детей... Что же — опять искать уголок потемнее? Она и ищет, «в полумраке кресел и спин» мечтает о платье из роскошного, как ей кажется, занавеса на сцене. И вдруг — такое неожиданное духовное выпрямление! Откуда пришла подмога?

Словно издали, словно издавна
Тихо выплыл народный хор.
И такое запел душевное,
И такое запел мое...

С той поры я уже не весила,
Не печалила головы,
И опорки стучали весело
По архангельским мостовым.

Подчеркнем и запомним здесь слово «мое» и обратимся к временам более поздним.

У прилавка столичного магазина грампластинок стоит девушка с маленькими твердыми ладошками в шрамах от порезов серпа (я прошу О. Фокину простить мне несколько вольный пересказ ее стихотворения, привлечение к нему деталей из других стихов), ее северный окающий говорок звучит непривычно для городского мальчишка, любителя твистов, и еще непривычнее — просьба поискать записи Северного народного хора. «С выражением особым» задает он будто бы невинный вопрос: «Вы, наверно, из деревни?» Не в характере девушки промолчать, да и слишком важное задало, она ведь уже начала осознавать свою родословную:

Я, конечно, из деревни,
И не скрою, раз спросили,
Из деревни из какой.
Песни есть о ней и книжки,
Есть о ней стихотворенья,
И зовут ее — Россия...
А откуда вы такой?

Героиня этого стихотворения способна уже защитить не только себя, личное достоинство, но и *свое*, дорогое.

И наконец, вполне осознанно сила и цельность этого характера проявляются в конфликте более серьезном — с тем, кто мог бы стать самым близким человеком.

Но прежде позволю себе небольшое отступление.

В энергичном, интонационно и ритмически богатом стихе Ольги Фокиной, в самом его синтаксическом строе порой улавливается что-то цветаевское. Дело не в литературном влиянии, есть, видимо, общность в натуре лирических героинь этих поэтов: резкость и нежность, гордость и способность к жертвенности — контрастность чувств и вместе с тем гармония цельности. Но сходство внешнее, как это нередко бывает, помогает выявить более глубокие, более существенные различия. Например, в отношении обеих к одному чувству — любви. Да, их роднит сила этого чувства, желание отдать больше, чем получить, прямота, отсутствие жеманства, чистота женственности. Но у Марины Цветаевой сама любовь — высшая драгоценность, мерило всего, это безоглядная, нерассуждающая страсть, где важны только взаимность и верность («В коросте — любимый, в могиле — любимый...»).

Для нашей современницы есть нечто несравненно важное.

В одном из ее стихотворений шестидесятых годов своеобразно развернута тема *прощания* с любимым. Он не изменил, не унизил личного достоинства героини, он любит и ждет писем, однако ее отповедь (письмо ли, размышления) полна горечи, скрытого гнева и предчувствия неизбежного разрыва. Что же произошло? «Гостем» побывав в *ее* краях, у *ее* чистой речки, в *ее* лесу, он и уехал гостем, не принял в сердце всего этого, даже оскорбил небрежным словом: «Эка невидаль! Тут по колена воробью, тут и мочить не стоит невода». Среди разнообразных чувств, испытываемых лирической героиней стихотворения, явственно звучит недоумение: «Как полюбить меня ты мог? За что?» Ведь ее личность, ее самая сокровенная суть неотделимы от всего этого:

Насильно милые — жалки.
Насильно в милые — не просимся,
Но я — дитя моей реки.
Озиминка из этой озими.

Сознание этой родственности, неотделимости, кровной, «смертной связи», по слову Рубцова, с родной землей — вот главная сила, главная вера и гордость Ольги Фокиной. И только с этой силой понятно и осуществимо ее заветное стремление — «Буду стеблем!». Так назван сборник ее стихов, вышедший в конце 1979 года.

«Буду стеблем!» — значит, буду защитой всему тому, на чем различимы «знаки кровного родства», что полно скрытых сил жизни, но не признано, обижено, насильственно прекращено в росте:

Я припадаю
К пеньку губам
И обнимаю
Пенек руками.
И пью, как брагу,
Скрывая слезы,
Родную влагу
Родной березы!
Я знаю горе,
Я горю внемлю,
Живи же, корень,
Я буду стеблем!
Я — продолженье
Твое живое,
Твое цветенье
С твоей листвою.
И все, что гибнет
Во мне и вянет,
Твой сок поднимет,
Спасет, распрямит...

Знаменательно, как родственные по своей нравственно-философской сущности образы рождаются художественным сознанием разных писателей нашего времени. В рассказе Евгения Носова «Моя Джомолунгма» выздоравливающий мальчик приходит к тополевому пню, оставшемуся от срубленного «зеленого острова» птиц: «Я ощущаю тепло срезанного под корень дерева. Это вовсе не то тепло, которое исходит от нагретого солнцем мертвого полена. Оно идет откуда-то, оно схоже с теплом человеческой крови. Я почти осязаемо чувствую, как где-то в глубине земли клокочет возмущенная сила. Тополь не смирился со своей участью...

А может быть, он примет меня своим побегом?»

(Вообще *жизнь* дерева как частное от темы природного бытия в нашей современной литературе ждет своего всестороннего критического исследования. И, по-моему, такое исследование могло бы привести к содержательным выводам.)

Иван Владимирович Мичурин, чтобы развить в своих яблоньках самостоятельность, жизнестойкость, пересаживал их с тучных почв на песчаные. «Черемуха, сосна, осина, ива...», — за которыми у О. Фокиной, конечно, не только деревья, — не нуждались в искусственном взбадривании и, не в укор другим деревьям, что «морозов наших не выносят, да им и землю надо пожирней», росли на своих суглинках и песчаниках.

В этих деревьях, во всей северной природе, в ее лесах и родниках, в речке Содонге («А и беречь-то что? Велика ли царица — перекинешь рукавицей! Вода сера, как небо над ней, разве что быстра, да похолодней, да почище чуть, да жива, как ртуть, да журчат мастерица, да вкусна — не напиться...»), в островке на ней («Как ты вырос и как ты смог с речкой справиться, островок?») — везде она ищет соответствия характеру близкому, понятному, знакомому с детства. Например, такому:

Мужа в армию спроводила,
А кого повинишь — война!
Жала, сеяла, молотила
За двоих, за троих — одна.
Не сломалась...

В более позднем стихотворении и более драматичном по звучанию — «Не выходила», — опубликованном в сборнике «Маков цвет» (1978), представлена сходная судьба уже состарившейся солдатской вдовы. Однако и здесь, как часто бывает в стихах Фокиной, если не мажорный, то все же и

не пессимистический исход. Мировосприятие ее героев родственно ее собственному — беды и невзгоды творческой силой жизни преобразуются в новую душевную высоту: «Близорукий, станешь зорким и опять вздохнешь легко: когда горе станет горкой, с горки видно далеко».

Способность переплавлять горе в силу, сохранить незамутненную обидами душу и радоваться самым обычным драмам жизни — все это не просто счастливые особенности характера, но и глубокая жизненная философия, которую исповедовали такие замечательные художники и мыслители, как Л. Толстой и Рерих, Пришвин и Шергин. Обаяние лирической героини Фокиной во многом связано именно с такой способностью:

Спасибо былому,
Что прежде ломтя
Мякину, солому
Жевало дитя...

Былому спасибо
Еще и за то,
Что прежде — без силы,
А с силой — потом.

Автор «Макового цвета», «Камешника», «Самого светло дома» подчиняет читателя властному чувству радости бытия, праздничности мира, в который она вступила не «избранницей», в котором был «нелегкий путь от моей избы до моей звезды».

Стихи Ольги Фокиной требуют от читателя особого рода сосредоточенности и культуры чтения, сопереживания, основанного прежде всего на любви к тому миру, о котором она пишет. И, в свою очередь, воспитывают эту любовь, делают ее глубже, ответственнее, гражданственно активнее. Наделяют такой глубиной понимания, которая, может быть, первоначально была нам несвойственна.

То есть они требуют всей полноты духовного опыта, накопленного за нашу личную жизнь, усвоенного в процессе постижения родной истории и культуры.

Вот один пример.

Было сказано поэтом почти полтора столетия назад: «Дрожащие огни печальных деревень». С детских лет, еще не понимая социально-исторической глубины образа лермонтовских стихов, мы запомнили эти «дрожащие огни», запомнили памятью сердца. И теперь, читая одно из позднейших стихотворений О. Фокиной, мы ощущаем, как не-

ожиданно и больно прорастает из глубины нашего нравственно-эстетического опыта эта память:

Три огонька в стылой темени светятся,
Три — из былых тридцати...
«Скоро и эта деревня изнетится».
Кто там изрек? Погоди!..

В снег — равнодушный, нетронутый — падаю.
Жизнь моя, песня моя!
Поразлетелись неправдой и правдою
Дочери и сыновья...

Кстати, вспомним, что стихотворение «Родина» («Люблю Россию я...»), которое Н. А. Добролюбов назвал «удивительным», писал, что любовь к Отечеству выразилась в нем «истинно, свято и разумно», было создано Лермонтовым в марте 1841 года, то есть всего за четыре месяца до гибели. Страшно думать, что мог и не успеть.

На этом же пути устанавливается связь и с тютчевскими «бедными селеньями», и с блоковскими «слезами первыми любви», и с рубцовскими строками: «В этой деревне огни не погашены, ты мне тоску не пророчь...» (иные по характеру выраженного в них лирического настроения, эти стихи тем не менее сходны с цитированными выше не только размером).

В духовно-нравственном содержании поэзии Фокиной и Рубцова гораздо больше родственного, чем может показаться при поверхностном прочтении. Такую родственность мы найдем, например, в тех *заветах*, которые выражены в их самых сокровенных стихах.

Россия, Русь! Храни себя, храни! —

Николай Рубцов обращается к Родине, природе, миру, наконец, к своей душе.

Храни родные родники!
Храни огонь родного очага!

Поэзия Ольги Фокиной постоянно подразумевает обращение к преемнику, к наследнику, к человеку, близкому ей по духовному строю. Непосредственность чувства исторической преемственности (воспринятого от поколения отцов, передаваемого молодому соотечественнику) выражена ею сильнее. Но сама глубина усвоения нравственно-исторического опыта народа, определившая главное направление рубцовской поэзии, не подлежит никакому сомнению.

Недавно в нашей критике мне встрети­лась мысль о том, что самое глубокое в человеке — чаяние вечной жизни. На мой взгляд, она нуждается в уточнении. Что делает человека высшим существом в природном мире, что поднимает и просветляет его дух — это не мечта о личном бессмертии, но о бессмертии всего, что дорого ему. Это и самое глубокое в нем. Единственный исток нравственной силы, неэгоистического счастья человека — сознание того, что переживет его на земле все любимое им.

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди.

Н. А. Некрасов

Это же чувство одухотворяет лирику Николая Рубцова, и не одного его.

Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил.

А что любил он — со всей откровенностью сказано в четырех его прижизненных сборниках и в стихах, напечатанных после смерти.

В начале семидесятых годов в печати едва не разгорелась очередная критическая дискуссия по поводу следующих строк Рубцова: «За все хоромы я не отдам свой низкий дом с крапивой под оконцем...» Недоумевали: разве можно считать избу, утонувшую в крапиве, удобнее и красивее хором? Но разве о красоте или об удобствах идет речь? Совсем о других вещах. Например, о том благодетельном для душевного здоровья чувстве, которое достаточно ясно выражено в хрестоматийных стихах: «Можно забыть, где и когда пузы растил и зобы, но землю, с которой вдвоем голодал, нельзя никогда забыть».

Заверения в любви, если говорить о литературе, лишь тогда имеют силу художественной убедительности, когда отлиты в чеканно звенящую поэтическую форму. Но еще и при том условии, — гораздо более важном, — когда они органически воспринимаются в контексте всего творчества и жизненного поведения писателя. Только так, только так! — выверяются самые широковещательные и пылкие заверения в преданности чему-то.

Вся недолгая жизнь Рубцова была подчинена одной «любви непобедимой» к «России -- родине моей!». Эта лю-

бовь — «сильнее бурь, сильнее всякой воли» — давала ему право на глубоко личное обращение к «тихой родине», к «задремавшей отчизне» или на торжественно-одическое величание Руси, ее истории и современности, в которой:

Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Никогда, ни в ранних стихах, ни в зрелом творчестве поэта, не обнаруживается преувеличенности, поддельного пафоса, неискренности. Напротив, в лирическом чувстве Рубцова, чего бы оно ни касалось, часто есть что-то просто-душное, какая-то почти детская непосредственность желаний («я люблю...», «я хочу...», «и одного сильнее всего желаю...»), что заставляет вспомнить слова Белинского о *благосущности* пушкинского чувства.

Вместе с тем художественный мир Рубцова, в котором так определены утверждаемые поэтом духовные ценности, словно взорван изнутри сознанием неустойчивости, недолговечности, тревожен и таит в себе память о прошлых потрясениях и предчувствие новых.

Как старуха из «Русского огонька» постоянно вопрошала: «Скажи, родимый, будет ли война?», так поэт обращал свои тревожные вопросы к миру, с такой тоской и нежностью смотрел на него, словно видел в последний раз. («Взглянуть на все, что там еще осталось, и распрощаться... может быть, навек».)

В стихах Рубцова нет того, что называют экологической темой, но само состояние поэтического мироощущения, противоборствующие стихи в природе как бы постоянно балансируют на неустойчивой грани: покой — непокой, тишина — непогода, грозно — прекрасно, счастье — ужас, свет — тьма. Сама природа здесь говорит на языке, понятном современному человеку, выражает его тревогу.

Сложной идейно-образной системе творчества Рубцова, в частности стихии света «как воплощению наиболее глубокой сути рубцовой поэзии, — притом как одному из основных, если не самому основному воплощению этой сути», посвящена монография В. Кожина. Профессионально глубокий и аргументированный анализ этого критика заставляет принимать его логику и выводы безоговорочно, и все же какое-то звено в цепи рассуждений автора кажется утраченным.

Стихия света действительно наполняет лирику Рубцова. Но что, например, определяет «глубокую суть» таких «руб-

цовских» стихов, как «Подорожники», «Родная деревня», «Добрый Филя», и других, где эта стихия отсутствует? Стихией света перенасыщен блоковский цикл «На поле Куликовом». Но много ли общего между индивидуальностями этих поэтов?

Вот странная, поначалу поразившая меня особенность рубцовской лирики: хотя она с таким редкостным даже для нашей литературы постоянством сосредоточена на природных образах,— в ней нет весны. Об этом времени года поэт однажды говорит в стихотворении «Весна на берегу Бии» (реки сибирской, далекой от его Вологодчины) да вскользь упоминает в стихотворениях «Купавы» и «Слез не лей». Нет весны, хотя он любил ее:

Есть пора — души моей отрада:
Зыбко все, но зелено уже!

Но не «цветущее блаженство мая» (Тютчев) сильнее говорило его сердцу. Различные состояния осенней поры — самые частые и самые выразительные в его лирике. Рубцов по-пушкински любил «радостный краткий покой» тихой осени. Но «суровое предзимье», «дни осенних пасмурных дождей», которые он называл то «осенним распадом», то «осенним помрачением», лишали его покоя, он предчувствовал угрозы зимы как затаившейся враждебной силы, набега, особо грозного в ночное время. Иногда словно уговаривает, успокаивает себя: «Я не боюсь осенних помрачений! Я полюбил ненастный шум вечерний!»; «Ты мне тоску не пророчь!» Но вновь и вновь:

Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!
И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

Есть и более родственный источник — народная художественная образность, именно здесь присутствует нечто очень близкое самому характеру образов Рубцова.

В труде А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (таком неоченимом по богатству содержания и таком, к сожалению, труднодоступном) говорится: «В каждом звуке, раздающемся в природе, поселяне слышат таинственный разговор, выражение страданий или угроз, смысл которых доступен только чародейному знанию вещей людей».

Конечно, рубцовские образы света и тьмы, «угроз» ледяного «дыхания близкой зимы» и «мертвого снега» не повторяют соответствующих образов народной мифологии, эти образы служат современному поэту и для современных целей, но истолкование им дается то же самое, связь с поэтическим народным мироощущением самая прямая.

Непостижимая глубина природы была источником многих поэтических прозрений. По существу, сам дар художественного воплощения мысли получен человеком из того же источника. «Самую жгучую, самую смертную связь» с природой все глубже, все осознаннее постигает современная литература. Правда, процесс этот не всеохватывающий. Там, где для одного — «жуткая тайна», для другого — просто «детские секреты».

Если, как предполагал А. Блок, «в стихах всякого поэта 9/10, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру, но 1/10 — все-таки от личности», то что в стихах Николая Рубцова — от его личности, от мальчика, которого окончательно осиротила война, для которого любовь к «России — родине моей» была «сильнее бурь, сильнее всякой воли» и заменила ему и любовь материнскую, и любую другую? Что в них от его индивидуальной судьбы?

Не без сомнений и беспокойства решаюсь высказать свое понимание этой личной доли в стихах Рубцова, потому что вполне сознаю, сколь рискованно отождествление личности поэта с тем, что принято называть его лирическим героем.

Николай Рубцов был счастлив родиться и жить на своей земле, «в своем народе» и постоянно, не боясь повторений, писал об этом самом большом счастье. Он писал об этом и в форме высоких патетических признаний, и в добродушно-шутливом (столь неожиданно характерном для него и придающем такое обаяние его лирике) тоне, и в тоне детски непосредственном и опять же детски не защищенном.

Но вот — вчитываясь в его стихи разных лет, встречаешь в них порой какую-то неудовлетворенность, тоску по чему-то несбывшемуся, что нередко находит выражение в своеобраз-

ной синтаксической — отрицательно-инфинитивной — конструкции:

Не купить мне избу над оврагом,
И цветы не выращивать мне...

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи...

Мне не найти зеленые цветы...

Каких фантастических «зеленых» цветов не хватало его душе, в которой, казалось бы, всем тревогам вопреки примирены грозные и прекрасные начала мира? Откуда эти сетования о том, «чего не найти», осязаемая несбыточность надежд на то, что «душа не станет сиротлива», «никому не будет одиноко»? Ведь в поисках тех же «зеленых» цветов не один бродит он, а «с хорошим давним другом, который сам не терпит суеты». Откуда, наконец, эти без счета повторенные сожаления, тоска, горечь о чем-то «счастливом», «хорошем», что было в «невозвратном» «былом», которое не вернется — «зови иль не зови»! Сама природа рубцовской элегичности во многом связана именно с этим чувством. Мудростью возраста, трезвым знанием невозвратности и еще той пришвинской «неоскорбляемой частью души», в связи с которой так пронизательно поставил Н. Рубцова В. Кожин, эта печаль смягчается, светлеет, но не изживается никогда. «Я вспоминаю былые годы. И я плачу...»

В стихах Рубцова нет конкретного образа умершей матери, он мог помнить ее лишь четырехлетним, самое большее — пятилетним ребенком. Но воспоминание о ней проходит через всю его лирику («Аленький цветок», «Березы» и др.), самый сокровенный рубцовский образ «тихой родины» связан с этим воспоминанием. И в стихотворении «Прощальное»:

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

«Родимая» — это, конечно, может быть и родина, и любимая, но мне кажется, что это именно мать. Такое понимание следует из контекста всей его поэзии и — шире — всей русской поэзии.

С детства вошли в наше сознание некрасовские строки о неизбывной материнской любви:

Но где-то есть душа одна,
Она до гроба помнить будет.

И ответное чувство может быть — не могу сказать: равным по силе, но тоже вечным и неутешным, и с ним уже невозможна в жизни прежняя безмятежность:

А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы!

Остроте этого чувства положен самой природой предел, и превысить его невозможно, за ним только гибель:

Там поле, небо и стога,
Хочу туда,— о, километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

В нескольких стихах Н. Рубцова обнаруживается и еще одна очень личная его болевая точка — память о юной любви. «Была ли это девочка нежная» из «города зеленого и тихого» — древней Тотьмы, а вернее,— кто-то позднее — сказать трудно. Полудетской душе, смутно помнящей материнскую нежность и материнское самоотречение, естественно искать схожих чувств в своей избраннице. Обман здесь может быть особенно страшен... Можно только догадаться о трагедии души, осиротевшей дважды. И только с этой догадкой понять болезненную несбыточность надежд найти «зеленый» (не настоящий!) цветок:

Взойдет любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!

Говорят: поэзия Рубцова «тихая», даже «кроткая». Но не чужеродно звучит в ней и такой мотив:

И снова узкие
Дороги скрещены,—
О эти русские
Распутья вещице!
Взгляну на ворона
И в тот же миг
Пойду не в сторону,
А напрямик...

Для того, кто вдумчиво прочитал рубцовскую лирику, в этой решимости идти «напрямик» при виде зла не открывается ничего неожиданного.

Перечитывая многие стихи поэтов Русского Севера, о которых уже шла здесь речь и будет еще впереди, думаю вот о чем. Никто не знает, когда придет поэт, художественной мысли которого будут подвластны и земля, и человек, и прошлое, и настоящее — все сферы общественного и духовного бытия, поэт всеобъемлющей, пушкинской широты. Но только ум ленивый или недобросовестный может равнодушно не замечать в современной поэзии деятельной гражданственности в осмыслении трудности, а иногда и философской глубины. Гражданственность самого высшего — некрасовского — толка, сосредоточенность на одной, главной, думе, ставшей радостью и болью, — все это родовые черты поэтов, которых не в столь давнем прошлом дала Смоленщина, которыми и теперь не оскудела земля Русского Севера.

Люди от этой земли, от нее получившие свое слово и ей отдавшие его, — поэты, которым посвящена эта статья.

Если бы необходимо было выбрать эпиграф к их творчеству, то, вероятно, наиболее точно выразила суть его вот эта некрасовская строка: «Одна любовь сказаться в ней (в поэзии. — О. А.) успела, — к тебе, моя родная сторона!»

Никогда никому из них не пришло бы в голову считать землю ценностью статичной и внесоциальной, как нелепо было бы думать такое тем же псковским, новгородским или вологодским мужикам, которые корчевали, холили и засевали эту землю, а при необходимости (не столь уж редкой) шли ее защищать.

На определенном рубеже духовной зрелости и один человек, и целое общество обращаются к своей родословной. Судьбы прошедших крестьянских поколений, не записанные в генеалогические книги, не скрепленные гербовыми печатями, остаются неизвестными для их потомков уже во втором или третьем поколениях. И тем бесценнее для памяти народа то малое, что удастся сохранить. Родословная «сеятеля и хранителя» земли только некрасовскому Оболту-Оболдуеву, происходившему из «соловья благородного» и «роду именитого», могла показаться пустым и нелепым делом.

О жизни и смерти рядового крестьянина, о его простой биографии, в которой тем не менее «размахистость века отозвалась», вместились и две мировые войны, и «Европа... с десятком столиц» («Ну что же, — сказал, — утихла страда,

но мы нигде не клонились ниц!»), говорит Александр Романов в стихотворениях «Батько Василий» и «Завещание». О его работе, вершимой не только ради хлеба, о том, что не накопилось богатств в мужицкой избе,— плотницкий инструмент да завернутые в шинельный лоскут именные часы с вырезанными крест-накрест винтовками. В таких людях видит поэт «корень жизни», как названо одно из его эпических стихотворений.

Любовь к земле связана прежде всего с любовью к ее людям — близким и неблизким, именитым и безвестным, современникам и давно отжившим. Бережность в сохранении их трудовых судеб, характеров, языка не изменяет ему с годами.

Родной язык — держава.
И даже мудрый Даль
Не всю в словах обшарил
И глубину, и даль.

Характер душевно близких поэту людей часто открывается именно в языке, в складе речи, их монологам он щедро отдает место во всех своих книгах.

— Не ходи, Олексан, на болото,
Не ходи, дорогуша, один.
Неужели погибнуть охота
Посреди проклятущих лядин.

В этой простодушной речи, в милом северном говорке — «граненные веками алмазные слова», в них и характер старой северянки.

Вот и «пахарь по прозвищу Еня», живший «в рябиновой нашей деревне... лет полтора назад» и отнюдь не благоденствовавший в своей «избушке-вползушке», и поныне помнится людям своим неунывающим присловьем: «А жить-то не худо! Добро, что родились на свет».

Встреча с одной землячкой передана поэтом в выразительном диалоге:

— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята.

Характер виден и здесь. Сама природа дарования А. Романова такова, что заставляет его видеть в мире и в людях

в первую очередь светлые, жизнеутверждающие стороны. Поэтому такой заразительной радостью полно описание обеда в знакомой семье, где за «солнечный борщ» садятся «по правую руку — пять сыновей, по левую руку — четыре дочери».

И не было здесь, за дружным столом,
Ни роскоши и ни бедности.
Но в тесном кругу, но в соседстве таком
Всем отлично обедалось.

В той душевной щедрости, с какой поэт рисует портреты живущих или живших на его земле людей, конечно, и его собственный характер, даже большее, чем характер,— выношенное, ставшее важным мировоззренческим принципом убеждение:

Переполнен весь любовью
К людям, к миру, к небесам,
Меж ушедших и живущих
Я — единое звено.
Счастлив я, что в мире существе
Мне любить еще дано...

Более чем любое другое чувство для А. Романова характерно ощущение такого единства. «В глуби тысячелетий прямой и трудный корень мой» — с этой мыслью его поэзия обретает масштабность, социальную и историческую объемность. Этой мысли часто подчинены и образно-художественные средства: березы — «словно письма далеких предков, свернутые в трубки»; в стихотворении «Две реки» пристальному взгляду открывается, как рядом две реки «издалека текут», связывая воедино жизнь селившихся на их берегах поколений людей.

Это так — ощущение крепкого родового корня дает силу и достоинство героям поэзии А. Романова.

Основа этих качеств народного характера в не изменяющей ему способности одолевать собственные заботы и трудности и, более того, — в способности всей душой отозваться (и не от лишнего достатка) на трудности других, что и называем мы нынче чувством пролетарского интернационализма.

Это чувство, согласное с принципами народной нравственности, бескорыстная отзывчивость народной души с убедительной художественной силой выражены в стихотворении «По воле нашего парткома». Прибегая к привычной для

себя форме монологического раскрытия характеров героев, поэт сначала дает слово «тете Глаше», и она высказывает то, что таится в задумчивом молчании ее односельчан: «Он, может, сам живет не очень, порою нелегко живет, но долей младших озабочен — уж так завел у нас народ...» А потом вступает в разговор и сам автор со своим писательским, публицистическим словом, итожа отношение к тому, что открылось ему в своем народе:

Ему неслыханно близка
Живущих в землях тридевятих
И боль, и радость, и тоска,
И я дивлюсь его любовью,
Его терпением дивлюсь,
И я горжусь, что эту долю
Несет достойно наша Русь!

Если бы даже ничего больше не сказал поэт об этих людях, то все равно он сказал бы о них главное.

Лирика А. Романова сильна полнотой связей с людьми, искренностью внимания к их жизни. В ней мы найдем и поистине есенинскую нежность ко всему живому (превосходное стихотворение «Жеребенок!»), и к природе северного края.

И Рубцов, и Фокина, и Романов — дети погибших на войне солдат. Путь их к высотам поэзии был непрямым и нелегким. Обстановка, отнюдь не побуждающая к ранним занятиям изящной словесностью, окружала их в избе или в детдоме, где они росли. Зато в самой природе, в языке односельчан поэзии было с избытком. Зато разбужена была самой жизнью и им «дарована природой способность к состраданию» (В. Астафьев) — первое и неперемutable условие, созидающее художника.

И поэтому выбрала, например, Ольга Фокина профессию медсестры, но поэзия — выбрала ее!

Говоря о поэтах Российского Нечерноземья, часто употребляют слово «традиция». Да, при всей разнице поэтических индивидуальностей многие из них, в том числе те, о которых было сказано здесь, традиционны в своем отношении к той устойчивой системе нравственных ценностей, которые отразила классическая литература, которые обеспечили ей мировое признание. Но вот тревожная мысль: не торопимся ли мы иногда объявить новаторской поэзию, которая нарушает именно нравственные устои классики?

Писатели, бессильные выразить в слове реальную земную красоту, глубину и неисчерпаемость обыденной жизни,

во все времена прибегали к литературному шарлатанству.

Стремясь к самоцельной, нарочитой оригинальности, они считали возможным перешагнуть, миновав событийно-бытовой пласт, 'достичь сразу отвлеченно-философского, вечного. И... шагали в пустоту, когда есть «трещина мысли», но не обнаруживается сама мысль. Стремилась к символу, который предстоит расшифровать. А захочется ли читателю расшифровывать? Поэзия, как было верно замечено, действительно не ребус. Она сильна непосредственным эмоциональным воздействием.

Этот вопрос имеет еще один важный — уже для самой личности автора — аспект. Нарушается нравственная соразмерность формы и содержания, личность эта желает казаться больше самой себя. Это нарушение рассматривается и рассматривалось отечественной мыслью как нравственная деформация. А искусственность на нашей земле всегда была символом пошлости. «Быть, а не казаться!» — нестареющий моральный завет.

Целью этой статьи было, в частности, и попытаться показать, как самое будничное, обыденное, житейское обретает под пером любимых мною поэтов высший, непростой смысл.

Удалось это, нет ли, но сам факт этого для меня бесспорен. И все же снова и снова твердят о «простоте», «непритязательности» и прочем. Хотя простота, если ее понимать правильно,— бесценный дар. Ведь и художественность нашей классической литературы была, как сказал И. А. Бунин, *великая в своей простоте.*

Ирина СТРЕЛКОВА

ВЫБОР ПУТИ

*Вопрос о том, кому строить новую деревню,
и детская литература*

Не встречала на свете земли прекрасней, чем та, где родилась, чем наша среднерусская полоса. Мне пришлось много лет прожить вдалеке от родных мест, там были величественные горы и не менее величественные пески, а мне так недоставало обыкновенной проселочной дороги, бегущей обочь клеверного поля, ныряющей в глубь веселого березняка. Нигде на свете не встретишь таких озорных петлистых дорог, потому что нигде не разбросаны столь вольно холмы, овраги и малые речушки, перегороженные земляными плотинами, а по плотинам — старые ветлы, а за плотинами — старые парки с дубовыми, с липовыми аллеями.

Любимая моя земля освещена для меня с детства не только особым нашим северным небом, льющим мягкий свет, но и великими творениями русской литературы. Земля, воспетая Пушкиным, Некрасовым, Толстым, Тютчевым, Чеховым, Блоком, Есениным, Пришвиным...

Когда наша средняя полоса, наше Русское Нечерноземье стало возрождаться к новой жизни, как сильно, как остро мы ощутили его славную историю, его великую роль в судьбе России, с каким новым пониманием стали перечитывать наших классиков, с какой настойчивостью устремились на поклонение нашим святыням — в Михайловское, в Карабиху, в Суздаль, в Белозерск, на Куликово поле, в Бородино. А те, у кого есть свои родные деревеньки, устремились туда, к своим истокам.

Очень хорошо об этом сказано у Николая Рубцова в стихотворении «Родная деревня»:

Хотя проклинает приезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу.

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приедем по следу
В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

Строки эти написаны давно, однако и сегодня, когда уже совершилось столько перемен в жизни нечерноземной деревни, когда она постоянно ощущает общественное внимание, отток молодых сил из деревни не прекратился. Конечно, лучшие, крепчайшие хозяйства умеют удержать юношей и девушек квалифицированной, высокооплачиваемой работой, благоустроенными квартирами, перспективой купить «Жигули» и т. п. Но в целом село продолжает «стареть», число жителей убывает. Например, в Пошехонском районе Ярославской области за год население уменьшается на тысячу человек. Я видела, что тут делается на автостанции и на пристани воскресными вечерами. Билета на автобус до Рыбинска, на «Метеор» до Ярославля не достанешь — возвращаются в города гостевавшие в деревнях два выходных дня взрослые дети. Упрекни их в нелюбви к родной деревне, к родной земле — обидятся не на шутку. Да если бы не любили свою «Николу», так и не приезжали бы на выходные! Но коли любите, так отчего же тогда не остались работать в колхозе, отчего уехали? Так ведь и в городе мы не гуляем от понедельника до пятницы — работаем! В городе тоже люди нужны. Да вон, поглядите, на стенке Пошехонского автовокзала, на воротах пристани сколько объявлений! Рыбинску требуются ученики в кулинарное ПТУ, Ярославлю — на курсы монтажников-верхолазов... Это что, вражеские заманки?

Труднейшие задачи задает наше время выпускнику сельской школы! Вот как рассуждает над своей задачей героиня

повести В. Исакова «Зеленые горы», разговаривая с городским подростком:

«— Почему так? Родился человек в городе — ему одна жизнь, в деревне — другая. Неужели так всегда и будет?

— Как?

— Ты городской, тебе не понять, — с болью сказала она. Помолчала, но, боясь обидеть его, решила смягчить свои слова: — Ну вот, читаешь журнал или смотришь кино — другие делают открытия, занимаются спортом, ездят за границу. А у нас что? Я вот даже в театре никогда не была. Смешно, да?

— Подумаешь, чего тут смешного? Многие всю жизнь живут в городе и не знают, где эти театры.

— Ну да! — искренне удивилась Татьяна. — Я бы, кажется, каждый день ходила в музеи, на выставки... У меня дома вои гора книг про музеи. Хочешь — приходи посмотреть!

— Вот видишь! — рассмеялся он. — Теперь любой музей, если хочешь, можно купить или посмотреть по телевизору. Какая разница, где жить — здесь или в городе? Сейчас везде одинаково. В деревне хоть никто не толкается и бензином меньше пахнет.

Он не любил серьезных разговоров и сводил все к шутке, но Танька не улыbnулась. Что-то мучило ее.

— Мне кажется, настоящая жизнь идет где-то там, а мы только смотрим ее по телевизору, — грустно сказала она. — Чего плохого, если я поеду в город, поступлю учиться? Ведь не присужден же человек жить, где родился. Ну, не получится — вернусь обратно. Зато не буду жалеть, что ничего не попробовала, не испытала».

Эту девочку надо понять. Иначе все наши воспитательские принципы пойдут прахом и останется одна демагогия. Да, человек не присужден жить, где родился. Слава богу, что Михайле Ломоносову достало отваги уйти из родной деревни. И тысячам, миллионам после Ломоносова, — ставшим рабочими, инженерами, летчиками, писателями. Наша Конституция, гарантируя выбор профессии каждому, гарантирует возможность поиска, испытания своих сил. И надо, чтобы сегодняшняя деревня населилась теми, кто выбрал труд на земле по своей горячей охоте, по призванию, по таланту земледельца. В повести Ивана Васильева «Первая весна» об этом очень мудро говорит колхозный бригадир Рыбаков. «Лохвачев не крестьянин, — говорит бригадир молодому механизатору Кольке Глазову про его друга Вить-

ку.— Не выйдет из него земледельца. Пойдет в армию и не вернется. Нет в человеке жилки, и ничего тут не сделаешь. А у тебя есть. На земле будешь работать. Отслужишь и опять придешь».

Из повести «Первая весна» ясно, что Колька Глазов своим призванием обязан семье, прежде всего матери, прославленной трактористке, а у Витьки мать человек пустой, никчемный. В одном из недавно опубликованных очерков Иван Васильев еще определенной говорит о тех, кто выбрал работу на земле. Писатель не согласен с расхожим мнением, что годами из деревни в город уходили самые энергичные люди. Он убежден, что, напротив, самые энергичные оставались на земле. Где родился, там и пригодился, есть у родной почвы волшебные соки. А уж теперь-то, конечно, труд в сельском хозяйстве должен обрести большую притягательную силу, стать более престижным — новая техника, новые профессии, новые возможности проявить себя для молодого человека... Только он, конечно, уже не крестьянин, нет, он сельский рабочий, сельский специалист, сельский интеллигент...

Сталкиваясь со сложными проблемами выбора пути, сельский школьник обращается за советом к литературе. Конечно, не только к книжкам про нынешнюю деревню — ко всей великой литературе, к Пушкину и Есенину, к Толстому и Шолохову. Но книги о нынешней деревне новые, только что отпечатанные книги, прочитываются с особым пристрастием, с огромными надеждами открыть там самого себя — так что не дай бог такой книжке попытаться слукавить, соврать, выдать желаемое за действительное, тут самые благие намерения автора могут дать самый противоположный результат.

В литературе для детей есть два имени, которые не следует забывать, говоря о деревенской теме: Любовь Воронкова и Алексей Мусатов. Многим поколениям юных читателей книги Любови Воронковой и Алексея Мусатова открывали красоту труда на земле, радости сельской жизни, показывали, как рано сельские дети приобщаются к делам и заботам взрослых. Эти книги — не о сегодняшней, а о вчерашней деревне, о деревне, в которой выросли отцы и матери нынешних школьников, — не утратили своего значения и по сей час, даже, быть может, обрели новую популярность. А если где-то про них успели позабыть, то есть смысл и

напомнить — правдивые книги для детей о деревне первых лет коллективизации, о послевоенной деревне сделались сегодня уже и книгами историческими, воспитывающими уважение к прошлому, о котором Шукшин, обращаясь к своему молодому читателю, писал: «Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку».

Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Новое поколение писателей, творчество которых неразрывно связано с деревней, пришло в детскую литературу с новыми идеалами. Нетрудно установить, что нынешние книги о деревенском детстве написаны под влиянием «деревенской прозы» — оставим это название потому, что оно уже привилось, и еще потому, что, звучавшее поначалу пренебрежительно, это название теперь стало означать серьезнейшее явление нашей культуры, когда из глубин России явилась целая плеяда талантливых писателей, сказавших свое слово о прошлом, настоящем и будущем. И надо сказать к чести детской литературы, что она тут оказалась чуткой, не проглядела «деревенскую прозу», отыскала в ней произведения, которые можно и нужно издать яркими книжками с картинками — так появился детский Виктор Астафьев («Конь с розовой гривой» и «Дядя Кузя, куриный начальник»), детский Федор Абрамов («Из рассказов Олены Даниловны»), детский Василий Белов («Рассказы о всякой живности»), так появились книги для детей Евгения Носова, Василия Юровских, Владимира Ситникова...

Примечательно, что в практике наших детских издательств случилось нечто парадоксальное: художественная проза на актуальную тему преобразования Нечерноземья появилась в планах раньше, чем публицистика, вернее, так называемый *самотек* определил заказанную издательством литературу... Что ж, талантливый художник и должен раньше других слышать — от самой жизни — социальный заказ.

К сожалению, наша критика еще мало писала о новом поколении детских писателей, посвятивших свое творчество деревне, ее детям и, значит, ее будущему, которое вырастает из прошлого и настоящего. С кого начать автору этой статьи? Да, наверное, со Станислава Романовского, первые рукописи его мне довелось рецензировать для издательства «Детская литература».

Он родом из военного детства, и первые его повести и рассказы были проникнуты той силой деятельной доброты,

которую открывала для себя в пору лихолетья чуткая детская душа. Есть у Станислава Романовского прекрасный рассказ о девочке, писавшей письма на фронт чуть ли не для всей деревни, потому что людям верилось, будто ее детская рука приносит счастье, те фронтовики, кому доходят написанные ею письма, не погибнут, спасутся от пули. Странная, почти мистическая и очень правдивая история. Романовский и дальше будет писать о необыкновенном, удивительном и очень простом, о том, что может открыться во всей своей прозрачной глубине самому юному существу, чтобы помнить потом всю жизнь. Он начинал, не подозревая, не прозревая в себе писателя истинно детского, а сейчас две его книжки («Мама уехала за озеро» и «Три встречи») изданы даже для дошкольного возраста.

У выдающегося педагога нашего времени В. А. Сухомлинского есть такие слова о воспитании человека: «Природа — благодатный источник воспитания человека. Но с познания природы лишь начинается становление ума, чувств, взглядов, убеждений. Человек живет в обществе, и в сущности вся его жизнь представляет из себя отношения, в которые он вступает с другими людьми». Здесь педагог точно сформулировал то, что пронизывает все творчество детского писателя Романовского. Маленький Алеша из цикла рассказов «Мама уехала за озеро», Варя из повести «Пушка из красной меди», все другие юные герои Романовского учатся чутко слышать жизнь реки, леса, травы и учатся жить среди людей. Отношения ребенка со взрослыми — классическая, вечная и самая трудная тема литературы для детей. Сейчас в нее вместе с необходимой правдой жизни занесено немало мелкого, случайного житейского мусора, а иной юный герой только и занят подглядыванием в щели за собственными родителями. Наверняка где-то есть и такие дети. Но Романовского интересует здоровое чистое детство, его деревенские ребята видят все реалии жизни, нередко сталкиваются со злом, но есть у них ранняя стойкость души, которой они обязаны прежде всего своим родителям, своему роду-племени, той земле, на которой живут, тем хорошим людям, которые рядом с ними зримо и незримо творят добро для других. Вот как писатель рекомендует своих героев во вступлении к книге «Гусиный остров»: «На моей земле живут, бедуют и радуются мальчишки и девочки. А ведь хорошие люди всю жизнь — мальчишки и девочки. Это только со стороны думаешь, что человек вырос и стал совершенно другим, но внутри, про себя, он остался

тем, кем был раньше,— мальчишкой, честным, отважным человеком.

Просто с годами он стал больше знать и еще сильнее любить свою родную землю».

Здесь известные слова Достоевского о том, что человек всю жизнь ориентируется на воспоминания о своем детстве, как бы повернуты от взрослого понимания к детскому: знай с малых лет, что ты уже делаешь сам себя, и каким сделаешь, таким и останешься на всю жизнь. Это может быть сказано только при условии глубочайшего уважения к ребенку. И сказал это бывший сельский учитель Романовский, которому близки и дороги все дети мира, но знает он их прежде всего через сельских ребятишек. Книги Романовского, попадая к читателю дошкольного или младшего школьного возраста, формируют правильное отношение к человеку деревни, к труду на земле, к жизни в деревенском обществе, где все друг друга знают. Возможно, что детская книжка, прочитанная в первые школьные годы, когда-нибудь подвигнет коренного горожанина избрать себе профессию сугубо деревенскую и поселиться поближе к природе. Да, возможно. Но уж деревенским-то ребятам очень нужны в раннем детстве вот такие книжки про собственную, увлекательную жизнь — чтобы уберечь от ощущения, что «настоящая жизнь идет где-то там, а мы только смотрим ее по телевизору». Деревенским ребятам, наверное, вообще полезны не столько книжки целевого назначения, изображающие конкретные задачи, стоящие перед юным поколением деревни, сколько книжки, приобщающие читателя к размышлениям и над такими понятиями, как общение человека с природой, как любовь к малой родине, как чувство земли-кормилицы...

Мы не станем стрелять оленя,
когда утром счастливым осенним,
разминая упруго колени,
выбегает он гордо к лугам,
раздувает влажные ноздри,
тянет зыбкий сентябрьский воздух,
запрокинувши к утренним звездам
наливные тугие рога.

Эти стихи Юрия Куранова были напечатаны много лет назад в коллективном сборнике, изданном тогда еще «Детгизом». Сейчас Куранов пишет прозу, его повесть «Глубокое на Глубоком» признана критикой как одно из лучших, ярчайших и смелых произведений о современной деревне Не-

черноземья. А в издательстве «Детская литература» вышла книга коротких рассказов и миниатюр «Дождевая россыпь». Вот какой пишет Юрий Куранов деревенскую ночь:

«В житнице по сусекам замерла рожь. Рожью пахнет прохладно и тонко, словно свежим железом. Дверь приоткрыта, слышен лес, где-то лает лисица, и на далекой ниве сонно замирает последний комбайн.

...Дождь так и не соберется. Облака рассеются к утру, по логам и опушкам осядет туман. При рассвете на травах, огородах, березах до самого неба вспыхнет роса. И даже трактор возле правления по всему сбитому телу облит росой, словно потом».

Будь я учительницей, я бы давала ребятам переписывать такие вот строки из книги Куранова, и ребята бы сами, без моих подсказываний, понимали единство родной речи и родной земли.

Вот еще одна миниатюра. Сначала про ель. «Сухая ель — доверчивое дерево». Потом: «Из ели здесь рубят дома». Подробно и поэтично описана изба с русской печью: «В таких домах красочно звучит людская речь, а весной и осенью не держится сырость». Дальше про деревни, про умение «построить все-так, чтобы и жизнь и работа были сподручны и просты». И тогда уж очень серьезный разговор с читателем — книга издана для ребят среднего и старшего возраста.

«Чтобы воспитывать себя, ценить себя и уважать по достоинству, нужно знать свой характер. Для этого необходимо помнить, откуда он пришел, где шел, из чего складывался. То же самое можно сказать и об отношении к жизни целого народа. Ведь характер народа нашего складывается и продолжает складываться из сходных в общем, но богато разнообразных в частностях характеров москвичей, ростовчан, даурцев, олонечцев, туляков и многих других. Если город близок к тому новому, что рождается нашим общим разумом ежедневно, ежечасно, то деревня стоит на истоках, которые питают нас живительнейшими соками прошлого народа, живой водой нашей природы. А разве жилища не определяют характер и жизнь человека? Разве не говорят нам парящие крыши древних китайцев о высокой поэтичности их строителей? Разве не рассказывает золотисто-зеленый сумрак хижин тайтян о благородной живописности их обитателей? Мы строим дома, дома строят нас».

Если оценивать лирическую прозу Юрия Куранова, выискивая лишь внешние черточки современности — трактор,

комбайн и т. п., то может показаться, что автор пишет какую-то вчерашнюю, вечную деревню. Но это совсем не так. Мысль Куранова остросовременна, он обращается в своих рассказах и миниатюрах к поколению, которое благодаря современным средствам информации с малых лет постигло, как велика наша планета, к поколению, возросшему на «почве для культуры», созданной, как о том мечтал Ленин, самым широким народным воспитанием и образованием.

Есть у Василия Юровских в книге для детей «Материнское благословение», вышедшей в превосходном оформлении художника Н. Устинова, рассказ о девочке, увидевшей под нависью черемухи светло-желтую головку купавочки:

«Давно ли она охала и всплескивала ручонками на цветочную разноцветь клумб. А увидела в лесу купавочку — замерла, не наглядится на нее. И чудятся ей сказки, и русский край в песенной звени ей видится...»

Благородную задачу открыть ребятам красоту и мудрость родной природы поставил перед собой автор книги «Семицветик» Константин Яковлев. Начинается книга с главы «Самая светлая», с березы. «Без нее будто нет и России. И хоть на полмира почти разбежалась — по Европе и Зауралью, по казахским, алтайским степям, по долинам Канады, — русским людям чуть ли не в герб вплелась. И не потому ль извечно береза в песнях наших, старых и новых, то ли радостных, с присвистом, гиком, с девичьей нежной примолвкой «ай люли-люли», с мудрым ли раздумьем или бьющей по сердцу слезой — со всем, чем полнился, чем звенел каждой струной и струночкой, о чем плакал и в чем ликовал человек».

Книга Яковлева — это поэтическое природоведение, природовидение. Она раскрывает ребенку тайны растений, лесного зверья, птиц и рыб, оставляя в то же время что-то неразгаданным. Так может писать только человек, тонко чувствующий природу детства. У нас что-то многовато стало детских книг по экологии, которые насыщают ум полезными знаниями, но до сердца детского не доходят. «Семицветик» Константина Яковлева воспитывает детские чувства, дает человеку с малых лет ощутить свою связь с родной землей. А взрослому при чтении этой книги вспоминается Николай Рубцов:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Русская литература всегда была пейзажна, потому что Россия наделена прекрасными полями, лесами, реками, потому что в характере нашего народа заложено одухотворение матери-земли. Отсюда восприняла наша педагогика воспитательное значение стихов, которые заучивались наизусть дедами, заучивались нами, а теперь на этой классической поэзии о русской природе воспитываются — и будут всегда воспитываться! — новые поколения. И конечно, всегда будут рождаться новые книги для детей, повествующие о родной-земле. Об их роли в формировании взглядов нынешнего поколения можно, например, судить по письму в «Комсомольскую правду» двадцатилетней студентки зооинженерного факультета Костромского сельхозинститута Зины Саенко. Она пишет о книге «Запах клевера» В. Мазурина: «И хорошо, что книга убеждает в том, что как бы человек ни рвался в город, для него всегда и везде самым дорогим и важным остаются родная деревня, деревенский дом с рябиной под окном, клеверные луга». Для автора письма — это не просто восторженные слова. Пишет человек, воистину убежденный, избравший себе новую сельскую профессию — не просто будущий инженер, а зооинженер.

Содержание

Валерий Дементьев. Мир человека и земля. Предисловие 3

Наше писательское слово

Юрий Бондарев. Учиться любви к земле 12

Сергей Викулов. О такой большой работе. *Проблемы Нечерноземья в современной литературе* 15

Николай Доризо. Земля России 36

Александр Романов. Поле нашей жизни 52

Владимир Корнилов. Познание сути бытия 55

Виктор Полторацкий В потоке жизни 63

Юрий Грибов. Главное — человек! 70

Алим Кешоков. Поступь времени 73

Михаил Годенко. Хлеб и стихи 78

Семен Шуртаков. Жизнь и литература 82

Анатолий Алексин. Юность — счастье земли 96

Культура и современность

А. С. Дрыгин, первый секретарь Вологодского обкома КПСС. Когда к земле приложишь руки... *Заметки о культурном строительстве в Нечерноземье* 104

Николай Плахотный. У очага культуры 128

Владимир Иванов. «Спой мне, спой, Прокошина...». *Рассказ об энтузиастах сельской культуры* 141

Владимир Старостин, директор совхоза «Андреевский» Владимирской области. Так кто же он, новый крестьянин? 149

Глубинные пласты

В. И. Конотоп, первый секретарь Московского обкома КПСС. Дорожить землей!	156
Василий Белов. Пути-дороги. <i>Каким быть селу</i>	173
Ольга Фокина. Вместе с родимым полем	179
А. П. Петров, секретарь Чувашского обкома КПСС. Любить землю, помогать земле	183
Леонид Иванов. Секрет успеха	187
Владимир Ситников. Каков запрос?	192
Михаил Вагин, председатель колхоза имени Ленина Горьковской области. На подъеме	213
Юрий Сбитнев. О земле, на которой живу	219
Иван Васильев. Живая нива. <i>Полемические заметки</i>	236
Иван Синицын. Неподнятая целина	266
Михаил Алексеев. Ломоть хлеба	286

Поверяя заботой о земле

Юрий Селезнев. Помни!	292
Андрей Островский. Быт и бытие в российской прозе. <i>Заметки о книгах писателей Костромы, Калинина и Рязани</i>	306
Ольга Гуссаковская. Литература — всегда столичная	318
Виктор Синицын. Нечерноземье и литература	329
Ольга Авдеева. Заветы. <i>Природа и характер в поэзии О. Фокиной, Н. Рубцова, А. Романова</i>	336
Ирина Стрелкова. Выбор пути. <i>Вопрос о том, кому строить новую деревню, и детская литература</i>	354

Нечерноземье — забота общая
Проблемы литературы и культуры

Рецензент *В. Чалмаев*
Редактор *К. Евграфов*
Художник *В. Сергеев*
Художественный редактор *Г. Саленков*
Технический редактор *В. Юрченко*
Корректоры *В. Дробышева, Т. Воротникова*

ИБ № 2196. Сдано в набор 07.04.83. Подписано к печати 16.09.83. А06710.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 10 000 экз.
Заказ 177. Цена ~~1 руб. 10 к.~~

3 = 70

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Отпечатано с набора Экспериментальной типографии,
Москва, Цветной бульвар, 30 на Книжной фабрике № 1.
Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
(144000, г. Электросталь, ул. Тевосяна, 25).

Н81 **Нечерноземье — забота общая: Проблемы литературы и культуры**/Сост. Е. Языкова; Отв. ред. и авт. предисл. В. Дементьев.— М.: Современник, 1983.— 365 с.

В пер.: 1 р. 10 к.

Сборник составили статьи, очерки, выступления видных партийных и общественных деятелей, прозаиков, поэтов, критиков, посвященные проблемам Нечерноземья. В центре внимания авторов — Продовольственная программа, принятая майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, ключевые задачи аграрно-промышленного комплекса, социально-культурного развития села и художественной литературы, отражающей жизнь современного Нечерноземья.

Н 4603010102—301 286—83
 М106(03)—83

БК83.3Р7

8Р2